5/58

323.2(47)
т

ЦЕНТРАРХИВ

ДВ
М 43
5/58

МЕЖДУЦАРСТВИЕ 1825 ГОДА И ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

В ПЕРЕПИСКЕ И МЕМУАРАХ ЧЛЕНОВ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

ПОДГОТОВИЛ К ПЕЧАТИ
Б. Е. СЫРОЕЧКОВСКИЙ

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
Инв. № 59731
4
Тит (411) (046)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

0.3.
4037976

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
Исторический

Гиз № 11362. Ленинградский Гублит № 16593. 15½ л. Отпеч. 5.000 экз.
Типография „Печатный Двор" Ленинград, Гатчинская, 26.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящее издание имеет своей задачей дать в одном сборнике записи членов царской семьи о событиях, сопровождавших воцарение Николая I, о продолжении этих событий — о следствии и о суде над декабристами, и об их финале — казни 13 июля 1826 года. События декабря 1825 года могут быть поняты только при внимательном изучении взглядов, стремлений и действий обеих столкнувшихся сторон — поднявшей знамя революции и защищавшей старый строй. В силу этих соображений сейчас, когда в связи с исполняющимся столетием со дня 14 декабря 1825 г. оживляется интерес к изучению истории декабристов и публикуются материалы, рисующие *их* движение, представляется нелишним собрать в одной книге раскиданные по разным изданиям записи о событиях 1825—1826 гг. также и той группы лиц, которая волею судеб поставлена была в центре *другой* стороны, подвергшейся натиску революции и на этот раз его отбившей. Выпуск такого сборника представляется тем более целесообразным, что послереволюционные условия открыли возможность присоединить к известным уже материалам некоторое количество документов, в печати еще не появлявшихся.

Материалы, включенные в настоящий сборник, представляют записи трех родов: воспоминания, дневники и письма. Воспоминания и записи дневников относятся преимущественно к событиям ноября—декабря 1825 г., т.-е. к междуцарствию и к восстанию декабристов. Письма отражают события как этого периода, так и последующего, т.-е. месяцев, занятых следствием, судом, казнью декабристов и коронацией Николая.

Во главе воспоминаний—и всех вообще материалов сборника—следует поставить собственноручные записки Николая I об обстоятельствах его воцарения. Написанные живо и не без искусства, они являются источником первостепенной важности. Они, как известно, легли в основу книги Корфа о 14 декабря и являются основными из тех документов, на основании которых создавалась официальная версия о событиях 1825 года. К этим запискам примыкают заметки и дополнения, сделанные Николаем в разное время на полях рукописи Корфа, которую автор представлял на высочайшее одобрение в нескольких последовательных стадиях своей работы над ней. Часть этих заметок использована была в тексте работ Корфа и Шильдера; полностью они появляются здесь впервые. Помещаемые далее записки Михаила Павловича в свое время были опубликованы в печати[1]); как известно, они представляют запись его рассказов о событиях 1825 года, сделанную Корфом и просмотренную и исправленную самим рассказчиком. К той же группе относятся записи в дневниках Николая Павловича, Марии Федоровны и Александры Федоровны, публикуемые здесь впервые.

[1]) «Минувшие Годы» 1908 г., кн. 10, стр. 32 и сл.

Впрочем, записи в дневнике Николая Павловича за время междуцарствия обманывают ожидания. Как увидит читатель, это чрезвычайно мало содержательное и чисто внешнее перечисление встреч, выездов, приемов, всего времяпровождения за каждый день. Лишь изредка между этими мало говорящими отметками мелькнет более связная и содержательная запись. Правда, для дней ноября — декабря 1825 г. имеет значение уже и простое установление и учет бесед Николая с такими лицами, как Милорадович, Голицын, Мария Федоровна, Михаил Павлович, Бенкендорф, Адлерберг и др., — и определение хронологической смены этих разговоров. В этом отношении дневник может быть не бесполезен; говорить же об интересе вкрапленных в него более связных замечаний Николая, разумеется, излишне.

Что касается до дневников обеих императриц, то они хорошо дополняют мемуары мужчин, рисуя все происшествия в их интимном облике, а восстание изображая, так сказать, из окна Зимнего Дворца. Дневники ценны как памятники, современные событиям.

К этим записям членов царской семьи присоединены известные записки принца Евгения Виртембергского, племянника Марии Федоровны, генерала русской армии, очень близкого русской царской семье еще со времен Павла. Однако, в дни междуцарствия ему определенно дано было почувствовать, что он не совсем свой: он не был посвящаем в наиболее интимные тайны, которые были известны только трем братьям и двум царицам. Это его раздражало. Положение для него сложилось своеобразное: свидетель все же таких эпизодов и разговоров, о которых могли знать только «члены семьи», он в то же время до некоторой степени и свидетель со стороны. Его мемуары интересны поэтому не только рассказами о фактах, но и оценками событий, в которых он значительно расходился с Николаем и с официальной версией.

Среди писем, включенных в сборник, первое место опять-таки приходится отвести письмам Николая, центрального лица как в событиях, так и в переписке. В сборнике он проходит в переписке с четырьмя корреспондентами — с Константином, с матерью, с Михаилом и с сестрою Марией Павловной, и с каждым из своих партнеров ведет он переписку в ином тоне. Неискренняя и высокоторжественная декламация в письмахъ к Константину, среди которой, в форме самой почтительной, проскользнет и язвительный укол, сменяется в переписке с Михаилом тоном простой и дружественной беседы двух братьев. Письма к матери преисполнены утрированной почтительности и не лишенных ханжества благочестивых излияний.

По количеству писем и вообще исписанной бумаги первое место среди членов царской семьи за период с ноября 1825 г. по осень 1826 г., конечно, принадлежит Марии Федоровне. Она писала ужасающе много писем всем детям, писала Голицыну, Волконскому и другим придворным, писала за границу; письма ее, на горе курьерам, шли десятками в иные недели. Кроме того, она вела дневник. Но количество всех этих писаний отнюдь не уравновешивается качеством их содержания; они заполнены массой невероятных и скучнейших пустяков, каким-то мещанским вздором, пересыпанным сентиментальными вздохами и ханжескими причитаниями. На письма свои она обидчиво требовала ответов, и, надо полагать, обязанность поддерживать с ней переписку была одним из самых обременительных стеснений, которые во всю свою жизнь постоянно рассеивала вокруг себя эта во всех отношениях чрезвычайно беспокойная дама. Из монотонных писем и записей Марии Федоровны в сборнике дана лишь небольшая доля.

При распределении материала в сборнике представлялось прежде всего естественным поместить все мемуарные записи под ряд, отведя им

место в начале книги. К ним также естественно примыкают и записи дневников.

Письма составляют вторую часть книги. При печатании писем предстояло сделать выбор между помещением их группами по корреспондентам и публикацией их в общей хронологической последовательности. Второй прием как будто оправдывался замыслом сборника, дающего не целиком переписку тех или иных корреспондентов, а лишь выборку из их писем материала, относящегося к определенному кругу тем. Но такой порядок публикации разбил бы ту внутреннюю цельность, которую имеет переписка каждых двух корреспондентов, и которая все же, позволительно надеяться, сохранена и чувствуется и в той выборке, которая сделана для настоящего издания. Составитель сборника после некоторых колебаний остановился на решении промежуточном: письма в сборнике разбиты на две хронологические группы: в первой сосредоточены письма, относящиеся к ноябрю и первой половине декабря 1825 г., а остальные, отражающие время следствия и казни декабристов, составили вторую группу; при этом в каждом отделе письма расположены по корреспондентам. Особняком стоят несколько номеров из переписки Николая I с Константином Павловичем за последние месяцы 1826 г. и от 1827 г.: содержа ретроспективные оценки пережитого царской семьей за бурный год, они представляют как бы заключительный аккорд всех публикуемых материалов; — ими естественно было закончить весь сборник.

В приложении даны отрывки из писем императрицы Марии Федоровны к князю А. Н. Голицыну, который сплошь и рядом выполнял как бы роль посредника между нею и слишком занятым Николаем, получая поручения передать последнему те или иные соображения или просьбы матери как раз в связи с делом декабристов, в следствии над которыми, как известно, принимал участие и Голицын. Письма эти хорошо дополняют записи Марии Федоровны в ее дневнике и письма к ней Николая. Они интересны и сами по себе, по своему содержанию.

Все материалы, как известные уже в печати, так и вновь публикуемые, печатаются на основании архивных оригиналов, за несколькими исключениями, оговоренными в своем месте в примечаниях. Документы, писанные в подлиннике на французском и немецком языках, даны в переводах, выполненных, за одним исключением, специально для настоящего издания. Большая часть этих переводов выполнена научной сотрудницей Центрархива Е. А. Васильевой.

Все документы печатаются по современной орфографии, раскрыты сокращения отдельных слов и имен, исправлена пунктуация. Допущено лишь одно отступление от современного правописания: в текстах, написанных и в оригинале по-русски, сохранены характерные начертания, отражающие особенности старинного произношения, как щастье, перьвый, гранадер и др. Подстрочные пояснения помечены цифрами за скобкой; цифрами без скобки обозначены ссылки на примечания после текста книги.

Следует в заключение сказать, что чтение рукописей всех членов царской семьи представляло чрезвычайные трудности по неразборчивости почерков и потребовало большой работы. Почерк Марии Федоровны, особенно в дневниках ее, частью писанных карандашом и местами постершихся, иногда вовсе не поддавался ни прочтению, ни разгадкам; от публикации некоторых из ее записей пришлось поэтому отказаться, часть же публикуемых дать с пропуском нескольких неразборчивых мест.

Б. Сыроечковский.

I

ЗАПИСКИ И ДНЕВНИКИ

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ I О ВСТУПЛЕНИИ ЕГО НА ПРЕСТОЛ.

Собственноручные записки Николая I об обстоятельствах вступления его на престол хранятся в настоящее время в Москве в «Особом Отделе» «Архива Октябрьской Революции», в составе бумаг бывш. «Библиотеки Зимнего Дворца», под № 1394.

Они представляют рукопись, писанную карандашом, почерком Николая I, на больших нелинованных листах плотной писчей бумаги обычного формата. Рукопись состоит из четырех тетрадей. В первой заполнены 2 листа и начало 3-го (т.-е. 6 неполных страниц), во второй — 5 листов и первая страница 6-го (т.-е. 11 страниц). Бумага обеих тетрадей имеет один и тот же штемпельный знак «Императорской Петергофской Бумажной Фабрики» (с двуглавым орлом среди овала). Рукопись — довольно сохранная, лишь карандаш на первой странице первой тетради несколько постерся.

Третья тетрадь содержит 14 заполненных листов (т.-е. 28 страниц), и бумага ее той же фабрики имеет, однако, уже иной штемпель: с литерой Н под императорской короной, охваченной двумя скрепленными лавровыми ветвями. Карандаш в этой тетради зафиксирован гуммиарабиком, при чем жидкость наложена сплошь на всю поверхность листов; а сама тетрадь носит следы частого чтения и заметно потрепалась.

Четвертая тетрадь имеет 8 заполненных листов (т.-е. 16 страниц); карандашная рукопись также зафиксирована гуммиарабиком, но жидкость наложена не сплошь на весь лист, как в третьей тетради, а по строчкам. Рукопись хорошо сохранилась. Штемпель на бумаге иной, чем в предшествующих тетрадях: литера Н, окруженная по овалу надписью: «императорская петерг. бум. ф.».

Уже внешний вид рукописи наводит на мысль, что она составилась из трех разновременных по происхождению частей: первой в составе 1-ой и 2-ой тетрадей, второй — тетрадь 3-я и третьей — тетрадь 4-я. Данные текста и архивные справки подтверждают это наблюдение и вместе с тем дают основания для точной датировки отдельных частей рукописи.

В первой тетради (л. 1) Николай говорит, что приступает к запискам шесть лет спустя после событий, т.-е. в 1831 году. В конце 4-го листа он говорит, что с 1814 г., о событиях которого в этом листе он ведет рассказ, прошло уже 18 лет: указание на 1832 год. Таким образом написание первой части записок должно быть отнесено к 1831 или 1832 году.

На третьем листе третьей тетради Николай говорит, что он «и ныне после 10 лет» считает, что его «жертва» в 1825 г. была тяжелее, чем жертва Константина: совершенно определенное указание, что эта третья тетрадь записок была составлена в 1835 году.

Эти указания самого документа подтверждаются записью в дневнике М. А. Корфа за 1847 г. под 16 декабря. В этот день, по записи Корфа, на его уроке с Константином Николаевичем, посвященном историческому очерку русского престолонаследия, присутствовал наследник Александр Николаевич, который принес с собою и прочел Корфу и его ученику записки Николая I об обстоятельствах его воцарения. Записки оказались довольно объемистыми, потребовалось $1^1/_2$ часа на их прочтение; начинались они изложением известного разговора Александра I с Николаем и его женою летом 1819 г. в лагере под Красным Селом (т.-е. со второй тетради нашей рукописи) и заканчивались описанием событий 14 декабря (т.-е. третьей тетрадью). Наследник сообщил своим слушателям, что записки эти составлены Николаем в два приема — в 1831 и 1835 годах.

Дата составления четвертой части (тетради) записок устанавливается на основании другой записи в дневнике Корфа — под 20 февраля 1848 года. Корф записывает здесь, что на балу у Клейнмихеля Николай, разговаривая с ним о только что законченной его работе о 14 декабря, сказал ему, что, прочтя ее, он «написал и еще несколько листов о дальнейших происшествиях, но... уже только более для памяти в семье». За несколько дней до того, 11 февраля, наследник говорил Корфу о том же, при чем из соответствующей записи Корфа видно, что эта новая записка Николая I посвящена была описанию ночи с 14 на 15 декабря, т.-е. теме четвертой тетради рукописи «Библиотеки Зимнего Дворца», которая, следовательно, была написана в начале февраля 1848 г.

Таким образом, «записки» были составлены в три срока: 1-я и 2-я части (тетради) в 1831 году, 3-я — в 1835 году и 4-я — в начале февраля 1848 года.

Александр Николаевич рассказывал Корфу 16 декабря 1847 года, что была и еще одна, т.-е. пятая, часть записок. Он говорил, что в рукописи недостает нескольких листов, которых он нигде не мог отыскать; эта утерянная часть содержала описание тех дней ноября 1825 года, когда в Петербурге было получено известие о кончине Александра и принесена ему присяга. Ее недостает и в рукописи «Библиотеки Зимнего Дворца», в которой эта недостающая тетрадь должна бы была занять место между 2-ой и 3-ей из имеющихся налицо тетрадей.

Ни Корф, ни Александр Николаевич нигде не упоминают о вступлении к запискам и о первой их тетради, содержащей рассказ о воспитании Николая и Михаила Павловичей.

Большая часть текста записок Николая I уже была напечатана. Н. К. Шильдер в тексте сочинения своего «Николай I» (т. I, стр. 122 — 123, 148 — 150 и стр. 155) поместил три отрывка из второй их тетради. П. Е. Щеголев опубликовал в «Былом» (1907 г. № 10) и затем в книге «Николай I и декабристы» (1919 г., стр. 44 — 62) третью тетрадь записок. В № 6 «Красного Архива» (1924 год) была опубликована их четвертая часть.

Впервые здесь печатается, таким образом, вступление к запискам, их первая часть и опущенные Шильдером отрывки второй части.

Впрочем, и эти части знакомы читателям по пересказу их в книгах Корфа и Шильдера. Здесь впервые текст записок дается целостью, от начала до конца, при чем он вновь сверен с оригиналом, тогда как предшествующие публикации были сделаны большею частью по копиям. Части записок помещены сообразно последовательности рассказа, при чем соответствующим номером (3) отмечена и недостающая их часть, о потере которой говорил великий князь Александр Николаевич. Второй части дано заглавие, проставленное в начале ее самим Николаем: «О наследии после императора Александра I».

Записки Николая I.

Часто сбирался я положить на бумагу краткое повествование тех странных обстоятельств, которые ознаменовали время кончины покойного моего благодетеля императора Александра и мое вступление на степень, к которой столь мало вели меня и склонности и желания мои; степень, на которую я никогда не готовился и, напротив, всегда со страхом взирал, глядя на тягость бремени, лежавшего на благодетеле моем, коему посвящено было все его время, все его познания, и за которое столь мало стяжал благодарности, по крайней мере при жизни своей! Меня удерживало чувство, которое и теперь с трудом превозмогаю — боязнь быть дурно понятым. Я пишу не для света, — п и ш у д л я д е т е й с в о и х; желаю, чтоб до них дошло в н а с т о я щ е м в и д е то, чему был я свидетель. Решаюсь на сие для того, что испытываю уже после ш е с т и л е т, сколь время изглаживает истину и память таких дел и обстоятельств, кои важны, ибо дают н а с т о я щ е е объяснение п р и ч и н а м или п о в о д а м происшествий, от коих зависит участь, даже жизнь людей, более, честь их, скажу даже — участь царств. — Буду говорить, как сам видел, чувствовал — от чистого сердца, от прямой души: иного языка не знаю.

1.

Лишившись отца, остался я невступно пяти лет; покойная моя родительница, как нежнейшая мать, пеклась об нас двух с братом Михаилом Павловичем, не щадя ничего, дабы дать нам воспитание, по ее убеждению, совершенное. Мы поручены были как главному нашему наставнику генералу графу Ламздорфу, человеку, пользовавшемуся всем доверием матушки; но кроме его находились при нас 6 других наставников, кои, дежуря посуточно при нас и сменяясь попеременно у нас обоих, носили звание кавалеров. Сей порядок имел последствием, что из них иного мы любили, другого нет, но ни который без исключения не пользовался нашей доверенностию, и наши отношения к ним были более основаны на страхе или большей или меньшей смелости. Граф Ламздорф умел вселить в нас одно чувство — страх, и такой страх и уверение в его всемогуществе, что лицо матушки было для нас в т о р о е в степени важности понятий. Сей порядок лишил нас совершенно щастия сыновнего доверия к родительнице, к которой допущаемы мы были редко одни, и то никогда иначе, как будто на приговор. Беспрестанная перемена окружающих лиц вселила в нас с младенчества привычку искать в них слабые стороны, дабы воспользоваться ими в смысле того, что по нашим желаниям нам нужно было, и должно признаться, что не без успеха.

Генерал-адъютант Ушаков был тот, которого мы более всех любили, ибо он с нами никогда сурово не обходился, тогда как гр. Ламздорф и другие, ему подражая, употребляли строгость с запальчивостию, которая отнимала у нас и чувство вины своей, оставляя одну досаду за грубое обращение, а часто и незаслуженное. Одним словом — страх и искание, как избегнуть от наказания, более всего занимали мой ум.

В учении видел я одно принуждение и учился без охоты. Меня часто, и я думаю не без причины, обвиняли в лености и рассеянности, и нередко гр. Ламздорф меня наказывал тростником весьма больно среди самых уроков.

Таково было мое воспитание до 1809 года, где приняли другую методу. Матушка решилась оставаться зимовать в Гатчине, и с тем вместе учение наше приняло еще более важности: все время почти было обращено на оное.

Латинский язык был тогда главным предметом, но врожденная неохота к оному, в особенности, от известности, что учимся сему языку для посылки со временем в Лейпцигский университет, сделала сие учинение [1]) напрасным. Успехов я не оказывал, за что часто строго был наказываем, хотя уже не телесно. Математика, потом артиллерия и в особенности инженерная наука и тактика привлекали меня исключительно; успехи по сей части оказывал я особенные, и тогда я получил охоту служить по инженерной части.

Мы редко видали государя Александра Павловича, но всегда любили его, как ангела своего покровителя, ибо он к нам всегда был особенно ласков. Брата Константина Павловича видали мы еще реже, но столь же сердечно любили, ибо он как будто входил в наше положение, имев гр. Ламздорфа кавалером в свое младенчество.

Наконец настал 1812 год; сей роковой год изменил и наше положение. Мне минуло уже 16 лет, и отъезд государя в армию был для нас двоих ударом жестоким, ибо мы чувствовали сильно, что и в нас бились русские сердца и душа наша стремилась за ним! Но матушке неугодно было даровать нам сего щастия. Мы остались, но все приняло округ нас другой оборот; всякий помышлял об общем деле; и нам стало легче. Все мысли наши были в арьмии; ученье шло, как могло, среди беспрестанных тревог и известий из арьмии. Одни военные науки занимали меня страстно, в них одних находил я утешение и приятное занятие, сходное с расположением моего духа. Наступил 1813 год, и мне минуло 17 лет; но меня не отпускали. В это время в перьвый раз случайно узнал я от сестры Анны Павловны, с которой мы были очень дружны, что государь, быв в Шлезии, видел семью короля прусского, что старшая дочь его принцесса Шарлотта ему понравилась, и что в намерениях его было, чтоб мы когда-нибудь с ней увиделись.

Наконец, неотступные наши просьбы и пример детей короля прусского подействовали на матушку, и въ 1814 году получили мы дозволение отправиться в арьмию. Радости нашей, лучше сказать сумасшествия, я описать не могу; мы начали жить и точно перешагнули одним разом из ребячества в свет, в жизнь.

7-го февраля отправились мы с братом Михаилом Павловичем в желанный путь. Нас сопровождал гр. Ламздорф и из кавалеров, при нас бывших, Саврасов, Ушаков, Арсеньев и Алединский, равно инженерный полковник Джанотти, [2]) военный наш наставник. Мы ехали не по нашему желанию, но по прихотливым распоряжениям гр. Ламздорфа, который останавливался, где ему вздумывалось, и таким образом довез нас в Берлин чрез 17 дней! Тяжелое испытание при нашем справедливом нетерпении! Тут, в Берлине, провидением назначено было решиться щастию [3]) всей моей будущности: здесь увидел я в перьвый [раз] [4]) ту, которая по собственному моему выбору с перьвого раза возбудила во мне желание принадлежать ей на всю жизнь;— и бог благословил сие желание шестнадцатилетним семейным блаженством.

Пробыв одни сутки в Берлине, повезли нас с теми же расстановками чрез Лейпциг, Веймар, где мы имели свидание с сестрой Марией Павловной, потом далее на Франкфурт-на-Майне. Здесь, несмотря на быстрые успехи арьмий наших, отнимавшие у нас надежду поспеть еще к концу кампании, те же нас встретили остановки, и терпение наше страдало несколько дней. Наконец повезли нас на Бруксаль, где жила тогда императрица Елисавета

---

[1]) Так в оригинале.
[2]) В рукописи — Жианноти.
[3]) Первоначально — «участи», затем исправлено «щастію».
[4]) Пропущено в оригинале.

Алексеевна, на Раштад, Фрейбург в Базель. Здесь услышали мы первые неприятельские выстрелы, ибо австрийцы с баварцами осаждали близлежащую крепость Гюнинген. Наконец, въехали мы чрез Альткирх в пределы Франции и достигли хвоста арьмии в Везуле в то самое время, когда Наполеон сделал большое движение на левый наш фланг. В этот роковой для нас день прибывший флигель-адъютант Клейнмихель к состоявшему при нас генерал-адъютанту Коновницыну, высланному к нам навстречу во Франкфурт, привез нам государево повеление возвратиться в Базель.

Можно себе вообразить наше отчаяние!

Повезли нас обратно той же дорогой в Базель, где мы прожили более двух недель и съездили в Шафгаузен и Цюрих, вместо столь желанного нахождения при арьмии, при лице государя. Хотя сему уже прошло 18 лет, но живо еще во мне то чувство грусти, которое тогда нами одолело и в век не изгладится. Мы в Базеле узнали, что Париж взят, и Наполеон изгнан на остров Эльбу. Наконец получено приказание нам прибыть в Париж, и мы отправились на Кольмар, Нанси, Шалон и Мо.

2.

О наследии после императора Александра I.

В лето 1819-го года находился я в свою очередь с командуемою мной тогда 2-й гвардейской бригадой в лагере под Красным Селом. Пред выступлением из оного было моей бригаде линейное ученье, кончившееся малым маневром в присутствии императора. Государь был доволен и милостив до крайности. После ученья пожаловал он к жене моей обедать; за столом мы были только трое. Разговор во время обеда был самый дружеский, но принял вдруг самый неожиданный для нас оборот, потрясший навсегда мечту нашей спокойной будущности. Вот в коротких словах смысл сего достопамятного разговора.

Государь начал говорить, что он с радостью видит наше семейное блаженство (тогда был у нас один старший сын Александр, и жена моя была беременна старшей дочерью Мариею); что он щастия сего никогда не знал, виня себя в связи, которую имел в молодости; что ни он, ни брат Константин Павлович не были воспитаны так, чтоб уметь ценить с молодости сие щастие; что последствия для обоих были, [1]) что ни один, ни другой не имели детей, которых бы признать могли, и что сие чувство самое для него тяжелое. Что он чувствует, что силы его ослабевают; что в нашем веке государям, кроме других качеств, нужна физическая сила и здоровье для перенесения больших и постоянных трудов; что скоро он лишится потребных сил, чтоб по совести исполнять свой долг, как он его разумеет; и что потому он решился, ибо сие считает долгом, отречься от правления с той минуты, когда почувствует сему время. Что он неоднократно о том говорил брату Константину Павловичу, который, быв одних с ним почти лет, в тех же семейных обстоятельствах, притом имея природное отвращение к сему месту, решительно не хочет ему наследовать на престоле, тем более, что они оба видят в нас знак благодати божией, дарованного нам сына. Что поэтому мы должны знать наперед, что мы призываемся на сие достоинство.

Мы были поражены как громом. В слезах, в рыдании от сей ужасной неожиданной вести мы молчали! Наконец государь, видя, какое глубокое, терзающее впечатление слова его произвели, сжалился над нами и с ангель-

[1]) Вычеркнуто — «те».

скою, ему одному свойственною ласкою начал нас успокаивать и утешать, начав с того, что минута сему ужасному для нас перевороту еще не настала и не так скоро настанет, что может-быть лет десять еще до оной, но что мы должны заблаговременно только привыкать к сей будущности неизбежной.

Тут я осмелился ему сказать, что я себя никогда на это не готовил и не чувствую в себе сил, ни духу на столь великое дело; что одна мысль, одно желание было — служить ему изо [1]) всей души, и сил, и разумения моего в кругу поручаемых мне должностей; что мысли мои даже дальше не достигают.

Дружески отвечал мне он, что когда вступил на престол, он в том же был положении; что ему было тем еще труднее, что нашел дела в совершенном запущении от совершенного отсутствия всякого основного правила и порядка в ходе правительственных дел; ибо хотя при императрице Екатерине в последние годы порядку было мало, но все держалось еще привычками; но при восшествии на престол родителя нашего совершенное изменение прежнего вошло в правило: весь прежний порядок нарушился, не заменясь ничем. Что с восшествия на престол государя по сей части много сделано к улучшению, и всему дано законное течение; и что потому я найду все в порядке, который мне останется только удерживать.

Кончился сей разговор; государь уехал, но мы с женой остались в положении, которое уподобить могу только тому ощущению, которое, полагаю, поразит человека, идущего спокойно по приятной дороге, усеянной цветами и с которой всюду открываются приятнейшие виды, когда вдруг разверзается [2]) под ногами пропасть, в которую непреодолимая сила ввергает его, не давая отступить или воротиться. Вот — совершенное изображение нашего ужасного положения.

С тех пор часто государь в разговорах намекал нам про сей предмет, но не распространяясь более об оном; а мы всячески старались избегать оного. Матушка с 1822-го года начала нам про то же говорить, упоминая о каком-то акте, который будто бы братом Константином Павловичем был учинен для отречения в нашу пользу, и спрашивала, не показывал ли нам оный государь. [1]

Весной 1825-го [года] [3]) был здесь принц Оранский; ему государь открыл свои намерения, и на друга моего сделали они то же ужасное впечатление. С пламенным сердцем старался он сперьва на словахъ, потом письменно доказывать, сколь мысль отречения от правления могла быть пагубна для империи; какой опасный пример подавала в наш железный век, где каждый шаг принимают предпочтительно с дурной стороны. Все было напрасно; милостиво, но твердо отверг государь все моления благороднейшей души.

Наконец настала осень 1825-го года, с нею — и отъезд государя в Таганрог. 30-го августа был я столь щастлив, что государь взял меня с собою в коляску, ехав и возвращаясь из Невского монастыря. Государь был пасмурен, но снисходителен до крайности. В тот же день я должен был ехать в Бобруйск на инспекцию; государь меня предварил, что хотел нам приобресть и подарить Мятлеву дачу, но что просили цену несбыточную, и что он, по желанию нашему, жалует нам место близ Петергофа, где ныне дача жены моей Александрия.

Обед был в новом дворце брата Михаила Павловича, который в тот же день был освящен. Здесь я простился навсегда с государем, моим благодетелем, и с императрицею Елисаветой Алексеевной.

---

[1]) Первоначально было написано — «от».
[2]) Зачеркнуто — «открывается».
[3]) «года» пропущено в оригинале.

Дабы сделать яснее то, что мне описать остается, нужно мне сперьва обратиться к другому предмету.

До 1818-го года не был я занят ничем; все мое знакомство с светом ограничивалось ежедневным ожиданием в передних или секретарской комнате, где, подобно бирже, собирались ежедневно в 10 часов все генерал-адъютанты, флигель-адъютанты, гвардейские и приезжие генералы и другие знатные лица, имевшие допуск к государю. В сем шумном собрании проходили [1] мы час, иногда и более, доколь не призывался к государю военный генерал-губернатор с комендантом и вслед за сим все генерал-адъютанты и адъютанты с рапортами и мы с ними, и представлялись фельдфебели и вестовые. От нечего делать вошло в привычку, что в сем собрании делались дела по гвардии, но большею частию время проходило в шутках и насмешках нашет ближнего; бывали и интриги. В то же время вся молодежь, адъютанты, а часто и офицеры ждали в коридорах, теряя время или употребляя оное для развлечения почти так же и не щадя начальников, ни правительство.

Долго я видел и не понимал; сперьва родилось удивление, наконец, и я смеялся, потом начал замечать, многое видел, многое понял; многих узнал — и в редком обманулся. Время сие было потерей времени, [1] но и драгоценной практикой для познания людей и лиц, и я сим воспользовался.

Осенью 1818-го года государю угодно было сделать мне милость, назначив командиром 2 бригады 1 гвардейской дивизии, т.-е. Измайловским и Егерским полками. За несколько пред тем месяцев вступил я в управление Инженерною частию.

Только что вступил я в командование бригады, государь, императрица и матушка уехали в чужие края; тогда был конгресс в Ахене. Я остался с женой и сыном одни в России из всей семьи. Итак, при самом моем вступлении в службу, где мне наинужнее было иметь наставника, брата благодетеля, оставлен был я один с пламенным усердием, но с совершенною неопытностью.

Я начал знакомиться с своей командой и не замедлил убедиться, что служба шла везде совершенно иначе, чем слышал волю моего государя, чем сам полагал, разумел ее, ибо правила оной были в нас твердо влиты. Я начал взыскивать, но взыскивал один, ибо что я по долгу совести порочил, дозволялось везде даже моими начальниками. Положение было самое трудное; действовать иначе было противно моей совести и долгу; но сим я явно ставил и начальников и подчиненных против себя, тем более, что меня не знали, и многие или не понимали или не хотели понимать.

Корпусом начальствовал тогда генерал-адъютант Васильчиков; к нему я прибег, ибо ему поручен был как начальнику покойной матушкой. Часто изъяснял ему свое затруднение, он входил в мое положение, во многом соглашался и советами исправлял мои понятия. Но сего не доставало, чтоб поправить дело; даже решительно сказать можно—не зависело более от генерал-адъютанта Васильчикова исправить порядок службы, распущенный, испорченный до невероятности с самого 1814 года, когда, по возвращении из Франции, гвардия осталась в продолжительное отсутствие государя под начальством графа Милорадовича. В сие-то время и без того уже расстроенный трехгодичным походом порядок совершенно разрушился; и к довершению всего дозволена была офицерам носка фраков. — Было время (поверит ли кто сему), что офицеры езжали на ученье во фраках, накинув шинель и надев форменную шляпу. Подчиненность исчезла и сохранилась только

[1]) Так в оригинале.

во фронте; уважение к начальникам исчезло совершенно, и служба была одно слово, ибо не было ни правил, ни порядка, а все делалось совершенно произвольно и как бы поневоле, дабы только жить со дня на день.

В сем-то положении застал я и свою бригаду, хотя с малыми оттенками, ибо сие зависело и от большей или меньшей строгости начальников. По мере того как начинал я знакомиться со своими подчиненными и видеть происходившее в прочих полках, я возымел мысль, что под сим, т.-е. военным распутством, крылось что-то важнее; и мысль сия постоянно у меня оставалась источником строгих наблюдений. Вскоре заметил я, что офицеры делились на три [1]) разбора: на искренно усердных и знающих; на добрых малых, но запущенных и оттого не знающих; и на решительно дурных, т.-е. говорунов дерзких, ленивых и совершенно вредных; на сих-то последних налег я без милосердия и всячески старался оных избавиться, что мне и удавалось. Но дело сие было нелегкое, ибо сии-то люди составляли как бы цепь чрез все полки и в обществе имели покровителей, [2]) коих сильное влияние оказывалось всякий раз теми нелепыми слухами и теми неприятностями, которыми удаление их из полков мне отплачивалось.

Государь возвратился из Ахена в конце года, и тогда в перьвый раз удостоился я доброго отзыва моего начальства и милостивого слова моего благодетеля, которого один благосклонный взгляд вселял бодрость и щастие. С новым усердием я принялся за дело, но продолжал видеть то же округ себя, что меня изумляло и чему я тщетно искал причину.

3.

(У т е р я н а [3]).

4.

Надо было решиться — или оставаться мне в совершенном бездействии, отстранясь от всякого участия в делах, до коих, в строгом смысле службы, как говорится, мне дела не было, или участвовать в них и почти направлять тех людей, в руках коих, по званию их, власть находилась. В перьвом случае, соблюдая форму, по совести я бы грешил, попуская делам искажаться может-быть безвозвратно, и тогда бы я заслужил в полной мере название эгоиста. Во втором случае — я жертвовал собою с убеждением быть полезным отечеству и тому, которому я присягнул. Я не усомнился, и влечение внутреннее решило мое поведение. Одно было трудно: я должен был скрывать настоящее положение дел от мнительности матушки, от глаз окружающих, которых любопытство предугадывало истину. Но с твердым упованием на милость божию я решился действовать, как сумею.

Город казался тих; так, по крайней мере, уверял граф Милорадович, уверяли и те немногие, которые ко мне хаживали, ибо я не щитал приличным показываться и почти не выходил из комнат. Но в то же время бунтовщики были уже в сильном движении, и непонятно, что никто сего не видел. Оболенский, бывший тогда адъютантом у генерала Бистрома, командовавшего всею пехотой гвардии, один из злейших заговорщиков, ежедневно бывал во дворце, где тогда обычай был сбираться после развода в так называемой

---

[1]) Первоначально было написано — «два», затем исправлено — «три».
[2]) Зачеркнуто: «протекторов».
[3]) Третья часть «Записок» утеряна. См. вводные замечания, стр. 10.

Конно-Гвардейской комнате. Там, в шуме сборища разных чинов офицеров и других, ежедневно приезжавших во дворец узнавать о здоровье матушки, но еще более приезжавших за новостями, с жадностию Оболенский подхватывал все, что могло быть полезным к успеху заговора, и сообщал соумышленникам узнанное. Сборища их бывали у Рылеева. Другое лицо, изверг во всем смысле слова, Якубовский, [1]) в то же время умел хитростью своею и некоторою наружностию смельчака втереться в дом графа Милорадовича и, уловив доброе сердце графа, снискать даже некоторую его к себе доверенность. Чего Оболенский не успевал узнать во дворце, то Якубовский изведывал от графа, у которого, как говорится, часто с е р д ц е б ы л о н а я з ы к е.

Мы были в ожидании ответа Константина Павловича на присягу, и иные ожидали со страхом, другие — и я смело ставлю себя в число последних — со спокойным духом, что он велит. В сие время прибыл Михаил Павлович. Ему вручил Константин Павлович свой ответ в письме к матушке и несколько слов ко мне. Первое движение всех — а справедливое нетерпение сие извиняло — было броситься во дворец; всякий спрашивал, присягнул ли Михаил Павлович.

— Нет, — отвечали приехавшие с ним.

Матушка заперлась с Михаилом Павловичем; я ожидал в другом покое — и точно ожидал решения своей участи. [2]) Минута неизъяснимая. Наконец дверь отперлась, и матушка мне сказала:

— Eh bien, Nicolas, prosternez vous [3]) devant votre frère, car il est respectable et sublime dans son inaltérable détermination de vous abandonner le trône. [4])

Признаюсь, мне слова сии было тяжело слушать, и я в том винюсь; но я себя спрашивал, кто бо́льшую приносит из нас двух жертву: тот ли, который отвергал наследство отцовское под предлогом своей неспособности и который, раз на сие решившись, повторял только свою неизменную волю и остался в том положении, которое сам себе создал сходно всем своим желаниям, — или тот, который, вовсе не готовившийся на звание, на которое по порядку природы не имел никакого права, которому воля братняя была всегда тайной, и который неожиданно, в самое тяжелое время и в ужасных обстоятельствах должен был жертвовать всем, что ему было дорого, дабы покориться воле другого? Участь страшная, и смею думать и ныне, после 10 лет, что жертва моя была в моральном, в справедливом смысле гораздо тягче.

Я отвечал матушке:

— Avant que de me prosterner, maman, veuillez me permettre de savoir pourquoi je devrais le faire, car je ne sais lequel des sacrifices est le plus grand: de celui qui refuse ou de celui qui accepte en pareilles circonstances! [5])

Нетерпение всех возрастало и дошло до крайности, когда догадывались по продолжительности нашего присутствия у матушки, что дело еще не решилось. Действительно, брат Константин Павлович прислал ответ на письмо матушки хотя и официально, но на присягу, ему данную, не было

---

[1]) Так в оригинале.

[2]) Первоначально: «своего жеребья».

[3]) Первоначально: prosternez vous à genoux.

[4]) Ну, Николай, преклонитесь пред вашим братом: он заслуживает почтения и высок в своем неизменном решении предоставить вам трон.

[5]) Прежде чем преклоняться, позвольте мне, матушка, узнать, почему я это должен сделать, ибо я не знаю, чья из двух жертв больше: того ли, кто отказывается (от трона), или того, кто принимает (его) при подобных обстоятельствах.

Государственная публичная БИБЛИОТЕКА Историческая

ответа, ни манифеста, словом ничего, что бы в лице народа могло служить актом удостоверения, что воля его непременна, и отречение, оставшееся при жизни императора Александра тайною для всех, есть и ныне непременной его волей. Надо было решить, что делать, как выйти из затруднения, опаснейшего в своих последствиях, и которым, как увидим ниже, заговорщики весьма хитро воспользовались.

После долгих прений я остался при том мнении, что брату должно было объявить манифестом, что, оставаясь непреклонным в решимости, им уже освященной отречением, утвержденным духовной императора Александра, он повторяет оное и ныне, не принимая данной ему присяги. Сим, казалось мне, торжественно утверждалась воля его и отымался [1]) всякая возможность к усумлению.

Но брат избрал иной способ: он прислал письмо официальное к матушке, другое — ко мне, и, наконец, род выговора князю Лопухину как председателю Государственного Совета [2]. Содержание двух перьвых актов известно; вкратце содержали они удостоверение в неизменной его решимости, и в письме к матушке упоминалось, что решение сие в свое время получило ее согласие. В письме, ко мне писанном как к императору, упоминалось только в особенности о том, что его высочество просил оставить его при прежде занимаемом им месте и звании.

Однако удалось мне убедить матушку, что одних сих актов без явной опасности публиковать нельзя, и что должно непременно стараться убедить брата прибавить к тому другой в виде манифеста, с изъяснением таким, которое было [2]) развязывало от присяги, ему данной. Матушка и я, мы убедительно о том писали к брату; и фельдъегерский офицер Белоусов отправлен с сим. Между тем решено было нами акты сии хранить у нас в тайне.

Но как было изъяснить наше молчание пред публикой? Нетерпение и неудовольствие были велики и весьма извинительны. Пошли догадки, и в особенности обстоятельство неприсяги Михаила Павловича навело на всех сомнение, что скрывают отречение Константина Павловича. Заговорщики решили сие же самое употребить орудием для своих замыслов. Время сего ожидания можно щитать настоящим междуцарствием, ибо повелений от императора, которому присяга принесена была, по ращету времени должно было получать, — но их не приходило; дела останавливались совершенно; все было в недоумении, и к довершению всего известно было, что Михаил Павлович отъехал уже тогда из Варшавы, когда и кончина императора Александра и присяга Константину Павловичу там уже известны были. Каждый извлекал из сего, что какое-то особенно важное обстоятельство препятствовало к восприятию законного течения дел, но никто не догадывался настоящей причины.

Однако дальнейшее присутствие Михаила Павловича становилось тягостным и для него, и для нас всех, и потому решено было ему выехать будто в Варшаву, под предлогом успокоения брата Константина Павловича нащет здоровья матушки, и остановиться на станции Неннале, дабы удалиться от беспрестанного принуждения, и вместе с тем для остановления по дороге всех тех, кои, возвращаясь из Варшавы, могли повестить в Петербурге настоящее положение дел. Сия же предосторожность принудила останавливать все письма, приходившие из Варшавы; и эстафет, еженедельно приходивший с бумагами, из канцелярии Константина Павловича приносим был ко мне. Бумаги, не терпящие отлагательства, должен был я лично вру-

[1]) Так в рукописи; первоначально было «отымались».
[2]) Так в оригинале.

чать у себя тем, к коим адресовались, и просить их вскрывать в моем присутствии. Положение самое несносное!

Так прошло 8 или 9 дней. В одно утро, часов в 6 был я разбужен внезапным приездом из Таганрога лейб-гвардии Измайловского полка полковника барона Фредерикса, с пакетом «о самонужнейшем» от генерала Дибича, начальника Главного Штаба, и адресованным в собственные руки императору!

Спросив полковника Фредерикса, знает ли он содержание пакета, получил в ответ, что ничего ему неизвестно, но что такой же пакет послан в Варшаву, по неизвестности в Таганроге, где находился государь. Заключив из сего, что пакет содержит обстоятельство особой важности, я был в крайнем недоумении, на что мне решиться. Вскрыть пакет на имя императора — был поступок столь отважный, что решиться на сие казалось мне последнею крайностию, к которой одна необходимость могла принудить человека, поставленного в самое затруднительное положение, и — пакет вскрыт!

Пусть изобразят себе, что должно было произойти во мне, когда, бросив глаза на включенное письмо от генерала Дибича, увидел я, что дело шло о существующем и только что открытом пространном заговоре, которого отрасли распространялись чрез всю империю, от Петербурга на Москву и до второй арьмии в Бессарабии.

Тогда только почувствовал я в полной мере всю тягость своей участи и с ужасом вспомнил, в каком находился положении. Должно было действовать, не теряя ни минуты, с полною властью, с опытностью, с решимостью — я не имел ни власти, ни права на оную; мог только действовать чрез других, из одного доверия ко мне обращавшихся, без уверенности, что совету моему последуют; и притом чувствовал, что тайну подобной важности должно было наитщательнейше скрывать от всех, даже от матушки, дабы ее не испугать, или преждевременно заговорщикам не открыть, что замыслы их уже не скрыты от правительства. К кому мне было обратиться— о д н о м у, с о в е р ш е н н о о д н о м у б е з с о в е т а!

Граф Милорадович казался мне, по долгу его звания, перьвым, до сведения которого содержание сих известий довести должно было, князь Голицын, как начальник почтовой части и доверенное лицо императора Александра, казался мне вторым. Я их обоих пригласил к себе, и втроем принялись мы за чтение приложений к письму. Писанные рукою генерал-адъютанта графа Чернышева для большей тайны, в них заключалось изложение открытого обширного заговора, чрез два разных источника: показаниями юнкера Шервуда, служившего в Чугуевском военном поселении, и открытием капитана Майбороды, служившего в тогдашнем 3 пехотном корпусе. Известно было, что заговор касается многих лиц в Петербурге и наиболее в Кавалергардском полку, но в особенности в Москве, в главной квартире 2-й армии и в части войск, ей принадлежащих, а также в войсках 3 корпуса. Показания были весьма неясны, неопределительны; но однако еще за несколько дней до кончины своей покойный император велел генералу Дибичу, по показаниям Шервуда, послать полковника лейб-гвардии Измайловского [1]) полка Николаева взять известного Вадковского, за год выписанного из Кавалергардского полка. Еще более ясны были подозрения на главную квартиру 2 армии, и генерал Дибич уведомлял, что вслед за сим решился послать графа Чернышева в Тульчин, дабы уведомить генерала Витгенштейна о происходящем и арестовать князя С. Волконского, командо-

[1]) Николаев был полковником лейб-гвардии казачьего полка.

вавшего бригадой, и полковника Пестеля, в оной бригаде командовавшего Вятским полком.

Подобное извещение, в столь затруднительное и важное время, требовало величайшего внимания, и решено было узнать, кто из поименованных лиц в Петербурге, и не медля их арестовать; а как о капитане Майбороде ничего не упоминалось, а должно было полагать, что чрез него получатся еще важнейшие сведения, то решился граф Милорадович послать адъютанта своего генерала Мантейфеля к генералу Роту, дабы, приняв Майбороду, доставить в Петербург. Из петербургских заговорщиков по справке никого не оказалось налицо: все были в отпуску, а именно — Свистуновъ, Захар Чернышев и Никита Муравьев, что более еще утверждало справедливость подозрений, что они были в отсутствии для съезда, как в показаниях упоминалось. Граф Милорадович должен был верить столь ясным уликам в существовании заговора и в вероятном участии и других лиц, хотя об них не упоминалось; он обещал обратить все внимание полиции, но все осталось тщетным и в прежней беспечности.

Наконец наступил роковой для меня день. По обыкновению обедали мы вдвоем с женой, как приехал Белоусов. Вскрыв письмо брата, удостоверился я с перьвых строк, что участь моя решена, — но что единому богу известно, как воля Константина Павловича исполнится, ибо вопреки всем нашим убеждениям решительно отказывал в новом акте, упираясь на то, что не признавая себя императором, отвергая присягу, ему данную, как такую, которая неправильно ему принесена была, не щитает себя в праве и не хочет другого изречения непреклонной своей воли, как обнародование духовной императора Александра и приложен(ного) [1]) к оному акта отречения своего от престола. Я предчувствовал, что, повинуясь воле братней, иду на гибель, но нельзя было иначе, и долг повелевал сообразить единственно, как исполнить сие с меньшею опасностью недоразумений и ложных наветов. Я пошел к матушке и нашел ее в том же убеждении, но довольною, что наступил конец нерешимости.

Изготовив в скорости проект манифеста, призвал я к себе М. М. Сперанского и ему поручил написать таковой, придерживаясь моих мыслей; положено было притом публиковать духовную императора Александра, письмо к нему Константина Павловича с отречением и два его же письма — к матушке и ко мне как к императору.

(Прибавить о Ростовцеве). [2])

В сих занятиях прошел вечер 12 декабря. Послано было к Михаилу Павловичу, дабы его воротить, и надежда оставалась, что он успеет воротиться на другой день, т.-е. в воскресенье 13-го числа. Между тем весть о приехавшем фельдъегере распространилась по городу, и всякий убедился в том, что подозрения обратились в истину.

Гвардией командовал генерал Воинов, человек почтенный и храбрый, но ограниченных способностей и не успевший приобресть никакого веса в своем корпусе. Призвав его к себе, поставил его в известность воли Константина Павловича и условился, что на другой же день, т.-е. в понедельник, соберет ко мне всех генералов и полковых командиров гвардии, дабы лично мне им объяснить весь ход происходившего в нашей семье и поручить им растолковать сие ясным образом своим подчиненным, дабы не было предлога к беспорядку. Требован был также ко мне митрополит Серафим для нужного предварения и, наконец, князь Лопухин, с которым условлено было

[1]) Конец слова написан неразборчиво.
[2]) Вписано между строк.

собрать Совет к 8 часам вечера, куда я намерен был явиться вместе с братом Михаилом Павловичем как личным свидетелем и вестником братней воли.

Но богу угодно было повелеть иначе. Мы ждали Михаила Павловича до половины одиннадцатого ночи, и его не было. Между тем весь город знал, что Государственный Совет собран, и всякий подозревал, что настала решительная минута, где томительная неизвестность должна кончиться. Нечего было делать, и я должен был следовать один.

Тогда Государственный Совет сбирался в большом покое, который ныне служит гостиной младшим моим дочерям. Подойдя к столу, я сел на перьвое место, сказав:

— Я выполняю волю брата Константина Павловича.

И вслед затем начал читать манифест о моем восшествии на престол. Все встали, [1]) и я также. Все слушали в глубоком молчании и по окончании чтения глубоко мне поклонились, при чем отличился Н. С. Мордвинов, против меня бывший, всех перьвый вскочивший и ниже прочих отвесивший поклон, так что оно мне странным показалось.

Засим должен был я прочесть отношение Константина Павловича к князю Лопухину, в котором он самым сильным образом выговаривал ему, что ослушался будто воли покойного императора Александра, отослав к нему духовную и акт отречения и принеся ему присягу, тогда как на сие права никто не имел.

Кончив чтение, возвратился я в занимаемые мною комнаты, где ожидали меня матушка и жена. Был 1-й час и понедельник, что многие щитали дурным началом. Мы проводили матушку на ее половину, и хотя не было еще объявлено о моем вступлении, комнатные люди матушки, с ее разрешения, нас поздравляли.

Во внутреннем конно-гвардейском [2]) карауле стоял в то время князь Одоевский, самый бешеный заговорщик, но никто сего не знал; после только вспомнили, что он беспрестанно расспрашивал придворных служителей о происходящем. Мы легли спать и спали спокойно, ибо у каждого совесть была чиста, и мы от глубины души предались богу.

Наконец наступило 14-ое декабря, роковой день! Я встал рано и, одевшись, принял генерала Воинова; потом вышел в залу нынешних покоев Александра Николаевича, где собраны были все генералы и полковые командиры гвардии. Объяснив [3]) им словесно, каким образом, по непременной воле Константина Павловича, которому незадолго вместе с ними я присягал, нахожусь ныне вынужденным покориться его воле и принять престол, к которому, за его отречением, нахожусь ближайшим в роде; засим прочитал им духовную покойного императора Александра и акт отречения Константина Павловича. Засим, получив от каждого уверение в преданности и готовности жертвовать собой, приказал ехать по своим командам и привесть к присяге.

От двора повелено было всем, имеющим право на приезд, собраться во дворец к 11 часам. В то же время Синод и Сенат собирались в своем месте для присяги.

Вскоре засим прибыл ко мне граф Милорадович с новыми уверениями совершенного спокойствия. Засим был я у матушки, где его снова видел, и воротился к себе. Приехал генерал Орлов, командовавший конной гвардией, с известием, что полк принял присягу; поговорив с ним довольно долго, я его отпустил. Вскоре за ним явился ко мне командовавший гвар-

---

[1]) В оригинале — «стали».
[2]) В оригинале — «кон. гвард.».
[3]) Так в оригинале.

дейской артиллерией генерал-майор Сухозанет, с известием, что артиллерия присягнула, но что в гвардейской конной артиллерии офицеры оказали сомнение в справедливости присяги, желая сперьва слышать удостоверение сего от Михаила Павловича, которого щитали удаленным из Петербурга, как будто из несогласия его на мое вступление. Многие из сих офицеров до того вышли из повиновения, что генерал Сухозанет должен был их всех арестовать. Но почти в сие же время прибыл наконец Михаил Павлович, которого я просил сейчас же отправиться в артиллерию для приведения заблудших в порядок.

Спустя несколько минут после сего, явился ко мне генерал-майор Нейдгарт, начальник штаба гвардейского корпуса, и взойдя ко мне совершенно в расстройстве, сказал:

— Sire, le régiment de Moscou est en plein insurrection; Chenchin et Frederichs (тогдашний бригадный и полковой командиры) sont grièvement blessés, et les mutins marchent vers le Sénat, j'ai à peine pu les dévancer pour vous le dire. Ordonnez, de grâce, au 1-er bataillon Préobrajensky et à la garde-à-cheval de marcher contre. [1])

Меня весть сия поразила, как громом, ибо с перьвой минуты я не видел в сем перьвом ослушании действие одного сомнения, которого всегда опасался, но, зная существование заговора, узнал в сем перьвое его доказательство.

Разрешив перьвому батальону преображенскому [2]) выходить, дозволил конной гвардии седлать, но не выезжать; и к сим отправил генерала Нейдгарта, послав в то же время генерал-майора Стрекалова, дежурного при мне, в Преображенский батальон для скорейшего исполнения. Оставшись один, я спросил себя, что мне делать, и, перекрестясь, отдался в руки божии, решил сам итти туда, где опасность угрожала.

Но должно было от всех скрыть настоящее положение наше, и в особенности от матушки, и зайдя к жене, сказал:

— Il y a du bruit au régiment de Moscou; je veux y aller. [3])

С сим пошел я на Салтыковскую лестницу; в передней найдя командира Кавалергардского полка флигель-адъютанта генерала Апраксина, велел ему ехать в полк и сейчас его вести ко мне. На лестнице встретил я Воинова в совершенном расстройстве. Я строго припомнил ему, что место его не здесь, а там, где войска, ему вверенные, вышли из повиновения. За мной шел генерал-адъютант Кутузов; с ним пришел я на дворцовую главную гауптвахту, в которую только-что вступила 9 егерская рота лейб-гвардии Финляндского полка, под командой капитана Прибыткова. Полк сей был в моей дивизии. Вызвав караул под ружье и приказав себе отдать честь, прошел по фронту и, спросив людей, присягали ль мне и знают ли, отчего сие было и что по точной воле сие брата Константина Павловича, получил в ответ, что знают и присягнули. Засим сказал я им:

— Ребята, московские шалят; не перенимать у них и свое дело делать молодцами!

Велел зарядить ружья и сам скомандовав: «Дивизия вперед, скорым шагом марш!» — повел караул левым плечом вперед к главным воротам дворца. В сие время разводили еще часовых, и налицо была только остальная часть людей.

---

[1]) Ваше величество! Московский полк в полном восстании; Шеншин и Фредерикс тяжело ранены, и мятежники идут к Сенату; я едва их обогнал, чтобы донести вам об этом. Прикажите, пожалуйста, двинуться против них первому батальону Преображенского полка и конной гвардии.

[2]) В оригинале: «1 бат. Преобра.».

[3]) В Московском полку волнение; я отправляюсь туда.

Съезд ко дворцу уже начинался, и вся площадь усеяна была народом и перекрещавшимися экипажами. Многие из любопытства заглядывали на двор и, увидя меня, вошли и кланялись мне в ноги. Поставя караул поперек ворот, обратился я к народу, который, меня увидя, начал сбегаться [1]) ко мне и кричать ура. Махнув рукой, я просил, чтобы мне дали говорить. В то же время пришел ко мне граф Милорадович и, сказав:

— Cela va mal; ils marchent au Sénat, mais je vais leur parler, [2])

ушел, — и я более его не видал, как отдавая ему последний долг.

Надо было мне выигрывать время, дабы дать войскам собраться, нужно было отвлечь внимание народа чем-нибудь необыкновенным — все эти мысли пришли мне как-бы вдохновением, и я начал говорить народу, спрашивая, читали ль мой манифест. — Все говорили, что нет; пришло мне на мысль самому его читать. У кого-то в толпе нашелся экземпляр; я взял его и начал читать тихо и протяжно, толкуя каждое слово. Но сердце замирало, признаюсь, и единый бог меня поддержал.

(О Хвощинском прибавить) [3]).

Наконец Стрекалов повестил меня, что Преображенский 1-й батальон готов. Приказав коменданту генерал-лейтенанту Башуцкому остаться при гауптвахте и не трогаться с места без моего приказания, сам пошел сквозь толпу прямо к батальону, ставшему линией спиной к комендантскому подъезду, левым флангом к экзерциргаузу. Батальоном командовал полковник Микулин, и полковой командир полковник Исленьев был при батальоне. Батальон мне отдал честь; я прошел по фронту и, спросив, готовы ли итти за мною, куда велю, получил в ответ громкое молодецкое:

— Рады стараться!

Минуты единственные в моей жизни! Никакая кисть не изобразит геройскую, почтенную и спокойную наружность сего истинно перьвого батальона в свете, в столь критическую минуту.

Скомандовав, по-тогдашнему: «К атаке в колонну, перьвый и осьмой взводы, в полоборота налево и направо!»—повел я батальон левым плечом вперед мимо заборов тогда достраивавшегося дома Министерства Финансов и Иностранных дел к углу Адмиралтейского бульвара. Тут, узнав, что ружья не заряжены, велел батальону остановиться и зарядить ружья. Тогда же привели мне лошадь, но все прочие были пеши. В то же время заметил я [у] [4]) угла дома Главного Штаба полковника князя Трубецкого; ниже увидим, какую он тогда играл ролю.

Зарядив ружья, пошли мы вперед. Тогда со мною были генерал-адъютанты Кутузов, Стрекалов, флигель-адъютанты Дурново и адъютанты мои— Перовский и Адлерберг. — Адъютанта моего Кавелина послал я к себе в Аничкин дом, перевесть детей в Зимний дворец. Перовского послал я в конную гвардию с приказанием выезжать ко мне на площадь. В сие самое время услышали мы выстрелы, и вслед засим прибежал ко мне флигель-адъютант князь Голицын Генерального Штаба с известием, что граф Милорадович смертельно ранен.

Народ прибавлялся со всех сторон; я вызвал стрелков на фланги батальона и дошел таким образом до угла Вознесенской. Не видя еще конной гвардии, я остановился и послал за нею одного бывшего при мне конным старого рейткнехта из конной гвардии Лондыря с тем, чтобы

---

[1]) Первоначально было: «сбераться».

[2]) Дело плохо; они идут к Сенату, но я буду говорить с ними.

[3]) Вписано между строк. Хвощинский—полковник Московского полка, раненый Щепиным-Ростовским.

[4]) Пропущено в оригинале.

полк скорее шел. Тогда же слышали мы ясно — «Ура, Константин!» на площади против Сената, и видна была стрелковая цепь, которая никого не подпускала.

В сие время заметил я слева против себя офицера Нижегородского драгунского полка, которого черным обвязанная голова, огромные черные глаза и усы и вся наружность имели что-то особенно отвратительное. Подозвав его к себе, узнал, что он Якубовский, но не знав, с какой целью он тут был, спросил его, чего он желает. На сие он мне дерзко сказал:

— Я был с н и м и, но услышав, что они за Константина, бросил и явился к вам.

Я взял его за руку и сказал:

— Спасибо, вы ваш долг знаете.

От него узнали мы, что Московский полк почти весь участвует в бунте, и что с ними следовал он по Гороховой, где от них отстал. Но после уже узнато было, что настоящее намерение его было под сей личиной узнавать, что среди нас делалось, и действовать по удобности.

В это время генерал-адъютант Орлов привел конную гвардию, обогнув Исаакиевский собор и выехав на площадь между оным и зданием военного министерства, то [1]) тогда было домом князя Лобанова; полк шел в галоп и строился спиной к сему дому. Сейчас я поехал к нему и, поздоровавшись с людьми, сказал им, что ежели искренно мне присягнули, то настало время сие мне доказать на деле. Генералу Орлову велел я с полком итти на Сенатскую площадь и выстроиться так, чтобы пресечь елико возможно мятежникам сообщение с тех сторон, где их окружить было можно. Площадь тогда была весьма стеснена заборами от стороны собора, простиравшимися до угла нынешнего синодского здания; угол, образуемый бульваром и берегом Невы, служил складом выгружаемых камней для собора, и оставалось между сими материалами и монументом Петра Великого не более как шагов 50. На сем тесном пространстве, идя по шести, полк выстроился в две линии, правым флангом к монументу, левым достигая почти заборов.

Мятежники выстроены были в густой неправильной колонне спиной к старому Сенату. Тогда был еще один Московский полк. В сие самое время раздалось несколько выстрелов: стреляли по генерале Воинове, но не успели ранить тогда, когда он, подъехав, хотел уговаривать людей. Флигель-адъютант Бибиков, директор канцелярии Главного Штаба, был ими схвачен и, жестоко избитый, от них вырвался и пришел ко мне; от него узнали мы, что Оболенский предводительствует толпой.

Тогда отрядил я роту его величества Преображенского полка с полковником Исленьевым, младшим полковником Титовым и под командой капитана Игнатьева чрез бульвар занять Исаакиевский мост, дабы отрезать сообщение с сей стороны с Васильевским островом и прикрыть фланг конной гвардии; сам же, с прибывшим ко мне генерал-адъютантом Бенкендорфом выехал на площадь, чтоб рассмотреть положение мятежников. Меня встретили выстрелами.

В то же время послал я приказание всем войскам сбираться ко мне на Адмиралтейскую площадь и, воротясь на оную, нашел уже остальную часть Московского полка с большею частию офицеров, которых ко мне привел Михаил Павлович. Офицеры бросились мне целовать руки и ноги. В доказательство моей к ним доверенности поставил я их на самом углу у забора, против мятежников. Кавалергардский полк, 2-й батальон Преображенского стояли уже на площади; сей батальон послал я вместе с перьвым рядами на-

[1]) Так в оригинале.

право примкнуть к конной гвардии. Кавалергарды оставлены были мной в резерве у дома Лобанова. Семеновскому полку велено было итти прямо вокруг Исаакиевского собора к манежу конной гвардии и занять мост. Я вручил команду с сей стороны Михаилу Павловичу. Павловского полка воротившиеся люди из караула, составлявшие малый батальон, посланы были по Почтовой улице и мимо конно-гвардейскихъ казарм на мост у Крюкова канала и в Галерную улицу.

В сие время узнал я, что в Измайловском полку происходил беспорядок и нерешительность при присяге. Сколь мне сие ни больно было, но я решительно не полагал сего справедливым, а относил сие к тем же замыслам, и потому велел генерал-адъютанту Левашову, ко мне явившемуся, ехать в полк и, буде есть какая-либо возможность, двинуть его, хотя бы против меня, непременно его вывесть из казарм. Между тем, видя, что дело становится весьма важным, и не предвидя еще, чем кончится, послал я Адлерберга с приказанием шталмейстеру князю Долгорукову приготовить загородные экипажи для матушки и жены и намерен был в крайности выпроводить их с детьми под прикрытием кавалергардов в Царское Село. Сам же, послав за артиллерией, поехал на Дворцовую площадь, дабы обеспечить дворец, куда велено было следовать прямо обоим саперным батальонам — гвардейскому и учебному. Не доехав еще до дома Главного Штаба, увидел я в совершенном беспорядке со знаменами без офицеров Лейб-гранадерский полк, идущий толпой. Подъехав к ним, ничего не подозревая, я хотел остановить людей и выстроить; но на мое — «С т о й!» отвечали мне:

— М ы — з а К о н с т а н т и н а!

Я указал им на Сенатскую площадь и сказал:

— К о г д а т а к, — то вот вам дорога.

И вся сия толпа прошла мимо меня, сквозь все войска, и присоединилась без препятствия к своим одинако заблужденным товарищам. К щастию, что сие так было, ибо иначе бы началось кровопролитие под окнами дворца, и участь бы наша была более, чем сомнительна. Но подобные рассуждения делаются п о с л е; тогда же один бог меня наставил на сию мысль.

Милосердие божие оказалось еще разительнее при сем же случае, когда толпа лейб-гранадер, предводимая офицером Пановым, шла с намерением овладеть дворцом и в случае сопротивления истребить все наше семейство. Они дошли до главных ворот дворца в некотором устройстве, так что комендант почел их за присланный мною отряд для занятия дворца. Но вдруг Панов, шедший в голове, заметил лейб-гвардии саперный батальон, только что успевший прибежать и выстроившийся в колонне на дворе, и, закричав:

— Д а э т о н е н а ш и! —

начал ворочать входящие отделения кругом и бросился бежать с ними обратно на площадь. Ежели б саперный батальон опоздал только несколькими минутами, дворец и все наше семейство были б в руках мятежников, тогда как занятый происходившим на Сенатской площади и вовсе безызвестный об угрожавшей с тылу оной важнейшей опасности, я бы лишен был всякой возможности сему воспрепятствовать. Из сего видно самым разительным образом, что ни я, ни кто не могли бы дела благополучно кончить, ежели б самому милосердию божию не угодно было всем править к лучшему.

Здесь должен я упоминуть о славном поступке капитана лейб-гвардии Гранадерского полка князя Мещерского. Он командовал тогда ротою его величества, и когда полк, завлеченный в бунт ловкостью Панова и других соумышленников, отказался в повиновении своему полковнику Стюрлеру, из опасения нарушить присягу своему законному государю Константину Павловичу, Мещерский догнал свою роту на дороге и убеждением и дове-

рием, которое вселял в людей, успел остановить большую часть своей роты и несколько других и привел их ко мне. Я поставил его с саперами на почетное место — к защите дворца.

Воротившись к войскам, нашел я прибывшую артиллерию, но, к нещастию, без зарядов, хранившихся в лаборатории. Доколь послано было за ними, мятеж усиливался; к начальной массе Московского полка прибыл весь гвардейский экипаж и примкнул со стороны Галерной; а толпа гранадер стала с другой стороны. Шум и крик делались беспрестанны, и частые выстрелы перелетали чрез голову. Наконец, народ начал также колебаться, и многие перебегали к мятежникам, пред которыми видны были люди невоенные. Одним словом, ясно становилось, что не сомнение в присяге было истинной причиной бунта, но существование другого важнейшего заговора делалось очевидным. «Ура Конституция!» — раздавалось и принималось чернию за ура, произносимое в честь супруги Константина Павловича!

Воротился генерал-адъютант Левашов с известием, что Измайловский полк прибыл в порядке и ждет меня у Синего моста. Я поехал к нему; полк отдал мне честь и встретил с радостными лицами, которые рассеяли во мне всякое подозрение. Я сказал людям, что хотели мне их очернить, что я сему не верю, что, впрочем, ежели среди их есть такие, которые хотят против меня итти, то я им не препятствую и дозволяю присоединиться к мятежникам. Громкое ура было мне ответом. Я при себе велел зарядить ружья и послал полк с генералом-майором Мартыновым, командиром бригады, на площадь, велев поставить в резерв спиной к дому Лобанова. Сам же поехал к Семеновскому полку, уже стоявшему на своем месте.

Полк, под начальством полковника Шипова, прибыл в величайшей исправности и стоял у самого моста на канале, батальон за батальоном. Михаил Павлович был уже тут. С этого места было еще ближе видно, что с гвардейским экипажем, стоявшим на правом фланге мятежников, было много офицеров экипажа сего и других, но видны были и другие во фраках, расхаживавшие между солдат и уговаривавшие стоять твердо.

В то время как я ездил к Измайловскому полку, прибыл требованный мною митрополит Серафим из Зимнего дворца, в полном облачении и с крестом. Почтенный пастырь с одним поддиаконом вышел из кареты и, положа крест на голову, пошел прямо к толпе; он хотел говорить, но Оболенский и другие сей шайки ему воспрепятствовали, угрожая стрелять, ежели не удалится.

Михаил Павлович предложил мне подъехать к толпе в надежде присутствием своим разуверить заблужденных и полагавших быть верными присяге Константину Павловичу, ибо привязанность Михаила Павловича к брату была всем известна. Хотя страшился я для брата изменнической руки, ибо видно было, что бунт более и более усиливался, но, желая испытать все способы, я согласился и на сию меру и отпустил брата, придав ему генерала-адъютанта Левашова. Но и его увещания не помогли; хотя матросы начали было слушать, мятежники им мешали, и Кюхельбекер взвел курок пистолета и начал целить в брата, что однако три матроса ему не дали совершить.

Брат воротился к своему месту, а я, объехав вокруг собора, прибыл снова к войскам, с той стороны бывшим, и нашел прибывшим лейб-гвардии Егерский полк, который оставил на площади против Гороховой за пешей гвардейской артиллер. бригадой.

Погода из довольно сырой становилась холоднее; снегу было весьма мало, и оттого — весьма скользко; начинало смеркаться, — ибо был уже 3 час. [1])

[1]) Т.-е. — третий час.

пополудни. Шум и крик делались настойчивее, и частые ружейные выстрелы ранили многих в конной гвардии и перелетали через войска; большая часть солдат на стороне мятежников стреляли вверх.

Выехав на площадь, желал я осмотреть, не будет ли возможности, окружив толпу, принудить к сдаче без кровопролития. В это время сделали по мне залп; пули просвистали мне чрез голову и, к щастию, никого из нас не ранило. Рабочие Исаакиевского собора из-за заборов начали кидать в нас поленьями. Надо было решиться положить сему скорый конец, иначе бунт мог сообщиться черни, и тогда окруженные ею войска были б в самом трудном положении. [3]

Я согласился испробовать атаковать кавалериею. Конная гвардия первая атаковала по-эскадронно, но ничего не могла произвести и по тесноте, и от гололедицы, но в особенности не имея отпущенных палашей. Противники в сомкнутой колонне имели всю выгоду на своей стороне и многих тяжело ранили, в том числе ротмистр Велио лишился руки. Кавалергардский полк равномерно ходил в атаку, но без большого успеха.

Тогда генерал-адъютант Васильчиков, обратившись ко мне, сказал:

— Sire, il n'y a pas un moment à perdre; l'on n'y peut rien maintenant; il faut de la mitraille! [1])

Я предчувствовал сию необходимость, но, признаюсь, когда настало время, не мог решиться на подобную меру, и меня ужас объял.

— Vous voulez que je verse le sang de mes sujets le premier jour de mon régne? [2]) — отвечал я Васильчикову.

— Pour sauver votre Empire [3]) — сказал он мне.

Эти слова меня снова привели в себя; опомнившись, я видел, что или должно мне взять на себя пролить кровь некоторых и спасти почти наверно в с е; или, п о щ а д и в с е б я, жертвовать решительно государством.

Послав одно орудие 1-й легкой пешей батареи к Михаилу Павловичу с тем, чтобы усилить сию сторону, как единственное отступление мятежникам, взял другие три орудия и поставил их пред Преображенским полком, велев зарядить картечью; орудиями командовал штабс-капитан Бакунин.

Вся во мне надежда была, что мятежники устрашатся таких приготовлений и сдадутся, не видя себе иного спасения. Но они оставались тверды; крик продолжался еще упорнее. Наконец, послал я генерал-майора Сухозанета объявить им, что ежели сейчас не положат оружия, велю стрелять. Ура и прежние восклицания были ответом и вслед затем — залп.

Тогда, не видя иного способа, скомандовал: пали! — Перьвый выстрел ударил высоко в Сенатское здание, и мятежники отвечали неистовым криком и беглым огнем. Второй и третий выстрел от нас и с другой стороны из орудия у Семеновского полка ударили в самую середину толпы, и мгновенно все рассыпалось, спасаясь Английской набережной на Неву, по Галерной и даже навстречу выстрелов из орудия при Семеновском полку, дабы достичь берега Крюкова канала.

Велев артиллерии взяться на передки, мы двинули Преображенский и Измайловский полки через площадь, тогда как гвардейский Конно-пионерный эскадрон и часть конной гвардии преследовали бегущих по Английской набережной. Одна толпа начала было выстраиваться на Неве, но два выстрела картечью их рассеяли, — и осталось сбирать спрятанных и разбежа-

---

[1]) Ваше величество, нельзя терять ни минуты; ничего не поделаешь: нужна картечь!

[2]) Вы хотите, чтобы я пролил кровь моих подданных в первый день моего царствования?

[3]) Чтобы спасти вашу империю.

вшихся; что возложено было на генерал-адъютанта Бенкендорфа с 4 эскадронами Конной гвардии и гвардейским конно-пионерным эскадроном под командою генерал-адъютанта Орлова на Васильевском острову и 2 эскадронами конной гвардии на сей стороне Невы. Вслед засим вручил я команду сей части города генералу-адъютанту Васильчикову, назначив ему оставаться у Сената и отдав ему в команду Семеновский полк, 2 батальона Измайловского, сводный батальон Московского и Павловского полков, 2 эскадрона конной гвардии и 4 орудия конной артиллерии. Васильевский остров поручил в команду генерал-адъютанту Бенкендорфу, оставя у него прежние 6 эскадронов и придав лейб-гвардии Финляндского полка 1 батальон и 4 орудия пешей артиллерии. Сам отправился ко дворцу. У Гороховой, в виде авангарда, оставил на Адмиралтейской площади 2 батальона лейб-гвардии Егерского полка и за ними 4 эскадрона Кавалергардского полка. Остальной батальон лейб-гвардии Егерского полка держал пикеты [1]) у Малой Миллионной, у Большой Миллионной, у казарм 1-го батальона Преображенского полка и на Большой Набережной у театра. К сим постам придано было по 2 пеших орудия. Батареи о 8 орудиях поставлены были у Эрмитажного съезда на Неву, а другая о 4 орудиях против угла Зимнего дворца на Неву. 1 батальон Измайловского полка стоял на набережной у парадного подъезда, 2 эскадрона кавалергардов — левее, против угла дворца. Преображенский полк и при нем 4 орудия роты его величества стоял на Дворцовой площади спиной к дворцу, у главных ворот в резерве, а на дворе оставались оба саперных батальона и рота 1 гранадерская лейб-гвардии Гранадерскаго полка.

5.

Ночь с 14-го на 15-е декабря была не менее замечательна, как и прошедший день; потому для общего понятия всех обстоятельств тогдашних происшествий нужно и об ней подробно упомянуть.

Едва воротились мы из церькви, я сошел, как сказано в перьвой части, к расположенным перед дворцом и на дворе войскам. Тогда велел снести и сына, а священнику с крестом и святой водой приказал обойти ближние биваки и окропить войска. Воротясь, я велел собраться Совету и, взяв с собой брата Михаила Павловича, пошел в собрание. Там в коротких словах я объявил настоящее положение вещей и истинную цель того бунта, который здесь принимал совершенно иной предлог, чем был настоящий; никто в Совете не подозревал сего; удивление было общее, и, прибавлю, удовольствие казалось общим, что бог избавил от видимой гибели. Против меня перьвым налево сидел Н. С. Мордвинов. Старик слушал особенно внимательно, и тогда же выражение лица его мне показалось особенным; потом мне сие объяснилось в некоторой степени.

Когда я пришел домой, комнаты мои похожи были на Главную Квартиру в походное время. Донесения от князя Васильчикова и от Бенкендорфа одно за другим ко мне приходили. Везде сбирали разбежавшихся солдат Гранадерского полка и часть Московских. Но важнее было арестовать предводительствовавших офицеров и других лиц.

Не могу припомнить, кто перьвый приведен был; кажется мне — Щепин-Ростовский. Он, в тогдашней полной форме и в белых панталонах, был из перьвых схвачен, сейчас после разбития мятежной толпы; его вели мимо

[1]) Слово читается неясно; может быть прочтено и «посты».

верной части Московского полка, офицеры его узнали и в порыве негодования на него как увлекшего часть полка в заблуждение, они бросились на него и сорвали эполеты; ему стянули руки назад веревкой, и в таком виде он был ко мне приведен. Подозревали, что он был главное лицо бунта; но с перьвых его слов можно было удостовериться, что он был одно слепое орудие других и подобно солдатам завлечен был одним убеждением, что он верен императору Константину. Сколько помню, за ним приведен был Бестужев Московского полка, и от него уже узнали мы, что князь Трубецкой был назначен предводительствовать мятежом. Генерал-адъютанту графу Толю поручил я снимать допрос и записывать показания приводимых, что он исполнял, сидя на софе пред столиком, там, где теперь у наследника висит портрет императора Александра.

По перьвому показанию насчет Трубецкого я послал флигель-адъютанта князя Голицына, что теперь генерал-губернатор смоленский, взять его. Он жил у отца жены своей, урожденной графини Лаваль. Князь Голицын не нашел его: он с утра не возвращался, и полагали, что должен быть у княгини Белосельской, тетки его жены. Князь Голицын имел приказание забрать все его бумаги, но таких не нашел: они были или скрыты или уничтожены; однако в одном из ящиков нашлась черновая бумага на оторванном листе, писанная рукою Трубецкого, особой важности; это была программа на весь ход действий мятежников на 14 число, с означением лиц участвующих и разделением обязанностей каждому. С сим князь Голицын поспешил ко мне, и тогда только многое нам объяснилось. Важный сей документ я вложил в конверт и оставил при себе и велел ему же, князю Голицыну, непременно отыскать Трубецкого и доставить ко мне. Покуда он отправился за ним, принесли отобранные знамена у лейб-гвардии Московских, лейб-гвардии гранадер и гвардейского экипажа, и вскоре потом собранные и обезоруженные пленные под конвоем лейб-гвардии Семеновского полка и эскадрона конной гвардии проведены в крепость.

Князь Голицын скоро воротился от княгини Белосельской с донесением, что там Трубецкого не застал, и что он переехал в дом австрийского посла, графа Лебцельтерна, женатого на другой же сестре графини Лаваль.

Я немедленно отправил князя Голицына к управлявшему министерством иностранных дел графу Нессельроду с приказанием ехать сию же минуту к графу Лебцельтерну с требованием выдачи Трубецкого, что граф Нессельрод сейчас исполнил. Но граф Лебцельтерн не хотел вначале его выдавать, протестуя, что он ни в чем не виновен. Положительное настояние графа Нессельрода положило сему конец; Трубецкой был выдан князю Голицыну и им ко мне доставлен.

Призвав генерала Толя во свидетели нашего свидания, я велел ввести Трубецкого и приветствовал его словами:

— Вы должны быть известны об происходившем вчера. С тех пор многое объяснилось, и, к удивлению и сожалению моему, важные улики на вас существуют, что вы не только участником заговора, но должны были им предводительствовать. Хочу вам дать возможность хоть несколько уменьшить степень вашего преступления добровольным признанием всего вам известного; тем вы дадите мне возможность пощадить вас, сколько возможно будет. Скажите, что вы знаете?

— Я невинен, я ничего не знаю, — отвечал он.

— Князь, опомнитесь и войдите в ваше положение; вы — преступник; я — ваш судья; улики на вас — положительные, ужасные и у меня в руках. Ваше отрицание не спасет вас; вы себя погубите — отвечайте, что вам известно?

— Повторяю, я не виновен, ничего я не знаю.

Показывая ему конверт, сказал я:

— В последний раз, князь, скажите, что вы знаете, ничего не скрывая, или — вы невозвратно погибли. Отвечайте.

Он еще дерзче мне ответил:

— Я уже сказал, что ничего не знаю.

— Ежели так, — возразил я, показывая ему развернутый его руки лист, — так смотрите же, что это?

Тогда он, как громом пораженный, упал к моим ногам в самом постыдном виде.

— Ступайте вон, все с вами кончено, — сказал я, и генерал Толь начал ему допрос. Он отвечал весьма долго, стараясь все затемнять, но несмотря на то, изобличал еще больше и себя и многих других.

Кажется мне, тогда же арестован и привезен ко мне Рылеев. В эту же ночь объяснилось, что многие из офицеров Кавалергардского полка, бывшие накануне в строю и даже усердно исполнявшие свой долг, были в заговоре; имена их известны по делу; их одного за другим арестовали и привозили, равно многих офицеров гвардейского экипажа.

В этих привозах, тяжелых свиданиях и допросах прошла вся ночь. Разумеется, что всю ночь я не только не ложился, но даже не успел снять платье и едва на полчаса мог прилечь на софе, как был одет, но не спал. Генерал Толь всю ночь напролет не переставал допрашивать и писать. К утру мы все походили на тени и насилу могли двигаться. Так прошла эта достопамятная ночь. Упомнить, кто именно взяты были в это время, никак уже не могу, но показания пленных были столь разнообразны, пространны и сложны, что нужна была особая твердость ума, чтоб в сем хаосе не потеряться.

Моя решимость была, с начала самого, — не искать виновных, но дать каждому оговоренному возможность смыть с себя пятно подозрения. Так и исполнялось свято. Всякое лицо, на которое было одно показание, без явного участия в происшествии, под нашими глазами совершившемся, призывалось к допросу; отрицание его или недостаток улик были достаточны к немедленному его освобождению. В числе сих лиц был известный Якубович; его наглая смелость отвергала всякое участие, и он был освобожден, хотя вскоре новые улики заставили его вновь и окончательно арестовать. Таким же образом лейб-гвардии конно-пионерного эскадрона поручик Назимов был взят, ни в чем не сознался, и недостаток начальных улик был причиной, что, допущенный к исправлению должности, он даже 6 генваря был во внутреннем карауле; но несколько дней спустя был вновь изобличен и взят под арест. Между прочими показаниями было и на тогдашнего полковника лейб-гвардии Финляндского полка фон-Моллера, что ныне дивизионный начальник 1-й гвардейской дивизии. 14 декабря он был дежурным по караулам и вместе со мной стоял в главной гауптвахте под воротами, когда я караул туда привел. Сперва улики на него казались важными — в знании готовившегося; доказательств не было, и я его отпустил.

За всеми, не находящимися в столице, посылались адъютанты или фельдъегери.

В числе показаний на лица, но без достаточных улик, чтоб приступить было можно даже к допросам, были таковые на Н. С. Мордвинова, сенатора Сумарокова и даже на М. М. Сперанского. Подобные показания рождали сомнения и недоверчивость, весьма тягостные, и долго не могли совершенно рассеяться. Странным казалось тоже поведение покойного

Карла Ивановича Бистрома, и должно признаться, что оно совершенно никогда не объяснилось. Он был начальником пехоты гвардейского корпуса; брат и я были его два дивизионные подчиненные ему начальники. У генерала Бистрома был адъютантом известный князь Оболенский. Его ли влияние на своего генерала, или иные причины, но в минуту бунта Бистрома нигде не можно было сыскать; наконец, он пришел с лейб-гвардии Егерским полком, и хотя долг его был — сесть на коня и принять начальство над собранной пехотой, он остался пеший в шинели перед Егерским полком и не отходил ни на шаг от оного, под предлогом, как хотел объяснить потом, что полк колебался, и он опасался, чтоб не пристал к прочим заблудшим. Ничего подобного я на лицах полка не видал, но когда полк шел еще из казарм по Гороховой на площадь, то у Каменного моста стрелковый взвод 1 карабинерной роты, состоявший почти весь из кантонистов, вдруг бросился назад, но был сейчас остановлен своим офицером поручиком Живко-Миленко-Стайковичем и приведен в порядок. Не менее того поведение генерала Бистрома показалось столь странным и мало понятным, что он не был вместе с другими генералами гвардии назначен в генерал-адъютанты, но получил сие звание позднее.

Рано утром все было тихо в городе, и, кроме продолжения розыска об скрывшихся после рассеяния бунтовавшей толпы, ничего не происходило.

Воротившиеся сами по себе солдаты в казармы из сей же толпы принялись за обычные свои занятия, искренно жалея, что невольно впали в заблуждение обманом своих офицеров. Но виновность была разная; в Московском полку ослушание и потом бунт произошли в присутствии всех старших начальников—дивизионного генерала Шеншина и полкового командира ген.-майора Фредерикса и в присутствии всех штаб-офицеров полка; два капитана отважились увлечь полк и успели половину полка вывесть из послушания, тяжело ранив генералов и одного полковника и отняв знамена. В Лейб-Гранадерском полку было того хуже. Полк присягнул; прапорщик, вопреки полкового командира, всех штаб-офицеров и большей части обер-офицеров, увлек весь полк, и полковой командир убит в виду полка, которого остановить не мог. Нашелся в полку только один капитан, князь Мещерский, который умел часть своей роты удержать в порядке. Наконец, в гвардейском экипаже большая часть офицеров, кроме штаб-офицеров, участвовали в заговоре и тем удобнее могли обмануть нижних чинов, твердо думавших, что исполняют долг присяги, следуя за ними, вопреки увещаний своих главных начальников. Но батальон сей перьвый пришел в порядок; огорчение людей было искренно, и желание их заслужить прощение столь нелицемерно, что я решился, по представлению Михаила Павловича, воротить им знамя в знак забвения происшедшего накануне.

Утро было ясное; солнце ярко освещало бивакирующие войска; было около десяти или более градусов мороза. Долее держать войска под ружьем не было нужды; но, прежде роспуска их, я хотел их осмотреть и благодарить за общее усердие всех и тут же осмотреть гвардейский экипаж и возвратить ему знамя. Часов около десяти, надев в перьвый раз преображенский мундир, выехал я верьхом и объехал сначала войска на Дворцовой площади, потом на Адмиралтейской; тут выстроен был гвардейский экипаж фронтом, спиной к Адмиралтейству, правый фланг против Вознесенской. Приняв честь, я в коротких словах сказал, что хочу забыть минутное заблуждение и в знак того возвращаю им знамя, а Михаилу Павловичу поручил привесть батальон к присяге, что и исполнялось, покуда я объезжал войска на Сенатской площади и на Англинской набережной. Осмотр войск кончил

я теми, кои стояли на Большой набережной, и после того распустил войска.

В то самое время, как я возвращался, провезли мимо меня в санях лишь только что пойманного Оболенского. Возвратясь к себе, я нашел его в той передней комнате, в которой теперь у наследника бильярд. Следив давно уже за подлыми поступками этого человека, я как будто предугадал его злые намерения и, признаюсь, с особенным удовольствием объявил ему, что не удивляюсь ничуть видеть его в теперешнем его положении пред собой, ибо давно его черную душу предугадывал. Лицо его имело зверское и подлое выражение, и общее презрение к нему сильно выражалось.

Скоро после того пришли мне сказать, что в ту же комнату явился сам Александр Бестужев, прозвавшийся Марлинским. Мучимый совестью, он прибыл прямо во дворец на комендантский подъезд, в полной форме и щеголем одетый. Взошед в тогдашнюю знаменную комнату, он снял с себя саблю и, обошед весь дворец, явился вдруг к общему удивлению всех во множестве бывших в передней комнате. Я вышел в залу и велел его позвать; он с самым скромным и приличным выражением подошел ко мне и сказал:

— Преступный Александр Бестужев приносит вашему величеству свою повинную голову.

Я ему отвечал:

— Радуюсь, что вашим благородным поступком вы даете мне возможность уменьшить вашу виновность; будьте откровенны в ваших ответах и тем докажите искренность вашего раскаяния.

Много других преступников приведено в течение этого дня, и так как генералу Толю, по другим его обязанностям, не было времени продолжать допросы, то я заменил его генералом Левашовым, который с той минуты в течение всей зимы, с раннего утра до поздней ночи, безвыходно сим был занят и исполнял сию тяжелую во всех отношениях обязанность с примерным усердием, терпением и, прибавлю, отменною сметливостию, не отходя ни на минуту от данного мной направления, т.-е. не искать в и н о в н ы х, но всякому давать возможность оправдаться.

Входить во все подробности происходившего при сих допросах излишне. Упомяну только об порядке, как допросы производились; они любопытны. Всякое арестованное здесь ли, или привезенное сюда лицо доставлялось прямо на главную гауптвахту. Давалось о сем знать ко мне чрез генерала Левашова. Тогда же лицо приводили ко мне под конвоем. Дежурный флигель-адъютант доносил об том генералу Левашову, он мне, в котором бы часу ни было, даже во время обеда. Доколь жил я в комнатах, где теперь сын живет, допросы делались, как в первую ночь — в гостиной. Вводили арестанта дежурные флигель-адъютанты; в комнате никого не было, кроме генерала Левашова и меня. Всегда начиналось моим увещанием говорить сущую правду, ничего не прибавляя и не скрывая и зная вперед, что не ищут виновного, но желают искренно дать возможность оправдаться, но не усугублять своей виновности ложью или отпирательством.

Так продолжалось с первого до последнего дня. Ежели лицо было важно по участию, я лично опрашивал; малозначащих оставлял генералу Левашову; в обоих случаях после словесного допроса генерал Левашов все записывал или давал часто им самим писать свои первоначальные признания. Когда таковые бывали готовы, генерал Левашов вновь меня призывал или входил ко мне, и, по прочтении допроса, я писал собственно-

ручное повеление Санкт-Петербургской крепости коменданту генералу-адъютанту Сукину о принятии арестанта и каким образом его содержать — строго ли, или секретно, или простым арестом.

Когда я перешел жить в Эрмитаж, допросы происходили в Итальянской большой зале, у печки, которая к стороне театра. Единообразие сих допросов особенного ничего не представляло: те же признания, те же обстоятельства, более или менее полные. Но было несколько весьма замечательных, об которых упомяну. Таковы были Каховского, Никиты [1]) Муравьева, руководителя бунта Черниговского полка, Пестеля, Артамона Муравьева, Матвея Муравьева, брата Никиты, Сергея Волконского и Михайлы Орлова.

Каховский говорил смело, резко, положительно и совершенно откровенно. Причину заговора, относя к нестерпимым будто притеснениям и неправосудию, старался причиной им представлять покойного императора. Смоленский помещик, он в особенности вопил на меры, принятые там для устройства дороги по проселочному пути, по которому государь и императрица следовали в Таганрог, будто с неслыханными трудностями и разорением края исполненными.[2]) Но с тем вместе он был молодой человек, исполненный прямо любви к отечеству, но в самом преступном направлении.

Никита Муравьев был образец закоснелого злодея. Одаренный необыкновенным умом, получивший отличное образование, но на заграничный лад, он был во своих мыслях дерзок и самонадеян до сумасшествия, но вместе скрытен и необыкновенно тверд. Тяжело раненый в голову, когда был взят с оружием в руках, его привезли закованного. Здесь сняли с него цепи и привели ко мне. Ослабленный от тяжкой раны и оков, он едва мог ходить. Знав его в Семеновском полку ловким офицером, я ему сказал, что мне тем тяжелее видеть старого товарища в таком горестном положении, что прежде его лично знал за офицера, которого покойный государь отличал, что теперь ему ясно должно быть, до какой степени он преступен, что — причиной нещастия многих невинных жертв, и увещал ничего не скрывать и не усугублять своей вины упорством. Он едва стоял; мы его посадили и начали допрашивать. С полной откровенностью он стал рассказывать весь план действий и связи свои. Когда он все высказал, я ему отвечал:

— Объясните мне, Муравьев, как вы, человек умный, образованный, могли хоть одну секунду до того забыться, чтоб считать ваше намерение сбыточным, а не тем, что есть — преступным злодейским сумасбродством?

Он поник голову, ничего не отвечал, но качал головой с видом, что чувствует истину, но поздно.

Когда допрос кончился, Левашов и я, мы должны были его поднять и вести под руки.

Пестель был также привезен в оковах; по особой важности его действий, его привезли и держали секретно. Сняв с него оковы, он приведен был вниз в Эрмитажную библиотеку. Пестель был злодей во всей силе слова, без малейшей тени раскаяния, с зверским выражением и самой дерзкой смелости в запирательстве; я полагаю, что редко найдется подобный изверг.

Артамон Муравьев был не что иное, как убийца, изверг без всяких других качеств, кроме дерзкого вызова на цареубийство. Подл в теперешнем положении, он валялся у меня в ногах, прося пощады.

---

[1]) Николай спутал имена: он имеет в виду Сергея Ивановича Муравьева-Апостола. *Прим.* Ред.

*) Так в рукописи.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ

Напротив, Матвей Муравьев, сначала увлеченный братом, но потом в полном раскаянии уже некоторое время от всех отставший, из братской любви только спутник его во время бунта и вместе с ним взятый, благородством чувств, искренним глубоким раскаянием меня глубоко тронул.

Сергей Волконский набитый дурак, таким нам всем давно известный, лжец и подлец в полном смысле, и здесь таким же себя показал. Не отвечая ни на что, стоя, как одурелый, он собой представлял самый отвратительный образец неблагодарного злодея и глупейшего человека.

Орлов жил в отставке в Москве. С большим умом, благородной наружностию — он имел привлекательный дар слова. Быв флигель-адъютантом при покойном императоре, он им назначен был при сдаче Парижа для переговоров. Пользуясь долго особенным благорасположением покойного государя, он принадлежал к числу тех людей, которых щастие избаловало, у которых глупая надменность затмевала ум, щитав, что они рождены для преобразования России. Орлову менее всех должно было забыть, чем он был обязан своему государю, но самолюбие заглушило в нем и тень благодарности и благородства чувств. Завлеченный самолюбием, он с непостижимым легкомыслием согласился быть и сделался главой заговора, хотя вначале не столь преступного, как впоследствии. Когда же первоначальная цель общества начала исчезать и обратилась уже в совершенный замысел на все священное и цареубийство, Орлов объявил, что перестает быть членом общества, и, видимо, им более не был, хотя не прекращал связей знакомства с бывшими соумышленниками и постоянно следил и знал, что делалось у них. В Москве, женатый на дочери генерала Раевского, которого одно время был начальником штаба, Орлов жил в обществе как человек, привлекательный своим умом, нахальный и большой говорун. Когда пришло в Москву повеление к военному генерал-губернатору князю Голицыну об арестовании и присылке его в Петербург, никто верить не мог, чтобы он был причастен к открывшимся злодействам. Сам он, полагаясь на свой ум и в особенности увлеченный своим самонадеянием, полагал, что ему стоить будет сказать слово, чтоб снять с себя и тень участия в деле.

Таким он явился. Быв с ним очень знаком, я его принял как старого товарища и сказал ему, посадив с собой, что мне очень больно видеть его у себя без шпаги, что, однако, участие его в заговоре нам вполне уже известно и вынудило его призвать к допросу, но не с тем, чтоб слепо верить уликам на него, но с душевным желанием, чтоб мог вполне оправдаться; что других я д о п р а ш и в а л, его же прошу как благородного человека, старого флигель-адъютанта покойного императора с к а з а т ь мне откровенно, что знает.

Он слушал меня с язвительной улыбкой, как бы насмехаясь надо мной, и отвечал, что ничего не знает, ибо никакого заговора не знал, не слышал и потому к нему принадлежать не мог; но что ежели б и знал про него, то над ним бы смеялся как над глупостию. Все это было сказано с насмешливым тоном и выражением человека, слишком высоко стоящего, чтоб иначе отвечать как из с н и с х о ж д е н и я.

Дав ему договорить, я сказал ему, что он, повидимому, странно ошибается нащет нашего обоюдного положения, что не он снисходит о т в е ч а т ь м н е, а я снисхожу к нему, обращаясь не как с преступником, [1]) а как со старым товарищем, и кончил сими словами:

— Прошу вас, Михаил Федорович, не заставьте меня изменить моего с вами обращения; отвечайте моему к вам доверию искренностию.

[1]) В рукописи «преступников».

Тут он рассмеялся еще язвительнее и сказал мне:

— Разве общество под названием «Арзамас» хотите вы узнать?

Я отвечал ему весьма хладнокровно:

— До сих пор с вами говорил старый товарищ, теперь вам приказывает ваш государь; отвечайте прямо, что вам известно.

Он прежним тоном повторил:

— Я уже сказал, что ничего не знаю и нечего мне рассказывать.

Тогда я встал и сказал генералу Левашову:

— Вы слышали? — Принимайтесь же за ваше дело, — и, обратясь к Орлову: — а между нами все кончено.

С сим я ушел и более никогда его не видел.

ЗАМЕТКИ НИКОЛАЯ I НА ПОЛЯХ РУКОПИСИ М. Н. КОРФА.

Как известно, рукопись сочинения М. Н. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I» была просмотрена Николаем I, при чем он внес в нее исправления и на полях сделал несколько дополнительных заметок. После отпечатания первого издания книги (в декабре 1848 г., в 25 экземплярах), М. Н. Корф собрал различные новые материалы и получил замечания по поводу своей работы от участников и очевидцев изложенных в ней событий. Собранные материалы были им представлены на просмотр Михаилу Павловичу, наследнику Александру Николаевичу и, через последнего, самому Николаю. Николай сделал на полях представленных ему выписок свои замечания и дополнения, которые были приняты Корфом во внимание при составлении текста второго издания книги. Текст этого второго издания был также представлен в марте 1853 года Николаю и им исправлен. Третье издание (первое для публики) вышло, как известно, уже по смерти Николая I.

Таким образом Николай трижды — в 1848, 1849 и 1853 гг. принимал личное участие в работе над текстом истории своего воцарения. Заметки, сделанные им во время этих пересмотров, иногда довольно пространные, представляют как бы дополнение к тексту собственноручных его записок о 14 декабря, положенных в основу работы Корфа. Эти заметки воспроизводятся здесь, за исключением совершенно незначительных и мало интересных. Печатаются они с оригиналов, хранящихся в «Особом Отделе» «Архива Октябрьской Революции» (Москва), в числе бумаг бывш. «Библиотеки Зимнего Дворца», под № 1405.

---

1. Заметки на рукописном экземпляре первоначального текста книги М. Н. Корфа.

(1848 г.)

Против места, соответствующего стр. 6 — 7 третьего издания и читавшегося так: «Миновали многие годы. Тот, кто в юности мечтал о частной жизни на берегах Рейна, перешагнул его дважды с лаврами победы и ветвью мира, отомщая за пожарище Москвы сбережением Парижа. Коленопреклоненная Европа именовала его своим провидением»... — Николай написал:

«А р у с с к и е через год после того хотели на него руку поднять в самой Москве!».

Против последних строк отрывка, излагающего беседу Константина Павловича с Михаилом Павловичем в Варшаве в 1821 году и соответствующего стр. 13—14 третьего издания, [1]) Николай написал:

«Когда мы прибыли в Варшаву, брат Константин Павлович принял нас с свойственной ему приветливостью, меня же пристыдил не подлежавшими мне почестями; и когда старался от них увертываться, прося избавить меня от них, принимая их почти за насмешку, то он шутя мне отвечал: «Это все потому, что ты — Мирликийский Царь» — и с тех пор часто мне давал это прозвище, не объясняя зачем».

Против рассуждения о вероятных причинах сохранения в тайне отречения Константина (в третьем издании, стр. 30), читавшегося в рукописи: «...в опасении, чтобы и второй брат, по примеру старшего и по тому же праву, не отрекся также от наследия престола, если б оно было ему возвещено гласно и торжественно...»— Николай, принимая эту подсказанную услужливым Корфом мотивировку и, так сказать, закрепляя ее, написал:

«Я не иначе могу себе изъяснить сие молчание пред нами, как опасением государя, что я последую примеру старшего брата».

Страницам 45—50 третьего издания в первоначальной рукописи соответствовал короткий, в нескольких строках, рассказ о получении известия о смерти Александра I. Николай вычеркнул этот рассказ и на полях написал:

«Это неверно, и чтобы объяснить в той же подробности, как все описано, надо мне будет говорить поневоле о себе.

25-го ноября, вечером, часов в 6, я играл с детьми, у которых были гости. Как вдруг пришли мне сказать, что военный генерал-губернатор гр. Милорадович ко мне приехал. Я сейчас пошел к нему и застал его в приемной комнате, живо ходящим по комнате, с платком в руке и в слезах; взглянув на него, я ужаснулся и спросил:

— Что это, Михаил Андреевич, что случилось?

Он мне отвечал:

— Il y a une horrible nouvelle. [2])

Я ввел его в кабинет, и тут он, зарыдав, отдал мне письмо от кн. Волконского и Дибича, говоря:

— L'empreur se meurt, il n'y a plus qu'un faible espoir. [3])

У меня ноги подкосились; я сел и прочел письмо, где говорилось, что хотя не потеряна всякая надежда, но что государь очень плох.

Перьвая моя мысль была м а т у ш к а, и как ей объявить это ужасное известие. Было другое письмо от тех же лиц к г. Вилламову; ему пришлось оповестить о сем матушке; и только что успел я объявить о том же

---

[1]) Ср. ниже в «Записках» Михаила Павловича стр. 45 — 46

[2]) Ужасные известия.

[3]) Государь умирает; остается самая слабая надежда.

жене и хотел ехать к матушке, как она за мной послала. Я застал ее в тех ужасных огорчениях, которых опасался; положение ее было столь ужасно, что я не решился ее покидать и остался всю ночь с адъютантом моим Адлербергом в камердинерской комнате сидящим. Ночью часто меня матушка призывала, ища утешений, которых я не в состоянии был ей дать. Под утро, часов в 7, прибыл второй фельдъегерь, с известием об минутной перемене к лучшему и с письмом императрицы Елизаветы Алексеевны.

Утром были мы у обедни и молебствия о здравии; весь день проводили в радости и надежде. На другой день, т.-е. 27-го числа, мы снова были у обедни и у молебствия, по обычаю матушки, в ризнице большой церькви. Там дверь в переднюю была стеклянная, и мы условились, что буде приедет курьер из Таганрога, камердинер сквозь дверь даст мне знать. Только что после обедни начался молебен, знак был дан камердинером Гриммом. Я тихо вышел, и в бывшей библиотеке комнате [1]) короля прусского нашел гр. Милорадовича. По лицу его я уже догадался, что роковая весть пришла. Он мне сказал:

— C'est fini; courage maintenant, donnez l'exemple [2]) —

и повел меня под руку. Так дошли мы до перехода, что был за Кавалергардской комнатой; тут я упал на стул, все силы меня оставили. Я послал за лейб-медиком Рюлем, чтобы вместе итти к нещастной матушке, боясь без его присутствия объявлять ей. Мы пошли с ним и с Милорадовичем. Молебен продолжался; матушка заметила мое долгое отсутствие, в ужасном (беспокойстве) [3]) стояла на коленях. Войдя, я простерся на землю, не говоря ни слова; она догадалась всего, [4]) но — ни слова, ни слезы; ужасное оцепенение ей овладело. Я прошел чрез алтарь в церьковь — остановить службу и повел духовника Криницкого с крестом к матушке. Тогда она, прижав губы к распятию, могла только заплакать.

Но мне предстоял другой священный долг; поручив матушку попечениям жены, с гр. Милорадовичем я пошел ко внутреннему гранадерскому караулу, в тот день от роты его величества Преображенского полка».

Рассказ о присяге Николая Константину Павловичу (третье издание стр. 50 — 51) в рукописи был изложен так: «. . . после чего с графом Милорадовичем и бывшими тут генерал-адъютантами присягнул в большой дворцовой церкви императору Константину Павловичу и подписал присяжный лист». Николай на полях написал:

«Сначала шли мы к присяге в Малую церьковь, но она, быв в переделке, не была освящена; потому воротились в Большую».

Далее в печатном тексте следует разговор Николая с матерью и с А. Н. Голицыным после присяги. В первоначальном тексте Корфа этого эпизода не было; Николай изложил его на полях в следующих выражениях (ср. третье издание, стр. 51 — 53):

---

[1]) Так в подлиннике.
[2]) Все кончено, мужайтесь; дайте пример.
[3]) Слово не вполне поддается прочтению в оригинале.
[4]) Так в рукописи.

«Исполнив присягу, я пошел к матушке, которую нашел уже в своих покоях, убитой горем, но в христианской покорности к воле божией. Я ей сказал, что исполнил священный долг своему государю, и что все караулы, равно и бывший во дворце гр. Милорадович, генерал-адъютант кн. Трубецкой, генералы Кутузов, Потапов и многие другие вместе со мной присягнули. Матушка с испугом мне отвечала:

— Nicolas, qu'avez, vous fait? ne savez vous pas qu'il y a un acte qui vous nomme héritier présomptif? [1])

Я отвечал ей:

— S'il y en a un, il ne m'est connu, personne ne le connait, mais nous savons tous, que notre maître, notre souverain légitime est mon frère Constantin, et nous avons rempli notre devoir — arrive ce qui pourra. [2])

Кн. Голицын был в Невском [3]) и, прискакав оттуда, потребовал меня; в исступлении, вне себя от горя, но и от вести во дворце, что все присягнули Константину Павловичу; он начал мне выговаривать, зачем я брату присягнул и других сим завлек, и повторил мне, что́ слышал от матушки, и требовал, чтобы я повиновался мне неизвестной воле покойного государя. Я отверг сие неуместное требование положительно, и мы расстались с князем, я — очень недовольный его вмешательством, он — столько же моей неуступчивостию».

В рассказе о заседании Государственного Совета 27 ноября Николай подчеркнул слова Шишкова, который утверждал, что «империя ни на мгновение не может остаться без монарха», и написал на полях:

«И прав был».

Известное заявление Милорадовича в Совете об отречении Николая Павловича от прав на престол, предоставленных ему манифестом Александра I, в первоначальной рукописи было изложено гораздо определеннее и вызвало два замечания Николая, согласно которым и редактирован был текст для печати (3-е изд., стр. 55). В первоначальной рукописи место это читалось так: «Едва только, — сказано в журнале Совета, — члены успели выслушать с надлежащим благоговением, с горестными и умиленными сердцами последнюю волю императора Александра I, как вдруг явился в собрание граф Милорадович с возвещением, что содержание манифеста вполне известно великому князю Николаю Павловичу, но что он торжественно отрекся от предоставленного ему оным права и первый присягнул на подданство императору Константину, почему ожидает, что и члены Совета последуют его примеру. Послание это не могло не повергнуть членов в величайшее смущение. Надлежало

---

[1]) Что сделали вы, Николай? Разве вы не знаете, что есть акт, который объявляет вас наследником?

[2]) Если и есть такой акт, он мне неизвестен, никто о нем не знал; но мы все знаем, что наш повелитель, наш законный государь — брат Константин, и мы исполнили наш долг — будь, что будет!

[3]) В Александро-Невской лавре, где были собраны для молебствия сановники.

решить борьбу не о престоле, а об отречении от него».

Николай подчеркнул слова — «что содержание манифеста вполне известно» и поставил крест над словом «послание» и написал против этих мест на полях следующие замечания:

«Не знаю, с чего гр. Милорадович мог сие объявить, ибо мне содержание манифеста было вовсе неизвестно, и я перьвый раз видел и читал его, когда Совет принес его ко мне.

«Ежели б я манифест и знал, я бы и тогда сделал бы то же, ибо манифест не был публикован при жизни государя, а Константин Павлович был в отсутствии, потому во всяком случае долг мой и всей России был присягнуть законному государю».

Ниже, против слов из журнала Государственного Совета о приходе членов Совета к Николаю: «Здесь великий князь Николай Павлович изустно подтвердил предстоявшим, что ни о каком другом предложении слышать не хочет, как только чтоб учинить верноподданическую присягу е. и. в. государю императору Константину Павловичу . . .» — Николай, поставив крест после слов «Николай Павлович», на полях написал:

«Из рук кн. Лопухина получил манифест и прочитал его в перьвый раз еще».

Ниже, против слов текста: «что бумаги, ныне читанные в Совете, ему давно известны» (третье издание, стр. 57) — Николай написал:

«Это выражено неправильно Олениным: бумаг я не видал, как уже сказано, но слышал от матушки, что был где-то акт отречения Константина Павловича; об существовании же манифеста мне никогда ничего известного не бывало».

Ниже, к словам: «После сего по усиленной просьбе членов Совета, его императорское высочество, прочитав поднесенные правящим должность государственного секретаря раскрытые в Совете бумаги, поспешил предложить членам итти в придворную церковь для учинения надлежащей присяги на верное подданство государю императору Константину Павловичу» — Николай сделал замечание:

«Это не так; когда услышали мой решительный отказ и требование присяги, гр. Литта перьвый сказал: «По воле покойного государя мы, не присягнувшие Константину Павловичу, признаем вас нашим государем; вы одни можете нам повелевать, и буде воля ваша непреклонна, мы должны вам повиноваться, но просим, ведите нас сами к присяге», — что я и исполнил с охотой».

В месте о замкнутом образе жизни Николая Павловича после присяги Константину (третье издание, стр. 71 — 72) в рукописи

не было упоминания о переезде его из Аничкова дворца в Зимний. Николай вставил на поле:

«По неотложной просьбе матушки, я переехал с женой в Зимний дворец, в комнаты брата Михаила Павловича».

Место о приезде полковника бар. Фредерикса с донесением Дибича об открытии заговора (третье изд., стр. 86) в рукописи было изложено так: «После уже отъезда Михаила Павловича, дней через 8 или 9 по совершении присяги, великий князь одним утром, часов в 6, был разбужен внезапным приездом из Таганрога полковника Измайловского полка барона Фредерикса». Николай сделал на полях замечание:

«По запискам жены — было утром 12-го декабря».

Ниже (стр. 87 третьего издания) место об «открытиях» правительством Александра I о существовании тайного общества первоначально в рукописи было изложено значительно короче, чем в печатном тексте. Оно читалось так: «Последнее время жизни императора Александра омрачено было тяжкими его сердцу открытиями. Еще за несколько перед тем лет, по показанию одного чиновника, обратившегося со своим открытием к командовавшему тогда гвардейским корпусом генерал-адъютанту Васильчикову, ему известно было, что горсть безумных молодых людей мечтает о преобразовании форм нашего государственного устройства». Николай зачеркнул эти строки и на полях написал:

«По некоторым доводам я должен полагать, что государю еще в 1818-м году в Москве после богоявления сделались известными замыслы и вызов Якушкина на цареубийство; с той поры весьма заметна была в государе крупная перемена в расположении духа, и никогда я его не видал столь мрачным, как тогда. Впоследствии сей наружный оттиск расположения души изгладился».

В первоначальной рукописи после рассказа о чтении Николаем народу перед дворцом манифеста (третье изд., стр. 131) шло прямо место о появлении генерал-майора Стрекалова с докладом, что первый батальон Преображенского полка готов (третье изд., стр. 135). Николай поставил здесь в тексте рукописи крест и на полях изложил эпизод о появлении Веригина и Бедряги, внесенный затем Корфом в печатный текст:

«Покуда я был один, ко мне подошли два человека во фраках и сюртуках, с георгиевскими крестами в петлице; это были отставные израненные офицеры Веригин и Бедряга; последний сказал мне: «Знаем, государь, что в городе делается; мы старые раненые офицеры, но покуда мы живы, до вас рука изменников не достанет».

В том месте (стр. 158 третьего издания), где говорилось о поездке Николая после стрельбы по нему к Зимнему дворцу

для распоряжений об усилении его охраны, Николай против слов о том, что к нему во время этого переезда «приближались разные лица с изъявлением преданности», сделал на полях заметку:

«Около этого времени подошел ко мне почтенный старец — ганноверский посланник г. Дёрнберг, во фраке, только с тем, чтоб меня взять за руку в знак всегдашней его дружбы ко мне; а после добрый Н. М. Карамзин в губернском мундире, без шляпы, в медвежьей шубе и в сапогах сошел с бульвара, чтобы мне поклониться». [4]

В рассказ о карауле от Финляндского полка, стоявшем на сенатской гауптвахте непосредственно рядом с мятежниками и к ним не примкнувшем, Николай сделал вставку (она внесена в печатный текст, третье изд., стр. 165):

«Стало-быть, окруженный мятежниками, тыл которых примыкал совершенно к платформе караула».

Несколько ниже Николай сделал на полях заметку о верности порядку арестантов сенатской гауптвахты; заметка эта внесена Корфом в примечание на стр. 166 третьего издания:

«Замечательно, что и бывшие в караульне арестанты, увещеваемые одним из них, имя которого не припомню, не сделали ни малейшей попытки освободиться».

Эпизод о первом обстреле мятежниками Николая и о присоединении к ним народа из толпы (ср. выше стр. 20) был в первоначальной рукописи изложен гораздо проще, чем в печатном тексте (3 изд., стр. 172), который пополнен был на основании записок Бенкендорфа и приводимой здесь записки Николая. В рукописи это место читалось так: «Частые выстрелы перелетали над государем и его свитою. Наконец и чернь, подкупаемая деньгами и подносимым вином, стала колебаться, и многие перебегали к мятежникам, перед которыми видны были люди невоенные». Николай на полях написал:

«При одном из сих залпов толпа черни, стоявшая до того без шапок вокруг меня, вдруг начала надевать шапки и дерзко смотреть. Лошадь моя, испугавшись выстрелов, бросилась в сторону. Тогда только заметил я перемену в толпе и невольно закричал:
— «Шапки долой!» —
Все шапки мигом слетели и все хлынуло от меня прочь». [5]

При описании расположения войск после расстрела мятежников (см. в третьем издании примеч. на 189 стр.) в первоначальной рукописи было сказано, что гвардейский саперный батальон был вместе с Преображенским полком и другими поставлен на Дворцовой площади. Николай на полях написал:

«Остался попрежнему на дворе дворца и усилил караул и посты оного»

Несколько ниже Николай о том-же гвардейском саперном батальоне записал:

«К гвардейскому примкнул учебный сапер[ный батальон]. Войска расставлял сам я». [1])

Возвращение Николая во дворец в первоначальном тексте излагалось так: «В шесть часов вечера государь возвратился во дворец. Там ожидали его с утра в беспокойстве смертельном весь двор и все лица, имеющие право приезда во дворец; ожидала и царственная семья в чувствах, которые можно только вообразить, но не описывать». — Против этого места Николай на полях сделал следующую заметку, использованную Корфом в печатном тексте (ср. 3 изд., стр. 187):

«Во все время мятежа, жена сидела на окне углового кабинета в покоях матушки и когда раздался перьвый пушечный выстрел, она пала на колени в теплой молитве, доколь не увидела меня, возвращавшегося. Встреча моя с матушкой, женой и сыном была на деревянной лестнице, что вела прежде из-под больших ворот в переднюю маленькую дежурную комнату, подле спальни матушки. Дядя герцог Александр Виртембергский все время сидел в бывшей голубой гостиной матушки и не дозволял сыновьям явиться, куда долг их требовал. Зачем — не догадываюсь».

Несколько ниже в рукописи в рассказе К. Г. Репинского о беседе его со Сперанским по возвращении последнего из дворца было, между прочим, такое место: «Сперанский провел весь этот день вместе с другими во дворце. Возвратясь оттуда, он позвал к себе нашего повествователя (т.-е. Репинского. *Ред.*),который рассказал все, что видел, и в конце заметил, что император Николай — герой, и его только бесстрашию и твердости Россия обязана своим спасением. «Так, — отвечал Сперанский, — и все говорят, что так».

Николай вычеркнул это место.

---

2. Замечания Николая I по поводу представленных ему М. Н. Корфом дополнительных материалов для книги о 14 декабря.

(Февраль 1849 года.)

Корф предлагал, с согласия Михаила Павловича, внести в текст не вошедшее в первое издание место о беседе Михаила Павловича с Николаем по приезде Михаила из Варшавы 3 декабря 1825 г. (См. ниже, записки Михаила Павловича; книга Корфа, 3-е издание, стр. 75 — 76). Николай написал на полях:

«Разговор сей между нами был, но я помню тоже, что я брату отвечал, что я иначе действовать не мог в положении, в котором поставлен был; что приезд сюда Константина Павловича всему бы делу дал иной и правиль-

---

[1]) Слова в скобках внесены в текст редактором.

ный оборот; но что упорство брата не ехать будет о д н о причиной несчастий, которых возможность не отвергаю, но в которых я перьвый погибну».

В представленных Корфом воспоминаниях 2-го с.-петербургского коменданта ген.-майора Греча, командовавшего 14 декабря 1825 г. в чине поручика 6-й егерской ротой, бывшей в тот день в карауле на главной дворцовой гауптвахте, было сказано о «неколебимой верности», с какой участвовал в действиях 14 декабря 1-й батальон Финляндского полка. Николай на полях против этого места написал:

«Не совсем так. Командовал сим батальоном полк. Тулубьев; он неохотно шел с батальоном; причины не узнал я положительно. Когда я велел батальону занять Исаакиевский мост, батальон взошел и примкнул к роте его величества Преображенского полка; но стрелковый взвод, почти весь из кантонистов, взятых из учебного карабинерского полка, на мост не пошел. Дело это было потом замято, но Тулубьев вышел в отставку».

В представленных Корфом воспоминаниях состоявшего 14 декабря при Милорадовиче адъютанта его А. П. Башуцкого [1]) о появлении перед дворцом первого батальона Преображенского полка говорилось, что преображенцы, «если можно так выразиться, были не люди, а воплощенные обида, негодование, мщение и приверженность»; они, якобы, встретили Николая криками ура, выбегали из строя и умоляли его дозволить им «отнять у бунтовщиков знамя и кровью смыть пятно, нанесенное гвардейскому мундиру». (Ср. у Корфа, изд. третье, стр. 136 — 137.) Николай против этого места на полях написал:

«Это, кажется, я уже сказал: выражение батальона было, справедливее сказать, — спокойным, гранитным взглядом глубокого чувства своего долга.

Это [2]) — несправедливо; каждый стоял на своем месте, и в этом их достоинство.

Э т о о д н а в ы д у м к а, и похожего ничего не было. Я прошел по фронту, обнял Исленьева и Микулина, а прочее — слово до слова, как уже описано. [3])

Несколько выше против рассказа Башуцкого о «излияниях русского народного сердца» в восклицаниях народа при вести о мятеже, переданной Николаем толпе, о поцелуях царя народу и пр. — Николай написал:

«Справедливого много, но с прикрасами».

Тем не менее Корф почти дословно ввел этот, по отзыву Николая, «прикрашенный» рассказ в текст своего сочинения (см.

---

[1]) Рассказ А. П. Башуцкого напечатан в «Истор. Вестнике», 1908 г., № 1, стр. 132 и сл.

[2]) Т.-е., что солдаты выбегали из строя.

[3]) Т.-е. описано в первом издании.

стр. 132 — 133 третьего издания), изменив лишь в обращении Николая к толпе сентиментальное: «Дети», стоявшее у Башуцкого, на военное: «Ребята!».

Ниже в рассказе Башуцкого имеется сцена появления, во время обхода Николаем фронта преображенцев, гр. Милорадовича, в порванном мундире, с измятой лентой и в совершенно растерянном состоянии духа; несколько слов Николая, однако, тотчас, яко бы возвращают самообладание Милорадовичу, и он, по приказанию Николая, идет за конной гвардией, чтобы ехать с нею на Сенатскую площадь. Доклад Милорадовича о мятежниках при этом излагается в следующих выражениях: «Sire! s ils m ont mis, moi, dans cet état, il n y a plus que la force, qui puisse agir». [1])

Николай против этого места написал:

«У г. Башуцкого, кажется, очень живое воображение. Это все — совершенная выдумка. Я уже сказал, что Милорадович ко мне пришел еще покуда я стоял у ворот, и сказал мне: «Sire, cela va mal, mais je m'en vais leur parler»[2])— и исчез; я более его не видал. Весть об ране его принес мне кн. Голицын, генерал-губернатор, [3]) сколько упомнить могу, только что я сел на коня против угла Главного Штаба или квартиры дворцового коменданта».

Несколько ниже:

«Все выдумки».

В конце приведенного Корфом в его записке рассказа Башуцкого о кончине Милорадовича с письмом царя, зажатым в руке, Николай на полях написал:

«За верность всего этого рассказа я не ручаюсь, по неверностям предыдущего».

---

3. Замечания Николая I в рукописи второго издания.

(Март 1853 года.)

В рукописном тексте второго издания, представленном Корфом Николаю, выход Николая с Дворцовой площади во главе Преображенского батальона (ср. третье изд., стр. 138 — 139) был изложен так: «...повернув колонну... левым плечом вперед к Адмиралтейской площади, остановил ее, велел зарядить ружья боевыми патронами, вызвать на фланги стрелков и полковому командиру с тремя фузелерными ротами итти на Сенатскую площадь, где стать спиной к Адмиралтейскому бульвару, напротив

---

[1]) Государь, если уж они меня привели в такой вид, то тут остается действовать только силой.

[2]) Государь, дело плохо, но я поговорю с ними.

[3]) Кн. Андрей Михайлович Голицын был в 1825 г. флигель-адъютантом; позднее был генерал-губернатором в Смоленске.

Галерной улицы; потом, обратясь к оставшейся еще своей роте... сказал» и т. д. Николай исправил:

«итти к Сенатской площади», «стать правым флангом к Адмиралтейскому бульвару, против дома тогда кн. Лобанова».

После слов «к Адмиралтейской площади» Николай поставил крестик и на полях написал:

«Против угла тогда еще строившегося дома Главного Штаба, обнесенного временным деревянным забором. В эту минуту послышались ружейные выстрелы от стороны Сенатской площади. Государь спросил у полк. Микулина, заряжены ли ружья, и узнав, что нет [остановил ее, велел зарядить и т. д.]. [1])

Тут-же вышел из-за забора полковник кн. Трубецкой, впоследствии оказавшийся одним из главных лиц происшествия».

Далее в отрывке (в третьем издании помещенном на стр. 140) о движении Николая к Сенатской площади, после слов: «...останавливаясь несколько раз на пути для отдачи приказаний и выслушания донесений»,— Николай поставил значок и на полях написал:

«В это время прибежал с Сенатской площади тогдашний флигель-адъютант кн. Андрей Голицын с известием, что слышанными выстрелами смертельно ранен ген. Милорадович».

Место о получении известия о ранении Милорадовича (соответствующее стр. 145 третьего издания) в рукописи читалось так: «Гул бывших выстрелов донесся и до государя. Он вздрогнул и, приподняв руки, воскликнул: «Боже мой, первая кровь пролита!» — Окружавший народ как-бы один человек с трепетом приник к его ногам. Вскоре прибежал флигель-адъютант князь Голицын с известием о ране Милорадовича». Николай зачеркнул это место и на полях написал:

«Этого не бывало».

В выдержке из рассказа К. Г. Репинского об общем виде Сенатской площади во время мятежа (см. в третьем издании, стр. 147 — 148) в рукописи было такое место: «Явился и Граббе-Горский; он привез в извозчичьих санях два довольно больших ящика и сам вскрыл один; в нем были карманные пистолеты. С ним приехал какой-то молодой человек, щеголь, в партикулярной шинели и фуражке, с обнаженною статскою шпагою в руках. Оба они, подняв вверх один — пистолет, другой — шпагу, начали кричать: «Ура Константину Павловичу!». Граббе-Горский стал заряжать пистолет; пуля оказалась слишком велика. Он с площадным ругательством спросил у молодого человека, нет ли

---

[1]) В скобках — слова из текста рукописи Корфа, к которым примыкает вставка Николая.

ножичка, чтоб ее обрезать... Тут раздались несколько выстрелов, которые отняли у нашего повествователя охоту оставаться далее в числе зрителей». Николай вычеркнул это место, однако на полях, против строк о появлении Граббе, написал:

«В треугольной шляпе с плюмажем и в шинели».

Против места (3 изд., стр. 153) о прибытии на площадь Кавалергардского полка и 2 батальона Преображенского полка, Николай написал:

«В это же время приехали ко мне ген.-ад. Васильчиков и ген. Толь верьхами, а Михаилу Павловичу дал я свою лошадь».

К рассказу о том, как полковник Засс с конно-пионерами и конногвардейцами пробивался через ряды мятежников (ср. в третьем издании стр. 157), Николай сделал на полях следующее замечание, помещенное Корфом при печатании в подстрочную сноску:

«Убит был унтер-офицер, замечательный тем, что при формировании лейб-гвардии конно-пионерного дивизиона был перьвый в образцовом обмундировании на смотру у покойного государя».

Известный эпизод о команде артиллерии стрелять (третье издание, стр. 184) в рукописи второго издания был изложен так: «Наконец скомандовав в третий раз и выговорив п е р в а я, государь быстро повернул лошадь и поехал ко дворцу. Но произнесенное Бакуниным [1]) роковое слово оставалось без исполнения» и т. д. Николай зачеркнул это место и на поле написал:

«Неправда, — я не отъезжал с места».

Несколько ниже в рукописи было сказано: «Но за первым выстрелом последовали тотчас второй, третий и далее так поспешно один за другим, что едва на седьмом канониры расслышали дробь, которая требовала прекращения пальбы». Николай против этого места написал:

«И это не так: всего с перьвой позиции у меня сделано три выстрела и у Михаила Павловича два, из которых второй — по бегущей толпе вдоль Крюкова канала, где ныне Конно-гвардейский бульвар. Затем я велел взять вперед на передки и вновь.....[2]) у монумента, откуда сделать опять два выстрела по бегущей толпе по Неве». [6]

Еще ниже в рукописи Корфа было сказано: «Когда скопище рассеялось, одно орудие, по распоряжению Толя, сделало еще три

---

[1]) Последним офицером, передававшим команду.
[2]) Неразобранное слово

выстрела ядрами вдоль по Галерной и потом догнало прочие, взявшиеся на передки и передвинутые вслед за бежавшими к углу Сената на набережную. Одна толпа бунтовщиков начала было опять выстраиваться в некотором порядке на льду Невы; но два выстрела картечью и ее рассыпали. Тогда Сухозанет велел остальным орудиям выстрелить вверх и потом для страха сделать еще по одному выстрелу из каждого ядрами — также вверх, вдоль Невы, наведя орудие левее Горного Корпуса». — Николай вычеркнул место о трех выстрелах ядрами вдоль Галерной и на полях написал:

«Это несправедливо».

О выстрелах картечью по выстраивавшимся на льду Невы солдатам он написал:

«Это те выстрелы, о которых выше сказано».

Наконец, по поводу стрельбы ядрами вверх для страха Николай написал:

«Опять вздор. Все было покончено помянутыми двумя выстрелами. Не знаю, кто выдумал и сообщил эти мнимые подробности».

Против заключительных слов: «Все было кончено...» (3 изд., стр. 186), Николай написал:

«Да, давно кончено пятью выстрелами, но действительными, а не романтическими».

В рассказе о самом конце дня, в сноске под строкой (3-е изд., стр. 195) в рукописи после слов о том, что Александра Федоровна воротилась к себе из церкви «без голоса и без сил», а дети на ночь были расположены, «как на биваках», было сказано: «государь лег в третьем часу». Николай зачеркнул последние слова и написал на полях:

«Ни на минуту не ложился, а пробыл всю ночь, как был — в шарфе и шпаге, в беспрестанных допросах приводимых арестованных или в отдаче приказаний и получении донесений со всех концов».

ВОСПОМИНАНИЯ МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА О СОБЫТИЯХ 14 ДЕКАБРЯ 1825 Г.

(Записанные бар. М. А. Корфом.)

Воспоминания великого князя Михаила Павловича о событиях междуцарствия 1825 г. и о 14 декабря составились из записи его рассказов, сделанной, по его приглашению, М. А. Корфом в декабре месяце 1847 года [1]). Свою запись Корф потом прочитал рассказчику и исправил ее по его указаниям. Рукопись Корфа со всеми поправками хранится, на ряду с другими бумагами Корфа, в «Особом Отделе Архива Октябрьской Революции» в составе бумаг быв. «Библиотеки Зимнего Дворца», под № 1408. Там же хранится и копия воспоминаний. На обложке записок рукою Корфа сделана надпись: «Записка, содержащая в себе воспоминания великого князя Михаила Павловича о событиях 14-го декабря 1825 года, составленная по личным мне рассказам его величества и исправленная потом по его указаниям и под собственным его руководством (1847 г.)». Воспоминания эти были опубликованы в журнале «Минувшие Годы» за 1908 г., кн. 10, стр. 32 — 47.

После выдержанной в 1819-м году жестокой болезни великий князь Михаил Павлович, летом 1821-го года пользовался водами в Карлсбаде и Мариенбаде и оттуда, на возвратном пути, приехал в Варшаву, где остановился, как всегда, у цесаревича Константина Павловича, в Бельведере. В то же время ожидали в Варшаву с Эмских вод и великого князя Николая Павловича с супругою, для которых цесаревич готовил помещение в Лазенках. Не вполне, может статься, оцененный современниками, потому что они мало знали превосходные качества высокой его души, но боготворимый великим князем Михаилом Павловичем, цесаревич Константин сам особенно любил младшего своего брата и постоянно являл ему теплую дружбу и неограниченное доверие, которые при разности их лет представляли почти отношения нежного отца к почтительному сыну.

— Видишь ли, Michel, — сказал он ему однажды среди своих приготовлений к встрече великого князя Николая Павловича, — с тобою мы по-домашнему, а когда я жду брата Николая, мне все кажется, будто готовлюсь встретить государя.

Но эти слова были только преддверием или вступлением к другому, важнейшему сообщению. Раз оба брата проезжали вместе в коляске по городскому валу.

---

[1]) См. Дневник Корфа за 1847 г., запись 7 декабря. — «Арх. Окт. Рев.», бумаги быв. «Библиотеки Зимнего Дворца», № 1817.

— Ты знаешь мою доверенность к тебе—сказал вдруг цесаревич:[1])— я хочу явить новое ее доказательство, открыв тебе великую тайну моей души. Не дай бог, чтоб нас постигло когда-нибудь величайшее несчастие, какое только может разразиться над Россией—потеря государя; но если б этому суждено было случиться при моей жизни, я дал себе святой обет отказаться, навсегда и невозвратно, от наследственных моих прав. Я, во-первых, слишком чту, уважаю и люблю государя, чтоб вообразить себя иначе, как с прискорбием и даже ужасом на том престоле, который прежде был занят им, и во-вторых, я женат на женщине, которая не принадлежит ни к какому владетельному дому и, что еще более, на польке, следственно нация не может иметь ко мне необходимой доверенности, и отношения наши всегда останутся двусмысленными. Итак, я твердо положил себе уступить престол брату Николаю, и ничто не поколеблет этой зрело обдуманной решимости. Покамест она должна остаться в глубокой между нами тайне; но когда вперед у тебя будет речь об этом с братом Николаем, заверь его моим словом, что я ему верный и ревностный слуга до гроба, везде, где он захочет меня употребить; а если б и его не стало прежде меня, то я с таким же усердием буду служить его сыну, может быть еще и с большим, потому что он носит имя моего благодетеля.

Вскоре после этого разговора прибыли в Варшаву ожиданные гости. Неделя, которую они вместе тут жили, проведена была очень весело и в блестящих празднествах; потом оба великие князя, Николай и Михаил, отправились в Бешенковичи для командования вверенными им гвардейскими бригадами при смотре и маневрах которые предназначены были в присутствии государя, возвратившегося весною перед тем с Лайбахского конгресса. Гвардейский корпус получил повеление после маневров расположиться на зиму в западных губерниях, с двоякою целью: о д н о ю, чтобы некоторым образом развлечь и освежить умы после случившегося незадолго перед тем известного события в Семеновском полку; д р у г о ю, чтобы быть в ближайшей готовности к направлению в Италию на случай, если б ход тогдашних политических обстоятельств потребовал осуществить замышлявшуюся посылку армии на помощь австрийцам. В Бешенковичах, обедая однажды с великими князьями, государь спросил, намерены ли они воротиться в Петербург, или же оставаться при своих бригадах, что он предоставляет совершенно на их волю. Оба единодушно отвечали, что как государю угодно было вверить им в командование бригады, то они и считают долгом при них оставаться.

— Я не ожидал иного от вас,—сказал государь,—но как матушка все еще беспокоится о твоем здоровьи, Michel, то, отведя ваши бригады на места их расположения, приезжайте в Петербург с нею повидаться; после чего опять отправитесь к своим местам.

Так и сделалось; но оставляя Петербург после нескольких недель, великие князья получили приказание снова туда приехать ко дню рожденья государя (12-го декабря), к которому ожидалась и сестра их, великая княгиня Мария Павловна.

Великий князь Михаил Павлович явился еще несколькими днями ранее 12-го декабря, по особому приглашению императрицы-матери к празднику, который она устроила в Смольном монастыре для великой княгини. Позже прибыл и цесаревич, так что в зиму с 1821-го на 1822-й год в Петербурге соединилась, впервые после 1816-го года, почти вся царственная

[1]) На полях вставка, потом зачеркнутая: —«на одном совершенно и теперь памятном великому князю месте, между Вольскою и Иерусалимскою заставами».

семья. Великим князьям, которые сперва хотели ехать назад тотчас после Нового года, велено было остаться долее, и они отправились к своим бригадам не прежде начала февраля 1822 года. В это время надлежало совершиться тому великому историческому событию, которое цесаревич давал предчувствовать своему брату в Варшаве.

В приезды свои в Петербург цесаревич останавливался всегда в принадлежавшем ему Мраморном дворце. Туда, бывало, когда окончится вечер у большого двора, он увозил с собою брата своего Михаила Павловича, и тут за чашкою чая и сигарою проводил с ним половину ночи в неистощимых беседах о былом. Одаренный необыкновенною памятью и блестящим даром слова и богатый воспоминаниями о царствованиях императрицы Екатерины и императора Павла, о Суворовских походах и о других происшествиях своего времени, Константин Павлович любил предаваться им в этих дружеских и откровенных беседах, и молодой брат его никогда не утомлялся слушать его живые и одушевленные рассказы. Но перед тем еще великий князь Михаил Павлович должен был ежедневно являться к ужину императрицы-матери, который бывал обыкновенно часов около 10-ти. В один вечер, в январе 1822 года он ожидал, как всегда, извещения, что императрица вышла, но бьет 10 часов, бьет и 11, а его все не зовут; наконец, за ним пришли уже в 12-м часу. В комнатах императрицы он застал цесаревича и великую княгиню Марию Павловну. В ту минуту, когда он вошел, великая княгиня целовала цесаревича в плечо, говоря: «Vous êtes un honnête homme, mon frère»[1]). Между тем после входа Михаила Павловича всякие дальнейшие изъяснения прекратились; ужин обошелся безо всего особенного, и потом цесаревич, по обыкновению, повез брата к себе в Мраморный дворец.

— Помнишь ли ты наш разговор в Варшаве? — спросил он его, как только они сели в сани. — Сегодня вечером все кончилось: я объявил государю и матушке мои намерения и мою непреложную решимость. Они поняли и оценили их, и государь обещал составить о всем этом акт, который сложится в четырех экземплярах в Государственном Совете, в Сенате, в Синоде и на престоле московского Успенского собора, но которого содержание будет хранимо покамест в глубокой тайне и огласится тогда только, когда настанет нужное к тому время.

Тем все и заключилось. И тогда и после при дворе соблюдалось мертвое молчание на счет случившегося, и никто не показывал вида, чтобы что-нибудь знал. Скоро потом великие князья отправились к своим постам.

Прошло три с половиною года. В продолжение этого времени вел. князь Михаил Павлович, по приглашениям цесаревича и по влечению собственного сердца, очень часто навещал его в Варшаве. Случась там и во второй половине ноября 1825-го, когда государь был в Таганроге, он жил, попрежнему, в Бельведере, в покоях, которые отделялись от половины хозяина одною только комнатою. В цесаревиче в это время происходило что-то странное. И брат его и все приближенные видели, что он совсем не во всегдашнем расположении духа и необыкновенно пасмурен. Он даже часто не выходил к столу и на вопросы брата своего отвечал только отрывисто, что ему нездоровится. Вдруг Михаил Павлович стал замечать по дневным рапортам коменданта, что беспрестанно приезжают фельдъегери из Таганрога.

— Что это значит? — спросил он у своего брата.

— «Ничего важного, — равнодушно отвечал цесаревич: — государь утвердил награды, которые я выпросил разным дворцовым чиновникам за последнее его здесь пребывание.

---

[1]) Вы — благородный человек, братец!

И действительно, на другой день награжденные чиновники явились благодарить цесаревича; но сам он с тех пор казался еще скучнее, еще расстроеннее. Между тем на 26-ое ноября, день военного праздника св. Георгия, назначена была особая церемония для всех георгиевских кавалеров, не только находившихся в Варшаве, но и созванных из ближайших округов. Накануне, 25-го числа, цесаревич, все погруженный в то же расстройство, опять не выходил к столу, и брат его, отобедав один с княгинею Лович, прилег потом отдохнуть. Вдруг отворяется его дверь; цесаревич, пройдя ту комнату, которая разделяла их половины, зовет его к себе, для сообщения чего-то очень нужного.

— Michel — сказал он, когда великий князь, накинув наскоро сюртук, к нему выбежал: — приготовься услышать страшную весть: нас постигло ужаснейшее несчастие.

— Что такое? — вскричал великий князь в смертельном беспокойстве, — не случилось ли чего с матушкой?

— Нет, благодаря бога, но над нами, над всею Россиею, разразилось то грозное бедствие, которого я всегда так страшился: мы потеряли нашего благодетеля: не стало государя! — и он бросился в объятия брата, который, не подозревая даже нисколько болезни императора, был поражен этим известием как громовым ударом.

Тут открылась загадка неизъяснимой дотоле грусти цесаревича. Она возбуждена была недугом государя, о котором, кроме него, никто не знал в Варшаве, и ход которого, по содержанию привезенных последним фельдъегерем сведений, еще более его встревожил. И при всем том, пока не было ничего решительного, он умел затаить свое беспокойство и тяжкие предчувствия в собственном сердце, не делясь ими ни с женою, ни с братом и один неся их бремя. Черта великого характера, отрицающегося от сладкой отрады сочувствия, чтобы только не приобщать других к своим страданиям!

Известие о кончине Александра Благословенного получено было в Варшаве 25-го ноября в 7 часов вечера. Излив в объятиях любимого брата первые терзания жестокой печали и не дав даже себе времени объявить горестную весть своей супруге, цесаревич послал за Новосильцовым, за дежурным генералом Кривцовым, за начальником своей канцелярии Гинцом и за состоявшим при нем князем А. Ф. Голицыным.

— Теперь, — сказал он Михаилу Павловичу, — настала торжественная минута доказать, что весь мой прежний образ действия был не какою-нибудь личиною, и продолжать его с тою же твердостию, с которою я начал. В намерениях моих, в моей решимости ничего не переменилось, и воля моя — отречься от престола — более чем когда-либо непреложна. Приступим к исполнению.

Лица, за которыми было послано, жили в разных частях города и потому собрались не все вдруг. Первый пришел Новосильцов, и цесаревич тотчас передал ему роковую весть. Пораженный точно так же, как и великий князь, неожиданною ее внезапностью, он обомлел от печали и ужаса и едва мог притти в себя.

— Какие же теперь приказания в а ш е г о в е л и ч е с т в а? — спросил он наконец.

— Прошу не давать мне этого непринадлежащего титула,—отвечал цесаревич и объявил, что он несколько уже лет тому назад отрекся от наследственных своих прав.

При всем том Новосильцов в продолжение речи несколько раз обращался к нему опять с тем же титулом.

— В последний раз прошу вас — вскричал цесаревич с некоторым уже гневом — перестать и помнить, что теперь один законный государь и император наш — Николай Павлович!

В промежуток этих первых изъяснений явилась княгиня Ловицкая, которая, ожидав своего супруга к чаю и не видя его, решилась сама за ним притти. Тут, при возвещении ей постигшего Россию несчастия, снова повторилась такая же трогательная сцена, какая была прежде между обоими братьями. Княгиня, женщина необыкновенных достоинств, особенно привязана была к покойному государю, не только приязнию семейственною и уважением к его личности, но и сочувствием, которое находила в нем к восторженно-религиозным своим идеям. Между тем мало-по-малу собрались и все прочие призванные лица. Тогда цесаревич, пригласив свою супругу удалиться, объявил им о случившемся, прочел хранившиеся у него копии с бумаг о его отречении и, не принимая никаких возражений, подтвердил всем сказанное Новосильцову, что в силу сих актов теперь, за кончиною Александра Павловича, законный и единственный преемник русского престола есть Николай Павлович. Потом по приказанию его немедленно приступлено было к составлению соответственных к тому бумаг для отправления в Петербург. Это были письма, подтверждавшие его отречение, к императрице-матери и к тому, которого он признавал законным монархом России и именовал в них титулом императорского величества, — те самые письма, которые потом обнародованы при манифесте императора Николая 12-го декабря 1825-го года. Дело это продлилось чрез всю ночь, и только с 5-ти часов утра цесаревич мог дать себе несколько отдыху. Но просмотрев бумаги и велев их переписывать, он возвратился к обычному спокойствию духа.

— Я исполнил свой обет и свой долг—сказал он брату, не оставлявшему его во все это время, — и если печаль о потере нашего благодетеля останется во мне навсегда неизгладимою, то по крайней мере я чист перед его священною для меня памятью и перед собственною совестью. Ты понимаешь, что никакая уже сила не может поколебать моей решимости; но чтобы еще более удостоверить в том матушку и брата и отнять у них последнее сомнение, я самого тебя к ним отправлю. Готовься сегодня же ехать.

Действительно, 26-го числа, когда акты были окончательно изготовлены и подписаны, великий князь Михаил Павлович, отобедав с цесаревичем, отправился в Петербург как с этими официальными бумагами, так и с сопровождавшими их частными еще письмами к Николаю Павловичу и к их родительнице. И любопытно одно: во все прежние свои поездки в Варшаву великий князь Михаил Павлович брал с собою для своих бумаг всегда один портфель, а в настоящий раз, как бы нарочно, при нем находился еще и другой, совсем новый. Он был обновлен этими священными актами, решавшими судьбу России, и с тех пор постоянно сохраняется великим князем.

Динабургского шоссе тогда еще не было. Дорога из Варшавы в Петербург от Ковно отгибала на Шавли и оттуда через Митаву сходила в большой Рижский тракт. На всем протяжении пути до Митавы никто еще не подозревал постигшего Россию несчастия, и все было тихо по обыкновению. В самой Митаве жил тогда, по званию командира 1-го корпуса, Иван Федорович Паскевич, ныне знаменитый князь Варшавский. В проезд великого князя Паскевич явился к нему и от него первого услышал о кончине Александра Благословенного. Но до самого великого князя слухи о событиях петербургских достигли не прежде, как на первой следующей станции, Олае. При нем в коляске находился адъютант его Вешняков; за ними, во

второй коляске следовали другой его адъютант князь Долгоруков и медик Виллье. В Олае, пока перепрягали лошадей, Долгоруков донес, что в Митаве, между тем как у великого князя был Паскевич, один приезжий из Петербурга рассказал им, что великий князь Николай Павлович, а за ним все войско, все правительства, весь город принесли присягу государю императору Константину Павловичу. Рассказ был от очевидца и потому носил на себе всю печать достоверности. Эта весть повергла великого князя в большое волнение.

— Что будет при второй присяге другому лицу? — вскричал он, предусматривая, после всего слышанного от цесаревича, ее неизбежность.

В Риге река едва только стала, и экипажи пришлось перевозить на досках, а сам августейший путешественник переехал в легких санях. Здесь сопровождавший его рижский комендант Керн всячески домогался посредством разных нескромных выведываний оставшихся, разумеется, без успеха, узнать, что думает и что намерен делать цесаревич. Далее, в Нейермилене, тогдашней первой станции от Риги, великий князь получил с почтою письма, подтверждавшие ему все слышанное, и наконец, в Нарве узнал ближайшие еще подробности от встретившегося ему Опочинина, прежнего адъютанта цесаревича, который жил тогда в Петербурге в отставке и был отправлен Николаем Павловичем в Варшаву как человек близкий к его брату, чтобы быть немедленно в его распоряжении.

Несмотря на дурное по времени года положение дорог великий князь примчался в Петербург с изумительною быстротою. Выехав из Варшавы, как мы сказали, 26-го ноября вечером, он 1-го декабря [1]), рано поутру, был уже в петербургском своем дворце. Сюда тотчас приехал к нему брат его с с.-петербургским военным генерал-губернатором Милорадовичем, который в те дни везде и почти неотлучно находился при великом князе Николае Павловиче. Милорадовича скоро однако позвали на пожар, вспыхнувший где-то в строениях Невского монастыря, а оба великие князя поехали в Зимний дворец. Императрица Мария Федоровна еще не выходила из своей почивальни, и Михаил Павлович только через несколько времени мог быть перед нее допущен. Он вручил ей привезенные письма и рассказал подробности варшавских происшествий. Минута свидания не могла не быть тяжкою. Сердце матери терзалось и лютою скорбью о потере обожаемого сына, и заботою о благе оставленной им державы, и беспокойством об окончательной развязке жизненного для государства вопроса.

Выходя от своей родительницы, великий князь встретил в дворцовом коридоре Николая Павловича и за ним длинную свиту людей с делом и без дела, которые толпились тут, кто в смутном и тревожном ожидании будущего, кто уже и в искании, на всякий случай, милости разными послугами, переносом вестей и пр. Внезапное появление Михаила Павловича было происшествием первостепенной важности. Всем известно было, что он пользовался особенною любовию и доверенностию того государя, которому они присягнули, известно и то, что он приехал прямо из места его пребывания, следственно должен был все знать. Искали прочесть в чертах его, в выражении его лица, будущность свою и России, отгадать по виду его слово загадки, которой решение, как никто не сомневался, он с собою привез. И пытка была тем тягостнее, что никто не смел облечь своего жгучего любопытства в слова; все по необходимости могли ограничиваться одними косвенными вопросами: «Здоров ли государь император? Скоро ли можно ожидать сюда его величество? Где теперь его величество?». И великий князь, который, действительно,

[1]) Ошибка: Михаил Павлович приехал в Петербург 3 декабря.

о д и н, знал, что истинный император российский не в Варшаве, а с р е д и и х, и между тем не считал себя ни в праве, ни в возможности сие провозгласить, на повторяемые со всех сторон вопросы подобного рода мог отвечать тоже только косвенно и отрывисто, что б р а т е г о здоров, что он оставил его в Варшаве, что о поездке его сюда ничего не слыхал, и т. п. После этой сцены, великий князь отправился в свой дворец, к великой княгине, которую дотоле почти не успел еще видеть, и начал с того, что велел отслужить в домовой своей церкви панихиду по усопшем.

Все это не могло не огласиться тотчас при дворе и по городу. Что же это значит? — стали говорить везде. — Великий князь выехал из Варшавы после уже того, как получено там было известие о кончине Александра Павловича, виделся здесь и с братом своим и с родительницею, отслужил и панихиду по покойном государе, а все еще не присягает новому императору. Отчего, когда целая Россия присягнула, только он один и приехавшие с ним себя от этого изъемлют? *) Слухи подобного рода, разнесшиеся в публике, в самом деле должны были породить сомнения и многообразные толки, и злоумышленники, которым через их связи все первым было известно, угадывая из самого уклонения великого князя от присяги, что императором будет не Константин Павлович, тогда же разочли, что благоприятнейшею эпохою и удобнейшим поводом к произведению в действие их замыслов будет день в т о р о й присяги.

Михаил Павлович, поставленный, таким образом, стечением обстоятельств в совершенно ложное положение, со своей стороны тоже томился мрачными предчувствиями. В день своего приезда он обедал с братом у императрицы в той самой комнате, где теперь кабинет государя наследника. После обеда братья остались одни.

— Зачем ты все это делал, — сказал Михаил Павлович, — когда тебе известны были акты покойного государя и отречение цесаревича? Что теперь будет при второй присяге в отмену прежней, и как бог поможет все это кончить?

Объяснив причины своих действий, брат его отвечал, что едва ли есть повод тревожиться, когда первая присяга совершена была с такою покорностию и так спокойно.

— Нет, — возразил Михаил Павлович — это совсем другое дело: все знают, что брат Константин остался между нами старший; народ всякий день слышал в церквах его имя п е р в ы м вслед за государем и императрицами, и еще с титулом цесаревича; все издавна привыкли считать его законным наследником, и потому вступление его на престол показалось вещью очень естественною. Когда производят штабс-капитана в капитаны, это — в порядке и никого не дивит; но совсем иное дело перешагнуть через чин и произвесть в капитаны поручика. Как тут растолковать каждому в народе и в войске эти домашние сделки и почему сделалось [1]) так, а не иначе?

В Петербурге покамест все оставалось попрежнему, ибо привезенные Михаилом Павловичем письма не признавались достаточным основанием к перемене принятой системы действия. И императрица-матерь и великий князь Николай Павлович считали необходимым дождаться сперва отзыва цесаревича на известие о принесенной ему присяге и сверх того, по получении упомянутых писем, написали ему вновь, прося, если воля

*) Из числа прибывших с великим князем один только чиновник генерал-фельдцейхмейстерской канцелярии Ильин, явясь к своему начальству, был им приведен немедленно к присяге в Сергиевском соборе. (Сноска в оригинале).

[1]) Первоначально было написано: — «что никто не обойден, и отчего сделалось» и т. д.

его об отречении неизменна, огласить оную для предупреждения всяких беспокойств актом более торжественным, чем-нибудь в роде манифеста. На ответ нельзя было рассчитывать прежде довольно продолжительного времени, а покамест положение Михаила Павловича становилось все более и более затруднительным, даже двусмысленным. Мы выше упомянули о толках, возбужденных тем, что он не присягнул новому императору, и хотя присягнуть при точной ему известности воли Константина Павловича было бы противно его совести и, так сказать, здравому смыслу, но все однако же по наружности выходило, что брат государев представляет собою как-бы явный пример непокорности[1]). Чтобы извлечь себя из такого тяжкого для него самого и соблазнительного для других положения, он решился, с согласия и одобрения императрицы и брата своего, оставить Петербург и под предлогом личного успокоения Константина Павловича насчет здоровья их родительницы отправиться опять самому в Варшаву за окончательным ответом; но чтоб не разъехаться с последним, если б он между тем был уже послан, его уполномочили останавливать всех курьеров, которых встретит на пути, и вскрывать их депеши. Утром в день своего отъезда он прощался с императрицею.

— Quand vous verrez Constantin, — сказала она — dites et répétez lui bien, que si l'on en a agi ainsi, c'est parce qu'autrement le sang aurait coulé.

— Il n'a pas coulé encore, mais il coulera»[2]) — отвечал великий князь в печальном предчувствии.[3])

Михаил Павлович выехал 5-го числа после обеда по тому же Рижскому тракту; но не далее как в Т е е в е встретил адъютанта Николая Павловича Лазарева, который, быв послан в Варшаву с донесением о принесенной присяге, возвращался назад с отказом цесаревича от непринадлежащего ему императорского титула и от принесенной ему присяги. Засим, проехав еще до станции Ненналя, в 300-х верстах от Петербурга, великий князь решился, как дальнейшая поездка теряла уже всякую цель, ожидать тут того ответа, которому надлежало быть на последние письма, отправленные из Петербурга по его приезде. Сюда, т.-е. в Ненналь, вскоре приехал и генерал Толь, в то время начальник штаба 1-й армии, посланный из Могилева главнокомандовавшим[4]) графом Сакеном с рапортом о состоянии армии навстречу новому императору при предполагавшемся следовании его из Варшавы в Петербург. И его, и возвращавшегося из Варшавы с таким же, как и Лазарев, известием адъютанта военного министра Сабурова великий князь остановил при себе, как было о том условлено при отъезде его из Петербурга; но отзыва на упомянутые выше письма все еще не было, и в ожидании его Михаил Павлович прожил в Неннале в томительной скуке бездействия более недели. Наконец 13-го декабря получил он письма из Петербурга; оказалось, что фельдъегерю, который вез окончательный и уничтожавший уже все колебания ответ цесаревича, дано было направление по другому тракту, именно чрез Брест-Литовск; с извещением о сем великому князю предписывалось явиться в Петербург к назначенному в 8 часов вечера заседанию Государственного Совета и к предуказанной на другой день присяге

[1]) «Как-бы» внесено над строкой, а после слова «непокорности» вычеркнуто — «в опасный для других соблазн».

[2]) Когда ты увидишь Константина, скажи и повтори ему, что если так действовали, то это потому, что иначе должна была бы пролиться кровь. — Она еще не пролита, но пролита будет.

[3]) Ответ Михаила Павловича первоначально в рукописи был изложен так: «C'est au second serment qu'il coulera» — пророчески отвечал великий князь». Затем на полях была вписана редакция: «Il n'a pas coulé, mais il peut encore couler», выправленная впоследствии так, как напечатано в тексте.

[4]) Так в оригинале.

императору Николаю Павловичу. Но как это повеление достигло великого князя не прежде двух часов пополудни того же самого дня, то отобедав наскоро в Неннале, он при всей поспешности переезда мог поспеть в Петербург только на следующий день, 14-го декабря, после 8-ми часов утра. У городской Нарвской заставы ждал его адъютант нового государя Василий Перовский с приказанием явиться неотложно в Зимний дворец.

Направляясь ко дворцу через Театральную площадь и Поцелуев мост и доехав до Большой Морской, великий князь изъявил сопровождавшему его адъютанту Вешнякову удивление свое, что в городе в такой день все так тихо и спокойно. Вешнякову казалось, что так и быть должно.

— Посмотрим, что будет далее — заметил великий князь.

Приехав во дворец, он тотчас явился к государю, который жил тогда в комнатах, занимаемых ныне наследником.

— Ну, ты видишь, что все идет благополучно, — сказал государь, — войска присягают, и нет никаких беспорядков.

— Дай Бог, — отвечал великий князь, — но день еще не кончился.

Потом, по приглашению государя, он пошел к императрице матери, переменив только в отведенной ему в Зимнем дворце комнате дорожное свое платье на артиллерийский мундир. Императрица приветствовала его точно так же, как и государь, изъявлением радости, что все идет счастливо и без всякого волнения.

— Attendons la fin de la journée [1]) — отвечал ей великий князь.

Вдруг под окнами раздались звуки барабана: били под знамена, которые возвращались от совершившейся присяги Семеновского полка. Императрица готовилась одеваться к назначенному в 12-м часу для празднования вступления на престол молебну, и великий князь вышел от нее, но в коридоре он встретил государя, который, объявя ему, что в гвардейской конной артиллерии не хотят присягать, поручил ехать немедленно туда для восстановления порядка. К счастью, по известии о его приезде, ему догадались прислать из его дворца сани, и он по гололедице от худо еще установившегося зимнего пути поехал один в артиллерийские казармы, находившиеся тогда, как и теперь, под Таврическим дворцом. У Летнего сада ему встретились возвращавшиеся штандарты Кавалергардского полка — доказательство, что в нем присяга была окончена. Потом дорога его вела мимо казарм 2-го батальона Преображенского полка; он тоже присягнул уже в совершенном порядке. Но в артиллерийских казармах командовавший гвардейскою артиллериею генерал-майор Сухозанет встретил великого князя донесением, что некоторые офицеры, и во главе их прикомандированный к конной артиллерии гр. Коновницын, уклоняются от присяги под предлогом, что не уверены в достоверности отречения Константина Павловича и самого великого князя Михаила Павловича считают удаленным из столицы только по несогласию его на вступление на престол Николая Павловича, вследствие чего он, Сухозанет, и нашелся принужденным их арестовать.

Великий князь тотчас пошел к неповинующимся и как свидетельством своим в том, что сам видел цесаревича, так и ручательством, что он добровольно и по собственному желанию отрекся от престола в пользу Николая Павловича, успел привести их к покорности; офицеры, а вслед за ними и небольшая горсть колебавшихся, по их примеру, нижних чинов присягнули в личном его присутствии. Кончив это дело, великий князь поехал назад в Зимний дворец, но еще на Преображенском плаце настигнут был нарочным, посланным к нему с известием, что Московский полк не хочет присягать,

[1]) Подождем конца дня.

что там явное восстание; что бригадный и полковой командиры—Шеншин и Фредерикс тяжело ранены возмутившимися, и что часть полка самовольно ушла из казарм с распущенным знаменем. При этой неожиданной вести великий князь прямо с Преображенского плаца направился на противоположный конец города, к Семеновскому мосту в казармы Московского полка.

Часть одного его батальона занимала в этот день городские караулы, а часть другого увлечена была Щепиным-Ростовским и его соумышленниками на Сенатскую площадь; затем на месте оставалось еще около четырех рот (третий батальон был в загородном расположении). Когда великий князь вошел[1]) на полковой двор, эти четыре роты стояли в сборе; перед ними ожидал священник в облачении за налоем, и расхаживали в недоумении командир гвардейского корпуса Воинов и командовавший гвардейскою пехотою Бистром. Великого князя встретило громкое ура.

— Как же нам сказали, что ваше высочество в оковах? — кричали солдаты.

— Вы видите, стало, как вас гнусно обманули — отвечал великий князь и, объяснив им все обстоятельства в истинном виде, с таким же, как прежде в конной артиллерии, ручательством, спросил, готовы ли они теперь по долгу своему присягнуть законному государю русскому, императору Николаю Павловичу.

— Рады стараться! — было единодушным ответом убежденных солдать.

— А чтоб доказать вам — продолжал великий князь, — что вас обманывали и что от меня вы слышали одну сущую правду, я сам вместе с вами присягну.

И точно, велев офицерам, повторяя слова присяги, ходить по рядам, чтобы следить, как исполняется это нижними чинами, он сам стал возле священника и тут же, на дворе, под открытым небом, посреди солдат и вместе с ними произнес присягу верноподданичества новому императору, — присягу, которая, по особенному стечению обстоятельств, была вообще п е р в о ю еще в его жизни.

— Теперь, ребята, — сказал он, — если нашлись мерзавцы, которые осрамили ваш мундир, докажите же, что между вами есть и честные люди, которые присягали не понапрасну и готовы омыть это посрамление своею кровию; я поведу вас против вашей же братьи, которая забыла свой долг[2]).

— Рады стараться, — раздалось опять со всех сторон, и, повинуясь беспрекословно командному слову, все четыре роты с своими офицерами и в совершенном порядке тотчас выступили из казарменных ворот, откуда великий князь лично повел их по Гороховой к Сенатской площади — п о в е л в полном смысле слова, потому что в поспешности всех его переездов с прибытия в Петербург у него не было даже верховой лошади.

Государь в то время стоял с своею свитою близ Лобановского дома и забора, обведенного вокруг строения Исаакиевского собора, а мятежники окружили в густой неправильной колонне памятник Петра великого, спи-

---

[1]) После слов — «...в загородном расположении» — первоначально было написано: «Под казарменными воротами к великому князю вышел один особенно любимый им фланговый солдат показать, как он изранен мятежниками. И это однако ж (его) не остановило великого князя. Он вошел ...» и далее как в тексте.

[2]) Это место первоначально читалось: «Теперь, ребята,— сказал он, когда священный обряд был окончен: — вы должны доказать, что присягали не понапрасну, и потому я поведу вас...» и т. д. Против этого места на поле карандашная пометка Корфа, надо полагать, при чтении записи Михаилу Павловичу: — «NB Мерзавцы себя подл.», и затем на поле исправлено так, как напечатано выше.

ною к Сенату, принадлежавший же к ним гвардейский морской экипаж стоял впереди особо, занимая широкий мост через бывший Адмиралтейский канал, кончавшийся там, где теперь начинается новый булевар. Против них выдвинуты были с одной стороны, спиною к Адмиралтейскому булевару, подоспевший уже на место Преображенский полк, которого одна рота под командою капитана Игнатьева загораживала Исаакиевский мост; с другой стороны — спиною к Неве, на дальнейшем ее пространстве — Финляндский полк, кроме одного взвода, удержанного на Васильевском острове командиром его, участником заговора бароном Розеном. Великий князь, приведя к государю покорившуюся часть Московского полка, тотчас хотел итти сам перед ряды мятежников, взяв с собою некоторых из старших и особенно уважавшихся солдат, чтобы присутствием своим рассеять распущенные злоумышленниками ложные слухи и вместе подействовать на умы заблужденных примером и увещаниями товарищей[1]); но государь, видя явную опасность, не допустил его выполнить это намерение, и вместо того, по неприбытию еще вытребованного в подкрепление прочим силам Семеновского полка поручил великому князю отправиться за ним и ускорить его приход, для чего дал ему одну из собственных своих, находившихся тут в запасе верховых лошадей. Но Семеновский полк, где присяга совершена была без всякого замешательства, спешил уже сам по Гороховой на площадь. Великий князь встретил его на Красном мосту и оттуда, согласно полученному приказанию, один батальон послал к остальному отряду, а с другим и присланным к нему от государя орудием 1-й легкой бригады гвардейской пешей артиллерии, обойдя вокруг Исаакиевского собора, расположился у конно-гвардейского манежа, в самом близком расстоянии против морского экипажа. Пушка и ружья у людей были заряжены; но великий князь накрепко запретил кому-либо отваживаться стрелять без личного его приказания.

Между тем к его отряду прибыл государь. Великий князь снова изъявил желание переговорить сам с мятежниками, и государь не мог сему более воспротивиться, но придал своему брату генерал-адъютанта Левашова. Подъехав к рядам морского экипажа, великий князь приветствовал их обыкновенным начальничьим тоном, и из толпы мятежников раздалось дружное:

— Здравия желаем, ваше императорское высочество![2])

— Что с вами делается, и что вы это задумали? — спросил он.

И люди стали объяснять, что две недели тому назад им объявили вдруг о смерти государя Александра Павловича, когда никто из них не слыхал еще и про его болезнь; потом заставили присягнуть государю Константину Павловичу, и они это исполнили безропотно; а наконец теперь, уверяя, будто Константин Павлович не захотел их присяги и отказался царствовать, заставляют их присягать другому государю.

— Можем ли же мы, ваше высочество — продолжали они — взять это на душу, когда тот государь, которому мы присягнули, еще жив, и мы

---

[1]) «Взяв с собою... солдат» внесено позднее против карандашной пометки на поле. Все место первоначально читалось: «... чтобы, уверив их в своем присутствии, рассеять чрез то распущенные злоумышленниками ложные слухи и укротить волнение».

[2]) Первоначально это место читалось: «Подъехав к самым рядам мятежного морского экипажа, «Здорово, ребята!» — закричал он голосом и тоном человека, привыкшего обращаться с русским солдатом, и из рядов людей, которые были вовсе не заговорщики, а только обманутые и увлеченные своими офицерами жертвы, на приветствие его раздалось дружное: «Здравия желаем, в. и. высочество».

его не видим? Если уж присягою играть, так что ж после того останется святого![1])

Великий князь напрасно усиливался уничтожить эти сомнения заверением, что Константин Павлович точно по доброй воле отрекся от престола; что он, великий князь, был личным тому свидетелем; что вследствие того и сам он присягнул уже новому государю, и т. п.

— Мы готовы верить вашему высочеству, — отвечали несчастные жертвы, ослепленные настойчивыми внушениями своих начальников, — да пусть Константин Павлович сам придет подтвердить нам свое отречение, а то мы не знаем даже, и где он.

Во время этих переговоров случился печальный эпизод, печальный, но вместе и отрадный, как свидетельство, что распаление безумных страстей, обуревавшее некоторых из заговорщиков, не находило ни малейшего сочувствия в увлеченных ими нижних чинах. Известно и с достоверностию раскрыто, что действуя в их руках как орудие, солдаты ослеплены были отнюдь не мечтаниями о каком-либо ином порядке вещей, а единственно призраком законности, [2]) и в самом уклонении своем от новой присяги видели только исполнение своего долга, отнюдь не замышляя ничего против царственной семьи, которую народ наш привык искони чтить как заветную святыню. Эпизод, о котором мы упомянули, заключался в известном покушении несчастного Кюхельбекера на жизнь великого князя. Бродя между рядами, он не дрогнул прицелиться в нескольких шагах на брата своего государя; жизнь последнего была спасена только совокупным мгновенным движением трех матросов того же морского экипажа, который стоял в строю мятежников.

— Что он тебе сделал? — закричали они, и один вышиб из рук Кюхельбекера пистолет, а оба другие начали бить его прикладами своих ружей. Имена этих людей — Дорофеев, Федоров и Куроптев. По настоятельному ходатайству самого великого князя преступник подвергнут был наказанию слабейшему, нежели какое следовало по закону, а избавители его и их семейства щедро были им упокоены и обеспечены...

Видя, что все усилия обратить непокорных остаются бесполезными, великий князь возвратился к своему отряду. Обе стороны стояли лицом к лицу, не приступая ни к чему решительному. Великий князь с стесненным сердцем ожидал условленного сигнала. Он должен был заключаться в пушечных выстрелах, которые и раздались наконец со стороны Адмиралтейства. Но великий князь [3]) все еще медлил: сердцу его тяжко было первым в жизни своей неприязненным ударом пролить кровь своих, русских.

---

[1]) В первоначальном тексте слов: «и мы его не видим? Если . . . . святого» не было; они внесены на поле взамен вычеркнутых слов: «и теперь, когда от нас требуют новой присяги, не приходит по крайней мере сам нам сказать, что точно отказался быть государем?—Суждения эти, по самой простоте их, очень трудно было опровергнуть, и великий князь тщетно усиливался» и т. д. — Исправление текста сделано Корфом на основании карандашной пометки на полях против первоначальной редакции: «Свята присяга» — почерком Корфа; эта заметка сделана Корфом, очевидно, при чтении рукописи Михаилу Павловичу по его указанию.

[2]) Далее в рукописи вычеркнуто: «и что даже слову *конституция* злоумышленники, чтоб привлечь к нему расположение войска, давали смысл — супруги императора Константина. Солдаты, повторяем, в уклонении своем от новой присяги» и т. д.

[3]) Дальше в рукописи шли следующие слова, вычеркнутые и замененные напечатанными в тексте: «знал тоже, что первые выстрелы будут холостые, с целью лишь подействовать на мятежников испугом. Выстрелы, однако, повторялись, и последующие были уже с картечью. Несколько ударов успели совершенно смешать толпу, и она устремилась . . » и т. д.

Последующие удары смешали однако толпу, и она устремилась в бегство именно к той стороне, где стоял Семеновский полк.

— Прикажите палить, ваше высочество, — сказал находившийся при орудии фейерверкер: — иначе они нас самих сомнут. [1])

Нельзя было более колебаться и — командное слово раздалось. Картечь на таком близком расстоянии произвела ужасное опустошение, и в числе самых первых жертв пало несчастное дитя, флейтщик морского экипажа. Тогда толпа, сжатая с обеих сторон, в одно мгновение рассыпалась; все бежали в разных направлениях, и площадь, миг перед тем кипевшая народом, совершенно очистилась скорее, нежели сколько нужно нам было, чтоб написать эти строки.

Все было кончено, и оставалось только ловить спрятавшихся и разбежавшихся. Возложив это на ген.-ад. Бенкендорфа, государь со своею свитою поехал во дворец. Великий князь остался несколько времени на месте в ожидании дальнейшего приказания, но не получая оного и видя, что присутствие его тут более не нужно, обратился также ко дворцу. Ему надлежало ехать мимо Преображенского полка, стоявшего еще в прежней позиции, у Адмиралтейского булевара. Тут наступила трогательная сцена. Издавна в особенности любив этот отличный и почтенный полк, великий князь знал поименно не только всех офицеров, но почти и всех унтер-офицеров, даже многих из нижних чинов. Едва только он подъехал, как офицеры, обступив его лошадь, бросились целовать ему руки и ноги, а по рядам раздалось нескончаемое ура!—в выражение того восторга, [2]) которым все были объяты, увидев здрава и невредима своего великого князя, о котором полк ничего не знал в продолжение целого утра, хотя они и провели его в таком близком друг от друга расстоянии. Тронутый до слез этими знаками привязанности, он должен был однако остановить ее порыв в опасении, чтобы крики не донеслись до дворца и не возбудили там ложной тревоги. Между тем, объезжая полк, великий князь как-то случайно миновал одну роту. Старики-гренадеры сильно этим опечалились:

— Разве мы чем провинились перед его высочеством, что он нас забыл? — спрашивали они своих офицеров.

Великий князь, которому о том донесли, поспешил утешить и их своим приветствием; тут повторилась опять та же умилительная сцена.

Когда Михаил Павлович прибыл в Зимний дворец, государь готовился выйти в придворный собор к торжественному молебну, оттянувшемуся за всеми происшествиями до позднего вечера. Явясь к государю, он пошел от него к императрице-матери, чтоб успокоить ее на свой счет. Там был брат ее, герцог Александр Виртембергский, и великий князь объявил ему совершенно неожиданную весть, что в рядах мятежников находится и его адъютант Александр Бестужев. Потом он последовал за государем в церковь и тут только впервые в этот день увиделся с своею супругою.

В заключение, когда все пришло уже в некоторый порядок, государь поручил ему съездить к Арсеналу, чтоб увериться личным осмотром, все ли там спокойно. Великий князь поехал туда из дворца чрез Большую Мил-

---

[1]) Слова фейерверкера внесены на полях вместо вычеркнутой фразы: «Но напор приближался. — Если мы останемся в бездействии, — говорили вокруг великого князя, — то нас самих сомнут». — Надлежало решиться на пролитие крови, и командное слово раздалось». На поле имеется карандашная пометка, сделанная, повидимому, Корфом при чтении рукописи Михаилу Павловичу.

[2]) Вместо слов «а по рядам раздалось . . . восторга» первоначально было: «а солдаты последовали их примеру. Это было свидание детей с отцом после тяжкой опасности, при сознании в исполнении своего долга».

лионную и Царицын луг. До моста чрез Зимнюю Канавку все имело вид города в осадном положении. На Дворцовой площади и в Миллионной бивуакировали многочисленные войска вокруг разложенных огней; на самом мосту стояли два орудия, но миновав его, сцена тотчас переменилась: город был так же безлюден и тих, как обыкновенно в ночную пору, изредка кое-где мелькал какой-нибудь запоздалый извощик или уединенный пешеход, и по наружности никак невозможно было догадаться о пронесшейся грозе. Около Арсенала, где занимала караулы учебная артиллерийская бригада, и на возвратном пути чрез Дворцовую набережную все было точно так же тихо и спокойно. Только от Эрмитажного моста за поставленными и на нем орудиями улица принимала опять оживленный вид военного стана.

Когда великий князь вошел к государю, чтоб донести об исполнении своего поручения, была уже поздняя ночь, и здесь представилось ему неожиданное зрелище: перед государем стоял и в ту минуту упадал на колени, моля о своей жизни, известный князь Трубецкой... Он и многие другие из заговорщиков были уже схвачены, и государь принимал первые их показания. Великому князю тут только сделалось известным существование обширного и сложного заговора, которого он нисколько не подозревал, приписывая дотоле все случившееся единственно уклонению от новой присяги.

День был окончен. Надлежало наконец подумать если не о успокоении, то о пище. После обеда накануне в Неннале и чашки чаю, выпитой ночью от сильной стужи на одной из станций между Нарвою и Петербургом, великий князь, среди беспрестанной физической деятельности и жестоких душевных волнений этого дня, не принимал никакой пищи.

— Mais, monseigneur, n'aurait-il pas faim? — спросил его напоследок кто-то из приближенных.

— Allez donc — отвечал он с обыкновенною своею счастливою находчивостью: c'est justement la faim (fin) que j'attends [1]).

---

[1]) Не проголодались ли вы, ваше величество? — Что вы! — конца-то я и жду. — (Непереводимая игра слов: (faim — голод, fin — конец).

ИЗ ДНЕВНИКОВ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

Дневники Николая Павловича хранятся в «Особом Отделе Архива Октябрьской Революции» в Москве, в составе фонда IV, серии I, под №№ 1, 2, 3, 4, в числе других документов из бывшего «Архива Гатчинского Дворца». Они содержат записи за 1822—1825 годы, внесенные в «Памятные книжки» за соответствующие годы. На титульном листе «Книжки» за 1822 год значится: «Памятная Книжка для записывания нужных дел или достопамятностей. С.-Петербург. 1822 года». Книжки за остальные три года имеют на титульных листах более краткое обозначение: «Памятная Книжка на 1823-й год. С.-Петербург, 1823 года»; то же и в других двух с разницею в годе. Книжки маленького карманного формата; книжка за 1822 г. — в зеленой папке, за последние три года — в сафьяновых переплетах с золотым тисненным бордюром, а последние две и с золотым обрезом. На каждой странице книжечки, вверху и посередине, отпечатаны последовательно обычные обозначения дней, с указаниями церковных праздников, святых и царских дней. В конце книжки напечатаны «Показания чинов» Главного Штаба е. и. в., чинов свиты, министерств, дипломатического корпуса и пр., «известие о времени отправления и получения почт в Петербурге» и т. п.

Николай Павлович вносил свои записи за каждое число на соответствующие листки книжек; иногда запись не помещалась на полустраничке, отведенной для данного числа, тогда она переходила в рубрику следующего числа, для записи которого Николай Павлович, в свою очередь, писал дату уже от руки. Записи начинаются с 1 января 1822 и обрываются на 13 декабря 1825. Вносились они почти без пропусков; единственный большой пробел — с 1 по 14 января 1825 г. включительно (быть может не была приобретена своевременно книжечка на новый год). Сделаны записи по-французски чрезвычайно мелким, но все же достаточно разборчивым почерком. Однако, некоторые места не удалось прочесть ни составителю настоящего сборника, ни лицу, выполнившему когда-то копии этих дневников. [Копии эти представляют 4 тетради большого формата в коленкоровых переплетах и хранятся в том же отделе архива, в составе того же фонда и серии, под №№ 6, 7, 8,]. Записи Николая Павловича, как это уже отмечено в предисловии, носят своеобразный характер и несколько обманывают ожидания читателя: это краткие, иногда в одном слове, отметки о часе пробуждения, выездах, приемах, встречах, разговорах — официальных и интимных, без ближайшего обозначения их содержания; лишь иногда проскользнут два-три слова, намеком характеризующие ту или иную встречу, тот или иной разговор. Лица, упоминаемые в записях, обозначаются фамилиями, обычно без указания имени и отчества; это затрудняет читателя в решении вопроса, о ком идет речь в тех случаях, когда при дворе было два или даже несколько

лиц с данной фамилией. Установление лиц, о которых говорит запись, бывает еще труднее, когда они обозначены сокращенно лишь инициалами или прозвищами, которые были им присвоены в интимном кругу. В конце (а иногда и в начале) записей за некоторые дни в скобках внесены какие-то отметки, обозначенные всего лишь начальными буквами; они повторяются с небольшими вариантами и представляют, очевидно, какую-то установленную формулу, понятную лишь автору. Смысл их теперь разгадать довольно трудно.

Здесь даны записи Николая Павловича за тот период времени, который имеет в виду настоящий сборник, т.-е. за дни междуцарствия 1825 года. Записи даны в переводе; раскрыты сокращения имен и слов; исправлена пунктуация (иногда гадательно). В подстрочных примечаниях даны краткие пояснения об упоминаемых в тексте лицах,[1]) за исключением тех случаев, где для самого составителя сборника не было ясно, о ком идет речь. Выборка начинается с записи от 21 декабря. Это был последний спокойный день при дворе: на следующее утро уже были получены тревожные известия о здоровье Александра I.

Ноябрь.

21 (3 декабря). Суббота.

Встал в $8^1/_2$ [2]); Сазонов [3]), Эйхен [4]); приказы; Измаил[овский] и драгуны, — хорошо; драгунские полковники, затем Бутурлин [5]) и Чичерин [6]), поехал с ним в дорожных санях в Ораниенбаум; к себе; Эйхен [7]), говорили; приказы, поехал опять с Чичериным в манеж, смотрел развод 7-й роты Финляндского [полка], посредственно, церковный парад и 9-й фузилерной [роты] Измайл[овского полка], посредственно, и учебной команды Московского [полка]; поехал с Чичериным же в казармы, осматривал их и поехали с ним же в Петергоф, задержались посмотреть новые казармы Измайловского, очень хорошо; поехал с ним же в одноконных санях в экзерциргауз, смотрел фузилерную [роту] Измайловского полка — выправку и маршировку без ружей, — скверно, и учебную команду батальона, — плохо; поехал опять с ним к себе; Эйхен, чай; поехал опять с ним в конюшни первого гвардейского драгунского эскадрона, видел прекрасных новых лошадей и 1-й эскадрон, — хорошо, но несколько неповоротливы; снова поехал с ним же к себе, переоделся, обедал с ним; Сазонов, Щербинин и двое Эйхен; встали из-за стола, разговаривал, поехал с Сазоновым в санях, в город; приехал; у детей, у жены, у себя, у нее; у себя; дежурные офицеры с рапортом, уходят; работал, Брун [8]); у жены, у себя; оделся; у жены; поехал в одноконных санках с Сашею [9]) к матушке; три секретаря [10]); кн. Шаховской,

---

[1]) За содействие в составлении этих пояснений редактор сборника очень признателен Н. П. Чулкову.

[2]) С 20 на 21 ноября Николай Павлович ночевал в Петергофе, куда приехал к вечеру 20-го вместе с Сазоновым.

[3]) Николай Гаврил., ген.-м., начальник инженеров гвард. корпуса.

[4]) Яков Яковл., ген.-майор, управл. Петергофским Дворцовым правлением.

[5]) Михаил Петрович, полк., флигель-адъютант Александра I.

[6]) Петр Александрович, ген.-м., командир 1 бригады Легкой Гвардейской Кавалер. дивизии.

[7]) Федор Яковл., ген.-майор, управл. Ораниенбаумским дворцовым правлением.

[8]) Николай Давыдович, бухгалтер конторы Николая Павловича.

[9]) Велик. кн. Александр Николаевич.

[10]) Может-быть, секретари Марии Федоровны: Гр. Иван. Вилламов, Ник. Петр. Новосильцов и кн. Дмитр. Александр. Хилков.

говорили; опять поехал с Сашею; у детей; у Кристи [1]), очень плоха; свои, у жены, у себя; переоделся, работал с Ивеличем [2]), у жены, ужинали, говорили; у себя, работал, разделся, лег спать (h. p. m. f.).

22 (4 декабря). Воскресенье.

Встал в 9; Кавелин [3]), Флам [4]), Деллингс[гаузен] [5]), Мартынов [6]), Сазонов; доклады; Нейдгарт [7]), говорили; Шипов [8]), приказы, в большой передней гр. Гурьев [9]) и Толстой [10]) — урод; у жены; у себя, говорил с Арбузовым [11]) и Гартонгом [12]), работал с Ивеличем; у жены; поехал в выездной коляске с Кавелиным к матушке; парада нет — 11 градусов; говорили; прошел к графине [13]), говорили; поехал обратно опять с Кавелиным; к детям; жена; у себя, работал; Папа; жена уходит; Флам; работал; принимал Лопухина [14]) и Бибикова [15]), об Ангеле [16]); Блудов [17]), Багреев [18]), Мольтке [19]) и Обресков [20]); дипломаты; у жены; старушка; у себя, переоделся, работал; Папа; сенатор Безродный [21]), уходит; работал; Седжер [22]); у жены; у себя, работал; у нее; обедали вдвоем у окна; матушка; сошел вниз навстречу; жена; Кочетова, [23]) затем Пикколо [24]); беспокойство за Ангела — он болен; матушка уходит, провожаю; у себя, Менелас [25]), жена, говорили, уходит; у жены, вздремнул; у себя; Бутов с рапортом; работал, читал; у жены, Varette, [26]) Julie, [27]) чай; играл с детьми в залах; у жены, Varette; у себя, переоделся; у жены; у Кристи; Varette. Поехал на дрожках в одну лошадь к матушке; ждал; Новосильцов [28]), говорили;

[1]) Анна Александровна, англичанка при дочерях Николая Павловича.
[2]) Константин Маркович, гр., поруч., адъютант Саперного батальона.
[3]) Александр Александр., полк., адъютант Николая Павловича.
[4]) Очевидно, какое-то близкое Николаю Павловичу лицо, и, надо полагать, его адъютант Владимир Федор. Адлерберг: 8 декабря Николай записывает, что он Фламу поручил переписать проект манифеста, между тем известно (См. Шильдер. Николай I, т. I, стр. 254), что эта работа поручена была именно Адлербергу.
[5]) Иван Федорович, барон, полк., адъютант Николая Павловича. Его фамилия в дневнике всегда обозначается сокращенно — Dellings.
[6]) Павел Петр., ген.-м., бригадный командир 3-й бригады 2-й гвард. дивизии.
[7]) Александр Иванович, ген.-м., нач. штаба гвардейского корпуса.
[8]) Сергей Павлович, полк., командир Семеновского полка.
[9]) Александр Дмитриевич, гр., председатель департамента экономии Государственного Совета.
[10]) Трудно сказать какой: Толстых в гвардии и при дворе было несколько.
[11]) Алексей Фед., полк., командир Павловского полка.
[12]) Павел Вас., полк., командов. Егерским полком.
[13]) Ливен, Шарлотта Карловна, статс-дама, воспитательница Николая и Михаила Павловичей.
[14]) Петр Васильевич, председатель Государственного Совета.
[15]) Иларион Михайлович, директор канцелярии Начальника Главного Штаба.
[16]) Т.-е. об Александре Павловиче.
[17]) Дмитрий Николаевич, действ. ст. сов., позднее составитель Донесения Следственной Комиссии о тайных обществах, числился по Коллегии Иностр. Дел.
[18]) Может быть один из двух Фроловых-Багреевых: или Виктор Алексеев., полк. л.-гв. егерск. полка, адъют. гр. Воронцова, или Александр Алексеев., член совета министра финансов, зять Сперанского.
[19]) Павел Адольфович, бар., секретарь посольства в Турине.
[20]) Александр Михайл., советник посольства в Вене.
[21]) Василий Кириллович, позднее член Верх. Угол. Суда по делу декабристов.
[22]) Карл Иванович, библиотекарь Николая и Михаила Павловичей.
[23]) Екатерина Николаевна, фрейлина.
[24]) Le Piccolo.
[25]) Адам Адамович, архитектор, строивший Александрию в Петергофе.
[26]) Варвара Павловна Ушакова, фрейлина Александры Федоровны.
[27]) Юлия Федоровна Баранова, наставница дочерей Николая Павловича.
[28]) Николай Петров, секретарь Марии Федоровны.

вошел; Рюль [1]), матушка очень обеспокоена латинским бюллетенем Виллие [2]), у Ангела желчная желудочная лихорадка; Рюль уходит; говорили; курьер в Таганрог, уходит; говорили; отправляюсь к Потапову [3]), его нет; ждал, его адъютант, говорили; приходит, о болезни новостей нет; отправляюсь обратно к матушке; графиня, Пикколо, говорили; Рюль с переводом бюллетеня, читали, плохих признаков нет, но болезнь тяжела; да сохранит Бог нашего Ангела! Уехал обратно; у детей, Julie ночует у Марии [4]); у жены, говорили, у себя с нею; уходит, переоделся, ужинали, лег спать.

23 (5 декабря). Понедельник.

Встал в 9; Брун, уходит; Деллингсгаузен, Лазарев [5]), Мартынов; Геруа [6]); доклады, приказы; в большой передней отобрал из моих гренадеров тех, портреты которых хочу сделать; у жены; поехал на одноконных санях с Деллингсгаузеном в дворцовый экзерцигауз; Воинов [7]); смотр 2-го бат. Семеновского полка, — великолепно; Дурасов; у матушки, кузен Евгений Виртембергский [8]), говорили; те же у него в прежних покоях Анны [9]); говорили; иду к графине; Альбедиль [10]), говорили, затем Евгений; возвратился к матушке, говорили; уехал; постоянно беспокойство за Ангела; поехал снова с Деллингсгаузеном в Инженерный замок, сделал обход; поехал дальше с Деллингсгаузеном к дочери Елены [11]), ее нет; у Елены; Жуковский, говорили; поехал в . . . . . [12]) арсенал, Седжер; поехал снова с Деллингсгаузеном к себе; у маленькой [13]), у Кристи; свои, у жены; у себя, переоделся, сошел вниз и поехал с женою на прогулку в двуместной карете; вернулись; у маленькой; у себя; у жены, обедали вдвоем у окна, встали из-за стола, дремал и спал с женою; у себя; Потапов, новости об Ангеле от Дибича от 12-го — то же; написал матушке, уходит; читал; Менелас, говорили, уходит; записка от матушки; Буссе [14]), говорили, уходит; у жены; у себя, Флам, одевался; у жены, поехал в одноконных санках к матушке; входит Хилков [15]), говорили; чай, Потапов, говорили, уходит; говорили; поехал назад; у детей; у жены, Cécile [16]); у себя, переоделся, работал; у жены; Крейтон [17]), говорили; чай, смотрели гравюры, говорили, ужинали, говорили; у себя, читал, разделся, лег спать.

---

[1]) Иван Федорович, лейб-медик при Марии Федоровне.
[2]) Яков Васильевич, баронет, лейб-медик, сопровождавший Александра I в Таганрог.
[3]) Алексей Николаевич, ген.-м., дежурный генерал Главного Штаба.
[4]) Великая княжна Мария Николаевна, дочь Николая Павловича.
[5]) Алексей Петрович, шт.-кап. Измайл. полка, адъютант Николая Павловича.
[6]) Александр Клавдиевич, полк., командир лейб-гв. саперного батальона, адъют. Николая Павловича.
[7]) Александр Львович, ген.-от кав., командующий гвардейским корпусом.
[8]) Племянник имп. Марии Федоровны. См. ниже его воспоминания.
[9]) Вел. кн. Анны Павловны.
[10]) Петр Роман., барон, гофмаршал, управляющий гоф-интендантской конторой.
[11]) Елены Павловны, жены Михаила Павловича; ее дочь — Мария.
[12]) Не разобрано одно слово.
[13]) У дочери Александры, родившейся 12 июня 1825 г.
[14]) Придворный доктор.
[15]) Секретарь Марии Фед. — Д. А. Хилков; а может-быть, Хилкова, фрейлина, Прасковья Александр.
[16]) Бар. Цецилия Владиславовна Фредерикс, рожд. Гуровская, жена командира Моск. полка Петра Андреевича Фредерикса; пользовалась дружбой Александры Федоровны.
[17]) Вас. Петр., лейб-медик Николая Павловича.

24 (6 декабря). Вторник.

Встал в 9; Брун, уходит; Лазарев, Сазонов, Мартынов, Стрекалов [1]), доклады, приказы; у жены; поехал с Лазаревым в одноконных санях в дворцовый манеж; дожидался, Воинов, смотр 2-го батальона Измайловского [полка], — весьма посредственно; смотрел караул, поднимавшийся в комнату кавалергардов; к матушке, ее нет; у графини, Альбедиль, говорили, ушел; застал матушку в церкви в середине обедни, говорили, уехал раньше конца службы опять с Лазаревым в школу подпрапорщиков, осматривал; поехал с Лазаревым же к себе; у маленькой, у Кристи, очень плоха; у жены; у себя; Лазарев уходит; переоделся, работал с Ивеличем, уходит; жена, уходит; работал; поехал с Сашею в одноконных санях прогуляться, вернулся; у детей; у себя, работал; Папа, уходит, возвращается и уходит; работал, оделся, у детей; жена, поехал с нею в двуместной карете к матушке; обедали, Евгений, графиня, затем — за столом в туалетной комнате, потом Елена и Эльмпт [2]); встали, говорили; дети; снова поехал к себе, у маленькой, у себя, переоделся, работал с Фламом, уходит; у детей; у жены, чай; игра с детьми в залах; у жены, у себя, у нее, читали; у себя, у детей, жена; поехал с нею в двуместной карете к Елене, Эльмпт, кн. Софья и Aline [3]), говорили, уходят; болтали; ужинали, говорили; поехал обратно с женою; у детей; у себя, читал, разделся, лег спать.

25 (7 декабря). Среда.

Встал в 9, свои; доклады, приказы; поехал в одноконных санях с Кавелиным в манеж; ждал, Воинов, смотр 2-го батальона Павловского [полка],— посредственно; Чичерин; поднялся к матушке, говорили, беспокоится; прошел к графине, говорили; поехал с Чичериным же к подпрапорщикам, осматривал; поехал с Чичериным в манеж Михайловского замка, гвардейские саперы, уходят; на Матильде 2 провел учение конных пионеров, два эскадрона; недурно; поехал к себе с Кавелиным; у жены; у себя, переоделся; у нее; поехали вместе на прогулку в двуместной карете, вернулись; у детей, у Кристи, очень плоха; у себя; у жены, обедали вдвоем у окна; встали из-за стола; у себя, работал; у жены, чай, иду в залы играть с детьми, вернулся к жене, ее нет; докладывают о Милорадовиче; пугаюсь; у меня, — он докладывает, что получил известие от Дибича, что Ангел очень плох! Уходит совершенно расстроенный. Матушка посылает за мною. У жены; сказал ей; у себя с нею; Крейтон, она отпускает его. В одноконных санях едем к матушке; она удручена, но покорна. Рюль, Вилламов [4]), побыл и вернулся снова к себе; жена; с нею в двуместной карете к матушке, говорили; матушка дает убедить себя прилечь в ее большом кабинете, зовет меня, очень тоскует; провожу ночь с Эдуардом [5]) и Альбедилем в передней.

---

[1]) Степан Степан., генерал-майор, состоял при Николае Павловиче.

[2]) Гр. Анна Ивановна, гофмейстерина Елены Павловны.

[3]) Софья Григорьевна Волконская, жена кн. Петра Михайловича; Aline — ее дочь, Александра Петровна.

[4]) Григорий Иванович, секретарь имп. Марии Федоровны.

[5]) Со своим адъютантом и другом Адлербергом, которого полное имя — Эдуард-Фердинанд-Вольдемар.

26 (8 декабря). Четверг.

В 7 часов иду к себе с женою и одеваюсь; возвращаюсь снова во дворец, к матушке; она спокойнее; располагаюсь в комнатах Михаила; у матушки, говорили; Евгений; идем вместе в церковь, обедня с молебном; во время него меня зовут, выхожу, говорят, что у Милорадовича хорошие вести; отправляюсь разыскивать его к графине, его нет; встретил его на лестнице, письмо от Дибича, спешу передать его матушке, в церкви . . . [1]); преждевременная радость! Отправился искать другие письма; письмо от императрицы; вернулся к матушке, встречаю ее по дороге; она читает письмо; то же Г . . . [2]); спешу прочесть письмо всем, кого встречаю; у матушки, иду немножко отдохнуть; с женою в комнатах Михаила; закусываю и немного отдыхаю; вернулся к матушке; говорил несколько раз с Милорадовичем; постоянно приходил и уходил; матушка хочет отдохнуть; поехал с женою к себе; у детей, у нее; отдыхал; Крейтон; поехал с женою снова к матушке; говорили, простился; жена отправляется; говорили, вернулся в мои старые комнаты; Г... [3]), говорили, и мои уходят; работал с Фламом и Ивеличем, уходят; немного закусил, уснул одетый.

27(9 декабря) Пятница.
Ужасный день [4]).

Встал в 8; Перовский [5]), Стрекалов, Г...; говорили; к матушке, она еще одевается; у себя; поехал один в одноконных санях к себе, встретил по дороге жену, вернулся к матушке; Бенкендорф, с ним на смотру 1-го батальона Семеновского [полка]; поднялся к матушке; жена; на лестнице догоняет Милорадович, все в порядке; у матушки, она спокойнее, уходил и возвращался несколько раз; Евгений, матушка просит его остаться, тем временем идем к обедне; служба, как вчера; во время молебна Гримм [6]) стучится в дверь, выхожу тотчас; в библиотеке батюшки; по фигуре Милорадовича вижу, что все потеряно, что все кончено, что нашего Ангела нет больше на этом свете! Конец моему счастливому существованию, которое *он* создал для меня! Служить ему, его памяти, его воле вот чему посвящаю я остаток моих дней, — все мое существование! Да поможет мне бог и да пошлет мне его в ангелы-хранители [7])!

Шульгин [8]) поддерживает меня, я теряю чувства; Евгений, Рюль, Перовский; у себя с ними; вхожу к матушке, она догадывается обо всем; Боже сохрани ее для нас! иду в церковь, чтобы прервать

[1]) Не разобрано одно слово.
[2]) Не разобрано имя, начинающееся с G.
[3]) Не разобрано имя.
[4]) Ниже даты написано: «Atroce journée», и все обведено черной рамкой.
[5]) Василий Алексеевич, полк., адъютант Николая Павловича.
[6]) Камердинер Марии Федоровны.
[7]) Ниже этих строк в рукописи поставлен крест и дальнейшая запись отделена линией поперек всей странички.
[8]) Александр Сергеевич, ген.-м., петербургский обер-полицеймейстер.

службу и привожу духовника; оставляю жену с матушкой, затем с Милорадовичем и Евгением иду в церковь принести присягу; сначала в маленькую [церковь]; Кутузов [1]), рыданья; церковь не освящена, вернулись вместе в большую церковь; принес присягу на верность моему законному императору Константину; все делают то же; я подписываю и иду вызвать караул, чтобы и он сделал то же; начинаю с караула гренадеров, с Преображенской роты Ангела [2]); рыдания и повиновенье; то же у кавалергардов; вернулся к матушке, все время — ангельская кротость; те же подробности о смерти нашего Ангела; замешательство, печаль; Голицын [3]), Лобанов [4]); я отказываюсь слушать об этом; в комнатах Михаила я объявляю Совету, что не могу повиноваться роковому акту, который дают мне прочесть, без подтверждения моего законного государя; я приглашаю их следовать за мною в церковь; они приносят присягу в моем присутствии; иду к матушке, объявляю ей о происшедших разногласиях; повторяю им то же самое; у себя; Константину пишу еще до заседания Совета и тотчас отправляю Лазарева на Дубно нагнать брата и просить у него распоряжений [5]). В церкви молебен за Константина; Воинов с рапортом, что гвардия исполнила свой долг;... и... [6]); Нессельроде [7]). Я не могу припомнить всего. Несколько раз захожу к матушке; дети; вернулся, написал великой герцогине Веймарской [8]), королеве Нидерландской [9]), несколько слов Марии [10]), королю Прусскому [11]), Вильгельму Оранскому [12]); кушал вдвоем с женою; говорил с Опочининым [13]) и Бенкендорфом; уверенность, что все прошло хорошо; вечером — несколько раз у матушки; она спокойнее после беседы с Карамзиным, Евгений безукоризнен (parfait), дядя [14]); панихида в 5 часов в комнате, Елена; она приехала в то время, как-там [15]) был Совет; все в порядке и спокойно; немного закусил и выпил чаю; спал одетый у жены в зеленой комнате; у графини; Робинзон [16]), гр. Карл [17]); они беспокойно провели ночь; Рюль; он дает успокаивающее лекарство; спал очень мало.

28 (10 декабря). Суббота.

Встал в 8; Перовский, Крейтон, Кавелин; уходят; Стрекалов, говорили, уходит; Башуцкий [18]), говорили, уходит; у жены; к матушке, ее еще нельзя видеть; у графини, Альбедиль, говорили; ... [19]), уходят; говорили; у себя; Мещерский [20]); прошел к жене; с нею к матушке; говорили, Евгений, ухо-

---

[1]) Голенищев-Кутузов, Павел Васильевич, генерал-адъютант.
[2]) Т.-е. роты его величества 1 батальона Преображенского полка.
[3]) Александр Николаевич, главноупр. Почт. департаментом.
[4]) Лобанов-Ростовский, кн., Дмитрий Иванович, министр юстиции.
[5]) Это письмо Николая Павловича см. ниже, стр. 141.
[6]) Два слова неразобраны.
[7]) Карл Васильевич, гр., упр. министр. иностр. дел.
[8]) Луиза, вел. герц. Саксен-Веймарская, свекровь Марии Павловны.
[9]) Вильгельмина, жена короля Вильгельма I, свекровь Анны Павловны.
[10]) Марии Павловне.
[11]) Фридриху-Вильгельму III, своему тестю.
[12]) Позднее король Нидерландский Вильгельм II, муж Анны Павловны.
[13]) Федор Петрович, бывший адъют. Константина Павловича, пользовавшийся особым его расположением и доверенностью.
[14]) Герцог Александр Виртембергский, брат Марии Федоровны.
[15]) Т.-е. в комнатах у Марии Федоровны.
[16]) La Robinson.
[17]) Ливен, гр. Карл Андреевич, сын Шарлотты Карловны.
[18]) Павел Яковлевич, ген.-лейт., петербургский комендант.
[19]) Не разобрано одно слово.
[20]) Петр Ив., шт.-кап., адъютант военного министра Татищева.

дит; ... [1]); дядя у меня; Милорадович, уходит; Воинов, Оленин [2]), ... по делам; Опочинин; жена; вернулся; с матушкой к обедне и панихиде; Елена; вернулся, меня спрашивает кн. Куракин [3]), говорили; у матушки; у себя с Орловым [4]), говорили, уходит; Милорадович, говорили, уходит; Бенкендорф, говорили, уходит; жена, уходит; у матушки, письма к Михаилу и в Таганрог; отправил курьера; Ребиндер [5]), уходит; Елена, жена, завтракали, говорили; жена уходит; вздремнул; матушка, жена, спустился к ней, говорили; к жене, посылаю ее туда; Нессельроде, говорили; Опочинин, уходит; у матушки, жена, Елена, Евгений, потом дядя, Александр [6]), Карамзин; у себя; Нессельроде, уходит; кн. Куракин, уходит; работал с Фламом и Ивеличем; у жены, Бенкендорф, чай, говорили, уходит; писал; с женою у матушки, говорили; прошел к графине, ее сын, Паша [7]), говорили; прошел к себе; в передней Крейтон, Рюль, говорили; раздевался, Рюль, уходит; разделся, лег спать.

29 (11 декабря). Воскресенье.

Встал в 8; Блок, уходит; Крейтон, Перовский, Деллингсгаузен, уходят; Башуцкий, Ивелич, все спокойно; иду к жене, дорогою Мартынов; у матушки; она — за туалетом; к графине, ее сын Карл, говорили, уходит, говорили, матушка зовет меня; к ней, дорогою Нейдгарт, говорили; жена, графиня, Воинов; у матушки, просит его войти, говорили, уходит; иду с ним к себе, говорили, уходит; церковная служба; меня зовут, говорил в маленьком кабинете с Милорадовичем, все в порядке; вернулся, конец службы; Елена; говорили, у себя; Грабовский [8]), он написал Константину как императору, но не приносил присяги и князю-наместнику [9]); уходит, Головин [10]), говорили, уходит; у жены, Бенкендорф, говорили, уходит; с нею к матушке, Елена, Евгений, у обедни, как вчера и панихида, матушка спокойна; выходил один раз и возвратился; из церкви прошли к ней; у себя; Карамзин, говорили, ...[11]), об Ангеле; о том, что меня заставило поступить так, как я поступил; он одобряет меня, уходит; кн. А. Голицын, говорили, подробности об акте [12]), уходит; Ребиндер, говорили, о присяге, о Финляндии, уходит; Васильчиков [13]), говорили, всегда честен и лойялен (toujours honnête et loyal), уходит; переоделся, жена, Елена; обедали втроем, встали из-за стола, говорили, Елена уходит; говорил с женою, уходит; дремал, оделся, жена, Cécile; с нею к матушке, служба, дети, исповедь; вернулся к себе; Опочинин, решил послать его в Нарву навстречу Константину; написал Милорадовичу; говорили, все спокойно, уходит; работал сначала с Фламом, а потом и с Ивеличем, уходят;

---

[1]) Два слова не разобраны.

[2]) Алексей Николаевич, статс-секретарь. После фамилии «Оленин» одно слово не разобрано.

[3]) Алексей Борисович, сенатор, председатель департ. экономии Госуд. Совета.

[4]) Алексей Федорович, ген.-адъют. командир Конной гвардии.

[5]) Роберт Иванович, статс-секретарь Великого Княжества Финляндского.

[6]) Сын герцога Александра Виртембергского.

[7]) Pache, быть-мож., Павел Христофорович Ливен, камер-юнкер, сын Христофора Андреевича Ливена, внук Шарлотты Карловны.

[8]) Степан Фомич, ген.лейт., министр статс-секретарь Царства Польского.

[9]) Князю Иосифу Зайончку, наместнику Царства Польского.

[10]) Евгений Александрович, ген.-м., командир 4 бригады, 2-й гвард. пех. дивизии.

[11]) Одно слово не разобрано.

[12]) Т.-е. об акте отречения Константина; А. Н. Голицын был посвящен Александром I во все подробности дела об отречении.

[13]) Иларион Васильевич, генерал-адъютант.

у жены, чай, с нею к матушке; Музовский [1]); исповедь, у жены, с нею к себе; ужинали, говорили; Крейтон; старушка Кристи умерла; у жены; уходит; Рюль, уходит; разделся, лег спать.

30 (12 декабря). Понедельник.

Встал в 7½ ...[2]) Измайловский; Перовский, Кавелин, Деллингсгаузен, уходят; у жены, письма от императрицы, я их прячу у себя; у жены, у матушки, дожидался; с нею в библиотеке, правила [3]), затем идем вместе в малую церковь; обедня, причащались; матушка переносит все с удивительною твердостью; вернулись; у жены; графиня, отдаю письма императрицы; она чувствует себя хорошо, насколько это возможно; провожаю матушку к ней; Елена, завтракали; выходил в маленький кабинет поговорить с Милорадовичем, все спокойно; у матушки; вышел в тронный зал, говорил с Милорадовичем и Татищевым [4]); у матушки; в девичьей; жена, Елена; кн. София Волконская, письмо от ее мужа, он говорит, что у Ангела как последствие его болезни обнаружили в голове воду, и что он ждет Константина через 4 или 5 дней; у матушки, у себя; Воинов, говорили, Рюль, уходит, говорили, уходит, у матушки, у себя; К. Бистром [5]), А. Бенкендорф, говорили, Бистром уходит, говорили, уходит; Милорадович, говорили, Потапов, говорили, уходят; Мартынов, Головин [6]), Сазонов, говорили; у жены, у себя; писал императрице; Голицын, говорили... [2]); жена, уходит; говорили, уходит, писал императрице; Вилламов, уходит; кончил письмо; Оленин, говорили, уходит; у матушки; у себя, переоделся; обедал с женою и Еленою, встали из-за стола, говорили, Елена уходит, затем жена к ней; у себя, уезжаю в выездной коляске к детям; у себя, у них; возвратился в одноконных дрожках через несколько улиц; вполне спокойно; в Зимнем дворце; у жены, Елена, Cécile, читали; у себя; Карамзин, говорили, уходит; Нессельроде, ответная нота Странгфорда [7]), говорили, уходит; Карамзин, говорили, уходит; оделся; у матушки; жена, Елена, Евгений, Виртембергские [8]), Карамзин, говорили у меня; работал с Фламом; жена; вернулся; у матушки, те же, Карамзин уходит; говорили, Виртембергские и Евгений уходят; Елена также; говорили; Елена возвращается, уходит с Эльмпт; говорили; ухожу опять к себе; Крейтон, уходит; Ивелич, работали, уходит; ужинали, разговаривали, уходит; работал, разделся, лег спать.

Декабрь.

1(13). Вторник.

Встал в 8¼; Седжер, уходит; Перовский, Кавелин, Ивелич уходят; Бащуцкий, все хорошо, говорили, уходит; Крейтон и Рюль, уходит; Стрекалов, уходят; Воинов, говорили, все в порядке; у жены; у графини, говорили; у себя; Потапов, говорили, уходит; у матушки, Елена; у жены; матушка

[1]) Николай Васильевич, протоиерей, духовник Николая Павловича и его жены.
[2]) Не разобрано одно слово.
[3]) Т.-е. слушали «правила» перед причастием.
[4]) Александр Иванович, ген.-от-инф., военный министр.
[5]) Карл Иванович, ген.-лейт., начальник гвардейской пехоты.
[6]) Евгений Александр., ген.-м., командир 4-й бригады 2-й пехотной гвардейской дивизии.
[7]) Английский посол.
[8]) Т.-е. герцог Александр и два его сына: Александр и Евгений.

хорошо спала, чувствует себя довольно хорошо; панихида в библиотеке, перед концом меня зовут; говорил с Татищевым; у себя, говорил с Воиновым и Милорадовичем, уходят; у матушки, жена, Елена, затем Евгений, уходит; Милорадович, говорили, уходит; у себя, Бенкендорф, уходит; Орлов, говорили, Нейдгарт, уходит; жена, уходит; говорили, уходит; Балугьянский [1]), говорили, уходит; у жены; у себя, одевался, Нарышкин [2]); у матушки, жена, Елена, говорили; Голицын, уходит; говорили; у себя, переоделся; Елена и жена, обедали, втроем; Вилламов, уходит; получили известие, что Аракчеев вернулся к своим обязанностям; встали из-за стола; у жены, говорили; у себя; Седжер, говорили, уходит; у жены, Елена; у себя, читал, подремал, встал; у жены, Елена, чай; у себя, написал Милорадовичу, оделся; у матушки, жена, Елена, говорили; меня зовут; Милорадович; у меня, говорили; пошел к матушке, те же и Виртембергские, говорили, уходят; Елена уходит; говорили; у себя, ужинали; Крейтон, уходит; ужинали, говорили, жена уходит; Флам, работал, разделся, лег спать.

2(14). Среда.

Встал в $8^1/_2$; Перовский, Ивелич, Крейтон, уходят; Башуцкий, говорили, уходит; Перовский; у жены, у графини, ее сын Карл, говорили; у себя, Воинов, говорили; Рюль, матушка плохо спала, уходит; говорили, уходит; у жены, с нею к графине; Рюль, уходит; говорили; Вилламов; у матушки, известия от императрицы, не хорошо; у себя, Потапов, то же от Дибича; у матушки, жена и Елена; Ребиндер, Финляндия присягнула, уходит; у себя; Потапов, уходит; А. Бенкендорф, говорили, уходит; у матушки, кн. София, письмо к ней от ее мужа, те же подробности; жена, у себя; Милорадович, говорили, он высылает Магницкого [3]), говорили; у матушки, Милорадович, говорили; у себя, жена; у матушки; у себя; К. Бистром, говорили, уходит; писал Константину; Рюль, известия от Стоффрегена [4]) об императрице, плохие; жена, иду к ней повидать графиню Строганову [5]), она едет навстречу императрице, прощание; у себя; жена, уходит; писал Волконскому; Голицын, говорили, разбирали почту [6]); читал; эстафета от Опочинина и ложное известие о приезде Михаила; жена, уходит, говорили, уходит; у матушки; у себя, писал Константину; Крейтон, уходит; Мартынов, Сазонов, Головин, уходят; у жены, ее нет; Елена и Эльмпт; у матушки; Елена, жена; у себя, отправил курьера в Таганрог; переоделся; обедали у себя с женою, и Еленою; Перовский, уходит; встали из-за стола, Елена уходит; говорили, уходит; дремал; Дивов [7]), говорили, уходит; Карамзин, говорили, жена, говорили, уходит; чай, говорили, матушка, жена, говорили, уходит; оделся, работал с Ивеличем, уходит и Флам; у матушки, жена, Елена и Виртембергские, говорили, уходят; говорили, уехал с женою к себе; переоделся, ужинали, работал; жена уходит, работал, разделся, лег спать.

---

[1]) Михаил Андреевич, член Комиссии Составления Законов.
[2]) Кирилл Александрович, управл. придворной конторой.
[3]) Михаил Леонтьевич, попечитель Казанского учебн. округа. Милорадович его выслал из Петербурга в Казань по настоянию Николая Павловича.
[4]) Конрад (Кондрат Кондратьевич), лейб-медик.
[5]) Гр. Софья Владимировна.
[6]) Во время междуцарствия почта из Варшавы (и из других мест?) доставлялась к Николаю Павловичу, и пакеты вскрывались в его присутствии. Голицын управлял почтовым ведомством.
[7]) Николай Адрианович, шталмейстер Михаила Павловича.

3 (15). Четверг.

Встал в $5^3/_4$, меня разбудили сообщением, что Михаил будет здесь не более как через час; Перовский, уходит; Дивов докладывает мне, что Михаил уже приехал; поднялся наверх и поехал с Милорадовичем в дорожной коляске к Михаилу; говорил с ним сначала один, потом Милорадович, Константин чувствует себя хорошо, вот все, что мог он сказать; Алединский [1]) с уведомлением, что начался пожар в Невской Лавре, уходит, я посылаю туда Перовского; написал Воинову и послал с Лоло [2]); говорил с Алединским; Михаил уходит и возвращается; еду с ним в его двуместной карете во дворец; к жене; веду туда Михаила, у графини; иду с ним к матушке, сначала я говорю о нем, затем Михаил входит; Рюль, уходит; матушка затворяется с Михаилом; дожидаюсь в малом кабинете; жена; матушка зовет меня, иду туда; мне объявляют, что Константин настаивает на отречении от престола; официальное письмо по этому поводу; матушка того мнения, что с присягою надо подождать до ответа с Лазаревым; частное письмо Константина ко мне и официальное, именующее меня императором; условились все скрывать; матушка уходит; жена, я ей все говорю; матушка возвращается, Елена; иду к себе; Милорадович, сообщаю ему все; иду к матушке; Михаил, затем Елена, говорили; ухожу к себе; Воинов, говорили; Михаил, уезжает; жена, уходит; Потапов, уходит; у матушки; у себя; Голицын, сообщаю ему все, говорили, уходит; у жены; у матушки; Голицын,— говорили; у себя; написал Константину; жена, уходит, Опочинин, говорили, рассказываю ему все, идет писать [3]); у матушки, она читает мне свое письмо Константину; вернулся к себе; Опочинин пишет под диктовку; Михаил, уходит; писал [4]), уходит; Карамзин, говорили, уходит; у матушки; у себя; переоделся, жена, Елена, Михаил, обедали вчетвером; встали из-за стола, говорили, наши жены уходят; говорили, Михаил уходит; писал в Варшаву; матушка, жена, Михаил; матушка читает письмо от Волконского, уходит; Опочинин, пишет; у жены, Елена; у себя, читал, вздремнул, оделся, чай; Опочинин все пишет; матушка и жена, у жены с нею, говорили; отправил курьера к императрице, у себя; оделся, работал с Фламом, уходит; у жены, иду к матушке; графиня, говорили; у жены; у себя, переоделся, читал с Опочининым протокол всего происшедшего; Михаил, уходит; жена; отправил Опочинина в Варшаву; ужинали, говорили, жена уходит; у Михаила, он пишет; Опочинин уходит, Михаил читает мне свое письмо; вернулся к себе, разделся, лег спать.

4 (16). Пятница.

Встал в $8^3/_4$; Перовский, Кавелин, Блок, уходят; Рюль, матушка здорова, уходит; Башуцкий, говорили, уходит; жена; у графини, гр. Карл, затем жена, потом Бенкендорф; к матушке, в корридоре Воинов, говорили; у матушки, очень расстроена; Михаил, жена; вместе идем в церковь, панихида; Елена, вернулись, Евгений, говорили; у себя, Милорадович, говорили сидя, все в порядке, уходит; у матушки, Михаил; у себя, писал, завтракал; поехал с женою в двуместной карете домой; у детей, поехал один в одноконных санках в Инженерный замок, осматривал, вернулся к себе, у детей; Лейтон, уходит; жена, поехал с нею и Сашею в двуместной карете к матушке;

[1]) Александр Павлович, ген.-м., гофмейстер Михаила Павловича.

[2]) Алексей Павлович Ушаков, шт.-кап., адъютант Михаила Павловича.

[3]) Николай поручил Опочинину составить протокольное описание событий во дворце с 25 ноября по 3 декабря. См. ниже, стр. 129.

[4]) Надо полагать, речь опять о работе с Опочининым.

говорили; у себя; Голицын, говорили; у жены, у себя; разбирали почту, говорили, уходит; у жены; матушка, проводил ее к себе; говорили; у себя, переоделся, обедал с Михаилом и нашими женами, встали из-за стола, жены уходят, говорили с Михаилом о происшествиях, он обвиняет меня, как и всех остальных; вместе с ним к нему; продолжали тот же разговор; у жены, Елена, матушка, затем Михаил, говорили, матушка уходит; у себя; читал, оделся; у матушки, у жены; Карамзин, уходит, говорили; Милорадович, говорили, ушел с ним к себе, говорили; чай, говорили, уходит; у жены, Елена, матушка, говорили; возвратилась к себе; говорили с женою у меня; переоделся; говорили, ужинали; А. Бенкендорф, говорили; Михаил, говорили; жена уходит, Бенкендорф уходит; жена; ездил с нею на прогулку в одноконных санях; совершенное спокойствие, вернулись; у себя, работал, читал, разделся, лег спать.

5 (17). Суббота.

Встал в $8^1/_2$; Перовский; отправил курьера навстречу Сазонову; Башуцкий, все спокойно, уходит; Кавелин, Стрекалов, уходит; Воинов, говорили, уходит; написал полномочия для Перовского; у жены; у графини Лунина [1]), старушка, и еще одна которая уходит, гр. Карл, говорили; у матушки, говорили; Милорадович вызывает меня, в малом кабинете, говорили; у матушки, жена, Елена, Михаил, говорили; Милорадович; выхожу с Михаилом в малый кабинет, говорили, решили отправиться ему в Варшаву, входим опять к матушке; решено; говорили, Милорадович дает отчет о впечатлениях событий на общество; матушка решила требовать от Константина, чтобы он приехал; Михаила уговорили; выхожу два раза в малый кабинет, чтобы написать полномочия от имени матушки, от моего и Милорадовича; подписали; говорили и отправились к Михаилу; у себя, Потапов, говорили, уходит; Воинов, говорили, уходят; мои генералы, уходят; Ребиндер, уходит; Нессельроде, говорили; чрезвычайная новость, уходит; Голицын, говорили; разбирали почту; Михаил, говорили, уходит; у матушки, читает мне свое письмо к Константину; у себя; К. Бистром, говорили, уходит; Нейдгарт, говорили, уходит; у матушки... [2]); решили отправить адъютантов; Михаил; жена; прощается с матушкой; еду с Михаилом в его одноконных санях к нему; он собирается к отъезду; Васильчиков в большом кабинете, говорили, уходит; у Михаила; Алединский, Дивов, свои; обедали с ним, с Еленою и потом с женою вчетвером; когда вставали из-за стола — записка от матушки, ответил; идем к Елене, у нее, спустились к маленькой; Михаил прощается со своею женою и моею, уходит, проводил, поднялся наверх и поехал с женою в двуместной карете во дворец; иду к матушке, говорили, она читает мне свое письмо к императрице; у жены; у себя; Карамзин, говорили, чай, жена, Карамзин уходит; подарок жены; Крейтон, уходит; писал Волконскому, матушка, читает мне свое письмо к императрице, уходит; писал Волконскому, переоделся,... [2]); одевался; у матушки, Елена, потом жена; получил в подарок медальоны с волосами Ангела,...[2]) Бенкендорф,...[2]), вместе у жены, говорили; меня зовут, так как пришла обычная эстафета от Константина, написал Потапову; у жены, те же, говорили; у себя; письмо матушке от Константина; написал Михаилу; Потапов, говорили, уходит, вернулся обратно, говорили, у себя;

[1]) Авдотья Михайловна, фрейлина.
[2]) Не разобрано.

у жены, те же; у себя, работал; Потапов, директор канцелярии Константина, получил пакеты; написал Голицыну; уходят, разделся, лег спать. (f. l. s. *d. h.*)

6 (18). Воскресенье.

Встал в $8^1/_2$; Башуцкий, говорили, уходит; Голицын, говорили, уходит; Кавелин, Флам, Деллингсгаузен, Стрекалов, уходят; Рюль, уходит; возвращается с графиней, сидели и говорили, уходит; Воинов, говорили, все в порядке, уходит; Милорадович, говорили, все в порядке, уходит; Кутузов, передаю пакеты, говорили, уходит; Сергей Ланской [1]), вручаю пакеты, уходит; жена, уходит; Нессельроде, то же [2]), уходит; Кавелин, вручаю пакеты, говорили, уходит; мои генералы, Геруа, говорили; у жены; у матушки, жена, говорили; Милорадович, в маленьком кабинете написал записку, вошел обратно; говорили; у себя, отдыхал; у матушки; Бенкендорф... [3]) уходит; она уже в церкви, иду туда; жена, Елена, Саша, Мери [4]), обедня; вернулись; у себя; Милорадович, уходит; Голицын, разбирали эстафету из Варшавы; уходит; Грабовский; распечатывает пакеты; чрезвычайно интересное письмо от Ожаровского [5]), говорили, уходит; Нейдгарт, говорили, уходит; К. Бистром, говорили, уходит; с нею к матушке; прочел письмо Ожаровского; у себя, Крейтон, уходит; писал Милорадовичу; у жены, говорили; у матушки, дядя, говорили; у жены, говорили; матушка, Елена, графиня; обедали в голубой гостинной впятером, встали из-за стола, говорили; матушка уходит с Еленою и графиней; у себя, переоделся; поехал с женою в двуместной карете домой, у детей, у себя, у жены, вздремнул; записочка к Голицыну; в залах; вернулся с женою опять к себе; Голицын; дела лучше; продолжали утреннюю разборку почты; уходит; Флам, жена; работал; чай, она уходит, работал, уходит, отдохнул, читал; жена, у жены, приходит матушка с дядей, Мария и старший [6]); говорили; у себя, жена; у жены, матушка, потом Елена; Рюль, уходит; говорили; у себя, Бенкендорф, сидели и говорили, уходит; иду к жене; мои, говорили; матушка уходит с женою; у себя, отдыхал, читал; жена, ужинали, читали, разговаривали, она уходит; работал, читал, разделся, лег спать.

7 (19) Понедельник.

Встал в $8^1/_2$; Блок, уходит; приехал Аракчеев; Башуцкий, говорили, все в порядке, уходит; Деллингсгаузен; у жены; у графини, говорили сидя; у матушки, говорили, она угнетена, жена; Милорадович в малом кабинете, все в порядке, вернулся к матушке с ним; отправляюсь к себе один; Воинов, говорили, уходит, все в порядке; Кирила, говорили, уходит; Потапов, уходит; у жены; у себя; мои генералы, уходят; Ребиндер, говорили, уходит; Бенкендорф, говорили, уходит; у матушки, говорили, при выходе — Муханов [7]); с ним к себе, говорили, уходит; Орлов, говорили, уходит; у жены, у себя; пакеты из Парижа, письмо из Модены; у жены, ее нет; читал, она при-

---

[1]) Вероятно *Василий* Сергеевич, министр внутр. дел.
[2]) Т.-е. передает пакеты.
[3]) Не разобрано два слова; последнее угадывается как «bruits» (слухи).
[4]) В. кн. Мария Николаевна.
[5]) Граф Адам Петрович, ген.-адъют.
[6]) Т.-е. сын Александр Николаевич.
[7]) Сергей Ильич, обер-шталмейстер.

ходит; у себя, одевался; матушка, обедали втроем в голубой, встали из-за стола, говорили, матушка уходит; у себя, переоделся, поехал с женою на прогулку в двуместной карете; к себе домой, у детей, вернулись опять к себе; Потапов, курьер, который сопровождал Лазарева [1]), уходит; прочел: 3 письма к матушке; оделся; у нее; отказ Константина признать присягу, угроза покинуть страну; его письмо достаточно для Совета; у себя; Милорадович, жена, затем Голицын, говорили; матушка, обсуждали письмо; решено отложить вопрос до нового ответа; Потапов, уходит, Милорадович уходит; говорили, затем матушка [уходит], проводил ее, вернулся; Голицын, говорили, уходит; работал с Фламом; является Перовский с письмами, посланными с Лазаревым; письмо к матушке и бумага Лопухину, и письмо от Михаила, оделся, у матушки; решили остаться при прежнем решении; у себя, написал Михаилу, Флам переписал для Михаила бумагу Лопухину; Крейтон, уходит; написал черновик манифеста; Флам уходит; разделся, лег спать.

8 (20). Вторник.

Встал в 8¼; Кавелин, уходит; работал над манифестом; Воинов, говорили, все в порядке; Потапов, курьер из Варшавы к Татищеву, уходит; уходит; работал; жена; Милорадович, говорили, читал ему проект манифеста; он одобряет; жена уходит; одевался; у матушки, она плохо спала, но чувствует себя лучше; читал проект матушке, она также одобряет; жена, матушка приказывает позвать Милорадовича; дожидался с женою и Еленою; матушка и Милорадович; Рюль, говорили, уходит с матушкой; жена и Елена идут в церковь; панихида; ушел перед службою к себе; Голицын, читал ему мой проект, он одобряет его, читал мне свой; иду поговорить с Мартыновым, уходит, говорили, говорили с Голицыным, уходит; работал, поручил Фламу переписать проект; жена, с нею к матушке; сошли втроем по малой лестнице ехать в четырехместной карете; у каретной дверцы—Долгоруков [2]), он не едет с нами; в крепость через Васильевский остров; Сукин [3]); идем в церковь, к могиле батюшки; молились, выбрали место — для Ангела и для м е н я; поехали оттуда к матушке, говорили, письмо от императрицы матушке, она чувствует себя слабее; у себя, читал; у жены, Елена, навстречу матушке; обедали вчетвером в голубой, встали из-за стола, говорили; у себя, переоделся, работал, читал, спал; Толь, [4]) присланный Сакеном [5]) к Константину с присягою, уходит; спал; Нессельроде, говорили долго, уходит; у жены; у себя с нею, чай, А. Бенкендорф, говорили; матушка, выходит; говорили, уходит; говорили с А. Бенкендорфом; у жены, матушка, Елена, графиня, говорили; у себя, написал Михаилу и Толю; разбирал почту; матушка, жена; у нее, те же, матушка уходит; у себя; Потапов, уходит; разбирал почту; жена, ужинали, говорили, жена уходит; Флам, работали, уходит; писал приказ по войскам; разделся, лег спать (f. l. s. *d. h.*)

---

[1]) Адъютант Лазарев, посланный 27 ноября к Константину Павловичу с письмами задержался по болезни в Варшаве. (См. ниже письма Николая и Михаила Павловича, стр. 159). Перовскому было предписано встретить Лазарева и фельдъегеря Гусева в Стрельне, привезти их в Петербург и у заставы ждать дальнейших распоряжений дежурного генерала.

[2]) Долгоруков, кн. Василий Васильевич, шталмейстер.

[3]) Александр Яковлевич, ген.-ад., комендант Петропавловской крепости.

[4]) Карл Федорович, ген.-ад., нач. штаба 1 армии.

[5]) Остен-Сакен, граф Фабиан Вильгельмович, ген.-от-инф., главнокоманд. 1 армии.

9(21). Среда.

Встал в 8¼; Ивелич, Кавелин, Перовский, Деллингсгаузен, уходят; Башуцкий, все в порядке, уходит; Милорадович, разные слухи, первые подозрения в публике, что Константин не согласится, уходит; у жены; у графини, дожидался; Рюль, уходит; графиня, говорили сидя, жена, отправился с нею к матушке; Милорадович, говорили, уходит; матушке лучше; Елена, говорили; у себя; Воинов, говорили, все в порядке, уходит; Бистром, говорили, уходит; жена, говорили, Милорадович, жена уходит, говорили, слухи все более распространяются и становятся беспокойнее, уходит; Голицын, бумаги... [1]) Ангела, говорили, уходит; Карамзин, читал ему свой проект манифеста, он одобряет, замечания, выход за Ланским, пакет ему от Константина, распечатываем, от 29-го, уходит; входит снова Карамзин, говорили, уходит; у жены; у себя, переоделся, читал, дремал, оделся; у жены, с нею у матушки, графиня, вместе у нас в голубой, Елена, обедали впятером, встали из-за стола, говорили, матушка уходит; у себя, переоделся, отправился с женой в двуместной карете на прогулку и к себе — взглянуть на детей; Зауервейд, Блок; вернулись снова во дворец; у себя; читал, Бенкендорф, говорили, те же слухи, уходит; Карамзин, возвращает мне черновик, говорили, чай, говорили, уходит; у жены, матушка, Елена; у себя; Седжер, уходит; Бенкендорф, говорили, уходит; у жены, матушка, Елена, говорили, уходят; говорили, ужинали, читал мой черновик, работал, уходит; работал, разделся, лег спать.

10(22). Четверг.

Встал в 8¼; Деллингсгаузен, Ивелич, Перовский, уходят; Башуцкий, говорили, все в порядке, уходит; читал; Милорадович, говорили, все в порядке, слухи об отречении усиливаются, уходит; читал; у матушки; у графини, Рюль, уходит, говорили; у жены; у себя; Воинов, говорили, все хорошо, уходит; иду к жене, с нею к матушке; Милорадович, матушке лучше, говорили, Елена; отправился один к себе; Сазонов, Воропанов [2]), Головин, уходят; Мартынов, говорили, все хорошо, уходит; Сперанский, рассказываю ему обо всем, все ему читаю, он берет на себя написать два манифеста, говорили, уходит; у жены; у матушки, Голицын, уходит; говорили; у жены, у себя, Голицын, говорили, уходит; написал Аракчееву; поехал с Перовским в коляске в школу подпрапорщиков, осматривал, поехал с ним же прогуляться, вернулся; у жены, дремал; у себя; у нее, с нею у матушки; с нею к себе; графиня, накрыли на стол в голубой, Елена, обедали, встали из-за стола, матушка уходит; у себя; переоделся, поехал с женою в выездной коляске на прогулку и к себе домой, у детей, у жены, Cécile, говорили; у себя; ждал, приезжает Аракчеев, он дает мне письма Ангела, написанные после убийства в Грузине, трогательно, много говорили, одобряет мое поведение, уходит; у жены; Cécile, чай; у детей, отправился с женою в двуместной карете во дворец; князь Салтыков [3]); к себе; к жене, те же, говорили; к себе, одевался; у матушки, Карамзин, говорили, затем жена, сидели и говорили, уходит, говорили; Елена, вместе к жене, говорили; у себя, написал Нессельроде; у жены, те же, матушка уходит, также и Елена; иду к Евгению, дядя, говорили; к жене, к себе;

[1]) Одно слово не разобрано.
[2]) Николай Фаддеевич, ген.-м., командир Финляндского полка.
[3]) Сергей Николаевич, член Госуд. Совета, шталмейстер.

дремал, работал с Ивеличем, уходит; с Фламом, уходит; ужинали, говорили, жена уходит; писал Михаилу, работал, читал письма батюшки к матушке; разделся, лег спать (f. l. s. *d. h.*); видел днем Sophie Бобринскую.

11 (23). Пятница.

Встал в 7: курьер от Михаила — просит у меня сведений, сообщает, что Сабуров [1]), которого послал к Константину Татищев, задержан Михаилом в дороге, из опасения, чтобы не разболтал новостей; ответил Михаилу, письмо от Толя, тоже задержан Михаилом; снова лег; встал в $8^1/_2$; Блок, уходит; Ивелич, Перовский, Кавелин, Стрекалов, его мать умерла; Крейтон, уходят; Башуцкий, все в порядке, уходит; жена, у нее и у графини, гр. Карл, сидели и говорили, затем жена, говорили, меня зовут; у себя; Воинов, говорили, все хорошо, уходит; Сазонов, говорили, уходит; у жены; у матушки, она плохо спала, впрочем чувствует себя хорошо, говорили, жена; Милорадович, иду поговорить с ним в малый кабинет, все хорошо, слухи об отречении распространяются; с ним к матушке, говорили; Елена; у себя, Голицын, говорили, уходит; Жерве, говорили, уходит; затем Мартынов, говорили, уходит; К. Бистром, говорили, уходит; Сперанский, проект манифеста, очень хорошо за исключением небольших изменений, уходит; Потапов, пакет эстафетой из Варшавы, спрятал его, уходит; Голицын, говорили, разбирали почту, уходит, показываю ему... [2]) Ангела; у жены; у матушки, сидели, читал проект, ушел; меня зовут назад, говорили; ушел; Орлов у меня, говорили, показываю ему проект, он одобряет; Карамзин, я передаю пакеты, уходит, говорили; Татищев в гостинной, говорили, уходит; говорили с Орловым, уходит; Грабовский, распечатывает пакеты к нам обоим, ничего нового, уходит; А. Бенкендорф, переодевался, говорили; писал Константину, уходит; у жены; у себя, одевался; у матушки, Вилламов, Елена, уходит, жена; с нею к нам, Елена, обедали в голубой, встали из-за стола, говорили, матушка уходит; у себя, переоделся, работал, с женою на прогулку в коляске, к себе домой взглянуть на детей; к себе с женою; читаю ей манифест, у нее, чай с Cécile; поехали опять к детям и в двуместной карете во дворец; у себя, Карамзин, читал ему проект, он невполне одобряет его; слишком холодно, хотел бы чтобы больше было упоминаний об Ангеле; жена, Блок, говорили, уходит; работали, говорили, уходит; говорили; у жены, матушка, Елена, говорили; у себя; у жены, те же, говорили, матушка уходит, Елена тоже; у меня с женой, ужинали, работал, жена уходит; работал, читал, разделся, лег спать (р).

12 (24). Суббота.

[Рожд. е. в. государя императора]!!!
[День неприсутственный] [3])

Какой день для меня, великий боже, день решительный для моей судьбы и в это самое число! Встал в 7, разбуженный известием о курьере из Таган-

[1]) Андрей Иван., шт.-ротм., адъютант военного министра Татищева.
[2]) Не разобрано слово.
[3]) В подлиннике зачеркнуты слова «Рожд. е. в. государя императора» и рядом поставлено 6 восклицательных знаков. Ниже зачеркнуто «День неприсутственный», и еще ниже поставлен крест.

рога; Фредерикс [1]), адъютант Дибича, три пакета, один из них обыкновенный, два другие — «нужные», Фредерикс уходит; распечатываю пакеты; ужасный заговор, надо принять решительные меры; посылаю за Голицыным; Перовский берет на себя смотреть за Муравьевым [2]), уходит; Голицын, говорили; жена, уходит; Милорадович, все хорошо; сообщаю обоим обо всем деле; какие предпринять меры; у матушки, она в церкви, иду туда; жена, Елена, Виртембергские, уже идет обедня; вернулись вместе к матушке; Виртембергские уходят, говорили; вернулся к себе; Воинов, говорили, все в порядке, уходит; Бенкендорф, говорили, уходит; Бистром, говорили, уходит; мои, уходят; Геруа, уходит; написал Дибичу, жена, уходит; Карамзин и Сперанский, читал им оба манифеста, обсуждали, Сперанский уходит, говорили, затем Карамзин уходит; у жены; у себя, переоделся, Милорадович, говорили, уходит; Потапов, говорили, писал, уходит; жена, обедали вдвоем, встали из-за стола; курьер с решительными вестями от Константина, письмо матушке; оделся, иду отнести его к ней; приложено письмо ко мне очень дружелюбное, но решительное; решаем вызвать обратно Михаила; у жены; у себя, написал Михаилу; Потапов, уходит; оделся, отправился в выездной коляске с женой на прогулку и к себе домой; у детей; поднялся наверх, говорили, чай; у детей; вернулись снова в двуместной карете, по Салтыковской лестнице; у себя; Сперанский, говорили, Голицын, читал со Сперанским оба манифеста в окончательной форме, уходит; оделся, к матушке, читал ей проекты; у жены; у себя; Голицын, говорили; Ростовцев [3]) с письмом, уходит; писал Дибичу; матушка, говорили, уходит; А. Бенкендорф, говорили, писал Дибичу; говорили, уходит; у жены, матушка, Елена, говорили, матушка и Елена уходят с женою; Крейтон у меня, писал Волконскому, отправил Фредерикса; ужинали, жена уходит; работал с Ивеличем, уходит, работал, читал, разделся, лег спать.

13 (25). Воскресенье.

Встал в 8; Перовский, уходит; Нессельроде, говорили, уходит.

---

[1]) Александр Александрович, барон, полковник Измайловского полка.

[2]) Никитой Михайловичем, капитаном гвард. ген. штаба, о котором было упоминание в рапорте Дибича.

[3]) Яков Иванович, подпоручик лейб-гв. Егерского полка, адъютант штаба гвардейской пехоты; он пришел предупредить Николая о заговоре.

ИЗ ДНЕВНИКОВ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ.

Мы располагаем двумя записями Александры Федоровны в форме дневника: «Кратким дневником» за время междуцарствия и «Большим дневником», который она вела в течение большей части своей жизни.

«Краткий дневник» носит в подлиннике название: «Petit Journal depuis le 27 Nov. jusqu'au 12 Décembre 1825» и представляет рукопись, написанную по-французски почти без помарок на листке почтовой бумаги малого формата с траурной рамкой. Быть может, это действительно поденная запись, сделанная Александрой Федоровной среди самых событий. Во всяком случае, вглядываясь в почерк записей, как будто без опасения ошибки можно сказать, что они сделаны не менее, чем в три приема: 1) — за 27 ноября, 2) — за 28 ноября и 3) — за 29 ноября и остальные дни, до конца рукописи. Впрочем, все эти заключения «от почерка» очень гадательны. «Краткий дневник» хранится в «Особом Отделе Архива Октябрьской Революции» в бумагах быв. «Библиотеки Зимнего Дворца», под № 2389. Здесь печатается он полностью, в русском переводе.

«Большой» дневник Александры Федоровны хранится в том же отделе того же архива среди тех же бумаг «Библиотеки Зимнего Дворца» под № 2363. Он представляет шесть больших, продолговатого формата альбомов в кожаных тисненых переплетах; все альбомы, за исключением первого, с замочками. Альбомы довольно объемисты: в 240 — 320 и даже 520 страниц. На крышке первого из них вытиснена надпись: «Princesse Charlotte», и на задней крышке: «le 13 du Juillet 1813». Альбом этот открывается записью от 19 июля 1813 г., сделанной в Кунцендорфе, и заканчивается записью от 6 октября 1816 г. в Шарлоттенбурге. Среди записей встречаются рисунки, много засушенных цветов. В 1814 несколько записей сделаны на немецком языке, но русским алфавитом. — Второй альбом содержит записи с 6 октября 1816 г. по 31 декабря 1820 г.; первая сделана в Шарлоттенбурге, последняя во время пребывания в Берлине, большая часть промежуточных записей сделана в России, в Петербурге. На заглавном листе написано по-русски «Александра Федоровна». — Третий альбом заканчивается записью от 5 февраля 1825 года, старого стиля, сделанной в Петербурге; четвертый — записью 27 декабря 1828 г.; пятый содержит в себе записи с 29 декабря 1828 по 23 ноября 1835 г. Этот альбом объемистее предыдущих (527 страниц). Последний альбом начинается записью 28 ноября 1835 и обрывается на записи 1855 г. без более точной даты. Почерк в этом томе значительно меняется, строки идут шире одна от другой, а самые записи становятся более краткими. В 1850 году они еще более или менее пространны; но записи за 1851 год заполняют уже всего

лишь 8 страниц (с 376 по 384); за 1852 год имеются всего 3 строки от 15 февраля; 1853-й и 1854-й годы отмечены суммарными записями: первый — в 9, второй — в $3^1/_2$ строчки, и в этих трех строках говорится о войне, о Севастополе. 1855-й год отмечен всего лишь черным крестом, выведенным дрожащей рукою под датою года. На титульных листах всех шести альбомов как девиз написаны слова: «Glaube, Liebe, Hoffnung», сопровождаемые в разных томах теми или иными изречениями.

Начиная со второго альбома, в дневнике встречаются вырезанные страницы, довольно много мест вымарано чернилами, другие вычеркнуты красным или черным карандашом. Все записи сделаны на немецком языке, изредка по-французски. Почерк беглый и не особенно разборчивый; местами текст может быть прочитан с большим трудом и не без догадок.

Записи носят большею частью интимный, узко семейный, личный характер. В настоящем сборнике, сообразно его плану, приведены в переводе несколько записей за 1825 и 1826 годы.

Краткий дневник съ 27 ноября по 12 декабря 1825 г.

27 ноября.

Ужасная весть между 11 и 12 во время молебна[1]). Николай тотчас же присягнул императору Константину. Совет делал ему представления, указывал ему на волю императора Александра, но Николай не изменил решения; он знал, что́ делал. Члены Совета, по принесении присяги, были приняты матушкой. Николай послал своего адъютанта Лазарева к Константину.

28 ноября, суббота.

Ужасный день, проведенный в слезах. Заупокойная обедня. Вечером письма от Константина и Михаила от 22 ноября, когда они еще ничего не знали. Карамзин.

29 ноября, воскресенье.

Приготовления к причастию. Утром Воинов и Бенкендорф у матушки.

Понедельник, 30 ноября.

Причащение в маленькой церкви.

Вторник, 1 декабря.

Панихиды. В городе все спокойно.

Среда, 2 декабря.

Попрежнему. Вечером много говорили с матушкой.

Четверг, 3 декабря.

Михаил приехал в 6 часов утра; между 9 — 10 он был у матушки, где долгое время пробыл один; затем позвали Николая. Трогательные письма

---

[1]) На краю листка против этой записи поставлен крест.

и важные бумаги от 26 ноября. Милорадович и Голицын были осведомлены о содержании их, но это должно остаться втайне. Матушка весь день писала. Николай тоже с Опочининым. В 9 часов отправлен фельдъегерь; Опочинин уехал ночью с письменным изложением всего, что происходило здесь.

Пятница, 4 декабря.

Заупокойная обедня. Михаил имел долгое свидание с матушкой. Он смотрит на все совсем иначе чем мы. Николай вечером у матушки; он очень взволнован мнениями Михаила.

Суббота, 5 декабря.

В течение нескольких часов споры и горячие обсуждения у матушки с обоими великими князьями и Милорадовичем. Последний передал все ходящие по городу толки и разговоры солдат.

Матушка решила, что Михаил должен тотчас же поехать в Варшаву, чтобы умолять Константина дать манифест; она написала Константину, на коленях заклиная его приехать, чтобы покончить все. Михаил уехал в 6 часов.

Воскресенье, 6 декабря.

Николин день. Обедня. Письмо Ожаровского, прибывшее сегодня вечером с нарочным из Варшавы, которое было очень интересно для нас. Матушка впервые обедала с нами.

Понедельник, 7 декабря.

Матушка обедала с нами двумя. Вечером, около 8 часов — курьер из Варшавы от 3 декабря с письмом к матушке [1]) и с копией официального письма кн. Лопухину, прямо-таки громового. Он не признал себя императором. Милорадович и Голицын у Николая; туда же пришла матушка с письмами и бумагами. Решено пока держать все втайне. В 12 часов ночи приехал Перовский с письмами от 2 декабря, которые должен был привезти Лазарев. Письмо матушке, несколько слов Николаю.

Вторник, 8 декабря.

Заупокойная обедня. В 2 часа — в крепости, где матушка молилась и пожелала благословить Николая на могиле его отца. Тяжелое чувство при виде пустого места, которое ожидает нашего ангела.

Среда, 9 декабря.

Николай показал свой манифест Карамзину. Вечером, в 7 часов Аракчеев — у матушки.

Четверг, 10 декабря.

Сперанский — у Николая, чтобы проредактировать манифест. Отнесла матушке письмо от моего брата Вильгельма. Вечером Аракчеев у Николая; он показал ему два трогательных письма императора.

[1]) Далее в оригинале зачеркнуто «quelques mots à Nik. de la part de Constantin», над строкой написано: «avec la copie», конец слова «Constan*tin*» переправлено на «d'une»; слова «lettre officielle» — написаны уже в строке.

Пятница, 11 декабря.

Курьер от Михаила; он задержал в Неннале ген. Толля, ехавшего в Варшаву, и Сабурова, возвращающегося из Варшавы.

Суббота, 12 декабря.

Заупокойная обедня. После обеда, в пятом часу курьер из Варшавы, выехавший 8 декабря вечером. Длинное письмо матушке, прекрасное, доброе и дружественное письмо Николаю. Он остается при своем решении, таким образом, судьба Николая решена!

Из дневника 1813—1855 годов.

Зимний дворец. 27 ноября 1825 г. Пятница, вечером.

Ужаснейшее совершилось! У нас больше нет государя. Ангел действительно стал ангелом на небесах, он у бога. Ах, вся его жизнь была лишь приготовлением к смерти; с радостью говорил он о той минуте, когда для него закончатся все земные мучения. Но какие ужасные часы пришлось нам пережить с того времени, как я писала в последний раз!

Он скончался в Таганроге 19 ноября, в 10 часов утра. Боже! и мне приходится это писать о нем! — что его, нашего государя, больше нет! Что я его больше никогда не услышу, никогда не увижу! Какая это мука! День этот отмечен в моей жизни черным. А мой Николай, мой дорогой возлюбленный! Какая это для него потеря и сколько забот несет она ему. Да поможет ему господь, и да будет его прекрасная мать еще долгие годы такой же поддержкой для него, какою она была в эти дни.

25-го ноября, т.-е. третьего дня, вечером я ездила к ней и плакала там; она выглядела на 10 лет старше, чем обыкновенно. На другой день, рано утром, я снова была у нее; все еще не было получено никаких новых сообщений; но 15 ноября государь спокойно и благоговейно приобщился. Мы молились в церкви о выздоровлении отсутствующего. Каждый раз, как только отворялась дверь, сердца наши начинали учащенно биться. Вызвали Николая, он тотчас же поспешил вернуться, принеся несколько лучшие известия. В эти минуты восторга императрица-мать простерлась ниц, благодарила бога и плакала слезами радости, хотя все говорили и повторяли, что еще не следовало слишком предаваться надежде. Это письмо было прочтено с матушкой. Чтобы ...[1]) спокойнее, но Николай все говорил, что хорошего мало, и что лучше приготовиться к самому худшему. Так прошел день, было несколько спокойнее, ждали следующего утра. Наступило утро. Боже, что это был за день!

С утра я опять поехала к императрице-матери; мы говорили обо всем, что могло произойти; после 10 часов мы опять пошли в церковь, снова те же молитвы, снова под конец вызвали Николая. Ах, на этот раз он так долго не возвращался! Непередаваемый страх охватил нас. Я была одна с матушкой, она отправила даже камердинера, чтобы скорей получить известия; я стояла около стеклянной двери; наконец, я увидела Рюля; по тому, как он шел, нельзя было ожидать ничего хорошего. Выражение его лица досказало все. Свершилось! Удар разра-

[1]) Два слова не разобрано.

зился! Матушка стояла с одной стороны, я — с другой. Николай вошел и упал на колени; я чуть было не лишилась сознания, но пересилила себя, чтобы поддержать бедную матушку. Она открыла дверь, которая ведет к алтарю, и прислонилась к ней, не произнеся ни слова. Она приложилась к распятию, которое ей протянул священник, я тоже поцеловала крест нашего спасителя, который один может даровать утешение. Войдя к себе в комнату, она села; мы прочли письма бедной императрицы Елизаветы, несчастнейшей из всех женщин на земле. Николай должен был тотчас же удалиться, чтобы принести присягу. О, сколь достойны сожаления мужчины в подобные минуты! А он в особенности! И как благородно он держал себя, как все на него дивились! Он распорядился принести Константину присягу, несмотря на то, что в Совете было вскрыто завещание государя, где находилась бумага, в которой Константин формально передавал свои права наследования своему брату Николаю. Все устремились к нему, указывая на то, что он имеет право, что он должен его принять; но так как Константин никогда не говорил с ним об этом и никогда не высказывался по этому поводу в письмах, то он решил поступить так, как ему приказывала его совесть и его долг: он отклонил от себя эту честь и это бремя, которое, конечно, все же через несколько дней падет на него.

29 ноября 1825 г.

Милая императрица-мать была для моего Николая большой поддержкой. Как она совладала с собой в момент, когда самое дорогое было у нее отнято; как она сохранила ясность мысли, как горячо сочувствовало ее материнское сердце ее сыну Николаю, положение которого в это время было так необычайно трудно! Все устремились к нему, убеждая его в том, что он должен принять царствование, даже его мать пыталась вначале склонить его к этому.

Когда же она услышала, как он поступил, и узнала, что́ им руководило, она сочла своей обязанностью поддержать Николая и взяла на себя переговорить с членами Совета. Это был восхитительный момент. Опираясь на мою руку, она приняла членов Совета, старейших слуг государства; среди них находилось несколько ничтожных личностей, но были и некоторые достойные. Она попыталась сначала говорить стоя, но затем была вынуждена сесть, и хотя ей мешали слезы, она тем не менее говорила отчетливо и разъяснила волю государя, которую она хорошо знала и которая была записана с выраженного ею согласия; она сказала, что происходящее ныне свершается вопреки воле покойного, но что они должны признать за Николаем право так именно поступать, так как старший брат никогда при своей...[1]) и так как Константин является наследником по закону природы; воля же покойного состояла в том, чтобы его преемником был Николай; это она повторяла много раз. Все выслушали ее в немом волнении и... [1]) с громкими восклицаниями скорби, орошая слезами руку этой прекрасной, замечательной матери. Действия Николая вызвали единодушное одобрение и восхищение, и я, которая являюсь его собственным вторым я, которая так хорошо его знает, нахожу, что он не мог поступить иначе. Но он сделал это с таким великодушием, с таким благородством, которые навсегда пребудут замечательными, и, конечно, отошедший от нас ангел был бы им доволен. Посмотрим только, захочет ли Константин признать все это. Как все запуталось! Бедная Россия представляется пораженной,

[1]) Не разобрано.

убитой молнией, покрытой траурным флером. Повсюду царит зловещая тишина и оцепенение; все ждут того, что должны принести с собой ближайшие дни.

Четверг 3 (15) декабря 1825 г.

Мы жили все это время в печали и к тому же в тревожных опасениях за ближайшее будущее, за те известия, которые должны были быть нами получены из Варшавы. Но Николай был внутренне спокоен, потому что он поступил так, как ему велела совесть, и покорно ожидал того, что должно было последовать. Сегодня приехал из Варшавы Михаил с важным письмом от Константина. Но тогда он еще не знал, что здесь ему была принесена присяга. Однако, письмо его было очень трогательно и отношение его ко всему столь же благородно и великодушно, как и поведение Николая.

Он написал Николаю очень дружелюбное письмо как брат; в письме этом, после выражения своей неизъяснимой печали, он сообщает Николаю, что его желанием всегда было и остается до сих пор отречься от короны, и что он останется навсегда его покорным братом и подданным; здесь же было и особое письмо, адресованное уже на имя императора Николая, в котором он торжественно излагал то же самое. Он написал также и императрице-матери и просил ее и уполномачивал свою мать все это довести до сведения Совета и Сената и все разъяснить. Николай был тронут до слез. Все это, однако, нисколько не меняет положения вещей, поскольку еще не имеется ответа, после того как Константин был здесь действительно признан императором. Все это дает лишь представление о том, что́ предстоит Николаю несколькими днями раньше или позже, но все это — великая тайна: ее знаем лишь мы пятеро — наша семья, Милорадович и Голицын — больше никому ни слова! Однако по лицам можно прочесть, как все насторожены, как приезд Михаила возбудил всеобщее любопытство, в каком напряженном состоянии был весь двор и все это множество людей, которые собрались в зале конной гвардии и глаза которых, казалось, пронизывали нас, когда мы с Еленой [1]) проходили сквозь эту толпу.

Какие решающие дни! Я уже грущу при мысли о том, что мы больше не сможем жить в нашем доме, где мне придется покинуть мой милый кабинет, что наша прекрасная частная жизнь (bürgerliches Leben) должна окончиться. Мы были так тесно связаны друг с другом, мы так неизменно делили друг с другом все наши горести, печали и заботы! Ах, это горе, эта боль в сердце — она все не прекращается, не прекращается также и тревога, ожидание этого неизбежного будущего! Я не ошиблась в Константине: я была убеждена, что он так поступит; все-таки это радостно не ошибиться в мнении о человеке. Императрица-мать, несмотря на все переживаемое ею волнение, от всего сердца благодарит бога за то, что он дал ей таких благородных сыновей. Ах! это пример для всей Европы, великий пример! И каждая семья может почерпнуть из этого урок для себя!

Как бы я хотела оказаться достойной такого прекрасного, образцового человека и выполнить в отношении его все обязанности, которые ложатся на меня, его жену!

Мой жребий все же прекрасен. Я буду и на троне только его подругой! И в этом для меня все!

---

[1]) Елена Павловна, жена в. кн. Михаила Павловича.

Воскресенье 6 (18) декабря, 2 часа.

Какое это было бурное утро, — вчерашнее!

Мы вчетвером собрались у императрицы-матери. Михаил высказывал такие ложные мысли о благородном поведении Николая, которое он называет революционным! После этого он вечером [1]) . . . бедный Николай на одну минуту. . . самому себе [1]) . . . но только на одну минуту. Особенно поразило его одно место из Библии: «и св. Павел сказал Совету — до сих пор совесть моя перед вами была чиста» [2]).

И с тех пор он еще более спокоен и с покорностью ожидает бури. Самым худшим может быть сильный гнев Константина. Однако, чем дальше длится такое положение, тем оно становится опаснее. Общество поражено тем, что император Константин не приезжает лично; эта длительная неизвестность — волнует, и присутствие Константина совершенно необходимо: без него ничто не может уладиться достойным образом. Милорадовичу, чтобы он мог предусмотреть все возможности, доносят все толки, которые слышны в городе. Императрица-мать была очень взволнована и говорила с такой горячностью, чувствуя всю серьезность и даже опасность положения. Почему не приехал Константин! Она на коленях просит Михаила склонить к этому Константина, сказать ему, что она на коленях умоляет его приехать сюда.

Что было сегодня важно для Николая, так это письмо, полученное Грабовским из Варшавы от Ожаровского, который провел два часа у Константина и все от него узнал: что он просил у своего покойного брата как милости разрешить ему отречься от наследования ему на троне и что он решил не изменять своего решения; что так как распоряжения его по этому поводу не были достаточно оформлены, то он послал своего брата Михаила с бумагами, в которых излагал свою волю. Ожаровский добавлял при этом: «Однако, если в Петербурге уже принесли присягу вел. кн. Константину как законному монарху, то он волей-неволей уже император. Но если еще ничего не сделано в Петербурге, если здесь ждали указа из Варшавы, тогда императором будет Николай. Великий князь решился не изменять принятого им решения вопреки всем письмам и депутациям».

Императрица-мать однако из всех этих соображений (Ausdenken) выводит как раз обратное заключение — что Константин останется императором.

Сейчас 7 часов; мы вернулись из нашего дома, где мы спали в течение получаса в моем милом кабинете на старом. . . [3]). Отдых Николая был однако скоро прерван. В дальнейшем это будет повторяться все чаще и чаще.

10 (22) декабря, четверг. 11 часов вечера.

В понедельник 7 декабря, в 8 часов вечера прибыл курьер из Варшавы от 3 декабря с письмом на имя императрицы-матери и копией письма к Лопухину, содержащего прямо-таки громовое обвинение Совета в нарушении воли императора и написанного в таком тоне, который самого Кон-

[1]) Не разобрано.

[2]) Надо полагать, Александра Федоровна не совсем точно цитирует стих 1, из гл. 23 «Деяний апостолов», который в русском синодальном переводе читается: «Павел, устремив взор на синедрион, сказал: «Мужи братия! я всею доброю совестью жил пред богом до сего дня».

[3]) Не разобрано одно слово.

стантина рисует в дурном свете. Константин настаивает на своем решении и отнюдь не смотрит на себя как на государя, которому присягнула вся нация.

По поводу этих важных вопросов состоялось длительное совещание у Николая с императрицей-матерью, Голицыным и Милорадовичем. Было решено не передавать письма Лопухину и подождать ответа на письмо, посланное с Опочининым. Если и после этого Константин не захочет ничего изменить в форме своего отречения, тогда Николаю не останется ничего иного, как издать манифест, в котором он определенно изложит положение вещей, и согласно воле покойного государя и своего брата Константина, провозгласит себя императором. В работе над этим манифестом прошли последние дни; он сам его составил, обсудил его с Карамзиным и дал его для редактирования Сперанскому. Таково наше положение. Наше будущее, судьба моего Николая уже определилась! С каким чувством ожидаем мы ответа, который должен все окончательно разрешить и который не может быть получен здесь ранее 13-го!

12 (24) декабря. Половина пятого. Суббота.

Прибыл курьер. Я видела его, но что он привез, я еще не знаю. Николай у матушки. Сердце мое мучительно сжимается. О, господи, дай мне силы! Мы, бедные люди, так легко поддаемся волнению, теперь же приходится переживать больше, нежели обыкновенно! О, этот день! День, в который 48 лет тому назад родился он, — наш незабвенный! [1]) День, который был таким праздником благодаря его присутствию! Сегодняшний вечер, счастливейший вечер в детские годы — теперь же он может стать таким решающим!

Получасом позже.

Итак, впервые пишу в этом дневнике как императрица. Мой Николай возвратился и стал передо мною на колени, чтобы первым приветствовать меня как императрицу. Константин не хочет дать манифеста и остается при старом решении, так что манифест должен быть дан Николаем.

Константин написал брату прекрасное письмо, такое братское и откровенное, как того и заслуживало письмо Николая от 3-го декабря.

15 (27) декабря, вторник.

Я думала, что мы уже достаточно выстрадали и вынесли. Но волею неба нам было суждено иное. Вчерашний день был самый ужасный из всех, когда-либо мною пережитых. И это был день восшествия на престол моего мужа! Только бы мне собраться с мыслями, чтобы записать эти страшные часы!

Воскресенье прошло в приготовлениях, в работе; Николай писал, чтобы вечером отнести свой манифест в Совет и провозгласить себя императором. Мы ждали, вздыхали и опять ждали до полуночи, так как Николай так хотел видеть в Совете Михаила. Но когда наступила полночь, он все же решился пойти. Императрица-мать помолилась с нами обоими, благословила его, он пошел. Прошло полчаса; когда он вернулся, я обняла его уже как моего действительного государя. Нас поздравляли; я все время

[1]) 12 декабря 1777 родился Александр первый; по новому стилю — это 24 декабря, т.-е. рождественский сочельник.

говорила, что нас скорее нужно жалеть; нас уже называли ваше величество. Мы вдвоем проводили матушку в ее комнаты, при чем нам пришлось пройти совсем близко около караула, офицер которого на другой день должен был сыграть такую постыдную роль [1]). Никогда не знаешь, что принесет с собой ближайшее будущее!

Я еще должна здесь записать, как мы днем 13-го отправились к себе домой, как ночью, когда я, оставшись одна, плакала в своем маленьком кабинете, ко мне вошел Николай, стал на колени, молился богу и заклинал меня обещать ему мужественно перенести все, что может еще произойти.

— Неизвестно, что ожидает нас. Обещай мне проявить мужество, и если придется умереть, — умереть с честью.

Я сказала ему:

— Дорогой друг, что́ за мрачные мысли? но я обещаю тебе.—И я тоже опустилась на колени и молила небо даровать мне силу и около бюста моей покойной матери я думала о ней и о возлюбленном императоре Александре.

Мы легли очень поздно, и Николай встал очень рано, чтобы принять всех генералов и полковых командиров, которые собрались к нему и спешили к себе по своим казармам приводить солдат к присяге. Когда я была готова, я пошла с Николаем к матушке. Мы пробыли у матушки некоторое время. Она была растрогана и с волнением ожидала известия о том, как прошла у солдат присяга; тут пришел Милорадович и радостно сообщил, что Орлов только что принес ему весть о том, как он сам читал и разъяснял манифест, при чем кирасиры ответили ему: О б ы и м о л о д ц ы и! [2]) и громко кричали «ура!». Это очень порадовало императрицу. Я пошла к графине Ливен и, вернувшись от нее, встретила в приемной Орлова, который в первый раз поцеловал мне руку как императрице и сказал мне, что у него все закончилось благополучно. Николай сказал мне: «В артиллерии — некоторые колебания». Преображенцы, напротив, прогнали одного молодого поручика, который спрашивал их, не думают ли они играть в присягу: один день Константину, другой день Николаю [3]).

Я забыла сказать, что 12-го декабря из Таганрога прибыл Александр Фредерикс с важными бумагами от Дибича, которыми устанавливалось, что против императора Александра и всей семьи существовал целый заговор. Николай сообщил это мне, но я должна была хранить это в тайне.

Михаил приехал в 12 часов и тотчас же поспешил к артиллерии. Я сидела одна, когда ко мне вошел Николай со словами: «Мне необходимо выйти». Голос его не предвещал ничего хорошего; я знала, что он не намеревался выходить; я почувствовала сильное волнение, но затаила его в себе и принялась за свой туалет, так как в два часа должен был состояться большой выход и молебен. Вдруг отворилась дверь, и в кабинет вошла императрица-мать с крайне расстроенным лицом; она сказала:

— Дорогая, все идет не так, как должно бы итти; дело плохо, беспорядки, бунт!

Я, не произнеся ни слова, мертвенно бледная, окаменелая, набросила платье и с императрицей-матерью — к ней. Мы прошли мимо караула, который в доказательство своей верности крикнул: «З д о р о в о ж е л а е м!» Из маленького кабинета императрицы мы увидели, что вся площадь до самого Сената заполнена людьми. Государь был во главе

[1]) Караул от конной гвардии, под командою А. И. Одоевского.

[2]) По-русски в оригинале.

[3]) Это был А. В. Чевкин, адъютант Смоленского генерал-губернатора кн. Хованского.

Преображенского полка, вскоре к нему приблизилась конная гвардия; все же нам ничего не было известно, — говорили только, что Московский полк возмутился.

Наконец пришел Лоло Ушаков [1]); он первый определенно сообщил нам, что собственно произошло. В казармах Московского полка возмутились две роты, они кричали: «Ура, Константин!» Генерал Фредерикс бросился к ним, но тут капитан по фамилии Щепин поверг его ударом сабли на землю; он прямо плавал в крови и был тотчас же унесен. То же постигло и бригадного командира Шеншина, который тоже был ранен. Так как более их никто не задерживал, они отправились прямо к Сенату, где выстроились в каре. Они кричали: «Ура, Константин!» и все были более или менее пьяны; их пыл поддерживался водкой. Государь велел собрать к нему все гвардейские полки; он хотел попытаться, насколько возможно, призвать мятежников к исполнению их долга мерами кротости и терпения. Милорадович, более чем кто-либо другой выведенный из себя этим беспорядком, хотел попробовать говорить с ними; в эту минуту его настигла пуля, также он получил удар штыком; от этих ран он тою же ночью скончался.

Каково же было мое состояние и состояние императрицы, — ее как матери, мое — как жены моего бедного нового государя! Ведь мы видели вдалеке все эти передвижения, знали, что там стрельба, что драгоценнейшая жизнь — в опасности. Мы были как бы в агонии. У меня не хватало сил владеть собою: бог дал мне их, так [как] я воззвала к нему в моей нужде. Мне все приходили на ум слова: «Услышь меня, господи, в моей величайшей нужде!»

Каждую минуту мы посылали новых гонцов, но все они оставались там и не возвращались; генерал Демидов, который похож на Наполеона... [2]) был тоже туда послан. Трубецкой, Евгений [3]), Фредерикс приносили то одни, то другие вести; они говорили, что мы можем успокоиться; между тем мы видели, как мимо пронеслась конная гвардия, затем в полном беспорядке подошел батальон лейб-гренадеров. Они хотели проникнуть во дворец, но увидев сильный караул, двинулись дальше.

Начало смеркаться. Все, кто были очевидцами этих событий, находили, что государь был слишком терпелив, что ему следовало прибегнуть к пушкам. Я же так хорошо понимала, что́ должно было происходить в сердце моего Николая. Все дивились его спокойствию, его хладнокровию, его кротости, но хотели, чтобы он скорее приступил к решительным действиям. Евгений вернулся очень взволнованный; он отвел меня и императрицу-мать в другую комнату и сказал, что он не считает себя в праве скрывать, что по его мнению все обстоит плохо, что бо́льшая часть войск отказывается повиноваться, что полки отпадают один за другим. Я должна заметить, что мне тогда же показалось, что он смотрит слишком мрачно, однако нельзя было скрывать от себя опасности этого момента. О господи, уж одного того, что я должна была рисковать драгоценнейшей жизнью, было достаточно, чтобы сойти с ума! Все время у меня не шла из головы мысль о заговоре. Но я об этом никому ничего не сказала.

Государь велел призвать митрополита; тот приблизился к мятежникам с крестом и сказал им, что он может засвидетельствовать перед богом, что воля покойного государя и желание самого великого князя

---

[1]) Алексей Павлович Ушаков, адъютант Михаила Павловича.
[2]) Не разобрано.
[3]) Принц Евгений Виртембергский.

Константина состояли в том, чтобы царствовал Николай. Напрасно! — Ответ был:

— Ты из партии Николая, мы тебе не верим; другое дело, если бы это нам сказал Михаил, друг Константина.

Над головой митрополита засверкали сабли, и он должен был вернуться. Подлая чернь была тоже на стороне мятежников; она была пьяна, бросала камнями, кричала...

Мы узнали, что к ним примкнули не только лейб-гренадеры, но присоединился и батальон гвардейского экипажа. Это причинило мне большую боль. Люди, делившие с нами опасность путешествия, люди, по отношению к которым Николай был всегда так приветлив, они-то и оказались изменниками! Впрочем, потом мы узнали, что они лишь не надолго дали себя одурачить; но тогда я ведь не могла еще этого знать.

Наконец нам сказали, что показалась артиллерия. При первом залпе я упала в маленьком кабинете на колени (Саша был со мною). Ах, как я молилась тогда, — так я еще никогда не молилась! Я видела пушечный огонь: было лишь 4 или 5 выстрелов; в течение еще нескольких минут мы не имели известий. Наконец наш посланный влетел к нам задыхаясь и объявил, что враги рассеялись и обратились в бегство. При первом выстреле они как бы замерли, когда же после 2-го и 3-го залпов рассеялись облака дыма, оказалось, что многие из них стали на колени. Все бросились в бегство, как трусы, некоторые же были убиты. Ах, русская кровь была пролита русскими же! Государь будто бы приближается ко дворцу. Мы видели из окна кучку людей, среди которых, вероятно, находился и он на лошади. Вскоре он въехал во дворцовый двор и взошел по маленькой лестнице — мы бросились ему навстречу. О, господи, когда я услышала, как он внизу отдавал распоряжения, при звуке его голоса сердце мое забилось! Почувствовав себя в его объятиях, я заплакала, впервые за этот день. Я увидела в нем как бы совсем нового человека. Он вкратце рассказал обо всем происшедшем; он первый сказал нам, что Милорадович смертельно ранен, может-быть даже уже умер. Это было ужасно! Увидев, что Саша плачет, он сказал ему, что ему должно быть стыдно..., [1])и вышел с ним на двор. Там находился саперный батальон. Государь показал им Сашу, и сказал:

— Я не нуждаюсь в защите, но его я вверяю вашей охране!

При этом старейшие солдаты обнимали крошку и кричали «ура». Николай снова сел на лошадь и сам распорядился размещением войск для охраны дворца.

Мы все же должны были итти в церковь, хотя вместо двух часов было уже 7, и все большое светское общество ожидало нас там в течение пяти часов. Я, как была, в утреннем платье, прошла твердым шагом через передние комнаты; огромная толпа расступилась, чтобы дать дорогу мне, спасенной императрице. Я обняла Елену, которая еще ничего не знала о происшедшем; одевая на себя креповое белоснежное русское платье, я рассказывала, плакала, все наспех и торопясь. Вскоре пришел и Михаил. Он собрал остальную верную часть Московского полка, убедил их принести присягу и привел их к своему брату. Это, должно-быть, был прекрасный момент! Как я пожалела в тот день, что я не мужчина. Вернулся и Николай; в сущности говоря, он не выглядел усталым, напротив, он выглядел особенно благородным, лицо его как-то светилось, на нем лежал отпечаток смирения, но вместе с тем и сознания собственного достоинства. Об руку с ним вошла

[1]) Не разобрано.

я, наконец, в зал, полный празднично одетых людей. Все взволнованно склонились при виде молодого государя, подвергшего свою жизнь такой большой опасности. Catiche приветствовала его очень сердечно; государь высказал благодарность караулу; мы вошли в церковь. Митрополит вышел нам навстречу с распятием и святой водой; пройдя на свое место, мы оба стали на колени и в таком положении молились богу в течение всей недолгой службы. Саша тоже был в церкви, впервые с орденской повязкой. Таким же образом мы возвратились к себе. На глазах у Николая стояли слезы.

Боже, что за день! Каким памятным останется он на всю жизнь! Я была совсем без сил, не могла есть, не могла спать; лишь совсем поздно, после того, как Николай успокоил меня, сказав, что все тихо, я легла и спала, окруженная детьми, которые тоже провели эту ночь как бы на бивуаках. Три раза в течение ночи Николай приходил ко мне сообщить, что приводят одного арестованного за другим, и что теперь открывается, что все это—тот самый заговор, о котором нам писал Дибич. В 3 часа Милорадович скончался.

Совсем с новым чувством проснулась я на другое утро, с новым чувством смотрела я на моего Николая, как он проходил по рядам солдат и благодарил их за верную службу; затем он покинул Дворцовую площадь, и все вернулись к своему обычному спокойному состоянию; внутренно же ужас этого дня еще долгое время не будет изжит. Мне день 14-го представляется днем промысла божия, так как эта открытая вспышка даст возможность скорее и вернее установить как участников, так и самые размеры заговора.

Суббота, 19 (31) декабря. Вечером.

Я пыталась все это записать, так как все это останется на всю жизнь таким бесконечно-важным для меня. Ах, я не могла не оплакивать того, что наша прежняя частная жизнь в нашем собственном милом доме кончилась! Теперь я вижу Николая так редко. Началась новая жизнь. И как сурово она началась! Когда я обняла Николая 14-го декабря на маленькой лестнице, я чувствовала, что он вернулся ко мне совсем другим человеком. Когда он ушел на другое утро, я так восхищалась им, он представляется мне таким возвышенным; и все же я плачу о том, что он уже не прежний Николай. Однако, прочь эти мысли! Однажды я сказала ему:

— Теперь я на втором плане в твоем сердце, так как первое место в нем занимает Россия.

Он ответил:

— О нет, ты ошибаешься, ибо ты и я—одно; таким образом ничто не может измениться.

Как это чудно! можно ли после таких слов не быть счастливой, счастливой без конца! Его друзья оправдали его доверие; Бенкендорф и Орлов были первыми на площади; они... [1]) вместе с кавалерией. Положение Орлова было не из легких, так как он командовал полком Константина; солдаты этого полка получали от Константина пенсии и были ему преданы. Перед их казармами слышались крики: «Ура, Константин!», и все же он привел полк в порядке на площадь, и ни один из них не посмел уклониться. Императрица-мать долго говорила с ним и была очень тронута,

[1]) Не разобрано. Бенкендорф командовал кавалергардами, а Алексей Орлов — конной гвардией.

и он так плакал и так хорошо говорил! Со мной было иначе. Я только протянула ему руку. На другое утро я застала его одного у Николая; он был очень печален, так как брат его участвовал в заговоре; я ничего не сказала ему по этому поводу, но он заметил мое участие к себе, просил дать ему руку, я дала ее ему. Одним этим, без слов, было так много сказано. Итак, в нем я не ошиблась! Он показал себя в минуту опасности. Что его воодушевляло?.. — в этом я не могла сомневаться.

Вторник, 22 декабря (3 января.)

Сегодня у меня так спокойно на душе, так как случилось то, чего я так хотела — говорить с ним долго и спокойно обо всем. Так и случилось сегодня. Я просила его притти, так как хотела спросить его о Федоре Барикове [1]) и узнать, действительно ли он невинен. Когда он вошел, я стояла у окна, в платье с длинным шлейфом, закутавшись в черный шарф. Сначала мы говорили о Федоре; слава богу, он чист, — иначе это было бы ужасно для Varette [2]); он поцеловал мою руку. Потом спросил, не отразились ли все эти ужасные потрясения на моем здоровье. Как я порадовалась, видя его таким верным другом Николая! Он чудно, прекрасно, восторженно отзывался о Николае, говорил, что он даже не ожидал, он, который так хорошо его знает, все же он не думал, что Николай так чудесно поведет себя в минуту опасности; это бесконечно его порадовало; он говорил, что солдаты тоже исполнились воодушевления к своему государю, после того как увидели его в своей среде. Много, много говорил об этом, потом о Милорадовиче, о покойном государе. Потом он рассказал мне, как это было странно, — на площади ему вспомнился балет Рауля де-Греньи, который он однажды видел вместе с нами и который ему очень понравился; как он думал тогда еще, что́ сделал бы он, чтобы доказать свою верность, если бы граф и графиня очутились бы в подобном положении; тогда он пожелал для себя роль солдата, который спас знамя; и вот в этот ужасный день во время мятежа ему все это вспомнилось, вспомнился этот самый балет, который и на меня произвел такое впечатление. Это так странно.

— Мое сердце угадало ваше — сказал он мне. Потом, помолчав, он спросил меня очень взволнованно:

— Верите ли вы моей преданности?

Я спокойно ответила ему:

— Да, верю, вы ее доказали.

Я никогда не забуду этого часа, когда я так разговаривала с ним наедине, и он так хорошо держал себя, с таким чувством и все же так сдержанно; он проявил себя таким верным, таким преданным. О господи, это такое счастие, это так благотворно действует на мое горе, так смягчает его! Я хорошо знала его чувства к государю, но теперь я слышала это так определенно, от него самого. Я думаю, что если бы покойная видела и слышала нас, то она была бы довольна. Все-таки хоть однажды в жизни я имела возможность так много ему высказать, это навсегда послужит для меня успокоением. При уходе он с таким чувством несколько раз поцеловал мне руку.

Воскресенье, 12 (24) июля, ночью.

Сегодня канун ужасных казней. 5 виновных будут повешены; остальные разжалованы и сосланы в Сибирь.

[1]) Федор Васильевич, корнет конной гвардии.
[2]) Варвара Павловна Ушакова, фрейлина Александры Федоровны.

Я так взволнована! Господь видит это. Еще бы! — Столица и такие казни — это вдвойне опасно. Счастье, что я осталась здесь [1]), но я бы хотела знать, как все пойдет дальше. Да сохранит господь священную жизнь моего Николая! Я бы хотела, чтобы эти ужасные два дня уже прошли... Это так тяжело. И я должна переживать подобные минуты... О, если б кто-нибудь знал, как колебался Николай! Я молюсь за спасение душ тех, кто будет повешен.

1) Пестель, 2) Сергей Муравьев, 3) Бестужев-Рюмин, 4) Рылеев, 5) Каховский.

Понедельник, 13 (25) июля.

Что это была за ночь! Мне все время мерещились мертвецы. Я просыпалась от каждого шороха. В 7 часов Николая разбудили. Двумя письмами Кутузов и Дибич доносили, что все прошло без каких-либо беспорядков; виновные вели себя трусливо и недостойно, солдаты же соблюдали тишину и порядок. Те, которые не подлежали повешению, были выведены, разжалованы, с них были сорваны мундиры и брошены в огонь, над их головами ломали оружие; это должно быть для мужчин так же ужасно, как сама смерть. Затем пятеро остальных были выведены и повешены, при этом трое из них упали. Это ужасно, это приводит в содрогание! Мало того... [2]) но присутствовавшая при этом толпа приблизилась к виселице и глумилась над трупами; говорили, что они заслужили это наказание и умерли так же, как жили. Сопровождавшие преступников солдаты держали себя с бо́льшим достоинством. Мой бедный Николай так много перестрадал за эти дни! К счастью ему не пришлось самому подписывать смертный приговор.

Я благодарю бога за то, что этот день прошел, и прошу его защиты на завтра. На Сенатской площади, где 14-го произошло восстание, должен быть молебен. Еще одно 14-ое! Я бы хотела, чтобы оно уже было позади, чтобы мы уже были на пути в Москву! Но, Боже, я не хочу быть малодушной и сомневаться в твоей благости!

Жены высылаемых намерены следовать за своими мужьями в Нерчинск. О, на их месте, я поступила бы так же.

---

[1]) Т.-е. не уехала в Москву.
[2]) Не разобрано несколько слов.

ИЗ ДНЕВНИКОВ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ.

В «Особом Отделе Архива Октябрьской Революции» среди бумаг бывш. «Библиотеки Зимнего Дворца» находятся две записи императрицы Марии Федоровны в форме дневников, имеющие отношение к событиям междуцарствия и восстания декабристов: 1) отдельная запись о дне 14 декабря 1825 года под № 644 и 2) дневники за конец 1825 года и большую часть 1826 года, под №№ 647 и 651.

«Собственноручная записка о 14 декабря 1825», как она именуется в каталоге рукописей «Библиотеки Зимнего Дворца», не имеет заглавия, проставленного самой составительницей ее. Она представляет запись на французском языке, сделанную мелким почерком, косыми строчками на листке почтовой бумаги небольшого формата с черной траурной каймой. Надо полагать, что запись сделана вскоре после событий.

«Дневники», в собственном смысле слова, составляют три небольших альбомчика. Первый (№ 647), в кожаном сафьяновом переплете песочно-коричневого цвета, открывается записью от 19 июля 1825 г.; после которой идет перерыв, и пять листов оставлены незаполненными. Затем следует запись о поездке Александра I в Таганрог, его болезни и смерти; она открывается вступительным рассказом, начинающимся словами: «L'empreur est parti le 11 octobre, dimanche pour Taganrog»; с 17 ноября запись принимает уже поденный характер и заканчивается изложением событий в Петербурге 26 ноября. По окончании этой записи проставлена дата: «27 Novembre, Vendredi», за которой, однако, не следует более никакой записи и идет вновь 20 чистых листов. После перерыва записи вновь начинаются с 26 февраля 1826 года и заканчиваются 22 марта того же года, после чего до конца альбомчика остаются незаполненных 15 листов.

Продолжением этого дневника являются два альбомчика в красных сафьяновых переплетах, хранящиеся под № 651. Они открываются записью от 25 апреля 1826 г., в день выезда автора из Петербурга в Москву, и заканчиваются, — во втором альбоме — записью от 10 октября того же года, после которой следуют 10 чистых листов. Почерк Марии Федоровны, вообще с трудом поддающийся прочтению, в этих альбомчиках особенно неразборчив, так как записи сделаны большею частью карандашом, на цветной бумаге и кое-где постерлись от времени.

Дневники заполнены разными мелочами придворного быта, замечаниями о здоровьи автора, о посещении церковных служб и большим количеством сантиментальных и достаточно монотонных размышлений; но на ряду с тем часто встречаются записи и по вопросам внешней и внутренней политики, обычно воспроизводящие те или иные рассказы или замечания

Николая Павловича. В настоящем сборнике приведены в выдержках записи Марии Федоровны о событиях междуцарствия, о следствии и суде над декабристами и их казни.

Собственноручная записка о событиях 14 декабря 1825 г.

К чтению манифеста в Совете в полночь Михаил не приехал. Все спокойно. Перед уходом Николая мы помолились втроем богу: Александра, Николай и я. Благословение. Это длилось добрых полчаса.

С утра все казалось мирным, спокойным: в Сенате манифест был выслушан с восхищением, с умилением. Это рассказали нам Милорадович и Голицын, а также и племянник. Было собрано много знамен, после чего была принесена присяга. Милорадович рассказал мне о присяге конногвардейцев. По прочтении манифеста солдаты кричали: «Обыи молодти!» [1]) Видела несколько раз государя. Он шопотом рассказал мне о попытке одного офицера, адъютанта... [2]) полка, который был в гвардейском батальоне Преображенскаго полка и старался посеять среди них сомнения относительно принесения присяги Николаю после присяги, только что принесенной Константину. Солдаты схватили офицера и привели его во дворец. Наконец около 12 часов Николай выразил желание, чтобы я повидала членов Государственного Совета, которые хотели меня поздравить. Я приняла их в голубой гостиной, крайне волнуясь при воспоминании о тяжелом 27 ноября. Я сказала им несколько слов и сочла своей обязанностью передать им прекрасный отрывок из письма Константина. Потом я видела Голицына и Лобанова, который привез манифест.

После всего этого я спокойно начала писать Константину. Вдруг раздаются крики «ура». Я спрашиваю, в чем дело, — мне говорят, что государь на площади, окружен народом. Подхожу, вижу, что он окружен, что он говорит с ними, временами слышны отдельные голоса: все мои плакали от умиления при виде такой преданности народа. Через несколько времени после этого до меня донеслись снова крики «ура»; я опять подхожу, вижу государя читающим народу манифест; это меня поразило и испугало, так как я не сомневалась в его... [3]). Я отошла от окна, но была вновь привлечена криками «ура». Тут я увидела батальон Преображенского полка в шинелях, выстроившийся перед воротами. Это меня удивило, и удивление мое возросло, когда я увидела, что они двинулись по направлению к Адмиралтейству и остановились, чтобы зарядить ружья; затем они снова пошли в ту сторону; император следовал за ними. Я недоумевала, чем все это вызвано. На площади было сильное движение; вскоре мы увидели, что на этой же стороне выстроились конно-гвардейцы. Наконец государь прислал ко мне Евгения с сообщением о том, что две роты Московского полка отказались принести присягу и призывали к возмущению.

Я отправилась за Александрой и малюткой и, проходя, громко сказала:

— Я иду к императрице.

Вернувшись к себе, мы увидели, что войска все прибывали; Павловский полк также прошел перед дворцом. Государь, чтобы успокоить нас,

---

[1]) По-русски в оригинале.
[2]) Зачеркнуто в оригинале не поддающееся прочтению слово.
[3]) Не разобрано одно слово.

прислал ко мне Трубецкого и Фредерикса... [1]) мое ужасное состояние. Наконец мы увидели, как в совершенном беспорядке прошло двести-полтораста человек из Гренадерского полка; они как-будто хотели остановиться перед дворцом; с ними было лишь двое офицеров; они направились к Адмиралтейству. То, как они шли, малочисленность офицеров и беспорядок в их рядах заставили меня сначала предположить, что... [1]) В это самое время ко мне пришел Евгений и сказал, что он считает своим долгом предупредить меня, что дело принимает скверный оборот, что к мятежникам присоединились моряки и часть гренадерского корпуса.

Некоторое время мы пробыли без известий. Карамзин отправился туда, но присоединившиеся к мятежникам негодяи из толпы стали бросать в него камнями. Государь приказал привести этих негодяев в порядок. К нам с вестями от государя явился Трубецкой. Это ужасное состояние продолжалось два или три часа. Тем временем Михаил, приехавший лишь в двенадцать часов дня, отправился к артиллерии, где были некоторые колебания относительно присяги, но они прекратились с его прибытием. Там он узнает, что Московский полк не захотел присягать; он немедленно направляется туда, находит в казармах шесть рот, которые не захотели присягнуть Николаю, так как они уже присягали Константину, но которые остались в казармах, не желая следовать за мятежниками. Он убеждает их принести присягу вместе с ним, приводит эти шесть рот к государю и уговаривает их покорно сражаться заодно с их остальными товарищами против восставших, которые тем временем пролили уже кровь. Заметили, что в числе этой шайки находились люди во фраках и круглых шляпах. Снова обеспокоенная отсутствием вестей, я попросила находившихся в гостиной ген. Демидова и ген. Сиверса отправиться к государю за сведениями. Государь велел мне передать, что дело еще не кончилось, но что оно будет кончено. Один из бунтовщиков отделился от своей группы и, подойдя к государю, сказал ему, что он был в числе мятежников, но видя, какой оборот принимает дело, перешел на сторону императора; это—некто по фамилии Якубович. Государь ответил ему, что он принимает его раскаяние, и что тот может остаться около него.

Наконец государь сделал последнюю попытку воздействовать кротостью: он велел позвать митрополита, который вышел к ним с распятием в руках, чтобы их образумить; но это оказалось бесполезным: мятежники сказали ему, что он из партии Николая, и что они хотят говорить с Михаилом, который впрочем... [1]) уже наступал вечер. После того как были испробованы все средства, была вызвана артиллерия. Мятежникам было опять сделано предупреждение, что если они не сдадутся, то по ним будет сделан залп картечью, и после того как это повторное предупреждение не возымело никакого результата, государь был вынужден во избежание еще больших бедствий, раз что несчастные... не могли или не желали.., приказать сделать несколько пушечных залпов. Из моего кабинета был виден огонь.

Когда раздались выстрелы, я думала, что я умру при мысли о жертвах, которые должны были пасть. После нескольких пушечных выстрелов они обратились в бегство; кавалерия, атаковавшая мятежников, преследовала их; вся шайка рассеялась; многих из них взяли, другие скрылись, но к вечеру взято было до 600. Это сообщение мне принес Адлерберг.

Около 6 часов государь поднялся к нам по маленькой лестнице, где я встретила его с его женой и его сыном; я бросилась ему на шею счастливая

[1]) Несколько слов не разобрано.

тем, что снова вижу его здоровым и невредимым после всех волнений той ужасной бури, среди которой он находился, после такого горя, такого невыразимого потрясения. Эта ужасная катастрофа придала его лицу совсем другое выражение. Он сказал мне, что бедный Милорадович пал жертвой своей преданности — он был смертельно ранен выстрелом из пистолета.

Из дневников за 1825 и 1826 годы.

Вторник. 24 ноября 1825 г.

Так как я попрежнему находилась в смертельной тревоге, мои дети провели этот день у меня; я не выходила, каждое движение заставляло меня вздрагивать в ожидании известий. Нужно было даже скрывать свое волнение, так как князь Волконский написал графу Нессельроде от 12 числа следующее: «Государь еще вынужден не покидать комнаты, но жар спал. Его величество еще испытывает время от времени небольшое повышение температуры, но она прекращается каждый раз, как наступает испарина. Виллье старается вызывать испарину, поскольку это является необходимым; я сообщаю вам эти подробности, чтобы вы могли опровергнуть все ложные слухи и успокоить общую тревогу». Таким образом, мне предписывалось молчание. Между тем Дибич написал ген. Потапову, чтобы он осведомил обо всем Милорадовича и обратился к Рюлю по вопросу о бюллетене.

Они пришли ко мне и к моему сыну Николаю, и мы сообщили им подробности, предупредив, что, согласно письма к Нессельроде, это должно храниться в тайне. Какой ужасный день! Я была на панихиде по моей дочери Екатерине; вышла на минуту на воздух в сад Эрмитажа и немного успокоилась.

Среда, 25 ноября.

Утро прошло без известий. К нам приходил граф Милорадович; он старался меня ободрить, но сердце мое сжималось в смертельной тоске и тревоге. У меня обедали мои дети; в 8 часов вечера во дворец приехал почт-директор Булгаков, чтобы повидать Вилламова и передать ему письмо от ген. Дибича; тем временем граф Милорадович поспешил к Николаю, который был у себя. Ко мне вошел Рюль; я спросила его, не получены ли известия; он сказал, что Булгаков приехал говорить с Вилламовым. Я велела его позвать; мне сообщили, что он отправился к графине; я ее встретила по пути к ней, и там прочла это ошеломляющее письмо Дибича, в котором он писал, что считает своим долгом сообщить сведения о состоянии здоровья государя от 15 ноября; что при возвращении из Крыма в Таганрог 5 числа сего месяца государь еще в дороге почувствовал сильную простуду, что первые дни по приезде симптомы желчной лихорадки повторялись регулярно, но они еще не внушали сильных опасений, с 13 же и особенно с 14 приступы проявились в более сильной степени, и болезнь государя начала вызывать большую тревогу особенно потому, что лихорадочное состояние почти не прекращалось; в виду такого состояния моего сына окружающие его решились посоветовать ему прибегнуть к св. причастию; он со свойственной ему набожностью и присутствием духа исповедывался и причастился. После этого при помощи пиявок и лекарств жар и пароксизмы были несколько

ослаблены; тем не менее врачи, не теряя еще окончательно надежды, все же не скрывают того, что состояние государя является крайне опасным; Дибич дал распоряжение Потапову ежедневно отправлять отсюда курьеров; точно так же будут прибывать курьеры и оттуда.

Подобные же письма были на имя гр. Милорадовича, князя Лопухина и ген. Воинова; от Виллье не было никакого бюллетеня. Признаюсь, при этом ужасном известии меня охватило отчаяние; перо не в силах выразить эту скорбь. Ко мне прибежали Николай и Александрина, также пришел граф Милорадович. Этот ужасный вечер был предвестником страшного утра 27-го; я не в состоянии его передать. [1]) Николай хотел быть около меня и остался во дворце. Я провела ночь в моем кабинете, на диване, ожидая и в то же время страшась получения известий; ужасный отдых! Но я не роптала; я была в отчаянии, вручая себя воле божьей и воссылая из глубины моего сердца, от всей моей опечаленной души молитвы к милосердному господу, чья десница тяжело простерлась над нами. Я написала императрице.

26 ноября. Четверг.

Мы были в церкви, в нашей обычной комнате, молились милосердному богу о выздоровлении нашего ангела, моего сына, моего ребенка; во время службы в самом конце молебна, когда мы все стояли на коленях, Николая вызвали; он вернулся, говоря мне: «Матушка, — курьер; есть улучшение; вот письмо от императрицы». Моим первым движением было поблагодарить бога, простершись ниц; по окончании службы я прочла письмо императрицы от 17 числа, где сообщалось, что после отчаянного дня — 16-го... [2]) растирания и лекарства привели к решительному улучшению в состоянии здоровья государя; сам Виллье это говорил. Я была не в силах дочесть это письмо: сердце мое было слишком переполнено, слишком взволновано; я могла дочитать его лишь через несколько минут. О, боже, что я испытала и как я это только перенесла! Бюллетень Виллье и письмо Дибича не были столь обнадеживающими; Виллье писал, что лекарствами удалось несколько вывести государя из его сонливого состояния, и таким образом его надежда на выздоровление увеличилась. Дибич писал, что состояние государя подает слабую надежду. Этот день прошел в такой смене надежд и опасений, которую нельзя выразить пером. Письмо императрицы было полно отчаяния, но тем не менее в нем проглядывала, как слабый луч во мраке, надежда. Вечером по почте был получен бюллетень от Виллье, от 16-го, т.-е. составленный накануне того дня, в который обнаружилось улучшение. В бюллетене этом сообщалось, что государь отказывался от принятия лекарств до утра предыдущего дня, но что в этот день, после того как он с величайшим благоговением исповедывался и приобщился, он уступил просьбам императрицы и духовника и, будучи попрежнему уверен в серьезности своей болезни, согласился принять лекарства; в час дня пульс был в том же состоянии... [3]) частота пульса была 96, замечались перебои, дыхание было затруднено и спазмодически прерывисто, глаза были неподвижны, зрачки были нечувствительны к раздражению, но сердце и артерии работали правильно; государь лежал на спине и казался спокойным, умиротворенным, углублен-

[1]) Это упоминание о 27 ноября и дата «27 ноября» после записи о событиях 26-го позволяют заключить, что записи были сделаны не в дни, указанные в их заголовках, а 27 ноября, или даже позднее.

[2]) Одно слово не разобрано.

[3]) Не разобрано два слова.

ным в созерцание заслуженного им вечного блаженства; до сих пор ни одно из данных внутрь лекарств, а также и поставленные на оба бедра горчичники не дали никаких результатов. Короче говоря, Виллье в заключение давал понять, что государь при смерти. Бюллетень не был мне целиком переведен, так как сообщения от 17-го воскрешали надежду. Милорадович заходил часто в продолжение утра; город был охвачен тревогой, несмотря на то что сведения не получили широкой огласки; было решено отслужить у митрополита [1]) молебен о ниспослании государю выздоровления. Так, в колебаниях между надеждой и страхом прошел этот день.

27 ноября. Пятница.

6 марта. 1826 г. Суббота.

... У меня были мои дети. Николай сказал мне, что все [2]) прошло очень хорошо, за исключением одного ужасного происшествия: один несчастный крестьянин, взобравшийся на крышу, чтобы лучше видеть церемонию, свалился и умер два часа спустя; это ужасно, и как печально, что в день, и без того столь скорбный, подобный случай облек в траур еще одну семью. Мой сын сказал мне еще, что, по полученным им сообщениям, толпы народа приходили приложиться ко гробу, и насчитывали, что в течение часа проходило более двух тысяч человек. Да и кто более дорогого Александра заслуживает такого проявления благоговения и признательности!

Имея очень слабое зрение и, конечно, не желая пользоваться лорнетом, я не могла наблюдать за выражением лиц, но я видела, что у многих женщин были в руках платки, и видела также, как плакали солдаты, находившиеся вблизи кареты; но, как я уже сказала, порядок и тишина ничем не нарушались. На Сенной среди присутствующих я видела нескольких лиц в круглых шляпах, которые они не снимали при следовании нашей кареты; но вполне возможно, что это произошло лишь случайно, и что после проследования траурной колесницы, перед которой, я полагаю, они обнажили свои головы, они подумали, что в этом более нет необходимости. Никогда, никогда я не обращала внимания на подобные вещи до этого злополучного 14 декабря! но я надеюсь, что настроение публики, слава богу, значительно улучшилось и даст нам теперь больше и больше спокойствия.

8 марта. Понедельник.

... Я не записала вчера, что за несколько минут перед отъездом нашим на вечернюю службу Новосильцов [3]) принес мне распечатанное письмо на имя государя, которое сынишка моей горничной Прасковьи Семеновны нашел на комендантской лестнице; он передал его слуге, который помещается около моих горничных, а тот отнес его управляющему моей канцелярией; последний отказался его принять, тогда он передал его моему дежурному лакею Матвею, который отдал его Новосильцову, а тот — мне. Это оказалось доносом на одного печного мастера, которого этот аноним обвинял в сильной причастности к делу 14 декабря, в предоставлении своих лошадей в распоряжение этих господ, в раздаче денег, в попытках содействия к побегу некоторых из них. Доносчик советовал не терять времени и удостове-

[1]) Т.-е. в Александро-Невской лавре.
[2]) Процессия при встрече тела Александра I в Петербурге.
[3]) Николай Петрович, секретарь Марии Федоровны.

риться в.., [1]) имя и адрес которого он указывал. Я тотчас же отослала это письмо с Новосильцовым к государю, извещая его записочкой, что я направляю к нему своего секретаря. Государь ответил мне, что он часто получает подобные письма, что часто они лишены какого-либо основания, но что всегда необходимо принять меры предосторожности. [7]

11 марта. Четверг.

Мой сын сказал мне, что он получил донесение Волконского о задержании очень подозрительного лица, которое бродило по Таганрогу, исчезло оттуда и появилось в Ростове; при нем нашли ужасную клятву и множество кинжалов; кажется, он принадлежит к этой шайке убийц — да простит им бог, — я постоянно молюсь об этом господу. [8]

12 марта. Пятница.

...Мой сын рассказал нам также, что был допрошен некий Поджио, который сознался и сообщил, как должно было произойти истребление нашей семьи; что касается его самого, то он предложил обе свои руки, чтобы обратить их против Николая, — решили однако, что необходимо 6. Это тайное собрание происходило у некоего Давыдова, брата того Давыдова, который женат на прелестной Грамон, после кончины государя... [1]) По получении этой вести проекты эти были временно отложены; было решено разделаться с ним и со всеми нами. По получении известия об его смерти заговорщики решили, что эти замыслы должно бы привести в исполнение, но что если в осуществлении их больший успех будет на стороне партии Муравьева, то партия Пестеля, заклятого врага Муравьева, в свою очередь истребит ее. Великий боже, какая... [1]) какие люди! И только кончина нашего ангела предотвратила гибель нашей семьи и государства; иначе бы кровь полилась ручьями! Как это наводит на размышление! Во всем виден перст божий, но пути его неисповедимы. [9]

14 марта Воскресенье.

Государь рассказал нам вчера, что 12-го декабря он получил письмо от одного офицера стрелкового Гренадерского полка, который был у меня камер-пажем, некоего Ростовцева, который сообщил ему, что что-то затевается, что он это предполагает на основании толков среди офицеров и умоляет государя распорядиться арестовать его, чтобы защитить его от подозрений его товарищей в намерении раскрыть их планы. Государь показал это письмо Милорадовичу и князю Голицыну; они полагали, что письмо это написано сгоряча, и что оно не заслуживает внимания. Этот Ростовцев — адъютант Бистрома, так же как и Оболенский; не подозревая, что Оболенский причастен к заговору, он сообщил ему о своем письме к государю; Оболенский ответил ему, что убьет его, и тотчас же отправился к соучастникам, чтобы предупредить их, что необходимо поторопиться, что они рискуют быть выданными Ростовцевым. Было решено устранить его, и на другой день—14-го, когда Бистром послал его передать его распоряжения стрелкам, он подвергся нападению и был избит; его отнесли к нему на квартиру без сознания, и только 15-го государь послал за ним и поместил его у Михаила. [10]

[1]) Не разобрано.

Теперь только что обнаружили, что одним из заключенных при содействии одного инвалида отправлено в город письмо; впрочем, письмо не имело иной цели, кроме желания заключенного получить известия от приехавшей из Москвы жены. Я благословляю небо за то, что горести заключенных не причиняли нам беспокойства вчера; [1]) я вспомнила о них лишь при виде каземата и у подножия могилы моего сына я молила бога даровать им раскаяние и отпущение грехов.

15 марта. Понедельник.

Николай пришел ко мне сегодня вечером; мы много говорили о поездке Елены и моей [2]) и на всякий случай сделали кое-какие приготовления; мой сын и Александра проведут вечер и переночуют в Аничковом дворце, чтобы принять ванну; завтра я должна буду там обедать. Николай рассказал мне, что в показаниях, сделанных вчера этими несчастными, содержащимися в крепости, один из них — я полагаю, что это Поджио — сообщил, что было решено также убить и Марию и Анну за границей.

16 марта. Вторник.

Князь Голицын, Михаил, Бенкендорф, Николай рассказывали мне вчера, что на вчерашнем допросе Вадковский сообщил, что если бы тот, кто принял его в это общество, потребовал от него, чтобы он убил отца, мать, брата и сестру, то он бы выполнил это; его принял Пестель. Это заставляет содрогаться! [11] Все время, пока длилось погребение, Михаил Орлов, который тоже в тюрьме, простоял на коленях. Бог ниспослал ему раскаяние. Вечер прошел спокойно, Оранский [3]) пил у меня чай. Я получила известие от императрицы от 8-го марта; она сообщает, что состояние дорог вынуждает ее задержаться еще до апреля.

17 марта. Среда.

У меня обедали Елена, Вильгельм Оранский, моя племянница, Евгений и Нелидова; после обеда я работала, а затем провела вечер с Александрой, после чего снова работала.

Николай рассказывал нам, что Каховский, который содержится в крепости, сознался, что 13-го вечером Рылеев побуждал его отправиться на другой день во дворец в форме гренадерского конвойного офицера, чтобы убить в коридоре Николая, и что для этого он должен был переодеться и надеть гренадерский мундир; он отказался и сказал им, что хотя они начали ранее его, но он хочет умереть с ними, и он действительно явился на площадь. Какой ужас! это заставляет содрогаться, тем более что, замышляя убийство, они говорили о нем со спокойствием и хладнокровием, на которые способны лишь развратные натуры! Да будет милостив к нему господь! [12]

21 марта. Воскресенье.

После обедни я приняла множество генералов, половину из них я не знаю; после того ко мне пришел генерал Шереметев с приветствием от Вильгельма. Мы много говорили о нем, затем о ходе следствия; он рассуждает

[1]) При посещении Петропавловского собора в крепости.
[2]) В Москву.
[3]) Принц Вильгельм Оранский, муж Анны Павловны.

очень здраво; он весь охвачен ужасом перед крайней развращенностью этих несчастных, многие из коих настоящие чудовища.

Понедельник. 22-го марта.

Вечером я видела своих детей. Государь был сегодня очень интересен,— он говорил о Турции, сообщая различные новости, сказал, что не хочет смешивать греческие дела с турецкими, что останется верен системе политики покойного императора, что не следует поддерживать возмутившихся, но что он твердо намерен добиться от Турции возобновления переговоров относительно Молдавии и Валахии. Эпизод с Сербией. Затем Николай рассказал мне, что в Варшаве один из арестованных [1]) после допросов повесился в тюрьме, и что это очень досадно, так как он мог бы сделать важные сообщения.

Суббота. 17 июля.

При моем пробуждении мне доложили о приезде генерал-адьютанта Чернышева, который привез мне вести от государя. Я быстро встала и, совершив молитву, велела ему войти. Он передал мне письмо от моих детей от 13-го числа. Чернышев рассказал мне все подробности этого ужасного дня.

В 3 часа утра их вывели из тюрьмы. . [2]) Два батальона Павловского полка... [2]) Пятеро приговоренных к повешению вели себя очень сдержанно, особенно Сергей Муравьев, Бестужев и Каховский. Говорят, Пестель жаловался на объявленный ему род смерти: он надеялся, что его расстреляют. Всходя на ужасную доску, трое упомянутых мною выше молились богу за государя. Произошел ужасный случай: палач взял для Рылеева, Сергея Муравьева и, кажется, Бестужева слишком тонкую веревку ... [2]) Когда роковую доску выдернули из-под них, веревка оборвалась, и они со связанными руками и ногами упали, как мешки, и даже расшиблись; пришлось начинать сначала; при этом Рылеев в столь страшную минуту, вместо того, чтобы возвысить свою душу, сказал: «И т у т м н е н а д о б н о л б о м с м е р т ь п р о б ы в а т ь». [3])

Когда это было окончено, тех, которые должны были подвергнуться разжалованию, выстроили перед их полками, а тех которые... принадлежали, ... [2]) карре, образованное Павловским полком. Чернышев говорил мне, что бо́льшая часть этих негодяев имела вызывающий и равнодушный вид, который возмутил как присутствующих, так и войска; были такие, которые даже смеялись, между прочим и сын нашей бедной княгини. [4]) Он имел дерзость раскланиваться и здороваться со своими знакомыми. Церемония была ужасна. Перед полками, к которым они принадлежали, они были лишены дворянства, затем они были должны стать на колени: полковой профос сорвал с них эполеты и знаки отличия, после чего над их головами ломали шпаги; затем их силой увели.

Все это продолжалось почти до пяти часов. Толпа не была велика, но она увеличилась к концу казни. Тела оставались в течение двух часов на виселице, после чего их сняли и погребли. Да будет к ним милостив и мило-

[1]) Сабинский, см. ниже письмо Николая I к Константину Павловичу от 22 марта 1826 г., стр. 192.
[2]) Не разобрано.
[3]) По-русски в подлиннике.
[4]) С. Г. Волконский, его мать состояла при Марии Федоровне.

серд господь! Чувства некоторых из них, побудившие их молиться за нашего дорогого Николая, позволяют мне верить в их раскаяние и надеяться на божественное милосердие. Я также надеюсь, что по милости провидения моему сыну никогда больше не придется переживать в течение своего царствования столь ужасного дня.

Государь прислал мне манифест, который должен был быть обнародован 14-го. Он хорошо составлен; в нем родители призываются заботиться о первоначальном воспитании их детей, так как оно может дать хорошие результаты. Благословим господа за то, что все окончилось, и удвоим рвение в выполнении нашего долга!

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ПРИНЦА ЕВГЕНИЯ ВИРТЕМБЕРГСКОГО.

Принц Евгений Виртембергский (1787 — 1857), сын одного из младших братьев императрицы Марии Федоровны, пользовался покровительством своей тетки и был ею выписан еще мальчиком в 1800 году к петербургскому двору. Император Павел чрезвычайно благоволил к племяннику, собирался выдать за него дочь свою Екатерину Павловну и провозгласить его наследником русского престола, отстранив собственных сыновей. После переворота 1801 г. принц был выслан из России, но в 1807 г. вновь появился в Петербурге в качестве генерала русской службы. Он был блестящим полководцем, и ему в первую очередь принадлежит честь победы русских войск под Кульмом. Отношения между принцем и Александром I были, однако, всегда натянутые, и в 1821 г. принц опять должен был покинуть Россию. Вновь вернуться в нее ему пришлось уже в конце 1825 г.; описание этого его путешествия и содержится в печатаемом отрывке из мемуаров принца.

Мемуары принца Евгения были опубликованы впервые, уже по смерти их автора, одним из его адъютантов ген-майором Гелльдорфом в 4 книгах в Берлине в 1861 — 1862 гг. При этом редактор оказался вынужденным подвергнуть текст записок некоторой переработке и купюрам, считаясь с необходимостью приспособляться к требованиям цензуры и желая устранить отзывы и факты, затрагивавшие еще живых и очень высокопоставленных лиц. Позднее Т. Шиман в своем сборнике материалов «Die Ermordung Pauls und die Thronbesteigung Nikolaus I». Berlin 1902, стр. 110 — 147 напечатал текст отрывка воспоминаний принца Евгения о поездке его в 1825 году в Россию в редакции, несколько отличной от напечатанной Гелльдорфом. В нашем сборнике дается текст публикации Гелльдорфа, напечатанной в русском переводе в «Русском Архиве», за 1878 г., кн. 1, стр. 330 — 352. В примечаниях даны места по тексту издания Шимана, существенно отличающиеся от текста Гелльдорфа.

Моя поездка в Россию в 1825 г. и петербургский заговор.

Тетушка моя, императрица Мария Федоровна, принимая живое участие в постигшем меня несчастии, [1]) настоятельно приглашала меня приехать в Петербург, чтобы развлечься и рассеяться. Со стороны императора Александра последовали также самые лестные уверения; императрица сообщила мне о них и тем ускорила мой отъезд. Но, видно, справедливо замечают, что самые пустячные мелочи сопровождаются нередко важнейшими последствиями. В августе 1825 г. я натрудил себе ногу на охоте. Боль была сна-

[1]) У принца Евгения только-что скончалась первая его жена.

чала ничтожная, но потом усилилась до такой степени, что я несколько недель пролежал в постели; а между тем срок отъезда моего приближался. Мои домашние заботливо ухаживали за мною, а матушка ни за что не хотела отпускать меня. Но я не послушался и с первого же дорожного ночлега должен был возвратиться назад; до такой степени у меня распухла нога. Лишь 19 ноября получил я возможность, хотя боль в ноге еще не совсем прошла, отправиться снова в путь. Меня сопровождал полковник Молоствов.

В Варшаве великий князь Константин Павлович, по обычаю своему, воевал с призраками. Он насказал мне ужасов о мятежном настроении русских войск и в особенности гвардии.

— Une fusée jetée dans le régiment de Préobragensky, et tout est en flammes [1]) — были подлинные его слова.

— Своих я держу крепко — заметил он при этом, — поэтому в них я уверен.

Подозрительность великого князя могла основываться на восстании Семеновского полка 1820 года. Полк этот был раскассирован и набран вновь. За этим событием последовали и другие, менее важные, случаи в армии. Я давал некоторую веру заявлениям великого князя, принимая в соображение перемену, которая произошла в образе мыслей императора Александра, ненавистное учреждение военных поселений, возраставшее со времени испанской революции, недоверие государя к войскам и принятые вследствие того строгие взыскательные меры.

Русские того времени имели основательную причину жаловаться на стеснения всякого рода, которые легче чувствуются, нежели устраняются. Но независимо от того в России, как и в других странах, были беспокойные люди, желавшие воспользоваться смутою для собственных честолюбивых целей; мне казалось возможным, что войнолюбивая и вообще недовольная армия легко может протянуть руку подобным людям, и я вторил отзывам великого князя, забывая о непоколебимой верности русского солдата, который да простит мне мое тогдашнее сомнение, объясняемое долговременным моим отсутствием из России.

Великий князь, поручая мне поговорить об этом предмете с государем, наказывал непременно прибавить, что в поляках своих он вполне уверен. Судьба не дала мне случая исполнить это поручение, и я бы не мог его исполнить вполне добросовестно, ибо мне отчасти было известно заблуждение великого князя относительно поляков.

Мы тащились медленно, в самое дурное время года, и Молоствов имел полную возможность изливать передо мною чувство негодования, которым он исполнился в Варшаве. Желчь его была особенно растревожена тем, что он слышал о военных поселениях, о которых он, как и все русские, говорил с проклятием на устах. Я старался умерить его злобу, поставляя ему на вид, что государь этим учреждением желал облегчить тяготу рекрутской повинности; по правде же сказать, трудно в нынешнее просвещенное время защищать и хвалить это насильственное подчинение мирного крестьянского быта пожизненной солдатчине со всеми ее лишениями и суровостью. Благодаря чудовищному предрассудку, обыкновенно мирятся с этими темными сторонами военного быта, как с необходимым злом; но в то же время высшие власти почти во всех государствах стараются ослабить это зло более человеколюбивым обращением, в России же вся эта часть остается еще в первоначальном, ужасном виде, и меры богопротивной жестокости лице-

[1]) Стоит кинуть брандер в Преображенский полк, и все воспламенится.

мерно оправдываются яко бы исполнением долга и верностью насильственной присяге. Но как же быть государю, который сознает зло, а между тем не может разом его уничтожить, поставленный политическими условиями в необходимость держать большое войско и обязанный щадить многие частные интересы? Такой государь, подобно Александру, постарается разложить бремя на большее число плеч, дабы каждому плечу было полегче.

Молоствов никак не хотел согласиться с моими доводами. Он не мог отрицать, что рекрутчина и соединенная с нею двадцатипятилетняя обязательная служба представляют собою великое зло; но по словам его Россия в течение ста лет успела привыкнуть к этому злу, в солдаты большей частью отдаются люди, которые по разным причинам не нужны земле и даже в тягость ей, и потому судьба их не так ужасна, как я изображал ее. Такого рода люди, говорил Молоствов, облекаясь солдатскою шинелью и вступая в совершенно новую для них сферу жизни, скоро привыкают к ней; полк становится для них второю родиной и, благодаря навыку к рабству, они выносят тяготу военного быта с тою же легкостью, с какою суетная светская молодежь ежедневно лишает себя разных удобств, раболепно подчиняясь предписаниям господствующей моды. Между тем надо знать всю обстановку военных поселений, чтобы притти в ужас от тамошних жестокостей: целые сотни мужиков прогоняются сквозь строй и засекаются на смерть, так что человеколюбивому некогда Александру нечего удивляться, коль скоро подданные произносят его имя с наболевшей горечью.

Я, конечно, не мог защищать образ действий государя и происшедшую за последние годы перемену в его умонастроении. На мой взгляд, фанатики-мечтатели, воображавшие делать угодное спасителю пролитием крови людей, которые разно с ними веровали в него, принадлежат к тому же разряду извергов, которые из-за политического разномыслия казнили гильотиною своих собратьев. И те и другие заслужили себе проклятие потомства. Но несвободны от упрека и люди, которые, будучи одушевлены в сущности благими побуждениями, не устояли против соблазна безграничного произвола.

Так рассуждали мы утром 19 ноября 1825 года. Солнце подымалось, окрашивая небо кровавым цветом. Мне казалось, что это зрелище возбудительно действовало на моего спутника, который изливал передо мною свою переполненную страстью душу. Особенно нападал он на Константина Павловича. Молоствов вовсе не принадлежал к людям, увлекающимся побочными соображениями. Он ни в каком случае не стал бы действовать вопреки своего долга и совести. Я слушал его, и невольно овладевал мною страх при мысли о том, что если опасности, которыми пугал себя государь и о которых твердил мне великий князь в Варшаве, принадлежат к действительности, а не изобретены только подозрительным воображением.

Ночью 23 ноября прибыли мы в Петербург и остановились в гостинице, так как во дворец было въезжать уже поздно. Вскоре ко мне явился камер-лакей с приглашением от тетушки пожаловать к ней на следующее утро. Этот дворцовый служитель довольно спокойно сообщил мне, что из Таганрога получено известие о легком нездоровьи государя.

На другой день рано утром я поехал к императрице. Я ждал трогательной сцены и скорбных изъявлений по поводу понесенной мною страшной утраты; но тетушка лишь слегка коснулась моего горя, не будучи в состоянии преодолевать в себе ощущений, относившихся к тогдашней минуте. Она озабоченно сказала:

— Мне кажется, что обстоятельства важнее, нежели думают. Не будь опасности, Вилльe не стал бы писать: «Мы питаем наилучшие надежды». Мне известно, что государь никогда не бывал болен опасно»

Тут я узнал, что в Крыму он простудился и схватил лихорадку.

Другие лица, которых посетил я, и именно великий князь Николай Павлович, выражались гораздо менее тревожно и, судя по официальным известиям, я считал опасения тетушки преувеличенными.

Спокойствие в отзывах о болезни государя проистекало вовсе не из недостатка участия. Вообще порицали новую его систему управления, но в большинстве не уменьшилась личная к нему приверженность. Передавались рассказы о человеколюбии и возвышенных чувствах, которые проявил он по случаю большого наводнения 1824 года. Своими действиями во время этого бедствия он опять заставил всех полюбить себя.

События быстро следовали одно за другим, мешая отмечать в памяти их даты; но кажется мне, что на третий день после моего приезда прискакал новый курьер из Таганрога с известием, что болезнь государя значительно ухудшилась. Лихорадка в тамошних местах и в дурное время года не могла быть болезнью легкой. Привезенные из Таганрога донесения врачей и письма императрицы Елисаветы содержанием своим усилили общую заботу. Я был свидетелем необыкновенного зрелища: народ отовсюду повалил в церкви молиться о здоровьи государя. Все мысли сосредоточились на одном предмете, и в общем напряжении умов пропадали всякие личные соображения. На императрицу было тяжело смотреть. Постигая все значение предстоящей опасности, она усиливалась сохранять свое обычное достоинство и величие, но изнемогала под бременем ощущений.

Великий князь Николай, сначала повидимому относившийся легко к приходившим известиям, теперь, при мысли о возможной кончине государя, не в силах был удерживаться от слез. Все кругом плакало. Редко случалось мне быть свидетелем такой тревоги и самому столь живо ощущать ее. К моим тогдашним чувствам примешивалось столько ярких воспоминаний!

На следующий день пришли известия несколько более успокоительные. Писали, что государь был очень нездоров, но что в болезни наступил благоприятный перелом. Судя по его крепкому телосложению, позволительно было предаваться надежде; в этом смысле писала и императрица Елисавета. По церквам пели благодарственные молебны, радостью наполнились сердца, и все пришло в обычный порядок.

27 ноября (9 декабря), если память мне не изменяет, было опять молебствие в церкви Зимнего дворца. Императрица-мать, великий князь Николай, его супруга и я стояли одни в особом помещении, отделенном от остального пространства церкви. Императрица и великая княгиня стояли лицом к алтарю; великий князь прислонился спиною к стеклянной входной двери; я стоял против него и сквозь дверь глядел в коридор, которым церковь соединяется с дворцовыми покоями.

Молебен кончался, когда я увидел в коридоре военного губернатора гр. Милорадовича, бледного и смущенного. Он кивал мне головою. Я тотчас вынул носовой платок из кармана, сделал вид, будто у меня потекла кровь из носу, и, направляясь к выходу, тихонько тронул великого князя. Он быстро повернулся, заметил графа Милорадовича, опрометью выбежал из церкви и вместе с ним исчез.

Чувствуя боль в ноге, я не мог поспеть за ними, но когда я дошел до третьей комнаты, великий князь встретил меня восклицанием:

— Tout est perdu! [1])

[1]) Все погибло!

Он плакал, держа в руке письмо. С ним были гр. Милорадович, генерал Шульгин [1]) и фельдъегерь, привезший известие о кончине государя, последовавшей 19 ноября в Таганроге. Пораженный скорбью, великий князь сжал меня в своих объятиях и заклинал, чтоб я взялся передать ужасное известие тетушке; но я чувствовал себя не в состоянии исполнить это поручение.

Когда я добрался назад в ризницу, в ней было уже множество людей. Императрица стояла на коленях и судорожно ломала себе руки. Опередивший меня великий князь бросился к ногам ее. Она обняла его, и тут только потоки слез хлынули из глаз ее и облегчили ей сердце. Все присутствующие были вне себя. Выражение ужаса было написано на лицах. Дверь в ризнице раскрыли, можно сказать, силою, и императорская моленная переполнилась. К императрице приблизился священник и дал ей поцеловать крест. С обеих сторон целовали у нее руки и орошали их слезами. Картина была потрясающая. Я сам находился под впечатлением ужаса и скорби.

Вместе с великим князем я помог тетушке подняться на ноги. Она оперлась на меня, как вдруг великий князь повлек меня от нее прочь, сказав:

— Allons prêter serment! [2])

Он взял меня за руку и длинным рядом комнат привел в противоположный конец здания, в другую дворцовую церковь. Священник прочел что-то, и великий князь занес свое имя в книгу, где написана была присяга императору Константину Первому. Я подписался вслед за великим князем, потом стали подходить и подписываться все, кто был в церкви.

До сих пор я сообщал, что сам видел. В дальнейшем изложении мне придется для полноты рассказа передавать и то, что мною слышано от других, и таким образом я уже не могу поручиться за строгую точность передаваемого.

В то время затруднительность положения была еще совершенно мне неизвестна. Я подозревал в Константине Павловиче нежелание царствовать, но об его отречении я ничего не ведал. В тот же день узнал я, не от тетушки и не от великого князя, а от некоторых сановников, что в Государственном Совете недовольны поспешностью присяги, и что члены его заявили Николаю Павловичу о существовании акта, которым великий князь Константин отрекается от наследия; что кроме того есть манифест покойного государя, подписанный 16 августа 1823 года и на основании отречения Константина предоставляющий наследие великому князю Николаю, и что поэтому принадлежность престола сему последнему находится вне всякого сомнения. Великий князь возражал на это, что он не примет правления, пока старший брат не возобновит своего отречения, и в подтверждение слов своих распорядился о немедленном продолжении присяги, которая скоро и была принесена во всех министерствах, войсках и других учреждениях, несмотря на то, что в Государственном Совете и, как сказывали мне, даже и в Сенате, было говорено, что Николай Павлович, в качестве великого князя, никем не уполномочен к такому распоряжению. Течение делопроизводства по всем ведомствам направилось в Варшаву.

Нет сомнения, что поспешность эта была внушена великому князю его благородным сердцем. Я сам в то время считал это распоряжение вполне естественным и достойным похвалы, так как можно было предполагать,

[1]) Петербургский обер-полицеймейстер.
[2]) Идем присягать!

что в 1822 году Константин Павлович подписал отречение лишь для того, чтобы получить согласие на свой брак. Теперь я, конечно, не разделяю этого предположения, но оно могло притти на мысль Николаю Павловичу и возвышает нравственную цену его тогдашних действий.

При других обстоятельствах, разумеется, было бы лучше всего немедленно объяснить народу истинное положение дела и объявить, что будет установлено временное правительство, покамест Константин Павлович не выскажет своего решения. Говорят, что такая мера и была предложена; но ее отвергли, потому что Николай Павлович не желал, чтобы законный, по его мнению, государь поставлен был в необходимость считать себя чем-либо ему обязанным, тогда как он исполнил только свой долг.

Несомненно, что вся неясность произошла только оттого, что отречение Константина Павловича не было обнародовано при жизни покойного государя. Тогда опасались таким оповещением поставить Константина Павловича в неловкое положение перед народом; но в виду общего государственного блага следовало жертвовать этим соображением. [13]

Николай Павлович, замечая, что двор склонен в его пользу, тем настойчивее торопил присягою Константину тех лиц и те учреждения, которые еще не приносили оной. В моем присутствии доложили ему, что многие из императорской свиты еще не присягали. Я состоял старшим свитским генералом, и он приказал, чтобы генерал-адъютанты и флигель-адъютанты явились ко мне и под моим предводительством, в полном составе, присягнули императору Константину. Еще недостаточно знакомый со всеми побочными обстоятельствами, я не находил ничего особенного в этой мере, но она возбудила неблагоприятное толкование. Во-первых, многим пришлось присягать вторично; затем друг мой и бывший товарищ по оружию, князь Трубецкой, старший генерал-адъютант, разъяснил мне, что адъютанты государя не имеют ничего общего с генералами свиты и подчинены единственно начальнику Главного Штаба его императорского величества. Я конечно отвечал, что ничего этого не знаю и исполняю только приказанное мне великим князем.

Это незначительное обстоятельство, вероятно, и дало повод к подозрению, будто я домогаюсь какого-то особенного влияния на будущего государя, и коль скоро о том довели до сведения начальника Главного Штаба, генерал-лейтенанта барона Дибича, находившегося тогда в Таганроге, то мне стало вполне понятно, как этот слух должен был озаботить его. Честные люди пропустили его мимо ушей; так, напр., генерал Васильчиков, сам член Государственного Совета, вполне откровенно передавал мне подробности о состоянии дел; но были и злостные клеветники, которые воспользовались этим обстоятельством, чтобы вредить мне.

Если бы и действительно в то время питал я какие-либо честолюбивые надежды, то достигнуть исполнения их помешала бы моя дипломатическая неумелость. Ничего подобного не было у меня в мыслях; напротив, я поехал в Петербург с затаенным намерением уговорить императрицу, чтобы она устроила мне полное увольнение от русской службы. Теперь стал я замечать некоторые враждебные заявления; мне довелось услышать неблагоприятные отзывы о великом князе и даже о моей тетушке. Во всяком случае их обращение со мною, ближайшим родственником и вернейшим приверженцем, должно было удивлять меня; да и вообще не мог же я затыкать себе уши и не слышать того, что хотя произносилось шопотом, однако, все-таки было внятно.

От многого движения предшествующих дней больная нога моя значительно растревожилась. Императрица и великий князь навещали меня

ежедневно, но о событиях хранили самое тщательное молчание. Я принимал также важнейших сановников, которые передавали мне городские новости и разноречивые их толкования Одни считали, что Константин одумается и прельстится державною властью; другие выражали уверенность, что решение его бесповоротно, и ожидали воцарения Николая. Немногие с таинственною доверенностью передавали мне, что правление может перейти к императрице-матери. Меня спрашивали, как поступлю я в таком случае, и я с негодованием отвечал, что тут голос мой должен оставаться не при чем Мне намекали, что оба сына, в нерешимости своей, предложат ей принять бразды правления [14]

Между тем курьеры продолжали беспрерывно скакать из Петербурга в Варшаву и обратно. Оттуда приехал великий князь Михаил Павлович и был тотчас послан обратно. Сколько мне известно, на пути своем он получил от Константина приказание возвратиться в Петербург.

10-го декабря отречение Константина было для меня уже несомненно.

Около этого времени, оправившись в здоровьи, я начал снова выходить из дому и однажды утром встретил в приемной у императрицы графа Милорадовича. Он шепнул мне таинственно:

— Боюсь за успех дела: гвардия очень привержена к Константину.

— О каком успехе говорите вы? — возразил я удивленно. — Я ожидаю естественного перехода престолонаследия к великому князю Николаю, коль скоро Константин будет настаивать на своем отречении. Гвардия тут не при чем.

— Совершенно верно, — отвечал граф, — ей бы не следовало тут вмешиваться, но она испокон веку привыкла к тому и сроднилась с такими понятиями.

Эти достопримечательные слова произнес сам военный губернатор Петербурга, а потому они имели особое значение в моих глазах. Я упрашивал его сообщить, что́ им замечено; но он отвечал, что не имеет на то положительного приказания. Я тотчас же доложил о нем тетушке. Она приняла его, а я целые два часа продежурил в ее приемной. Признаюсь, подобные отношения только умножали во мне чувство неудовольствия, и тут-то я окончательно дал себе слово покинуть эту сцену, лишь только последует развязка драмы. Для меня понятнее был образ действий великого князя Николая: он не находился в такой близости ко мне, как императрица, а потому я имел менее прав на его доверие. Однажды я заговорил с ним о престолонаследии, и он мне отвечал:

— Nous avons prêté serment, nous savons à qui obéir [1]).

На мое возражение, что отречением Константина передается престол ему, он отвечал:

— J'obéirai à ses ordres et à mon devoir; et à ce qui vous regarde, Eugène, je compterai toujours sur votre amitié.

— Disposez de moi dès cette heure comme de votre aide-de-camp [2]). — сказал я на это. После этих слов он горячо меня обнял.

Вечером 13 декабря меня неожиданно потребовала к себе императрица. Как она, так и дамы, ее окружавшие, были в белых платьях, и это одно уже заставляло меня предчувствовать наступление важных событий. Она подозвала меня к себе, поцеловала и, кротко улыбаясь, шепнула:

---

[1]) Мы присягнули, мы знаем, кому повиноваться.

[2]) Я буду повиноваться его приказаниям и моему долгу; что́ же касается до тебя, Евгений, то я всегда буду рассчитывать на твою дружбу. — С этой минуты располагай мною, как своим адъютантом.

— Мы не властны передавать чужие тайны. Николай — император. В три часа ночи он тебе сам расскажет, что у него на душе.

Я схватил ее руку, горячо прижал к губам и оросил слезами. Все сомнения мои рассеялись, и образ ее снова занял прежнее свое место в моем сердце.

В назначенный час я явился к новому императору, и он, вкратце описав все уже известные обстоятельства, произнес следующие слова, которые передаю в точности:

— Милый Евгений, покойный император был нам обоим повелитель; мы, под его властью, были друзьями и братьями и такими останемся. Для тебя я не император, не называй меня величеством, я требую во всех случаях полного твоего доверия и сейчас же хочу им воспользоваться.

Я отвечал, что он во всех отношениях может вполне рассчитывать на мою преданность, но что я умею соблюдать и формы.

— Что ты мне теперь посоветуешь?

— Не делать никаких перемен по министерствам, все оставить в прежнем виде.

— Совершенно моя мысль Вот тебе рука моя.

Затем он прочел мне свой манифест гвардии. Он жаловал ей старые мундиры Александра. Он и слышать не хотел моих слов о наградах и повышениях

— Это будет иметь вид, как будто бы я хочу снискивать их расположение, сказал он и прибавил, что манифест уже разослан.

С рассветом вся свита нового императора собралась к нему и, после его краткой, но энергической речи, все поспешили в залы Главного Штаба, где должны были принести присягу генералы и офицеры корпусов, не квартирующих в Петербурге Войскам же петербургским велено присягать в своих казармах.

По окончании этой церемонии, я отправился поздравить обеих императриц, встретил у них графа Милорадовича, которому дружески пожал руку и, в ожидании молебна, назначенного в час пополудни, вернулся в свою комнату, чтобы написать письмо к матушке.

Было около половины первого, когда ко мне вошел Молоствов, и я с удивлением спросил его:

— Как, уже пора?

При этом взор мой упал на Дворцовую площадь, по которой проходили отдельные группы солдат со знаменами. Вокруг них теснились несметные толпы народа, из среды которого вылетали оглушительные крики. Я был окончательно поражен, увидав какого-то штаб-офицера, который соскочил с саней, снял кивер и показывал на голове кровавые раны

Тут Молоствов сообщил мне, что в Московском гвардейском полку вспыхнул бунт, что великий князь Михаил Павлович поехал туда, а сам император находится на Дворцовой площади среди народа.

Немедленно надел я парадную форму и сбежал с лестницы. Дорогой повстречался мне генерал-адъютант князь Трубецкой, и мы вместе протеснились к молодому императору, который, окруженный густой толпой народа, сам объяснял ему, в чем дело, и показывал манифест о своем восшествии на престол. Хотя эта масса проявляла восторг и преданность, тем не менее присутствие среди нее императора казалось небезопасным. Я шепнул ему на ухо:

— Sire, daignez ménager votre personne! Mettez-vous à cheval [1])

[1]) Государь, поберегите себя! Сядьте на лошадь.

Трубецкой также сказал ему о необходимости быть осторожным. Император тотчас приказал привести себе коня; в одну минуту он был подан как ему, так и дежурному генерал-адъютанту Левашову. Еще не садясь в седло, Николай Павлович пожал мне руку, прижал к своей груди и сказал:

— Береги мне матушку, жену и детей.

— Куда же вы? — спросил я с удивлением.

— На Сенатскую площадь лично говорить с бунтовщиками. Они там собрались.

— Сохрани боже! И ужели я допущу вас одного подвергаться опасности!

— Меня защитит бог.

— Я не могу вас оставить одного. Не требуйте этого — это было бы с моей стороны бесчестно. Что мне делать во дворце с женщинами? Была бы там опасность — другое дело; но я вижу, что вы сами ее вызываете, решаясь на отчаянное предприятие.

— Ну, — вскричал император с горячностью и нетерпением, — так приезжай ко мне тогда, когда примешь все меры к охранению дворца.

Это поручение меня озадачило. Я тотчас же пошел большими воротами к караулу Финляндского гвардейского полка, который находился внутри двора и выступил вперед. Здесь я встретил полкового командира, генерал-майора Воропанова, который заявил мне, что хотя вполне можно полагаться на преданность императору его подчиненных, тем не менее, по малочисленности своей, они будут не в состоянии оборонять дворец. Между тем подошел петербургский комендант генерал Башуцкий и сообщил, что сейчас подойдет в подкрепление к дворцовому караулу гвардейский саперный батальон, которого Николай Павлович до сего времени был шефом. Тогда я предложил заградить маленькие подъезды, которых так много в Зимнем дворце, и поставить у них наблюдательные посты, крепко же занять одни главные ворота. Так как генерал Башуцкий был коротко знаком с местностью, то я возложил это поручение на него, и он обещал исполнить его самым добросовестным образом. Приняв на всякий случай эти меры предосторожности, я тут только решился произнести странный с моей стороны и даже унизительный для меня вопрос:

— Да что ж собственно происходит?

Многие из окружавших меня офицеров знали столько же, как и я; другие выражались в общих словах, что-де в Московском полку солдаты не верят отречению Константина Павловича и отказываются присягнуть Николаю Генерал Воропанов, однако ж, знал больше, чем его офицеры. Он сообщил, что большинство людей означенного полка, открыто возмутившись, заняли Сенатскую площадь и явно возбуждают народ против Николая. Мне передали также, что в казармах уже ранены генералы Фредерикс и Шеншин, а на площади военный генерал-губернатор граф Милорадович ранен смертельно.

— Господи боже мой, — воскликнул я, — император там, а я еще здесь! Где моя лошадь?

Я попросил Молоствова позаботиться, чтобы мне как можно скорее привели ее. В суматохе это не так-то легко было сделать, и я успел еще навестить караулы Кавалергардского и Конногвардейского полков, находившиеся в верхних покоях дворца. В передней императрицы-матери караульным начальником был, как нарочно, поручик князь Долгорукий, которого я лично знал и который заверил меня, что ему неизвестно, что́ происходит, но что он ручается за безопасность императорской фамилии до тех пор, пока в жилах его и его кирасиров будет оставаться капля крови.

Затем я отправился к императрице, находившейся вместе с великим князем Александром и великой княжной Марией в комнате у тетушки. Сия последняя встретила меня вспыльчивым упреком:

— Что ты здесь делаешь? Почему ты не при императоре?

Я с трудом мог ее успокоить и объяснить ей, какое на меня возложено поручение; но потом и сам я прибавил тоном обиженного:

— Вот последствия вашей скрытности по отношению к преданному родственнику, на которого в настоящую минуту император и вы все могли бы более всего положиться, но который сам бродит в потемках, не знает, о чем идет речь, что ему делать, и готов даже думать, что действует не совсем добросовестно, следуя слепо лишь голосу сердца.

Императрица возразила:

— Горсть обманутых людей сомневается в подлинности манифеста.

— Только-то,—заметил я.—Ну, так их вразумят; но припомните слова графа Милорадовича, павшего сегодня первой жертвой мятежа. Не вся ли гвардия заражена мятежным духом, и нет ли какой-нибудь другой сокровенной причины всему этому?

— Кто смеет думать о чем-нибудь подобном!—вскричала вне себя императрица.

— Вам все представляется в слишком мрачном свете,—с горечью заметила молодая императрица.

И тут опять я очутился в роли неловкого дипломата.

— Ну, как бы там ни было,—отвечал я, хватаясь за ручку двери,—но я поспешу к императору.

— Благослови тебя бог! — проговорили мне во след.

Я уже решился было отправиться пешком, но, к счастию, в это время подоспела давно ожидаемая лошадь. Я вскочил в седло и в несколько минут очутился вблизи императора, стоявшего между деревянным забором, которым было обнесено место, где строился Исаакиевский собор, и Адмиралтейством, т.-е. перед самою Сенатскою площадью, лицом к статуе Петра Великого. Между статуей и зданием Сената стояло фронтом к Адмиралтейству человек около 500 солдат. Среди них суетливо шныряли какие-то люди, одни в военных мундирах, другие в партикулярном платье, но тоже большей частью вооруженные; перед ними же находилась густая толпа народа из всех сословий, наполнявшая собою всю площадь и ближайшие улицы. Вокруг императора находились пешком почти весь дипломатический корпус, все его адъютанты и некоторые генералы, не успевшие захватить себе лошадей. Верхами были, кроме императора и генерала Левашова, только лица, бывшие адъютантами Николая Павловича, когда он был великим князем, и в том числе Адлерберг, Кавелин, Деллингсгаузен и Лазарев; они усердно переезжали с места на место и привозили известия. Из войск непосредственно позади императора стоял 1-й батальон Преображенского полка; правее, вдоль Адмиралтейства, выстроился развернутым фронтом, лицом к мятежникам, Конногвардейский полк под командой генерала Алексея Орлова. Кроме того в это самое время приближался уже от Дворцовой площади генерал Бенкендорф с Кавалергардским полком, а за ним следовали конные пионеры под командой полковника Засса. Вскоре потом прибыл и великий князь Михаил Павлович во главе части Павловского и большей части Московского полков. Сей последний был только что возвращен к долгу благодаря геройскому мужеству и замечательному присутствию духа великого князя.

В ту минуту, как я подъехал к императору, он разговаривал с одним офицером конно-егерского полка, Якубовичем, который, держа руку под

козырек, почтительно отвечал на вопросы государя; но тем не менее выражение на лице его было таково, что верить ему не хотелось. Голова его, под шляпой с пером, была повязана надвинутым на лоб платком черного цвета, почти такого же, как цвет его волос; черные усы и бакенбарды еще более омрачали и без того мрачные и энергические черты его смуглого лица, а острый проницательный взгляд заставлял предполагать в нем страстного, мстительного человека, и я готов был видеть в нем убийцу. Удаляясь, он произнес слова:

— Я попытаюсь, но они меня убьют за это.

Первые мои слова: — Sire, point de sang! Je vous en conjure! [1]) — оказались в прямом противоречии с тем, что я здесь услышал, а именно — с рассуждениями насчет необходимости употребить насильственные меры, к чему я, однакож, не видел ни средств, ни надлежащей решимости. Невольно я протеснил свою лошадь между императором и одним весьма близко стоявшим маленьким, толстым господином, в фуражке и солдатской шинели с светло-синими погонами 6-го егерского полка. Я сообщил императору, что он покамест может быть покоен насчет дворца, но что здесь, как кажется, опасность еще не миновала.

— Они ничего не хотят слушать, — возразил государь.

— Почему до сих пор так мало войск, — спросил я. — Где артиллерия?

Мне отвечали, что и в ней заметно беспокойное настроение и прибавили шопотом:

— Ne vous y trompez pac: c'est une conspiration. [2])

Тут только стало мне понятно поручение императора касательно дворца. Но зачем же он мне прямо не сказал этого? Зачем скрывать от друга то, что давно уже было ему известно о существовании заговора?

Все еще продолжая соображать и усиливаясь составить себе какое-нибудь подходящее к истине понятие о действительном положении дел, я однако же твердо остановился уже на той мысли, что всякий необдуманный шаг императора может подвергнуть опасности его жизнь, от сохранения которой все зависело. Я желал бы уговорить его воротиться во дворец и предоставить мне действовать; но я не смел высказать этого желания, ибо при известном мужестве императора мало было надежды на успех. Покинуть его в эту минуту было невозможно, ибо я считал быструю решимость необходимою и собственно для того, чтобы обеспечить наш тыл, или, иначе говоря, дворец. От людей, находившихся у здания Сената, пал военный генерал-губернатор; это достаточно доказывало их виновность. В пехоте чувствовался недостаток, но кавалерии было довольно. Мне пришло на мысль, что, несмотря на гололедицу, внезапная атака кавалерии на народную толпу приведет в расстройство стоящих за нею мятежников и заставит их рассеяться. Император тотчас же согласился на кавалерийскую атаку, но он понял ее не в том смысле, как я предлагал, что и неудивительно, коль скоро все говорили разом, а я не пользовался таким значением, чтобы заслуживать предпочтение моему мнению.

Прежде всего, по поручению императора, я отправился к генералу Бенкендорфу и приказал ему отойти в Галерную улицу, чтобы преградить мятежникам отступление. Великий князь Михаил Павлович должен был с приведенной им пехотой следовать туда же, что он и исполнил. Я сам с 1-й ротой Преображенского полка занял Невский, т.-е. Исаакиевский мост,

---

[1]) Государь, не надо крови! Умоляю вас!

[2]) Не заблуждайся: это заговор.

против Васильевского острова. По дороге я сообщил генералу Орлову о намерении императора и сказал ему, чтоб он готовился к атаке, сигнал к которой будет подан трубою. Находившимся со мною гренадерам я напомнил о верности, доказанной ими при Кульме, и нашел их вполне надежными, в чем заверил меня и храбрый капитан их Игнатьев. К сожалению, на эти распоряжения ушло много времени, и притом разговоры были слишком громки. Предвидя опасность, народная толпа разбежалась, прежде чем последовал сигнал к атаке, и внезапно опустевшая площадь представила глазам мятежную колонну, готовую принять бой.

Когда, наконец, сигнал был подан, и кавалерийские эскадроны со всех стороны понеслись в атаку, то их встретили из колонны мятежников несколькими отдельными выстрелами, а под конец даже и залпами. По большей части они были направлены в воздух, но все-таки несколько всадников было убито и ранено. Наиболее потерпели конные пионеры, состоявшие до сих пор под особенным покровительством Николая Павловича. У конногвардейцев, которых Орлов так близко подвел к бунтовщикам, что обе стороны могли переметнуться между собою несколькими словами, пуля пробила навылет кирасу и грудь одному человеку, а полковнику Велио раздробило руку.

Когда я с Преображенскою ротою занял свою позицию, то капитан Игнатьев спросил меня, не нужно ли зарядить ружья. Меня удивило, что этого до сих пор не было сделано; но настоящая минута, в такой близи от бунтовщиков, казалась мне неудобною. Соображая, какой дать ответ, я заметил, что в то время как мятежная толпа стреляла по кавалерии, некоторые ряды ее повернулись фронтом к нам и стреляли по нас. На расстоянии каких-нибудь 50 — 60 шагов прицеливаться было нетрудно, например, хотя бы в меня в моей полной парадной форме с орденскою лентою, и залп, если бы они решились угостить им нас, был бы смертелен; но как я не слыхал свиста пуль, то и своим приказал держать ружья у ноги. Напротив того, шедшему со стороны Васильевского острова с 2-мя батальонами Финляндского полка генералу Головину я дал приказание при самом вступлении на мост принять оборонительное положение и потом присоединиться к капитану Игнатьеву. Таким образом, на этом пункте мы представляли силу внушительную; но я должен заметить, что генерал Головин и его подчиненные обратились ко мне с вопросом:

— Да что ж такое происходит? Да какого мы ожидаем неприятеля?

Воротясь к императору, я нашел, что кавалерия занимала ту же самую позицию, как и до атаки; но теперь яснее замечалось хлопотливое перебегание подстрекателей среди толпы возмутившихся солдат. Личности эти имели вид каких-то бандитов, а пьяные по большей части солдаты кидали вверх свои кивера и кричали «Ура Константин!». Но иной раз раздавался также крик: «Ура Конституция!».

Таким образом, мало-по-малу перед нами все более и более уяснялись настоящие обстоятельства, и мы, истинные приверженцы императора, пришли все к убеждению, что тут действительно дело идет о заговоре, а не о каком-нибудь недоразумении. Послышались предложения самых строгих мер, и я помню, что генералы Васильчиков, Левашов, князь Трубецкой и многие другие были на стороне этих мер. Однакож, средств недоставало: войска и артиллерия все еще не являлись, а между тем роты Лейб-гренадерского полка и гардемарины в беспорядке направлялись мимо нас. Некоторые офицеры пытались образумить их, но понапрасну. Сам император, не взирая на опасность и просьбы приближенных, въехал в толпу этих большей частью пьяных солдат и увещевал их не принимать участия в бунте,

но они встретили его неприличным кривляньем [1]). Вся эта толпа выстроилась потом у здания Сената на обоих флангах Московского полка. В это время послышалось еще несколько выстрелов, и вскоре показался тяжело раненый командир лейбъ-гренадерского полка, полковник Стюрлер; два офицера его поддерживали. Тут вновь возникли опасения за участь обитателей дворца, и я поспешно отправился туда, доложившись императору. Я узнал, что небольшой отряд лейб-гренадер пытался ворваться в средние ворота. Генерал Башуцкий, говорят, вышел к ним навстречу и спросил:

— Что вам угодно?

Не отвечая ни слова, мятежники проникли было до половины проходного свода, но увидав на дворцовом дворе батальон гвардейских пионеров, заблагорассудили не доводить предприятия до конца и, повернув кругом, поспешили на Сенатскую площадь.

Итак, во дворце, когда я туда прибыл, не произошло пока никакого беспорядка. Чтобы увидеться с императрицами, я должен был пройти мимо всех караулов и всего собрания придворных. Все они ожидали молебна в залах Зимнего дворца, но и самая неизвестность ближайшего будущего вынуждала их оставаться тут и ждать исхода.

Какое противоположное зрелище с тем, которое за минуту было перед моими глазами! Какое разнообразие ощущений на этих лицах! Ощущение страха было всего ярче, но к нему примешивалось и любопытство. Вальтер-Скотту была бы тут не малая пожива.

Меня осыпали вопросами, на которые я мимоходом давал самые краткие ответы. Только при выходе из залы внимание мое слегка остановилось на мрачной и понурой физиономии графа Аракчеева, сердце и совесть которого подвергались одновременной пытке.

Шталмейстеру Самарину я с глазу на глаз посоветовал держать на всякий случай наготове кареты императорского семейства, а о причине этого немедленно сообщил обеим императрицам, которые, и в особенности императрица Александра, осыпали меня жестокими упреками. Они сказали мне, что решились разделить участь императора. Я удивился и порадовался их мужеству и спокойствию; но мои опасения и меры предосторожности, тем не менее, казались мне основательными.

Возвратясь к императору и вкратце доложив ему обо всем, что видел и слышал, я почувствовал, что мои опасения относительно злого духа в гвардии рассеиваются. Во время моего короткого отсутствия, положение дел на Дворцовой и Сенатской площадях совершенно изменилось. Правда, число бунтовщиков возросло уже до 2000, но все прочие гвардейские войска пребыли верны долгу и находились на назначенных им местах. Дело объяснилось весьма просто: им не успели своевременно сообщить приказ о выступлении. Артиллерийские снаряды, например, пришлось доставлять из места, находящегося в пятиверстном расстоянии.

Все полки, которые я объезжал, обращались ко мне с тем же самым вопросом, который был мне предложен в Финляндском полку.

Генерал Бистром, начальник всей гвардейской пехоты, на вопрос мой, полагается ли он на своих подчиненных, отвечал:

— Как на самого себя. Но, — прибавил он с усмешкой, — этим еще немного сказано: будь я проклят, если знаю, о чем идет спор.

Граф Остерман только-что воротился из-за границы и у заставы осведомился об императоре Константине.

---

[1]) Mit unanständigen Grimassen.

— Подожди, ворона! Хорошо, что попался! — сказали ему в ответ, и он чуть было не был арестован.

Генерал Толь, начальник штаба 1-й армии, прибывший из Могилева, проезжая мимо меня, спросил:

— Правда ли, что Константина не хотят признавать императором?

Многие другие были в таком же неведении; мы же, окружившие императора, хотя и слышали о каком-то заговоре, но нас приводили в недоумение беспрерывные на противной стороне возгласы: «Да здравствует Константин», что свидетельствовало, что все дело в недоразумении. Однакож, вновь собравшаяся чернь стала также принимать участие в беспорядке. Начальника гвардейского корпуса генерала Воинова, чуть было не стащили с лошади; мимо адъютантов императора летали камни, в меня попало несколько комков снега. Наскакав на виновного и опрокинув его конем, я закричал:

— Ты что делаешь?

— Сами не знаем. Шутим-с мы, барин, — отвечал опрокинутый, еще не поднявшись с земли.

Начинало смеркаться, и зародилось справедливое опасение, что ночью явятся новые затруднения, если не покончить с этим делом до ее наступления. В это время прибыли, под командой поручика Бакунина, четыре орудия гвардейской артиллерии и расположились на левом фланге Семеновского полка, стоявшего против Адмиралтейства. Между тем император объезжал ряды пехоты и, обращаясь к солдатам с немногими энергическими словами, воспламенял их рвение. Он выказал в этих трудных обстоятельствах мужество и присутствие духа и тем изумил всех его окружающих, так как то, что довелось ему до сих пор испытывать в жизни, еще ни разу не представляло случая проявить такие высокие качества героя и государя. На похвалы, которые отовсюду ему расточались, он отвечал прекрасными словами:

— Я почерпаю твердость в чистой совести.

Неоднократные обращения к мятежникам с требованием разойтись оставались без успеха. По приказанию императора им было объявлено, что они «вынуждают к принятию крайних мер». К ним послан был генерал Сухозанет. Они встретили его единодушным возгласом: «Да здравствует Константин!»

— Так узнайте же, что такое Николай! — отвечал он им.

И действительно, император решился сам подать сигнал к начатию смертоносного артиллерийского грома обычною командою: «Раз, два, пли».

Действие этого вынужденного необходимостью кровавого приказания было удивительно: в одну минуту вся площадь очистилась от бунтовщиков. Пехота и кавалерия бросились в преследование; но нелегко было догнать беглецов: они небольшими кучками бежали частию по замерзшей Неве на Васильевский остров, частью в разные дома, где и баррикадировались.

На месте осталось много мертвых солдат. В соседних домах было тоже много пораненых картечью, и в том числе даже женщин. Дано было всего четыре выстрела, и тем не менее, как говорят, несколько сотен невинных пало жертвою чужого преступления.

Во время этих последних происшествий я находился рядом с императором по левую его сторону. Я же сопровождал его к малому подъезду Зимнего дворца, у которого он слез с коня и прошел по боковой лестнице в покои императрицы Александры Федоровны. Кроме меня его сопро-

вождали генералы Толь, Васильчиков, Левашов и Нейдгарт. На середине лестницы он остановился, обнял меня и объявил, что никогда не забудет сегодняшних доказательств моей преданности. Потом он отдал приказание генералу Васильчикову на нынешнюю ночь расположить свою квартиру в здании Сената и принять начальство над городом по сю сторону Невы. Генералу Бенкендорфу поручено было начальствование на другом берегу Невы; ко мне же император обратился буквально с этими словами:

— Et vous, Eugène, vous resterez auprès de moi en qualité de chef d'état-major pour m'aider de vos conseils.[1])

Я хорошо заметил, лишь только император повернулся к нам спиною, впечатление, произведенное этими словами на присутствующих, и, помня его вчерашнее обещание, сказал им:

— Само собой разумеется, что это только временно, ибо наилучший начальник штаба для императора тот, кто занимал эту должность при его покойном брате.

Вскоре после того последовал молебен, и Николай Павлович, идя под руку с своей матерью в церковь, приказал мне остаться у двери для приема поступающих донесений, которые я после должен был доложить ему. Тем временем успели задержать почти всех возмутившихся солдат и многих заговорщиков. Солдаты, как тотчас же обнаружилось, действовали в полном убеждении, что защищают права Константина. Я был немало удивлен, что в это самое время один отставной генерал заблагорассудил шепнуть мне:

— Comme toujours, bravant les périls, votre coeur aussi ne s'est pas démenti. Vos mains, monseigneur, ne se sont point souillées du sang russe.[2])

Я сердито взглянул на этого господина, ибо в его словах послышалось мне неправое обвинение против императора. Впоследствии, однакож, часто раздумывая об этом происшествии, я приходил к заключению, что лучше было бы, если бы принятием более соответственных мер до совершения преступления был предупрежден его трагический исход.

Что за беспокойная ночь последовала за страшным днем!

Дворцовая и Сенатская площади превратились в бивуаки, на которых расположилось несколько тысяч вооруженных солдат. Среди огней возвышалась величественная статуя великого виновника русского могущества. Если бы он мог взглянуть с того света на события этого дня, то был бы свидетелем преступления, угрожавшего гибелью его созданию, и полюбовался бы величием души одного из своих правнуков, геройскому поведению которого империя была обязана спасением от неисчислимых бедствий. Таково было убеждение мое и всех, кто в этот день имел случай близко видеть Николая Павловича.

Замечательно, что в первые минуты, когда, по окончании богослужения, генералитет и адъютанты собрались в приемных покоях императора, подозрительность изображалась почти на всех лицах. Никто с достоверностью не знал, какое разветвление имеет заговор и кто его зачинщики. Даже побудительная причина его еще не была выяснена, а между приводимыми один за другим арестантами узнавалось много старых знакомых.

Первым был приведен со связанными сзади руками молодой офицер Московского гвардейского полка, князь Щепин-Ростовский, в парадном

---

[1]) А ты, Евгений, оставайся при мне в качестве начальника штаба, чтобы помогать мне своими советами.

[2]) Как всегда, вы рветесь навстречу опасностям, и сердце ваше также не изменило себе. Но руки вашей светлости не осквернены русскою кровью.

мундире, но с оторванными эполетами. Его мрачная, но решительная физиономия, казалось, изобличала в нем закоренелого злодея. Его рукою, говорили, ранены генералы Шеншин и Фридерикс. Вторым был некто Горский, поляк в партикулярном платье, с пистолетами за поясом — внешность дерзкая, но пошлая.

Затем ввели поручика Лейб-гренадерского полка Шторха, сына одного из бывших наставников императора. Подобно Цезарю, вскричал император:

— И ты, сын мой!

— Виноват! — было его ответом.

Повидимому, он сделался жертвою недоразумения, а потом заговорщики насильственно задерживали его в среде своей. Впоследствии я встретил этого офицера в Турции при обстоятельствах необыкновенных, но делающих ему большую честь.

Потом был приведен полковник князь Трубецкой, дежурный штаб-офицер 4-го корпуса. На него указывали как на одного из главных заговорщиков. Дело его получило особую важность потому, что он был задержан в доме свояка своего, австрийского посланника графа Лебцельтерна, у которого он нашел себе убежище.

Вместе с некоторыми другими зачинщиками заговора, много арестованных солдат почти всю ночь толпилось вокруг допросного стола, за которым генерал Левашов записывал их показания. Неизменными вопросами его были: «Присягал ты?» — Ответ: «Да.» — Вопрос: «Кому?» — Ответ: «Императору Константину».

Степень вины вполне уяснялась этим единодушным признанием. Но из числа этих мнимых благодетелей государства некоторые кричали: «Ура Конституция!» Они и не отрицали этого, но когда их спросили, понимают ли они, что это слово означает,

— Как не понимать? был ответ: — Да здравствует ее величество, супруга императора Константина!

В полночь, по приказанию императора, я предпринял обозрение постов на Исаакиевской площади и нашел там все в надлежащем порядке вследствие неутомимой деятельности генерала Васильчикова. Когда я воротился во дворец, то допрос все еще продолжался.

Затем судьба привела меня к умирающему товарищу по оружию, графу Милорадовичу. Я привез ему письмо императора. Образ этого человека в его предсмертные минуты всегда будет внушать мне грустные воспоминания. Он оказался столь же достойным удивления на своем смертном одре, как и на полях битв. Теперь Милорадович уже никому не мог показаться фанфароном, каким его иногда считали: это был герой в полном смысле слова и, конечно, всегда был таковым, ибо иначе не мог бы так умирать. Когда я передал ему, со слезами на глазах, письмо государя, он сказал:

— Мне особенно чувствительно получить это письмо из ваших рук; мы с вами действовали вместе и в дни великие и славные.

Я изъявил мое сердечное сожаление о положении, в котором его нахожу, и выразил надежду на его выздоровление.

— Нечего обольщаться, — отвечал он. — У меня воспаление кишек. Смерть — неприятная необходимость; но знаете ли что́ — я умру, как жил, и прежде всего с чистою совестью.

По прочтении письма он сказал:

— Я с удовольствием пожертвовал собою за императора Николая. Меня утешает то, что в меня выстрелил не старый солдат. Тут он прервал разговор. — Прощайте, ваша светлость. На мне лежат еще важные обязанности. До свидания в лучшем мире.

То были его последние слова. Когда я уходил, его меркнувшие глаза бросили на меня еще последний дружеский взгляд.

Врачи отказались от него. Он умер спустя несколько минут, но успел распорядиться сравнительно небольшим своим состоянием преимущественно в пользу своих вольноотпущенных крестьян.

Перед последним издыханием он еще раз сказал, что умирает не от руки солдата, и действительно в него стрелял один из заговорщиков, по имени Каховский. Как генерал-губернатор Милорадович был в некоторой степени виновен в глазах публики за неоткрытие заговора; но теперь не найдется человека с высокою душою, кто бы не заплатил ему дани сочувствия.

На рассвете я повторил, по приказанию императора, обзор постов на Петербургской стороне и на Васильевском острову и отовсюду привез самые удовлетворительные известия. Из окрестностей Петербурга также подошли войска, и вскоре все убедились, что в них господствовал наилучший дух, и что вообще они вовсе не участвовали в заговоре. В последующие дни было арестовано много заговорщиков. По большей части это были офицеры, как напр., Панов (лейб-гренадерского полка), князь Оболенский (адъютант генерала Бистрома), два брата Бестужевых, из которых один служил адъютантом у моего дяди Александра; но было много и статских, напр., поэт Рылеев и Каховский, убийца графа Милорадовича и полковника Стюрлера. Иные из них находились 14-го декабря в рядах верных войск и были захвачены, по указанию арестованных, с самого начала. Других привозили из отдаленнейших мест и заключали в Петропавловскую крепость, где вскоре водворилась и Следственная Комиссия. Вскоре волнение умов успокоилось, и обитателям дворца, который оберегался в течение нескольких недель с особенной строгостью, уже не приходилось проводить без сна целые ночи напролет. Наступил обычный старый порядок. Я долго еще не покидал приемной императора и имел потому возможность хорошо знать обо всем происходившем. Всего более был я поражен появлением маленького человека в серой шинели, бросившегося мне в глаза еще на Сенатской площади, который теперь пришел сознаться в намерении убить императора и был им прощен. Это был Булатов, штаб-офицер 12-го егерского полка. Он объяснял причину своего раскаяния угрызениями совести и подтвердил это показание делом, так как умер несколько дней спустя от нервной горячки.

В этом случае, так же, как и во время разговора с Якубовичем, судьба явно благоприятствовала императору. Якубович замышлял также убить государя и завел разговор с ним только для того, чтобы разведать намерения правительства. Он воротился к своим соумышленникам с убеждением, что с нашей стороны и в мыслях не имеется никаких насильственных мер. Сам государь однажды, в разговоре со мной об этих происшествиях, выразился:

— Ce qu'il y a d'inconcevable dans tout cela, Eugène, c'est qu'on n'ait pas tiré à la tête à nous deux.[1])

В великого князя Михаила один из заговорщиков выстрелил из пистолета, но, к счастию, пистолет осекся.

Пришли также успокоительные вести из отдаленных мест, куда проникли ветви заговора, погасшего в последней безумной попытке подполковника Муравьева-Апостола, которым соблазнен был батальон Черниговского полка. Муравьев-Апостол был разбит и захвачен генерал-майором бароном Гейсмаром.

Легко можно понять, почему заговор не имел успеха.

---

[1]) Что непонятно во всем этом, Евгений, так это, что нас обоих тут же не пристрелили.

1. Хотя и были некоторые поводы к неудовольствию на императора Александра, но вообще он был любим.

2. Хотя многие в русском государственном мире и во внутреннем управлении страною и заслуживали порицания, но это нисколько не ослабляло приверженности к царскому дому.

3. Цель всего предприятия была столь постыдна, нелепа и бессодержательна, что всякий благомыслящий человек, способный к хладнокровному обсуждению дела, должен был с ужасом от него отвратиться.

4. Заговорщики в среде своей не имели ни одного человека, который пользовался бы решительным влиянием на войска, и

5. Они не имели главы, которому высокое положение в государстве (как, напр., граф Пален в качестве военного губернатора в 1801 г.) давало бы право руководить предприятием, предписывать способы его исполнения и, в случае надобности, оказывать защиту.

И все-таки мы должны сознаться, что возможность полного ниспровержения существующего порядка, при данных совершенно исключительных обстоятельствах, зависела от счастливой случайности. Как легко пистолет Кюхельбекера мог бы исполнить свое назначение, как легко мог бы Булатов оказаться менее чувствительным, и кто бы тогда из нас всех сумел найтись среди хаоса поистине туманных обстоятельств, кто бы мог немедленно принять надлежащие меры для защиты императорской фамилии от неизвестных убийц, от скрытой враждебной силы!

Началось бесконечное производство в генерал- и флигель-адъютанты, и при этом случае я воспользовался правом, которое предоставил мне император, свободно высказывать ему свое мнение. Дело в том, что генерал Бистром, его бывший командир, потому только не был произведен в генерал-адъютанты, что его адъютант оказался принадлежащим к числу заговорщиков. Я высказался, что это более чем несправедливо. Император хотел наградить его орденом Александра Невского.

— Нет, воскликнул я, — он этого не заслужил. Что вы давали другим произвольно, то ему о б я з а н ы дать.

На первом после того параде Николай обнял меня и сказал:

— Твои приказания исполнены.

Пытался я также склонить императора к упразднению военных поселений. Но он был того мнения, что это могут приписать какой-либо опасливости с его стороны и потому считал этот шаг несвоевременным.

Наконец, решился я доверить моей тетушке сокровеннейшие желания моего сердца и просил ее поддержать их как бы ее собственные. Здесь в первый раз я был в отношении к ней смел и неделикатен. Я сказал:

— Указывая на гроб Александра, Николай должен сказать заговорщикам: «Вот кого вы хотели умертвить! Я делаю то, что бы сделал он: я прощаю вас! Вы недостойны России! Вы не останетесь в ее пределах!».

Императрица хотела возражать, но я прервал ее и продолжал:

— Положив руку на сердце, сознаемся, что вполне невиноватого нет ни одного смертного, и русская империя небезупречна, в особенности в своей истории. Лучше миловать, чем карать, и при всяком восшествии на престол милость гораздо благоразумнее строгости.

Тетушка поняла меня и обещала употребить все возможное для достижения этой цели; но ее старания или мои ожидания оказались повидимому бесплодны. [15]

II.

ПИСЬМА

ИЗ ОФИЦИАЛЬНОЙ ПЕРЕПИСКИ ЧЛЕНОВ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ.

В настоящем отделе сборника даны шесть документов, относящихся до времени междуцарствия 1825 года. Документы эти все—прямо или косвенно—исходят от двух членов царской семьи — Константина и Николая Павловичей, и все они или были в свое время опубликованы во всеобщее сведение (оба письма Константина от 26 ноября), или предназначались к такому опубликованию, мысль о котором была оставлена без исполнения (воззвание Константина к «соотчичам» и письма Николая от 13 декабря и Константина от 20 декабря), или же, наконец, хотя и составлялись для узкого круга членов царской семьи, но по характеру своему должны быть отнесены к той же группе документов, дающих официальное или официозное истолкование событий междуцарствия с точки зрения того или другого из обоих кандидатов на престол (записка «От брата Николая к брату Константину»).

Письма Константина от 26 ноября 1825 г. к имп. Марии Федоровне и к Николаю Павловичу были опубликованы при манифесте Николая I от 12 декабря 1825 г., которым возвещал он о своем воцарении. Они были напечатаны и в книге Корфа «Восшествие на престол императора Николая I». (Изд. 3-е, стр. 37 — 42).

Следующим по времени документом является записка, содержащая обзор событий в Петербурге от 25 ноября по 3 декабря 1825 г. Как видно из напечатанных выше записей от 3 декабря в дневнике Николая Павловича и в «кратком дневнике» Александры Федоровны, эта записка («протокол» — le procès verbal, как называет его сам Николай) была составлена именно этого числа Опочининым, частью под диктовку самого Николая. С Опочининым же при письме от того же 3 декабря (см. ниже, стр. 143) записка эта была направлена в ночь на 4 декабря в Варшаву к Константину. Ниже текста записки, писанной почерком Опочинина, имеется собственноручная надпись Николая Павловича: «От брата Николая брату Константину»; эти слова взяты заглавием для записки в настоящей ее публикации. Записка эта хранится в «Особом Отделе Архива Октябрьской Революции» среди бумаг «Библиотеки Зимнего Дворца» при письмах Николая к Константину Павловичу (№ 1425). Она вложена в письмо от 27 ноября, написанное сейчас же после присяги [«C'est à mon empereur que je viens presenter le serment qui je lui dois»... См. ниже, стр. 137], но к этому письму она присоединена, очевидно, ошибочно. Дата «записки» устанавливается и ее содержанием и упомянутыми указаниями дневников. В «Московском Историческом Архиве» («Древлехранилище») в бумагах быв. «Госуд. Архива», в составе разряда III, за № 27/14 имеется копия этой записки, заверенная соб-

ственноручно Константином Павловичем в Варшаве 11 (29) декабря 1825 года. Записка была напечатана в I томе сочинения Н. К. Шильдера «Николай I», стр. 613, но невполне точно.

Далее хронологически следуют письмо, направленное Николаем I к Константину 13 декабря 1825 г. после принятия им престола, и ответное письмо Константина от 20 декабря того же года. Письмо Николая I было составлено Сперанским (см. Корф «Восшествие на престол императора Николая I», изд. 3-е, стр. 116). Оно хранится в «Московском Историческом Архиве» («Древлехранилище») среди бумаг III разряда быв. «Государственного Архива» за № 32 и в архивном заголовке обозначено как подлинное письмо Николая I к цесаревичу Константину от 13 декабря 1825 г. Но следует отметить, что в собственноручном обозначении места и времени подписания документа число «13» декабря переправлено из проставленного ранее «12». В том же фонде того же архива («Госархив III»), под № 36/4 имеется конверт с надписью: «Его императорскому высочеству государю цесаревичу и великому князю Константину Павловичу», — и ниже почерком Николая I: «ответное письмо на письмо е. и. в., которым меня признает и м п е р а т о р о м»; еще ниже (карандашом) — «из бумаг кн. Волконского». Внизу конверта помета: «№ 1450 — по вход. журналу. Получено от государя императора распечатанное 18 декабря 1825 г. с повелением его величества хранить в собственной его величества канцелярии». На обороте тем же почерком, каким сделана и только-что приведенная помета, обозначено: «19 декабря 1825 г. Записать сей пакет во входящий журнал и хранить его запечатанным на снурке моею печатью». При конверте хранится письмо Николая к Константину, написанное писарским почерком и с о б с т в е н н о р у ч н о им подписанное. Отличается этот экземпляр от «подлинного», во-первых, тем, что Николай в подписи именует себя не «верноподданным», как в «подлинном» письме, а «верноподданнейшим», и тем — во-вторых, — что датировано письмо—тоже почерком Николая—12-м декабря, а не 13-м. Тут же приложена и копия письма, с датой 12 декабря и недописанным словом «верно-поддано» — в подписи. Можно предположить, что изготовленное и подписанное 12 декабря Николаем письмо было задержано и 13 декабря заменено другим экземпляром, с несколько измененной подписью. Первый экземпляр остался в Петербурге и 18 декабря был передан Николаем I на хранение в «собственную канцелярию».

Подлинное ответное письмо Константина Павловича из Варшавы от 20 декабря 1825 г. хранится там же: «Древлехранилище», «Государственный Архив, разряд III, № 36». Оба письма были опубликованы в книге Корфа (стр. 116 и 213 третьего издания).

О происхождении последнего документа из этой группы Корф во второе (для членов царской семьи) издание своей книги внес следующий рассказ, не указывая, по обыкновению, источника, откуда он его заимствовал: «Прошли годы. При свиданиях государя императора Николая Павловича с цесаревичем Константином, когда речь касалась описанных нами событий, цесаревич всегда неохотно вступал о них в разговор. В 1829 году они ехали вместе из Замостца в Луцк.

— Надеюсь, — сказал государь в минуту откровенной беседы, что теперь, по крайней мере, ты отдаешь справедливость моим тогдашним поступкам и их побуждению и сознаешься, что в тех обстоятельствах, в которых я был поставлен, мне невозможно было поступить иначе.

Цесаревич опять старался прервать разговор и наконец сказал, что может-быть оставит после себя акт, в котором раскроются и его взгляд на это дело и причины его действий.» Далее Корф рассказывает, как после

смерти Константина в 1831 году Николай вместе с женою его напрасно искали этот документ в письменном столе Константина, перевезенном в Гатчину [1]), и как он найден был после смерти министра имп. двора Волконского в 1852 году в его бумагах (Корф. Названное сочинение. Изд. 3-е, стр. 202). Записка Константина Павловича, носящая заглавие «Любезнейшим своим соотчичам от е. и. выс. цесаревича в. кн. Константина Павловича торжественное объявление» со всеми приложениями в четырех каллиграфически переписанных экземплярах — один для Николая, другой для Марии Федоровны и два без указания, кому они назначаются — хранится в «Московском Историческом Архиве» («Древлехранилище») среди бумаг III разряда бывшего «Государственного Архива» под № 31. Экземпляры, предназначавшиеся для Николая I и для Марии Федоровны, на обложках, в которые они вложены, имеют, после наименования адресата, пометы: «В собственные руки». Письма подписаны Константином, а все остальные документы — скреплены им, и копии заверены собственноручно. В одном месте «объявления» имеется фраза: «Получив 25-го минувшего ноября, в 7-мь часов вечера»,... и т. д. Из обстоятельства, что ноябрь 1825 года именуется здесь просто м и н у в ш и м без более точного указания года, нельзя ли заключить, что документ был составлен в 1826 году, так как в случае составления его позднее такое обозначение ноября просто минувшим едва ли бы сошло с пера составителя записки?

Два официальных письма Константина Павловича от 26 ноября 1825 г.

1.

К о н с т а н т и н П а в л о в и ч — М а р и и Ф е д о р о в н е.

Всемилостивейшая государыня, вселюбезнейшая родительница!

С сокрушенным сердцем получив вчерашнего числа, в 7-мь часов вечера, поразившее меня глубочайшею горестию, от Начальника Главного Штаба его императорского величества, генерал-адъютанта барона Дибича, и генерал-адъютанта князя Волконского, уведомление и акт, при сем в оригиналах прилагаемые, о кончине обожаемого нами государя императора Александра Павловича, моего благодетеля, спешу разделить с вашим императорским величеством постигшую нас скорбь, прося всевышнего, дабы он всемогущею благодатию своею подкрепил силы наши к перенесению столь жестоко постигшего нас рока.

Степень, на которую меня возводит сие поразившее нас несчастие, поставляет меня в обязанность излить пред вашим императорским величеством, со всею откровенностию, истинные чувствования мои по сему важному предмету.

Не безызвестно вашему императорскому величеству, что, по собственному моему побуждению, просил я блаженной памяти государя императора Александра Павловича об устранении меня от прав наследия императорского престола, на что и удостоился получить от 2 февраля 1822 года

[1]) Некоторые подробности этих поисков внесены самим Николаем в первоначальный текст второго издания, представленный ему Корфом. См. бумаги быв. «Библиотеки Зимнего Дворца» в «Архиве Октябрьской Революции», № 1405/3.

собственноручный высочайший рескрипт, у сего в засвидетельствованной копии прилагаемый, в коем его императорское величество изъявил на то высочайшее свое соизволение, объявя, что и ваше императорское величество на то согласны, что самое и лично изволили мне подтвердить. Притом воля покойного государя императора была, дабы помянутый высочайший рескрипт хранился у меня втайне до кончины его величества.

Обыкши с младенчества исполнять свято волю как покойного родителя моего, так и скончавшегося государя императора, а равно вашего императорского величества, я, не выходя и ныне из пределов оной, почитаю обязанностию моею право мое на наследие, согласно установленному государственному акту о наследии императорской фамилии, уступить его императорскому высочеству великому князю Николаю Павловичу и наследникам его.

С теми же чувствами откровенности вменяю в долг изъявить, что я, не простирая ни до чего более моих желаний, единственно сочту себя счастливейшим, если удостоюсь продолжать выше тридцатилетнее мое служение блаженной памяти государям императорам, родителю и брату, ныне же его императорскому величеству Николаю Павловичу, с таким же глубочайшим благоговением, живейшим усердием и беспредельною преданностию, которые во всех случаях меня одушевляли и одушевлять будут до конца дней моих.

Изъяснив таким образом истинные и непоколебимые чувствования мои и повергая себя к стопам вашего императорского величества, всенижайше прошу, удостоив благосклонным вашим принятием сие письмо, оказать мне милость объявлением оного, где следует, для приведения в надлежащее исполнение, чем совершится в полной мере и силе соизволение его императорского величества покойного государя и благодетеля моего и вместе согласие на оное вашего императорского величества.

При сем осмеливаюсь также всенижайше представить вашему императорскому величеству копию с письма моего его императорскому величеству государю императору Николаю Павловичу, вместе с сим посланного.

Есмь с глубочайшим благоговением, всемилостивейшая государыня! вашего императорского величества

всенижайший и всепокорнейший сын
Константин цесаревич.

Варшава. 26-го ноября 1825 г.

2.

Константин Павлович — Николаю Павловичу.

Любезнейший брат!

С неизъяснимым сокрушением сердца получил я вчерашнего числа вечером, в 7-мь часов горестное уведомление о последовавшей кончине обожаемого государя императора Александра Павловича, моего благодетеля.

Спеша разделить с вами таковую постигшую нас тягчайшую скорбь, я поставляю долгом вас уведомить, что вместе с сим отправил я письмо к ее императорскому величеству, вселюбезнейшей родительнице нашей, с изъявлением непоколебимой моей воли в том, что по силе высочайшего

собственноручного рескрипта покойного государя императора от 2 февраля 1822 года, ко мне последовавшего, на письмо мое к его императорскому величеству об устранении меня от наследия императорского престола, которое было предъявлено родительнице нашей, удостоилось как согласия, так и личного ее величества мне о том подтверждения, уступаю вам право мое на наследие императорского всероссийского престола и прошу любезнейшую родительницу нашу о всем том объявить, где следует, для приведения сей непоколебимой моей воли в надлежащее исполнение.

Изложив сие, непременною за тем обязанностию поставляю всеподданнейше просить вашего императорского величества удостоить принять от меня первого верноподданническую мою присягу и, дозволив мне изъяснить, что, не простирая никакого желания к новым званиям и титулам, ограничиться тем титулом цесаревича, коим удостоен я за службу покойным нашим родителем.

Единственным себе счастием навсегда поставляю, ежели ваше императорское величество удостоите принять чувства глубочайшего моего благоговения и беспредельной преданности, в удостоверение коих представляю залогом свыше 30-тилетнюю мою верную службу и живейшее усердие блаженной памяти государям императорам родителю и брату оказанные, с коими до последних дней моих не престану продолжать вашему императорскому величеству и потомству вашему мое служение при настоящей моей обязанности и месте.

Есмь с глубочайшим благоговением, всемилостивейший государь! вашего императорского величества

вернейший подданный
Константин цесаревич.

Варшава. 26-го ноября 1825 г.

От брата Николая к брату Константину.

1825-го года ноября 25-го дня прибыло в 4-ре часа пополудни с эстафетою от генерала Дибича известие о усилившейся болезни государя императора до такой степени, что вынуждены были предложить его величеству приобщиться святых таин, что в то же время и приведено в действие, и что жизнь государя коли не безнадежна, то по крайней мере находится в большой опасности (собственные слова генерала Дибича).

Таковое печальное сведение было прислано к графу Милорадовичу, к князю Лопухину, к г. Вилламову и к дежурному генералу Потапову.

Граф Милорадович немедленно донес о сем его императорскому высочеству государю великому князю Николаю Павловичу и по совещании с ним, каким бы лучше образом объявить о сем государыне императрице, поехал за г-ном Вилламовым, дабы привесть его к великому князю; но в отсутствие их императрица изволила прислать за его высочеством. Тогда Николай Павлович, будучи поражен всеми сими событиями, тотчас обратился во дворце к доктору Рюлю, дабы при присутствии и помощи его объявить о сем государыне, но, не застав его в его комнатах, пошел на половину матушки, где и нашел как его, г-на Рюля, так и г-на Вилламова — императрица была уже чрез них о всем известна. Ее высочество государыня великая княгиня Александра Федоровна прибыла также во дворец.

Подав нужное пособие ее величеству, его императорское высочество, граф Милорадович и генерал Воинов приступили к совещанию, какие бы нужно принять меры, если бы, чего боже сохрани, получено было известие о кончине возлюбленного монарха. Тогда его императорское высочество предложил свое мнение, дабы в одно время при объявлении о сей неизреченной потере провозгласить и восшедшего на престол императора, и что он первый присягнет старшему своему братцу, как законному наследнику престола.

Всю сию ночь его высочество провел в передней комнате у императрицы, — государыня целую ночь не изволила раздеваться и почивала очень дурно.

26-е число посредством фельдъегеря доставлены из Таганрога сведения, во время как находились в церкви, о положении государя, подающие некоторые малые надежды, по получении коих приказано во всех церквах производить молебствие за здравие обожаемого монарха (государыня Елизавета Алексеевна сама изволила о сем писать).

27-е число, по окончании божественной литургии, когда уже начинался молебен за здравие, его высочество был вызван графом Милорадовичем из ризничей, и ему было объявлено, что все свершилось. Его императорскому высочеству сделалось дурно, но пришед в себя, он возвратился в ризничью с доктором Рюлем. Государыня стояла на коленях, и, быв уже продолжительным отсутствием великого князя приготовлена и из лица его угадав жребий свой, ей стало делаться дурно; священник между тем подал ей крест, и она, поцеловав его, лишилась чувств.

Его императорское высочество, обратясь к своей супруге, сказал ей:

— Soignez notre mère et moi je vais faire mon devoir [1]).

С сим вместе вошел в церковь, и, прекратя молебен, приказал принесть налой, произнес в подданстве присягу возлюбленному братцу своему и императору Константину и утвердил оную своею подписью, а за ним подписались и другие, тут случившиеся, как-то: военный министр Татищев, граф Милорадович, генерал-адъютант граф Кутузов, дежурный генерал Потапов и прочие все, тут находящиеся.

После сего предстал он пред внутренним Преображенского полка караулом (роты его величества гренадерского взвода) и объявил им о кончине государя и провозгласил императора Константина. Гренадеры со слезами приняли объявление и мгновенно присягнули.

Потом его императорское высочество поручил дежурному генералу Потапову, ибо коменданта Башуцкого тут не случилось, о объявлении, так и о приведении к присяге главного и прочих караулов с их постами, что безотложно все приведено в исполнение и везде с тою же горестию и усердием, а генерал Нейдгарт был послан в Невский монастырь, где находился весь гвардейский генералитет, с предложением генералу Воинову исполнить то же во всех гвардейских полках.

Наконец послано повеление о подобном же объявлении и приведении к присяге всех полков и команд, здесь и в окрестностях города находящихся.

В течение сего времени Государственный Совет, собравшись, открыл свое заседание предложением приступить к распечатанию конверта, в котором заключалась воля покойного императора. Тут возникли некоторые прения, и наконец положено пакет распечатать, дабы принять последнюю волю царя благословенного.

---

[1]) Позаботься о матушке, а я иду исполнить мой долг.

В акте сем начертано было отречение от престола государя цесаревича и наречение наследником государя великого князя Николая Павловича.

Некоторые прения паки по сему случаю возникли, но прекратились мнением некоторых, чтоб пригласить его высочество в присутствие Совета, на что граф Милорадович отозвался, что его высочество уже присягнул и во всяком случае почитает неприличным ни его высочество призывать, ни его высочеству приходить в Совет, но вызвался довесть все сие до сведения его и просить допустить Совет к себе для доклада обо всем происходившем, что и исполнено, а великий князь отозвался, что он не может воспретить их прибытию.

Когда предстал Совет пред великим князем, он сообщил им, что содержание сего акта ему давно известно, и именно с 13 июля 1819-го года, но что ни в каком случае он не дерзнет занять место старшего брата, от высочайшей воли коего зависит его участь, и что, поставив себе в священную обязанность всеподданнейше ему повиноваться, он дал в том присягу, и затем остается в полном уверении, что и он для блага государства последует его примеру.

Совет последовал его высочеству в церковь и по просьбе их при нем дал присягу, а потом им же представлен в присутствие императрицы, которая изволила объявить, что акт и содержание оного ей известен и сделан с ее родительской воли, но что и она, увлекаясь подвигом сына и утверждая все его действия, просит Совет общими силами сохранить спокойствие царства.

По принятым мерам к 3-м часам пополудни как войско, так все чины и граждане восшествие на престол императора Константина присягою утвердили, в течение которого времени везде сохранились тишина и порядок, что и поныне исполняется.

Акт, хранящийся в Сенате, министром юстиции всеподданнейше представлен государю императору с донесением, что Сенат учинил присягу, и указы разосланы повсеместно для подобного же действия.

Его высочество, увидя в церкви пред молебном о здравии государя императора Константина Павловича митрополита, сообщил ему о событиях, в Совете происшедших, и согласил его пакет, хранящийся в Синоде, не распечатывать до получения об оном высочайшего повеления.

В то же время весь Главный Штаб его императорского величества присягнул в церкви Главного Штаба, и вслед затем посланы курьеры ко всем главнокомандующим и начальникам отдельных корпусов с предписанием приступить немедленно к той же священной обязанности, а от графа Милорадовича, по условию с великим князем, отправлен адъютант с уведомлением московского военного генерал-губернатора князя Голицына о событиях в столице и приглашением немедленно исполнить то же и в Москве. О том же самом послано к генерал-адъютанту Закревскому для приведения того же в исполнение по Великому Княжеству Финляндскому.

В то же время отправлен к его величеству адъютант Николая Павловича Лазарев с письмом.

С тех пор по 2-е число декабря столица в совершенной обычной тишине и строгом порядке, служба как по гарнизону, так и по всем прочим военным и гражданским частям сохранила обычный свой ход во время отсутствия государя, что принято соблюдать до получения высочайших повелений.

Донесения о исполнении присяги поступили сначала от корпуса военных поселений, с приложением приказа 30 числа ноября о вступлении паки в должность графа Аракчеева и генерал-майора Клейнмихеля. Вчера по утру 2-го числа декабря получено донесение от генерал-адъютанта

Закревского, что как русские, так и финляндские войска в Гельсингфорсе, а равно Сенат и прочие места приведены к присяге, и даже не упоминая о конституции, но по форме, в России введенной. Наконец, сего 3-го числа в 5 часов утра адъютант князя Голицына Новосильцев привез известие, что в Москве все приведено к присяге в совершенном порядке и тишине. Пакет же, хранящийся в Успенском соборе, остался неприкосновенным впредь до высочайшего разрешения.

Кабинет его императорского величества в Зимнем дворце тотчас по получении известия 27-го числа поручено опечатать графу Милорадовичу, что и исполнено. А как камердинер покойного государя донес, что находятся бумаги и в кабинете Царского Села, то для опечатания оного со стороны графа Милорадовича послан чиновник, а его высочество возложил сие поручение на генерал-майора Стрекалова, в присутствии самого камердинера Воробьева.

Письмо Николая I после вступления на престол к Константину Павловичу и ответ Константина.

1.

Николай Павлович — Константину Павловичу.

Любезнейший брат!

С сердечным сокрушением, в полной мере разделяя с вашим высочеством тяжкую скорбь, совокупно нас постигшую, я искал утешения в той мысли, что в вас как старшем брате, коего от юности моей привык я чтить и любить душевно, найду отца и государя.

Ваше высочество письмом вашим от 26-го ноября лишили меня сего утешения. Вы запретили мне следовать движениям моего сердца, и присягу, не по долгу только, но и по внутреннему чувству мною вам принесенную, принять не благоволили.

Но ваше высочество не воспретите, ничем не остановите чувства преданности и той внутренней, душевной присяги, которую, вам дав, возвратить я не могу, и которой отвергнуть, по любви вашей ко мне, вы не будете в силах.

Желания вашего высочества исполнены. Я вступил на ту степень, которую вы мне указали и коей, быв законом к тому предназначены, вы занять не восхотели. Воля ваша совершилась.

Но позвольте мне быть уверенным, что тот, кто, против чаяния и желания моего, поставил меня на сем пути многотрудном, будет на нем вождем моим и наставником. От сей обязанности вы, пред богом, не можете отказаться; не можете отречься от той власти, которая вам, как старшему брату, вверена самим провидением и коей повиноваться, в сердечном моем подданстве, всегда будет для меня величайшим в жизни счастием.

Сими чувствами заключаю письмо мое, молю всевышнего, да в благости своей хранит дни ваши, для меня драгоценные.

Вашего императорского высочества

искренно душевно верноподданный Николай.

С.-Петербург. 13 декабря 1825 г.

2.

Константин Павлович — Николаю Павловичу.

Всемилостивейший государь!

С сердечным умилением имел я счастие получить всемилостивейший рескрипт вашего императорского величества, возвещающий радостное вступление ваше на прародительский престол любезнейшей России.

Ее верховным законом — законом священным для всех земель, где твердость бытия уважается благим даром небес — есть воля милостию божиею царствующего государя. Ваше императорское величество, последовав сей воле, исполнили волю царя царей, коего направлением и вдохновением действуют по столь важным предметам цари земные.

Совершилась воля священная. Поспешествуя в том, я исполнил только долг мой — долг вернейшего подданного, преданнейшего брата, долг россиянина, гордящегося счастием повиноваться богу и государю.

Милосердие всемогущего творца, столь пекущегося о России и величественном престоле ее, столь обильно излиявшее все благости на народ, сохранивший закон его, будет вождем, будет наставником вашим, всемилостивейший государь.

Ежели мои посильные труды, положенные у подножия престола, возмогут облегчить бремя, богом на вас возложенное, оные явятся в моей беспредельной преданности, в моей верности, в моем повиновении и рвении в исполнении высочайшей воли вашего императорского величества.

Молю всевышнего, да святый и невидимый промысел его сохранит драгоценное здравие ваше, усугубит долгоденствие, и слава ваша, всемилостивейший государь, слава царева, да не престанет преходить в роды родов.

Всемилостивейший государь!

Вашего императорского величества —

вернейший подданный Константин.

Варшава, 20 декабря 1825 года.

Объявление Константина Павловича соотчичам.

1.

Письмо Константина Павловича — Николаю Павловичу.

Всемилостивейший государь!

Кончина блаженныя и вечнодостойныя памяти обожаемого государя императора Александра Павловича была сопровождаема такими важными для Российского Государства обстоятельствами, которые, не будучи выставлены в настоящем их виде, без сомнения произведут повсюду различные слухи и несвойственные толки.

Желая (сколько то с моей стороны позволяет возможность) содействовать к отклонению оных и к убеждению всех и каждого в той чистой истине, какой в особенности требует важность предмета в сем случае, я счел священным долгом изложить все сии обстоятельства в том настоящем виде, к которому обязывает чистая совесть всякого человека, приносящего отчет в действиях всевидящему богу.

Сделанное мною на сей конец любезнейшим соотчичам моим торжественное объявление всеподданнейше представляю на высочайшее вашего императорского величества благоусмотрение.

Ежели оное удостоено будет одобрения вашего, всемилостивейший государь, в таком случае осмеливаюсь просить о высочайшем повелении издать оное во всенародное известие; ежели, напротив того, прозорливость вашего императорского величества усмотрит непредвидимые мною к тому преграды, удостойте, ваше императорское величество, принять сие объявление собственно для себя, яко жертву, приносимую от истинных душевных чувств вернейшего подданного своему государю и долга соотчичам своим.

При чем долгом поставляю донести вашему императорскому величеству, что копию с оного объявления представил я вместе с сим ее императорскому величеству государыне императрице Марии Федоровне.

Всемилостивейший государь!

Вашего императорского величества —

вернейший подданный Константин.

2.

Письмо Константина Павловича — Марии Федоровне.

Всемилостивейшая государыня

вселюбезнейшая родительница!

Обстоятельства, происшедшие по кончине обожаемого государя императора Александра Павловича, лично ко мне относящиеся, не всем известны в настоящем виде, важности дела соответствующем, без которого, конечно, возродятся ложные слухи, а может-быть и неприличные толки. Желая предупредить оные (поколику то от меня зависеть может), я счел священным долгом, в прилагаемом у сего, в копии, торжественном объявлении моем к любезным соотчичам моим, изложить, во всей подробности и во всей сущей справедливости, все то, в чем по чистой совести и всемогущему богу отчет принести я готов. Сие объявление всеподданнейше представил его императорскому величеству, государю императору Николаю Павловичу, испрашивая высочайшего соизволения на обнародование оного.

Всенижайше испрашиваю всемилостивейшего вашего императорского величества соизволения на принятие от меня в копии сего объявления, яко жертвы, от истинных сердечных чувств благодарнейшего и признательнейшего сына наинежнейшей и наимилостивейшей родительнице приносимой.

Всемилостивейшая государыня,

вашего императорского величества

всенижайший и всепокорнейший сын Константин.

3.

Любезнейшим своим соотчичам

от его императорского высочества, цесаревича, великого князя Константина Павловича

торжественное объявление.

По прошествии двадцати лет блаженного царствования вечнодостойной памяти обожаемого государя императора Александра Павловича, когда мало уже было надежды, чтобы после кончины его величества осталось прямое его поколение для наследования престола, я, соревнуя о благоденствии и спокойствии России, счел долгом моим обратить высочайшее внимание государя императора на драгоценнейший предмет для государства, на прочное определение и установление наследства императорского престола.

В несчастном случае кончины его величества при моей жизни, наследство престола, по естественному праву первородства и по закону о российской императорской фамилии, переходило бы на мое лицо, если б наследник назначен не был. Для того я счел необходимым обратить высочайшее внимание на предмет толико важный для государства, что в присяге, при манифесте о восшествии на престол государя императора Александра Павловича изданной, именно выражено было: «и наследнику, который назначен будет», и дабы таковым заблаговременным назначением наследника престола отвратить и самомалейшее сомнение, могущее подать заключение насчет какой-либо со стороны моей личности.

Соображая могущее быть такое неожидаемое и нежелаемое (волею всевышнего теперь сбывшееся) происшествие, я, по соприкосновенности прав моих на наследование, предупреждая и сберегая всему свету известную благость сердца обожаемого государя императора, равную величию его души, и превыспренность священной правоты его, соразмеряемой чувствами сердечной привязанности к благу России, я сам, положив у себя твердое решение, предпринял предложить в бозе почивающему государю императору Александру Павловичу мысли мои о столь важном предмете и, по неоцененной для меня доверенности его императорского величества, осмелясь в 1822-м году всеподданнейше испросить высочайшее соизволение на изложение своих мыслей, предложил и собственное мое свободное намерение, чтобы, на случай беспотомственной кончины его величества, так как, по манифесту 20-го марта 1820-го года, объемлющему дополнительное к прежним постановлениям об императорской фамилии правило, должно и меня считать беспотомственным для престола, обратить заблаговременно право наследования в род великого князя Николая Павловича, которому после обоих нас предлежит сохранить потомством своим прародительскую беспрерывную цепь царствования.

Постановляя в душе моей учинить сии предложения, я не упускал из виду, что в первородстве моем заключаются не только права мои, но и естественные обязанности не уклоняться от бремени, назначенного волею божиею роду, определенному управлять великим народом российским. Я рассуждал в совести моей, что, отказавшись от прав моих, исполню обязанность россиянина, споспешествуя, для спокойствия России, упрочить твердый переход наследования престола, переводя оное заблаговременно на младшего брата моего, коего потомство зрит уже Россия и коего первородный сын, родившийся в первопрестольном граде Москве в Кремле, есть

уже залогом будущего ее спокойствия. Я рассуждал также, что если б у меня были дети, которые, по коренному закону России, изданному в царствование покойного государя императора родителя моего, имели бы право наследования престола, то может-быть соотчичи мои имели бы право жаловаться на меня в том, что я отказался от права, служащего не мне одному лично, но и поколению моему, самою природою для царствования назначенному. Но находясь в совершенно противном тому положении, мое отречение от права наследования престола было отступлением от прав, лично только мне принадлежавших, — было собственным пожертвованием и долгом моим для блага и спокойствия России, по тому уважению, что главным основанием монархических держав есть постоянный, продолжительный и обеспеченный переход престола, по прямому, естественному, самою природою приуготовленному наследству.

Сими-то чувствами движимый, испросив предварительно высочайшее соизволение, учинил я оное предложение его императорскому величеству об отречении моем от права наследования престола и о заблаговременном переводе оного на лицо любезнейшего младшего брата моего.

Государь император, с умилением выслушав предложения мои, в борьбе возвышеннейших чувств своих, по известной его любви к России и по уважению одних лет века нашего, из чего предполагалось, что кончина обоих нас может быть почти одновременная, удостоил благосклонным одобрением таковое мое желание и намерение, и, по просьбе моей, соизволив на представление оного предложения письменно, благоволил прежде повелеть представить приуготовленное о сем письмо и оное собственноручно исправил.

Засим я исполнил твердое мое постановление и подал его императорскому величеству оное письмо об отречении моем от права наследования престола.

Обожаемый государь император благоволил довести письмо сие и все решение мое до сведения вселюбезнейшей родительницы нашей, государыни императрицы Марии Федоровны, а потом изволил объявить мне, что ее императорское величество, так же, как и государь император, с милостивейшим благоволением приняла сие искреннейшее и посильное для блага величественной России предложение; о чем имел я счастие удостоиться и личного вселюбезнейшей родительницы государыни императрицы мне подтверждения, в присутствии ее императорского высочества великой княгини Марии Павловны. Но, по возвышенности чувств души своей и по неусыпным попечениям о благе России, государь император хотя удостоил меня собственноручным высочайшим императорским рескриптом от 2-го февраля 1822-го года, изъявляющим одобрение и принятие моего намерения и решения, но еще долго оставлял важность сего предмета без окончательного совершения оного государственными актами, спустя уже 18-ть месяцев и 12-ть дней присланными в Государственный Совет и в Правительствующий Сенат от 16-го августа 1823-го года.

Сим совершилось неизъяснимое счастье мое в принесении на престол богом осеняемой России посильного пожертвования моего.

Государь император, в личных потом изъяснениях, благоволив подтверждать неоднократно признательность свою за решение мое, изъявлял мне (как бы предусматривая волю всевышнего) в сем одном только случае и однажды в жизни моей с печалью и горестью мною выслушиваемые распоряжения свои на случай кончины его величества, чтобы я в таком происшествии исполнил тот же час присягу назначенному наследником престола любезнейшему брату Николаю Павловичу и чтобы с тем вместе представил вселюбезнейшей родительнице, государыне императрице Марии

Федоровне, вышеупомянутый высочайший рескрипт, утверждающий отречение мое и долженствующий быть хранимым у меня втайне до кончины государя императора.

Такова была высочайшая воля обожаемого всеми государя императора о назначении, по добровольному отречению моему, наследником младшего брата великого князя Николая Павловича. Она есть священным законом, долженствующим остаться неприкосновенным и по кончине его императорского величества не могущим уже, яко по предмету назначения наследника императорского престола, подвергаться никакой перемене.

Вся Россия, исполняя присягу в верности подданства *его императорскому величеству, истинному и природному всемилостивейшему великому государю императору Александру Павловичу, самодержцу всероссийскому*, клялась, с тем вместе, в одной же присяге, *и его императорского величества всероссийского престола наследнику, который назначен будет*. Вся Россия должна остаться в непреложном сохранении той клятвы и повторить ее государю императору Николаю Павловичу, который *истинным и природным великим государем России давно уже назначен наследником престола*.

Я присягал по сей форме так же, как и все россияне, и, как первый сын России, первый должен был сохранить сию присягу в пример моим соотчичам; — исполнил я сим волю блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора, исполнил священнейший долг преданнейшего брата, вернейшего подданного и усерднейшего россиянина. Всемогущий бог свидетель непорочности моей совести, и действия ее предаю на суд его и на суд вселенной.

Получив 25-го минувшего ноября, в 7-мь часов вечера, о кончине обожаемого государя, последовавшей в Таганроге 19-го того же ноября, горестное и печальнейшее отношение от Начальника Главного Штаба его императорского величества генерал-адъютанта барона Дибича и от генерал-адъютанта генерала от инфантерии князя Волконского, я, не знав ни о каких дальнейших покойного государя императора распоряжениях, кроме того, что мне было повелено хранить втайне, без малейшего замедления, сколько превозмогли силы, ударом сим пораженные, и сколько естественная возможность дозволила изготовить надлежащие бумаги, и именно 26-го ноября, изъявил, в отправленных с его императорским высочеством великим князем Михаилом Павловичем письмах моих к ее императорскому величеству государыне императрице Марии Федоровне и к его императорскому величеству Николаю Павловичу, подтверждение прежней решимости моей и твердого пребывания в свободном и непреложном отречении от наследования престола; и вследствие сего, внемля священному долгу и глубочайшему благоговению моему к высочайшей воле блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора, самим изустно мне объявленной, учинил я первый присягу на верность и подданство в письме моем к его императорскому величеству Николаю Павловичу.

Засим я ожидал дальнейших повелений от вступившего на престол государя императора, на том же месте, где волею покойного государя императора, по долгу звания моего, находился, и по сей же самой причине непременною поставлял обязанностию исполнить то, что на случай кончины его императорского величества учинить мне повелено, дабы еще тем самым продлить в важнейшие минуты действия окончившегося царствования, сколько было для меня возможно по пораженным печалью чувствам моим, которые все прочие, высочайше вверенные подчиненности моей, при сем горестном случае разделяя со мною, оставались спокойными во ожидании

о восшествии на престол манифеста о учинении надлежащей присяги новому законному императору России. Но с каким же изумлением получил я вместо того извещение от председательствующего в Государственном Совете, действительного тайного советника 1-го класса князя Лопухина, что Государственный Совет исполнил присягу для моего лица, и сколь изумление сие было для меня разительно, печально, когда я усмотрел из присланной мне при вышеупомянутом извещении светлейшего князя Лопухина копии с журнала Государственного Совета, что высочайшая воля блаженныя и вечнодостойныя памяти обожаемого всеми государя императора была Государственному Совету в минуту получения печального сведения о кончине его величества уже известна; — что в архиве Государственной Канцелярии (о чем мне самому, как то я выше упомянул, вовсе не было известно) хранился за замком и печатью председателя пакет, присланный от покойного государя императора 16-го августа 1823-го года, собственноручно его величеством подписанный, на имя статс-секретаря Оленина; — что в сем пакете был пакет на имя председателя Государственного Совета князя Лопухина, а в сем последнем запечатанный пакет с следующею собственноручною его величества надписью: «Хранить в Государственном Совете, до востребования моего, а в случае моей кончины, прежде всякого другого действия, раскрыть в чрезвычайном собрании Совета»; — что бумаги, подобные тем, которые хранились в Государственном Совете, имеются также и в Правительствующем Сенате; и что наконец Государственный Совет, раскрыв оный пакет, выслушал только с умиленными сердцами последнюю волю блаженной и вечнодостойной памяти государя императора Александра Павловича, ознаменованную в копии с высочайшего манифеста, скрепленной собственноручно покойным государем императором, в коем его величество определяет *быть наследником престола великому князю Николаю Павловичу*, по свободному моему отречению от оного, как то ознаменовано в копии с письма моего на имя покойного государя императора, которая также скреплена рукою его величества и приложена в копии с высочайшего манифеста, — Государственный Совет, говорю, выслушал только сию священнейшую и торжественнейшую волю государя императора, но не последовал ей и, увлеченный изъявлениями для меня чувств братней нежности его императорского величества Николая Павловича, приступил тотчас к исполнению для меня на верность и подданство той присяги, которая принадлежит токмо *наследнику императорского престола, установленному столь явною и торжественною волею истинного и природного государя императора*.

Достопочтенны, поистине, изъявленные законным наследником престола, его императорским величеством Николаем Павловичем, возвышенные чувства уважительности для старшего брата. Правильное к сим чувствам всякий подданный должен иметь уважение; но превыше всего суть права и обязанности законною властью постановленного наследия престола. Сам бог назначает одни роды, долженствующие начальствовать над прочими родами человеческими. Он, в естественном порядке, или в верховной воле венценосцев, являет свою святую волю, которой человек смертный да не преступит безгрешно; и моя душевная горесть тем обильнее преисполняет меня неизъяснимою печалью, что в сем действии Государственного Совета усматриваю предполагаемую во мне готовность не только принять, но еще, может-быть, и потребовать обратно право наследования престола, от которого отказался я свободно, добровольно, из одной любви к России, для ее блага и спокойствия, которое принято верховною законною властью и которое, наконец, передано, по законному порядку, достойному

брату, который одарен, по милости всевышнего, не токмо всеми изящными качествами души, утверждающими залог благоденствия России, но и благословен драгоценным для России потомством.

Сказав сие для облегчения сокрушенного сердца, для облегчения опечаленной души, я, в совести только моей спокойный, уповаю пользоваться всегда доверием августейшего брата, государя императора Николая Павловича, надеюсь от соотчичей моих сохранения для меня признательной любви, так как вся более тридцатилетняя служба государям императорам: родителю и брату, ознаменованная неограниченною их императорских величеств доверенностию, словом, все усилия и вся жизнь моя были чисты и непорочны. Я отказался от прав моих, не нарушив своих обязанностей. Величие российского престола, основанное на благоденствии государства, будет, по гроб мой, единственною целью сил души и тела моего.

Приложенные у сего копии: а) с письма моего ее императорскому величеству государыне императрице Марии Федоровне от 26-го ноября 1825-го года, при котором приложен, в копии же, высочайший его императорского величества покойного государя императора рескрипт на мое имя от 2-го февраля 1822-го года; б) с письма моего его императорскому величеству государю императору Николаю Павловичу от 26-го ноября 1825-го года; в) с копии журнала Государственного Совета 27-го ноября 1825-го года, представленного при записке председателя Совета, действительного тайного советника I-го класса князя Лопухина; г) с ответа моего на сей журнал от 3-го декабря 1825-го года, посланного на имя его же, князя Лопухина,—будут свидетельством того, что мною здесь изложено.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ НИКОЛАЯ I И КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА.

(26 ноября — 16 декабря 1825 года.)

Переписка Николая I и Константина Павловича за 1825 — 1827 гг., выдержки из которой печатаются здесь, хранится в «Особом Отделе Архива Октябрьской Революции» (Москва), в собрании документов быв. «Библиотеки Зимнего Дворца» — письма Николая под № 1425, письма Константина — под № 1413. Лишь четыре из них хранятся в «Московском Историческом Архиве» («Древлехранилище»), в составе III разряда быв. «Государственного Архива» (дела №№ 27 и 36). Все эти письма написаны по-французски. Почти все они были в свое время опубликованы в печати, большею частью в 131 томе «Сборника Русского Исторического Общества» (под наблюдением Д. Ф. Кобеко. СПБ. 1910 г.) или же в книгах М. А. Корфа и Н. К. Шильдера.

Сообразно плана настоящего сборника, здесь дан подбор тех из писем Николая I и Константина, или тех отрывков из них, которые имеют отношение к событиям междуцарствия, к восстанию декабристов, следствию и суду над ними и к их казни. Письма печатаются в русском переводе. По соображениям, изложенным выше в предисловии, публикуемые письма разбиты на три группы: первая обнимает события междуцарствия и 14 декабря, вторая — время следствия и суда над декабристами, в третью включено несколько писем конца 1826 г. и начала 1827 г., содержащих ретроспективные общие оценки обоими корреспондентами событий пережитого года и поведения в течение его каждого из них. В подстрочных примечаниях указано, какие письма хранятся не в собрании «Зимнего Дворца», а в бумагах «Государственного Архива», и отмечены те случаи, когда соответствующее письмо было опубликовано не в «Сборнике Русского Исторического Общества», с указанием, где именно оно было напечатано. Таким образом, письма, не сопровождаемые особыми примечаниями, хранятся в собрании «Библиотеки Зимнего Дворца» в «Архиве Октябрьской Революции» и напечатаны были в 131 т. «Сборника Русского Исторического Общества».

Даты писем в подлинниках проставлены иногда перед текстом, иногда после него. В видах единообразия, а также в виду того, что конечные строки писем, после которых непосредственно шла подпись и дата, часто в настоящем сборнике опущены, даты всюду проставлены перед текстом писем, как это сделано было и при издании их в «Сборнике Русского Исторического Общества». В некоторых письмах сохранены витиеватые обраще-

ния братьев друг к другу и такие же заключения в конце писем; быть может они покажутся несколько монотонными, но они характерны для взаимных отношений обоих корреспондентов и рисуют каждого из них в эти трудные для них месяцы.

1.

Константин Павлович — Николаю Павловичу [1]).

Варшава. 26 ноября (8 дек.) 1825 г.

Дорогой Николай! Вы по себе поймете то глубокое горе, которое я должен испытывать вследствие тяжелой потери, которую только-что понесли мы все и особенно я, лишившись благодетеля, обожаемого государя, любимого брата и друга со дней самого нежного детства. Вы слишком хорошо знаете, что для меня было счастьем служить ему и исполнять его державную волю в делах значительных и в самых мелких. И хотя его уже нет, его намерения и воля, как были, так и будут для меня всегда священны, и я буду им повиноваться до конца моих дней.

Перехожу к делу и сообщаю вам, что, согласно повеления нашего покойного государя, я послал матушке письмо с изложением моей непреложной воли, заранее одобренной как покойным императором, так и матушкой. Я не сомневаюсь, что при вашей сердечной и душевной преданности покойному императору, вы точно исполните его волю, и я призываю вас, дорогой брат, во всей точности сообразоваться с тем, что сделано было с его согласия; я не сомневаюсь, что вы это сделаете и почтите память брата, который вас любил и которому наша страна обязана своей славой и той высокой степенью, на которую он ее возвел. А ко мне, дорогой брат, сохраните вашу дружбу и ваше доверие и ни на минуту не сомневайтесь в моей верности и в моей преданности. Мое официальное письмо скажет вам остальное. Брат Михаил везет вам это письмо и познакомит вас со всеми подробностями, какие вы пожелали бы иметь. Моя жена шлет вам привет; вы же передайте мой привет вашей супруге, поцелуйте за меня ваших детей; не забывайте меня, дорогой брат, и будьте уверены в усердии и преданности вернейшего из братьев и друзей.

Константин.

2.

Николай Павлович — Константину Павловичу [2]).

С.-Петербург. 27 ноября 1825 г.

Дорогой Константин! Предстаю пред моим государем, с присягою, которою я ему обязан и которую я уже принес ему, так же как и все меня

---

[1]) Письмо хранится в бумагах «Государственного Архива» («Древлехранилище» в Москве) — разряд III, № 27/3. Вложено в обложку (конверт) с адресной надписью почерком Константина Павловича: «Любезнейшему брату моему Николаю Павловичу»; конверт был запечатан черною сургучною печатью Константина Павловича с надписью на ней «За службу и храбрость». Письмо было напечатано в 131 т. «Сборника Рус. Ист. О-ва» и у Н. К. Шильдера в приложениях к I тому книги «Николай I» (№ 31); в переводе — у М. Н. Корфа. (Изд. 3-е, стр. 43—44).

[2]) Письмо, написанное тотчас же после присяги и отправленное с адъютантом Лазаревым; напечатано у Н. К. Шильдера: «Николай I», т. I, стр. 196 и у Корфа. Изд. 3-е, стр. 61.

окружающие, в церкви в тот самый момент, когда обрушилось на нас самое ужасное из всех несчастий. Как сострадну я вам! Как несчастны мы все! Бога ради, не покидайте нас и не оставляйте нас одних!

Ваш брат, ваш верный на жизнь и на смерть подданный

Николай.

3.

Николай Павлович — Константину Павловичу.

[С.-Петербург. 2 декабря 1825 г.][1])

Дорогой Константин!

Считаю своим долгом сообщить вам о здоровьи матушки. Слава богу, она не испытывает никаких физических недомоганий, а столь жестоко потрясенная душа ее находит себе поддержку в истинно христианском смирении; она нас всех изумляет; она вся поглощена своей скорбью и с нетерпением ожидает сообщений от вас и от Михаила.

Беспокойство наше об императрице все более и более усиливается; сведения, полученные сегодня, ужасны; они дают предвидеть ужасное и почти неизбежное будущее.

Мы все ожидаем вас с крайним нетерпением; совершенная неосведомленность, в которой мы находимся, о том, что вы делаете и где находитесь, чрезвычайно тягостна. Присутствие ваше здесь необходимо, хотя бы ради матушки!

С божьей помощью нам удается пока сохранять во всем порядок; все поглощены скорбью; все думают лишь об этом и о выполнении предписываемого присягой долга. Порядок полный.

Мы получили сообщения из Финляндии; они вполне удовлетворительны. Но приезжайте, приезжайте, как можно скорей, умоляю вас.

Жена моя вас обнимает; я — у ног моей невестки; скажите ей, что я полагаюсь на нее; мы все надеемся, что она поможет вам перенести постигший нас удар, как то подобает христианину. Да сохранит вас господь и да поможет он вам!

Ваш преданный и верный брат и
ваш верноподданный

Николай.

4.

Константин Павлович — Николаю Павловичу[2])

Варшава 2(14) декабря 1825 г.

Ваш адъютант, любезный Николай, по прибытии сюда, вручил мне в точности ваше письмо. — Я прочел его с живейшей горестью и печалью.

---

[1]) Письмо без даты, но справка в дневнике Николая Павловича позволяет установить, что оно написано 2 декабря: в этот день были получены от П. М. Волконского сведения об Елизавете Алексеевне, в этот день пришло известие о присяге в Финляндии и в этот день Николай писал Константину. Письмо хранится в бумагах быв. «Библ. Зимнего Дворца»; напечатано не было.

[2]) «Московский Историч. Архив». («Древлехранилище»), «Гос. Архив». Разряд III, № 27/3. Письмо с адъютантом Лазаревым в ответ на привезенное последним письмо Николая Павловича от 27 ноября. Напечатано у Н. К. Шильдера: «Николай I», т. I, стр. 219.

Мое решение — непоколебимо и одобрено (sanctionnée) моим покойным благодетелем, государем и повелителем. Приглашение ваше приехать скорее к вам не может быть принято мною, и я объявляю вам, что я удалюсь еще далее, если все не устроится сообразно воле покойного нашего императора.

Ваш на жизнь верный и искренний друг и брат

Константин.

5.

Николай Павлович — Константину Павловичу.

С.-Петербург, 3 декабря 1825 г.

Повергаясь к вашим стопам как брат, как подданный, я молю о вашем прощении, о вашем благословении, дорогой, дорогой Константин. Решайте мою судьбу, приказывайте вашему верному подданному и рассчитывайте на его благоговейное повиновение. Великий боже, что могу я сделать? что могу я сказать вам? Я присягнул вам, я — ваш подданный; я могу только подчиняться и повиноваться вам; и я исполню это, потому что таков мой долг и такова ваша воля, воля моего повелителя и государя, который всегда и останется для меня таковым. Но сжальтесь над несчастным, у которого нет другого утешения, как в сознании, что он исполнил свой долг и других побудил его исполнить. И далее, если я и ошибся, — я следовал чувству своего сердца, чувству, слишком укоренившемуся с детства, слишком глубоко запечатлевшемуся в моей душе, чтобы я когда-нибудь хотя бы на мгновение мог от него отрешиться, чувству, которое в моих глазах сделалось еще священнее, когда я узнал о намерениях моего благодетеля и ваших!

К нему, который нас видит, нас судит, потому что он видит в глубине наших душ, к нему — этому ангелу, нашему благодетелю, к нему я взываю; пусть он будет судьей между нами. Мог ли я, по человеческим понятиям, поступить иначе? мог ли я, забывая даже свою честь, свою совесть, мог ли я поставить в тяжкое положение государство, нашу обожаемую родину? Это значило бы пренебречь священным долгом как перед вами, моим государем, так и перед родиной, но и только, — потому что никакой задней мысли у меня не было. Я вас, увы, достаточно знал, чтобы не сомневаться, какой будет результат моих действий, но по крайней мере я смею надеяться, что вы не захотите обидеть меня, допуская возможность с моей стороны другого поведения. Теперь же, с душою чистой перед вами, моим государем, перед богом, моим спасителем, и пред этим ангелом, в отношении которого я связан был этим долгом, этою обязанностью — найдите, какое хотите, слово: я чувствую это, но не могу выразить, — теперь я спокойно и безропотно подчиняюсь вашей воле и повторяю вам свою клятву пред богом исполнить вашу волю, как бы тяжела для меня она ни была. Больше ничего не могу вам сказать; я исповедался пред вами, как перед самим всевышним.

Здесь все в порядке. Вы уже знаете, что Москва исполнила свой долг. Граф Аракчеев снова вступил в исполнение своих обязанностей; он и его корпус также исполнили свой долг. Матушка чувствует себя хорошо, несмотря на все удары, которым провидению угодно ее подвергнуть. Да сохранит ее господь! Приезжайте, ради бога.

Жена моя вас обнимает, а я умоляю вас повергнуть меня к ногам Жаннет, моей доброй, дорогой сестры. Жизнь моя порукой в покорности вашей воле, воле самого любимого и уважаемого из братьев и друзей.

Ваш покорный

Николай.

6.

Константин Павлович — Николаю Павловичу.

Варшава 8 (20) декабря 1825 г.

Вчера вечером в 9 ч. я получил ваше письмо от 3(15) сего месяца, милый и дорогой Николай, за которое спешу выразить вам свою самую искреннюю признательность, а также за те чувства доверия и дружбы, которые вы мне высказываете. Будьте уверены, дорогой брат, что я умею их оценить и почувствовать, и вся жизнь моя вам докажет, что я их достоин. То безграничное, смею сказать, доверие, которое его величество, наш общий благодетель, благоволил питать ко мне, вам порукой в искренности и чистоте моих убеждений. Я никогда не подал ему повода в них обмануться, а та свобода, с какой я по его приглашению говорил ему правду, стяжала мне, смею это сказать без всякого тщеславия, его дружбу. Всегда покорный его велениям, я оставлял в стороне свое личное мнение, чтобы поступать согласно его взглядам, но не скрывал перед ним своих. Таков был некогда мой образ действий. Теперь, когда воля божья лишила нас нашего ангела хранителя, и когда новый порядок вещей открывает пред вами новое поприще, будьте уверены, милый и дорогой Николай, что все мои силы по долгу, по убеждению, по дружбе будут отданы на служение вам. 30 лет моей службы и 47 лет моей жизни этому порукой.

И вот я начинаю — в том мой священный долг — с того, что выскажу вам мое мнение, мой совет — назовите, как вам угодно. Не изменяйте ничего в том, что сделал наш дорогой, превосходный и обожаемый усопший, и в важных делах, и в мелочах. Дайте себе время ознакомиться со всеми делами; отнеситесь с доверием к тем, кто пользовался им у покойного государя, не торопитесь ни с чем; будьте спокойны и хладнокровны и не слушайте ваших приближенных, которые, чтобы вкрасться в доверие, быть может, захотят давать вам советы. Ничего не изменяйте в отменной политике Нессельроде, который, зная просвещенные взгляды императора, ознакомит вас с его предположениями и мероприятиями, которые поставили нашу страну на вершину славы. Не нужно ничего придумывать: надо итти в направлении, принятом покойным императором, поддерживать и сохранять то, что он сделал и что ему стоило стольких трудов и что, быть-может, свело его в могилу, так как физические его силы были надломлены душевными тревогами. Одним словом, возьмите за правило, что вы всего лишь уполномоченный покойного благодетеля, и что каждую минуту вы должны быть готовы дать ему отчет в том, что вы делаете и будуте делать.

Я не знаю, понравится ли вам моя откровенность или нет; но я вам высказываю мои мысли, как они мне представляются, потому что вы же, дорогой и милый Николай, меня о том просили. Вверьтесь богу, будьте чистосердечны пред ним, и он довершит остальное. Да будет так...

Константин.

7.

Николай I — Константину Павловичу.

С.-Петербургъ, 14—16 декабря 1825 г. [1])

Дорогой, дорогой Константин! Ваша воля исполнена: я — император, но какою ценою, боже мой! Ценою крови моих подданных! Милорадович смертельно ранен, Шеншин, Фредерикс, Стюрлер—все тяжело ранены. Но на ряду с этим ужасным зрелищем сколько сцен утешительных для меня, для нас! Все войска, за исключением нескольких заблудшихся из Московского полка и Лейб-гренадерского и из морской гвардии, исполнили свой долг как подданные и верные солдаты, все без исключения.

Я надеюсь, что этот ужасный пример послужит к обнаружению страшнейшего из заговоров, о котором я только третьего дня был извещен Дибичем. Император перед своей кончиной уже отдал столь строгие приказания, чтобы покончить с этим, что можно вполне надеяться, что в настоящую минуту повсюду приняты меры в этом отношении, так как Чернышев был послан устроить это дело совместно с графом Витгенштейном; я нисколько не сомневаюсь, что в первой армии генерал Сакен, уведомленный Дибичем, поступил точно так же. Я пришлю вам расследование или доклад о заговоре, в том виде, в каком я его получил; я предполагаю, что вскоре мы будем в состоянии сделать то же самое здесь. В настоящее время в нашем распоряжении находятся трое из главных вожаков, и им производят допрос у меня.

Главою этого движения был адъютант дяди, Бестужев; он пока еще не в наших руках. В настоящую минуту ко мне привели еще четырех из этих господ:

Несколько позже.

Милорадович в самом отчаянном положении; Стюрлер тоже; все более и более чувствительных потерь! Велио, конной гвардии, потерял руку! У нас имеется доказательство, что делом руководил некто Рылеев, статский, у которого происходили тайные собрания, и что много ему подобных состоят членами этой шайки; но я надеюсь, что нам удастся во время захватить их.

В 11½ вечера.

Мне только что доложили, что к этой шайке принадлежит некий Горсткин, вице-губернатор, уволенный с Кавказа; мы надеемся разыскать его. В это мгновение ко мне привели Рылеева. Это — поимка из наиболее важных. Я только что узнал, что Шеншин, быть-может, будет спасен — судите о моей радости!

Я позволил себе, дорогой Константин, назначить Кутузова военным генерал-губернатором, временно, впредь до вашего согласия; соблаговолите не отказать мне в нем, так как это единственный человек, на которого я могу положиться в настоящий критический момент, когда каждый должен находиться на своем посту.

В 12½ ночи.

Горсткин — в наших руках и сейчас будет подвергнут допросу; равным образом я располагаю бумагами Бестужева.

---

[1]) В дате, которая проставлена в конце письма, первоначальное число «15» исправлено на 16.

В 4 часа.

Бедный Милорадович скончался! Его последними словами были распоряжения об отсылке мне шпаги, которую он получил от вас, и об отпуске на волю его крестьян! Я буду оплакивать его во всю свою жизнь; у меня находится пуля; выстрел был сделан почти в упор статским, сзади, и пуля прошла до другой стороны.

Все спокойно, а аресты продолжаются своим порядком; захваченные бумаги дадут нам любопытные сведения. Большинство возмутившихся солдат уже возвратилось в казармы, за исключением около 500 человек из Московского и Гренадерского полков, схваченных на месте, которых я приказал посадить в крепость; прочие, в числе 38 человек гвардейского экипажа, тоже там, равно как и масса всякой сволочи (menue canaille), почти поголовно пьяной. Часть полков Гренадерского и Московского находилась в карауле, и среди них — полнейший порядок. Те, которые не последовали за сволочью, явились с Михаилом в отличнейшем порядке и не оставляли меня, настойчиво просясь броситься в атаку, что́, к счастию, не оказалось необходимым. Две роты Московского полка сменились с караула и, по собственному почину, под командою своих офицеров, явились присоединиться к своему батальону, находившемуся возле меня. Моряки вышли, не зная, ни почему, ни куда их ведут; они отведены в казарму и тотчас же пожелали принести присягу. Причиною их заблуждения были все лишь одни младшие офицеры, которые почти все и вернулись с батальоном просить прощения, с искренним, повидимому, сожалением. Я разыскиваю троих, о которых нет известий.

Только-что захватили у князя Трубецкого, женатого на дочери Лаваля, маленькую бумажку, содержащую предположения об учреждении временного правительства с любопытными подробностями.

15-го декабря.

Да будет тысячу раз благословен господь, порядок восстановлен, мятежники захвачены или вернулись к исполнению своего долга, и я лично произвел смотр и приказал вновь освятить знамя гвардейского экипажа. Я надеюсь, что вскоре представится возможность сообщить вам подробности этой позорной истории; мы располагаем всеми их бумагами, а трое из главных предводителей находятся в наших руках, между прочим, Оболенский, который, как оказывается, стрелял в Стюрлера. Показания Рылеева, здешнего писателя, и Трубецкого раскрывают все их планы, имеющие широкие разветвления внутри страны. Всего любопытнее то, что перемена государя послужила лишь предлогом для этого взрыва, подготовленного с давних пор и с целью умертвить нас всех, чтобы установить республиканское конституционное правление. У меня имеется даже сделанный Трубецким черновой набросок конституции, предъявление которого его ошеломило и побудило его признаться во всем. Сверх сего, весьма вероятно, что мы откроем еще несколько каналий фрачников [1]), которые представляются мне истинными виновниками убийства Милорадовича.

Только что некий Бестужев, адъютант дяди, явился ко мне лично, признавая себя виновным во всем.

Все спокойно.

Будучи обременен занятиями, я едва имею возможность отвечать вам несколькими словами на ваше ангельское письмо, дорогой, дорогой Констан-

[1]) Quelques canailles en frac.

тин. Верьте мне, что следовать вашей воле и примеру нашего ангела — вот то, что я буду иметь постоянно в виду и в сердце; дай бог, чтобы мне удалось нести это бремя, которое принимаю я при столь ужасных предзнаменованиях с покорностью воле божией и верою в его милосердие.

Я посылаю вам копию рапорта об ужасном заговоре, открытом в армии, который я считаю необходимым сообщить вам в виду открытых подробностей и ужасных намерений. Судя по допросам членов здешней шайки, продолжающимся в самом дворце, нет сомнений, что все составляет одно целое, и что́ также устанавливается определенно на основании слов наиболее дерзких, это — что дело шло о покушении на жизнь покойного императора, если бы он не скончался ранее того. Страшно сказать, но необходим внушительный пример, и так как в данном случае речь идет об убийцах, то их участь не может не быть достаточно сурова.

Я поручаю Чичерину доставить вам эти строки, потому что он будет в состоянии поставить вас в известность обо всем, что вы пожелаете узнать о здешних событиях, и мне приятно думать, что вы не будете недовольны повидать его. Я позволил себе, дорогой Константин, назначить его своим генерал-адъютантом, так как я не мог бы сделать более подходящего выбора для подобного назначения.

Я представляю вам, дорогой Константин, копию приказа по армиям; быть может, вы позволите сделать то же самое по отношению к войскам, состоящим под вашим командованием, так как мне кажется, что все то, что будет напоминать им об их благодетеле, должно быть им дорого. [1])

В 12½ часов ночи.

Чичерин не может еще отправиться к вам, дорогой Константин, так как ему нужно быть на своем посту. Все идет хорошо, и я надеюсь, что все кончено, за исключением расследования дела, которое потребует еще времени.

Повергните меня к стопам моей невестки за ее любезную память обо мне; прощайте, дорогой Константин, сохраните ко мне ваше расположение и верьте неизменной дружбе вашего верного брата и друга.

Николай

---

[1]) В приказе шла речь о передаче полкам гвардии на хранение соответствующих мундиров покойного царя.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА И МАРИИ ФЕДОРОВНЫ.

(26 ноября — 14 декабря 1825 г.)

Письма Константина Павловича к Марии Федоровне за время от 2 декабря 1825 по 17 сентября 1826 г. (всего 43 письма) хранятся в «Особом Отделе» «Архива Октябрьской Революции», в собрании бумаг быв. «Библиотеки Зимнего Дворца», под № 1423.

К ним должно присоединить письмо от 26 ноября 1825 г., посланное из Варшавы одновременно с официальным письмом от того же числа; оно хранится в «Московском Историческом Архиве» («Древлехранилище») среди бумаг быв. «Государственного Архива» («Разряд III, № 26, г.»).

Письма Марии Федоровны к Константину Павловичу за 1825 и 1826 г. мы знаем по их черновикам и по копиям, которые были сделаны с них при отсылке, иногда собственноручно отправительницей, и остались у нее. Всего имеется 22 письма (от апреля 1825 по 2 августа 1826 г.); они хранятся в «Особом Отделе» «Архива Октябрьской Революции», в собрании бумаг быв. «Библиотеки Зимнего Дворца», под № 643.

Черновики и копии не всегда исправны, не всегда содержат полный текст соответствующего письма. Только одно письмо, задержанное и не отправленное по назначению, имеем мы в оригинале: письмо от 14 декабря, прерванное начавшимся восстанием.

Переписка Константина Павловича с матерью чрезвычайно интересна для характеристики отношений в царской семье в 1825—1826 году; гораздо менее отразились в ней восстание декабристов и следствие над ними. В соответствии с планом настоящего сборника из этой переписки даны лишь несколько писем за время междуцарствия.

Почерки обоих корреспондентов принадлежат к числу наиболее трудночитаемых среди неразборчивых почерков всей фамилии; некоторые места в их письмах прочесть не удалось. Подлинные письма на французском языке; здесь они даются в переводе.

1.

Константин Павлович — Марии Федоровне.

Варшава. 26 ноября 1825 г.

Дорогая матушка!

Не знаю, с чего начать мое письмо, дорогая и добрая матушка, чтобы выразить вам, если это возможно, ту глубокую скорбь, которой преисполнено ныне и будет всегда преисполнено мое сердце в связи с утратой, которую мы только-что понесли в священной и дорогой нам особе нашего бесценного и обожаемого покойного государя. Я не буду говорить вам, дорогая и добрая матушка, о том, что я испытываю, лишившись монарха, благодетеля и друга, которому я был стольким обязан и которому должен был быть благодарен... [1]) до моего последнего вздоха, и который, невзирая на все мои недостатки, относился ко мне всегда снисходительно и осыпал меня благодеяниями. Я был бы не в состоянии все это вам описать, но я смею надеяться, что вы, дорогая и добрая матушка, по своей бесконечной доброте имеете обо мне достаточно хорошее мнение, чтобы в этом не сомневаться.

Если бы я мог следовать лишь голосу моего сердца, я тотчас же отправился бы в Петербург, чтобы броситься к вашим стопам, дорогая и добрая матушка, и постараться, если это возможно, успокоить вас в вашей слишком естественной скорби или хотя бы несколько смягчить ее. Но здесь возникают непреодолимые для меня препятствия, и я считаю своим долгом отказать вам в моем присутствии. Благоволите вспомнить, дорогая и добрая матушка, что в те дни, когда вы по великой вашей милости соизволили дать согласие на мой брак, я испросил у моего покойного благодетеля и государя разрешение представить ему письмо, в коем я умолял его разрешить мне отречься от права наследования в пользу следующего члена нашей семьи; это имело свое основание и в высочайшем акте 20-го марта, последовавшем по поводу моего развода. Покойный государь благоволил одобрить мое решение, и то же сделали и вы, дорогая и добрая матушка, в самых лестных для меня выражениях в присутствии моей сестры Марии. Более того — я был осчастливлен собственноручным письмом моего монарха, которым он воздавал полную справедливость моему поведению и сообщал о вашем согласии, дорогая и добрая матушка, предписывая все это хранить в тайне до его смерти.

Ныне, после того, как промысел господень призвал к себе лучшего из государей, я, будучи поставлен в необходимость озаботиться исполнением всего содержащегося в акте и в письме покойного государя, осмеливаюсь с полной покорностью повергнуть себя к вашим стопам, дорогая и добрая матушка, и умоляю вас объявить содержание упомянутого письма и в Сенате, и в Государственном Совете, и везде, где это понадобилось бы. Решение мое непоколебимо. Я должен выполнить его в память моего покойного благодетеля, во имя моей семьи, моей страны. Я приступаю к этому с... [2]) всеблагого господа, который читает в моем сердце и видит чистоту моих чувств и моих побуждений. По милосердию своему он довершит остальное, у меня же нет какой-либо задней мысли; честность моя и покорность слишком известны, чтобы я мог бояться хотя бы единого упрека.

К вам, дорогая и добрая матушка, позволяю я себе обратиться, прося вас помочь мне. Смею надеяться, что тридцатилетняя моя служба, моя

---

[1]) Не разобрано два слова.
[2]) Одно слово не разобрано.

верность двум государям, выдержавшая все испытания, и моя безграничная признательность им за их милости не будут при этом забыты. Мой брат, к которому переходит право на наследие наших предков, должен его принять, так как от этих предков он не получил разрешения от него отречься; я же, имея таковое, отрекаюсь с полной верой в будущее. Мой новый государь встретит в моем лице того же верного подданного и слугу, каким я был для двух государей, служить коим я имел счастье.

Впрочем, все это изложено в официальном письме, которое я написал вам сегодня, дорогая и добрая матушка, и передачу которого я возложил на уезжающего сегодня вечером Михаила. Благоволите, дорогая и добрая матушка, благосклонно прочесть его и завершить своим содействием то дело, которое при самом начале своем уже получило вашу санкцию.

Теперь, после того, как я осмелился изложить вам, дорогая и добрая матушка, это государственное дело, я полагаю, что мой долг обязывает меня до тех пор, пока оно не будет приведено в исполнение, остаться на том посту, который я занимал в силу доверия ко мне со стороны моего благодетеля. К крайнему моему сожалению, я смогу прибыть к вам, дорогая и добрая матушка, лишь после того, как установится новый порядок вещей.

Разрешите, дорогая и добрая матушка, просить вас подумать о своем здоровьи и беречь его для всех нас. Правда, понесенный нами по воле провидения удар жесток и тяжел, но господь велик и справедлив и дает силу тем, кто, пребывая в покорности его воле, переносит все с мужеством.

Я бы не посмел в столь горестных обстоятельствах произносить перед вами имя моей жены, если бы я не рассчитывал на вашу неисчерпаемую снисходительность ко мне. Она в отчаянии от утраты нашего благодетеля и своего покровителя, которого она боготворила! Ее состояние ужасно! Умоляю вас, дорогая и добрая матушка, милостиво и благосклонно принять выражение ее скорби.

Благоволите, дорогая матушка, продлить ваше милостивое расположение ко мне и к моей жене и принять уверение в моей бесконечной преданности и моем глубочайшем уважении, с которыми я всегда останусь, дорогая матушка,

вашим совершенно покорным, самым послушным и верным сыном.

Константин.

2.

Мария Федоровна — Константину Павловичу.

С.-Петербург. 2 декабря 1825 г.

Дорогой и добрый Константин.

Гнет моей скорби увеличивается еще неполучением известий от вас с тех самых пор, как нас поразил этот смертельный удар. Я надеюсь испытать некоторое успокоение, когда я вас увижу, когда я смогу вас наконец обнять! Приезжайте, ради бога, умоляю вас об этом, это ваш долг — быть здесь! Сердце ваше должно внять голосу матери; поспешите в объятия вашей матери, вашего друга.

Мария.

Обнимаю дорогую Жаннетт, пусть она разделит с нами наше горе.

3.

Константин Павлович — Марии Федоровне [1]).

Варшава. 2/14 декабря 1825 года.

Дорогая матушка!

Сегодня в восемь часов вечера я имел счастье получить милостивое письмо ваше, которое вы соизволили мне написать по получении известия о постигшем нас всех горе.

Не могу выразить, милая и добрая матушка, что происходит в моем сердце! Мысль моя однако устремляется к милосердому богу, и я возношу ему благодарность за то, что он сохранил вас и даровал вам силы перенести этот жестокий удар. Благоволите принять, дорогая и добрая матушка, мою смиренную и почтительную признательность за вашу память обо мне, которую вы соизволили выказать, написав мне вышеупомянутое письмо, в котором я вижу доказательство вашей неисчерпаемой доброты ко мне.

Теперь разрешите мне, дорогая и добрая матушка, поговорить с вами по душе и без промедления. По письму Николая, из донесения князя Лопухина и других, я вижу, что с моим решением не считаются, не взирая на то, что оно было санкционировано манифестом покойного государя — моего благодетеля. Не дожидаясь какого-либо извещения с моей стороны, все забыли свою присягу покойному государю, в которой буквально говорилось: учинить присягу и наследнику, который назначен будет, что оставалось в силе до конца его царствования. Совет, забывая свой долг слепого повиновения воле покойного государя, дал себя убедить моему брату. Я не могу рассматривать эту присягу иначе как не имеющую никакого значения, и более чем когда-либо настаиваю на своем решении, которое вам передал мой брат Михаил. Я в отчаянии от всех этих сцен, вызванных произвольными действиями, и перед лицом всей вселенной выношу им порицание.

Долг подданных — повиноваться воле их государей... [2]) Не знаю, каким образом все эти господа могли позабыть об этом.

Хотя вы и изволите писать мне, дорогая и добрая матушка, в милостивом письме своем, чтобы я приехал возможно скорее, я буду силою обстоятельств лишен этого счастья до получения мною ответа на посланные с братом Михаилом письма. Коль скоро все устроится согласно воле покойного государя, я тотчас поспешу к вашим стопам, дорогая и добрая матушка; если же напротив воля его попрежнему не будет принята во внимание, я окажусь в тяжелой и печальной необходимости еще более удалиться от мест, где возможны подобные сцены.

Мое решение принято, оно было принято 24 года тому назад. Это не... [3]) желание, чтобы я мог его изменить. Умоляю вас, дорогая и добрая матушка, помочь мне в проведении моего решения, которое было санкционировано моим покойным благодетелем и вами, в то время как с решением Николая так дело не обстояло.

---

[1]) Письмо, отправленное из Варшавы утром 3 декабря с возвращавшимся назад в Петербург адъютантом Николая Павловича Лазаревым. Об этом письме говорится в письме Михаила Павловича к Николаю от 7 декабря.

[2]) Не разобрано несколько слов.

[3]) Не разобрано одно слово.

Горячо молю всеблагого господа, чтобы все устроилось согласно решению нашего дорогого покойного государя.

Благоволите продлить, дорогая и добрая матушка, вашу доброту и расположение ко мне. Примите выражение моей безграничной преданности и моего глубочайшего уважения, с которым я навсегда останусь, дорогая матушка,

вашим самым почтительным, самым послушным и верным сыном.

Константин.

P. S. Не откажите, дорогая и добрая матушка, передать прилагаемое письмо [1]) в собственные руки брату моему Николаю.

4.

Мария Федоровна—Константину Павловичу.

С.-Петербург. 3 декабря 1825 г.

Михаил в моих объятиях, дорогой, возлюбленный Константин; мы вместе оплакивали наше горе. Он уверил меня, что оставил вас в добром здоровьи. Уверенность в этом была мне необходима; она облегчила мне тяжесть моего теперешнего существования. После того как мы воздали слезами дань нашей живейшей, глубочайшей естественной скорби, Михаил выразил желание поговорить со мной наедине; он передал мне ваше письмо с выражением вашей беспредельной любви и вашего уважения к оплакиваемому нами ангелу, вашей нежности и доверия ко мне.

Дорогой Константин, в минуты столь глубоких переживаний не хватает слов, не могу вам выразить все то глубокое благоговение, которое вы мне внушаете вашими чувствами. Чем возвышеннее ваша душа, которая выше всякой похвалы, чем сильнее ваше доверие ко мне, тем более и я обязана с своей стороны стараться подражать вашему несравненному поведению. Тем не менее стремясь действовать по совершеннейшей справедливости, я вынуждена ослушаться вашей воли.

Еще до получения извещения о вашем решении вам была принесена присяга вашим братом, Сенатом, Синодом, Советом и войсками, которые по праву вашего наследования как старшего в семье признали вас государем и императором всей России.

Курьеры, отправленные к вам с извещениями, в особенности курьер Николая, должны были прибыть к вам этими днями. Итак, вы уже император, дорогой и добрый Константин. Вы не можете отныне действовать иначе нежели в формах, подобающих этому священному сану; государь же не может обращаться к нации иначе как через манифест. По получении вами извещения о принесении вам присяги, мы будем ожидать ваших приказаний; поэтому долг мой хранить в глубочайшей тайне все, что вы мне сообщаете, все те распоряжения, которые вы мне делаете. Такова обязанность вашей матери; я выполняю ее, храня благоговейное молчание. Я знаю, мой сын своим столь благородным, столь великодушным сердцем не может не понять сердца своей матери и должен будет признать, что мое ослушание было внушено мне моим долгом. Придите в мои объятья, чтобы я могла благословить вас, дорогой Константин, и возблагодарить господа, который сделал меня матерью сыновей, исполненных таких чувств, которые, конечно, не замедлят снискать одобрение и благословение господне!

[1]) Письмо Николаю Павловичу от 2 декабря.

Открыв вам в ответ на ваши письма всю глубину моего сердца, дорогой и возлюбленный Константин, перехожу к прискорбнейшему обстоятельству, на которое я все же должна обратить ваше внимание. Вот уже две недели как наш ангел окончил свое земное существование; князь Волконский пишет, что он ожидает ваших приказаний. Михаил сообщил мне, что вы в общих чертах уведомили князя о ваших намерениях, указав ему, что он должен ожидать распоряжений отсюда. Ожидание вашего ответа на посланное вам с курьером письмо Николая может продлиться еще несколько дней; тем временем бездыханные останки нашего дорогого государя должны будут оставаться в Таганроге. Поэтому я сказала Николаю, что полагаясь на ваше расположение ко мне, я нахожу, что мне следовало бы написать сегодня же князю Волконскому и, пользуясь данным мне вами неофициальным разрешением, уполномочить его сообщить императрице, что мы просим ее дать князю Волконскому лично от себя указания относительно отбытия тела и ему же поручить выполнить все, что она прикажет по этому поводу. Предоставляя воле императрицы сделать все эти печальные распоряжения, мы тем самым дадим ей доказательство нашей привязанности, нашего уважения и нашего благоговения перед ее скорбью; это может хоть немного облегчить ее сокрушенное сердце, и в то же время это не поколеблет ничьего авторитета.

Посылаю вам копию письма к князю Волконскому; я уверена, что вы меня одобрите; необходимо принять окончательное решение относительно этих драгоценных останков, прибытие которых ожидается с ужасом, но и со скорбным нетерпением увидеть их еще раз.

Итак, дорогой и добрый Константин, разрешите мне еще раз высказать вам мое сильнейшее желание увидеть вас и заверить вас, что присутствие ваше необходимо. Скорбь моя облегчится при виде вас; поверьте мне, дорогой Константин, что мне необходимо ваше присутствие, оно придаст мне мужества и восстановит мои силы. Нежно обнимаю дорогую и добрую Жаннетт.... [1]) Пусть она приедет поплакать с нами. До свиданья, дорогие друзья, до свиданья, дорогой Константин, мой возлюбленный сын, да благословит вас небо, так же как и я благословляю вас.

На всю жизнь ваша

Мария.

5.

Константин Павлович — Марии Федоровне.

Варшава. 3/15 декабря 1825 г.

Дорогая матушка.

Я получил с обычной эстафетой милостивое письмо от 25 ноября, которым вы соизволили меня удостоить, дорогая и добрая матушка; спешу повергнуть к вашим стопам свою глубочайшую признательность за это новое доказательство вашей неисчерпаемой ко мне доброты; быть достойным ее всегда было и будет единственной целью моего поведения.

Ваша память обо мне, дорогая и добрая матушка, в том тяжелом положении, в котором вы находились, когда писали мне, вследствие вашей тревоги о здоровьи нашего дорогого покойного государя, служит мне лишним

[1]) Не разобрано несколько слов.

доказательством вашей неисчерпаемой ко мне доброты, — и я не могу не благодарить вас за нее от всего сердца. Вся жизнь моя будет посвящена тому, чтобы ее заслужить, смею вас уверить в том перед лицом всего мира и перед богом, который меня слышит и может судить о чистоте моих намерений.

Не желая задержать отсылку курьеров, которые прибыли ко мне вчера из Петербурга, я отправил их тотчас же, как только я имел физическую возможность послать мой ответ. Позволю себе представить вам, добрая, дорогая матушка, заверенные копии моих писем, которые не могли быть отправлены обычной почтой. Благоволите прочесть их и усмотреть, сколь лояльно мое поведение и мои принципы, которые были удостоены одобрения покойного государя, и благодаря которым я в течение всей его жизни пользовался его полным и безграничным доверием.

Все мои поступки, осмеливаюсь утверждать это с величайшим смирением и отнюдь не желая этим хвалиться, могут служить доказательством моей готовности повиноваться при всех обстоятельствах, так как я никогда не сделал ни одного шага, не испросив на то предварительно высочайшего согласия; я действовал всегда исключительно с его и вашего одобрения, дорогая и добрая матушка... [1])

Я не скрою от вас, дорогая и добрая матушка, как я был огорчен поведением Государственного Совета и тех, которые забыли свой долг, свою присягу на верность покойному государю, и которые, как только господу было угодно взять его от нас, решились действовать произвольно; если бы я принял их гнусные и низкие предложения, я был бы... [1]) Наследование принадлежит мне по неоспоримому праву, — никто не знает этого лучше меня самого; и следовательно я не нуждаюсь в их согласии для осуществления своих прав. Но покойный государь, в виду моего добровольного и одобренного им отречения, решил дело иначе. Если бы я ныне согласился принять престол, поступок этот был бы столь же произволен, как и образ действия тех лиц, благодаря которым наша история к великому несчастью только.... [1]) Необходимо подать пример и я обязан, и я вынужден настаивать на том, чтобы столь скандальные сцены более не происходили... [1])

Более чем когда-либо я настаиваю на своем отречении, чтобы эти господа не воображали себя в праве распоряжаться по своему усмотрению императорской короной. Решение мое принято, и я не позволю смотреть на себя как на игрушку в их руках и как на слепое орудие, посредством которого они намереваются нарушить категорически выраженную в завещании волю покойного, к которой даже в частном обиходе относятся с религиозным благоговением.

Я счел своим долгом сына и верноподданного, как на исповеди, открыть перед вами, дорогая и добрая матушка, мою душу — чистую перед богом и людьми. Если же, к несчастью, надежда моя не сбудется, порядок не восстановится, и долг не будет выполнен, я против воли буду вынужден действительно удалиться от такого положения вещей, против которого восстает моя душа.

Благоволите, дорогая и добрая матушка, перечесть письмо, которое удостоил мне написать покойный государь и которое я имел честь прислать вам в копии, и заставьте считаться с ним должным образом. Он соизволил в нем одобрить мои решения и дать им осуществление.

---

[1]) Не разобрано несколько слов.

Продлите, дорогая и добрая матушка, вашу неизменную ко мне доброту и вашу снисходительность. Примите выражение моей безграничной преданности и моего глубокого уважения, с которыми я навсегда останусь,

дорогая матушка,
вашим почтительным, вашим самым послушным
и самым верным сыном.

Константин.

6.

Константин Павлович — Марии Федоровне.

Варшава. 8/20 декабря 1825 г.

Дорогая матушка!

Вчера в 9 час. вечера прибыл фельдъегерь Белокуров; он тотчас же передал мне милостивое и, смею сказать, бесценное письмо, которым вы по неисчерпаемой доброте вашей соизволили удостоить вашего сына, который в течение всей своей жизни не преследовал и не преследует иной цели, как только заслужить вашу похвалу и быть достойным ее.

Да, дорогая и добрая матушка, я позволю себе еще раз повторить это перед вами, прежде чем повергнуть к вашим стопам мою самую горячую признательность. Вчера по получении вашего более чем милостивого письма я вознес благодарность верховному существу, теперь же позвольте мне выполнить этот священный долг и перед вами. Не могу выразить вам все, что я переживал и испытал: это можно только чувствовать, но нельзя высказать словами. Тех выражений, которыми вы, дорогая и добрая матушка, благоволите пользоваться, говоря мне обо мне, — я не стою, хотя вы и обращаете их ко мне, они мне не принадлежат, они проистекают от вашей непомерной материнской доброты, которая, быть-может, и вводит вас в заблуждение. Одним словом, дорогая и добрая матушка, я чувствую себя недостойным того слишком хорошего обо мне мнения, которое вы по великой своей доброте благоволите обо мне иметь и которое вы изволили высказать мне в вашем более чем милостивом письме от 3-го числа сего месяца. Чем более перечитываю я ваше письмо, дорогая и добрая матушка, тем яснее вижу я свой долг, являющийся неизменной побудительной причиной всех моих действий. Благоволите пребывать в уверенности, что я выполню его со всею добросовестностью и точностью; надеюсь, господь, по благости своей, даст мне к тому силы и средства.

Ко всему, что вы соизволили предпринять по высокому вашему разумению, не могу отнестись иначе, нежели как с чувством глубокого уважения и совершеннейшей, безграничной преданности. Письма мои от 3/15 декабря уже вероятно достигли своего назначения, и я надеюсь, когда пишу эти строки, что теперь все уже пришло в должный порядок. Вы изволите писать мне, дорогая и добрая матушка, в вашем высокомилостивом письме, что Синод, Сенат и Государственный Совет, а также армия принесли мне присягу и признали меня своим императором. Пусть так, но я все же не могу и не хочу ничего об этом слышать, так как те права на престол, которые я имел, были мною получены не от них, но от моих предков, перед лицом которых я заблаговременно и отказался от этих прав. Я не мог отречься, потому что я никогда и не был императором, но я отстранил от себя эти права по собственному своему желанию, что и было одобрено высочайшей санкцией.

Да сохранит нас бог от беспорядков, какие были в римской империи эпохи упадка, когда сенат и преторьянцы распоряжались по собственному усмотрению судьбами восточной и западной держав!

Таким образом, дорогая и добрая матушка, не быв никогда императором, я не могу ни дать манифеста, ни обратиться с чем-либо подобным к моим сородичам, т.-е. к моим согражданам и таким же, как я, верноподданным, так как если бы я это сделал, то всякий мог бы присвоить это право.

В моем ответе князю Лопухину подробно изложены все мои решения, основанные на желании и воле покойного государя, моего монарха и благодетеля. Все должны исполнять свой долг и повиноваться — только в этом спасение. Энтузиазм должен вытекать из чувства долга, а не чувство долга из энтузиазма! Клятва в Jeu de paume [1]) и тому подобные явления, имевшие место в нашем веке, служат тому достаточным доказательством.

Благоволите, дорогая и добрая матушка, извинить мои рассуждения, которые я разрешаю себе в силу моей откровенности и моего совершенного доверия к вам. Сердце вашего покорного и послушного сына стремится излиться у вашей материнской груди.

Все указания, которые вы соизволили дать нашему достойному князю Волконскому, относительно отбытия тела нашего обожаемого государя, налагают на меня обязанность как на старшего в семье повергнуть к вашим стопам, дорогая и добрая матушка, полнейшую признательность всех ваших детей; беру это на себя в уверенности, что это будет ими вполне одобрено.

Что касается моего приезда в Петербург, дорогая и добрая матушка, куда вы меня приглашаете, я позволю себе очень почтительно обратить ваше внимание, дорогая и добрая матушка, на то, что я нахожусь в жестокой необходимости отложить мой приезд до тех пор, пока все не войдет в должный порядок, так как если бы я приехал теперь же, то это имело бы такой вид, будто бы я водворяю на трон моего брата; он же должен сделать это сам, основываясь в этом на завещательной воле покойного государя. Я смогу выполнить свой долг и приехать к вам, дорогая и добрая матушка, лишь после того как государь манифестом известит нас о своем восшествии на престол и назначит своего наследника, а также после получения здесь всех законных распоряжений, согласно коих все те, кто доверием покойного государя вверен здесь моему попечению, могли бы быть приведены к присяге. Благоволите, дорогая и добрая матушка, побудить государя отдать необходимые распоряжения, чтобы государственный секретарь по делам Царства Польского сообщил нам так же, как это будет сделано и в отношении русских войск, кому должна быть принесена присяга.

Что касается благосклонного внимания, которым в обстоятельствах столь тягостных для вашего сердца вы соизволили, дорогая и добрая матушка, удостоить мою жену, я не могу и никогда не сумел бы найти достаточно слов, чтобы выразить вам всю мою нежную, самую почтительную и глубочайшую благодарность. Все мои усилия будут неизменно посвящены тому, чтобы стараться быть все более и более достойным вашей неисчерпаемой доброты ко мне и к ней. К сожалению, ее слабое здоровье, ужасное потрясение, только что ею перенесенное, и плохое состояние погоды не позволяют ей, дорогая и добрая матушка, воспользоваться вашим столь милостивым приглашением, вопреки тому, что она глубоко сознает, к какой беспредельной бла-

---

[1]) Имеется в виду известная клятва членов «Генеральных Штатов» 20 июня 1789 г.

годарности вам обязывает ее, дорогая и добрая матушка, то милостивое внимание, которое вы соблаговолили ей оказать.

Благоволите, дорогая и добрая матушка, разрешить мне еще раз в конце этого письма просить вас принять выражение моей почтительнейшей благодарности за ваше милостивое письмо от 3/15 сего месяца; оно пребудет для меня навеки документальным бесценным доказательством вашей неисчерпаемой доброты; примите уверение, что при всех обстоятельствах до конца моих дней я буду стараться быть ее достойным.

Благоволите, дорогая и добрая матушка, продлить ваше доброе и снисходительное отношение ко мне и к моей жене, которую вы соизволили вспомнить в этом письме. Примите выражение моей безграничной преданности и моего глубокого уважения, с которым я имею честь навсегда быть,

дорогая матушка,
вашим самым почтительным, самым послушным
и самым верным сыном.

Константин.

7.

Мария Федоровна—Константину Павловичу.

С.-Петербург, 14 декабря. Понедельник.

Итак, дорогой Константин, воля ваша исполнена. Вчера вечером Николай провозгласил себя императором. Присяга приносится сегодня утром. Слезы текли из глаз всех, кто присутствовал при чтении вашего прекрасного письма к Николаю. Ваше поведение обессмертит ваше имя в истории. Дорогой, дорогой Константин, что я могу сказать вам; я не думала... [2])

На этом слове меня прервали вчера крики ура, раздавшиеся под моим окном, при выходе Николая; его окружила громадная толпа народа, ему целовали руки, сапоги.

Я не могла продолжить свое письмо, так как события происходили слишком близко...

---

[2]) Письмо обрывается словами: «я не думала... (je ne croyais...»); дальнейшая его часть представляет заметку, сделанную на другой день и написанную косыми строчками несколько ниже в правой стороне листка.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ НИКОЛАЯ I И МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА.

(27 ноября — 14 декабря 1825 г.)

Переписка Николая I и Михаила Павловича довольно обширна. Пйсьма их за годы царствования Николая I (1825 — 1849) в количестве 329, хранятся в «Особом Отделе» «Архива Октябрьской Революции» в собрании документов бывшей «Библиотеки Зимнего Дворца» под № 1402 — 215 писем Николая I, и под № 1399 — 114 писем Михаила Павловича. В «Древлехранилище» «Московского Исторического Архива», в бумагах бывшего «Государственного Архива» (разряд III, № 27) хранится письмо Михаила Павловича от 7 декабря 1825 г. из Ненналя. Кроме того имеется еще письмо Николая Павловича к Михаилу от 27 ноября 1825 г., напечатанное в книге Н. К. Шильдера «Николай I», т. I, стр. 196, местонахождение которого составителю настоящего сборника неизвестно. Почти все названные письма писаны по-русски.

Переписка Николая I и Михаила носит непринужденный, интимный характер; в этом ее отличие от переписки Николая с матерью и старшим братом, в этом и ее интерес. Правда, и в том тоне простой братской дружбы, который выдерживает здесь Николай, чувствуется, быть-может временами, тоже некоторая доля искусственности и игры, и все же через эту переписку читатель как будто несколько ближе подходит к Николаю, со стороны, с которой его не показывает переписка с другими его корреспондентами.

Здесь печатаются две группы писем обоих братьев: переписка за время междуцарствия и ниже — несколько писем за время следствия над декабристами и их казни. Из этих писем, кроме названного выше письма Николая от 27 ноября 1825 г., напечатанного в труде Н. К. Шильдера, опубликовано также было в книге М. Н. Корфа (изд. 3-е, стр. 81) письмо Михаила Павловича от 7 декабря 1825 г., но очень неточно и с неправильной датировкой — 8-го декабря.

Даты, в подлинниках проставленные то перед текстом, то после него, здесь везде помещены в начале писем.

1.

Николай Павлович — Михаилу Павловичу [1]).

С.-Петербург. 27-го ноября 1825 г.

Милый Михаил, друг мой, ты все знаешь; мы всё потеряли, всё: остались нам одни слезы. Я долг святой исполнил, и бог помог мне — все мне последовали, все; наша бесценная гвардия исполнила также долг свой везде. Сердце чисто у нас.

Теперь — о матушке и о жене твоей. Матушка терпит смиренно, как ангел; она здорова.

Жена твоя также здорова, и вот тебе письмо от нее и от Сутгофа [2]); я тебя могу об этом уверить.

Мы ждем нетерпеливо государя, дай бог поскорее видеть перед нами; и ты, ради бога, приезжай. Вспомни меня и сжалься.

Твой по гроб

Н.

2.

Николай Павлович — Михаилу Павловичу.

В 11 часов вечера
7-го декабря 1825.

С твоего отъезда, любезный Михайло, все продолжает здесь быть спокойно; приехавший курьер от 3-го числа с письмом к матушке от брата не вывел нас из прежнего затруднения и не дал нам еще возможности выполнить святую его волю, не переменяя ничего против того, что ты к брату везешь.

Твой верный, нещастный
друг и брат

Н.

3.

Михаил Павлович — Николаю Павловичу [3]).

Ст. Ненналь. 7/19 декабря 1825 г.

Приехав на станцию Ранна-Пунгерн, встретил я, любезный Николай, фельдъегеря из Варшавы с письмом к князю Лопухину и, увидев на конверте: «от его императорского высочества цесаревича», я сейчас догадался, о чем дело; между тем узнал от него, что Лазарев едет вслед за ним, и потому я взял сего фельдъегеря с собою, покуда не встречу Лазарева. Что написано князю Лопухину, того не знаю, ибо не имею права их отворять. В Неннале нашел я Лазарева, который и подал мне пакет, который у него был на имя матушки. Ты из письма Константина Павловича увидишь все его мнение, которое к нещастию согласно с тем, что я тебе говорил.

[1]) Напечатано по тексту в книге Шильдера «Николай I», т. I, стр. 196.

[2]) Ник. Март. Сутгоф, лейб-медик, акушер; жена Михаила Павловича была беременна.

[3]) «Московский Исторический Архив». «Древлехранилище». «Госархив». Разряд III. № 27.

Теперь, не зная, какие меры будут взяты в Петербурге, я думал, что хорошо мне будет здесь остановиться и ждать твоих повелений, ибо, быв только в 260 верстах, если я нужен в Петербурге, я сейчас могу вернуться; если нет, то я могу продолжать дорогу в Варшаву, как ни в чем не бывало. Может-быть, угодно будет матушке и тебе еще новое что-нибудь отправить к брату. Уверьте себя, что я всюду готов, куда матушке и тебе угодно. Два или три дня разницы приезда моего в Варшаву ничего не сделают, ибо Опочинин уже, конечно, все сказал. Сделай милость, чтобы приказания ко мне дошли как можно скорее.

Прощай. Твой навеки
Михаил.

4.

Николай Павлович—Михаилу Павловичу.

7-го декабря 1825 г. С.-Петербург, в 12 часов ночи.

С час тому только, любезный Михайло, что приехал Перовский и привез мне письма твои и, к счастию, пакет брата к Лопухину. Ты очень умно и хорошо сделал, что не оставил его у фельдъегеря. Из копии по секрету увидишь ты, что честь брата не позволяет мне допустить пакет теперь же до назначения; а покуда есть еще надежда на благоразумный и достойный отзыв брата и нас, — долг мой беречь под спудом нещастную эту бумагу, что нами и решено.

Матушка тебе пишет, и я с тем согласен, но прошу и прощения, что тебе нельзя назад воротиться до проезда курьера с ответом на Опочинина; открывая пакеты, ты обо всем известен будешь. Тогда однако твое присутствие здесь необходимо, дабы как личный свидетель братней непоколебимой воли подтвердить его слова в случае малейшего сомнения, которого всегда опасаться можно. В Варшаву же ехать было бы поздно и бесполезно на первое время.

Мы все делаем, чтоб имя брата спасти но à l'impossible rien n'est tenu [1]), и я предвижу и для него много неприятного, если он не поступит, как долг и честь велят.

Что же касается до намерений ехать за границу, они столь неприличны, что я не говорю про них, а суди ты сам.

Прощай, бог с тобой; за тебя скучаю, но сравни твое положение с нашим и утешься.

Твой навеки друг и брат
Н.

5.

Николай Павлович—Михаилу Павловичу.

8-го декабря 1825 г., в 9 часов вечера.

Я посылаю к тебе письмо от матушки и от жены твоей и другое от меня к генерал-адъютанту Толю, который ехал в Варшаву и которого ты

[1]) Но на нет и суда нет.

о с т а н о в и ш ь, cher plénipotentiaire [1]); отдай ему это письмо и расскажи ему все подробно, объяснив и мои причины, и все, что теперь делается. Пусть он при тебе останется, тебя позабавит, и ты же привези его с собой назад. Вот и все.

Здесь все совершенно тихо; ни толков, ни слухов нет; дай бог, чтоб так осталось до конца. Твой верный друг и брат

Н.

6.

Николай Павлович—Михаилу Павловичу.

[С.-Петербург. 10-го декабря 1825 г. вечером] [2])

Бедный Михайло, я воображаю, как ты скучать должен; по крайней мере желаю, чтоб ты знал, что здесь все тихо и спокойно. Хотя везде уже говорят заверное, что брат затем не едет, что он отрекся; но все желают, чтоб он приехал. В солдатах был слух, что он идет сюда с польской гвардией, и что ждут квартирьеров и подобный вздор! — Но главное хорошо то, что знакомятся или догадываются истины и тем к ней готовятся.

Мы все здоровы; желаю, чтоб и ты здоров был.

Н.

Твоим спутникам кланяюсь.

7.

Михаил Павлович—Николаю Павловичу.

10/22 декабря 1825-го года.

Я получил два письма от тебя, любезный Николай: первое от 5-го, а последнее от 8-го—вчера вечером, и за оные весьма тебя благодарю. Между тем я нахожусь в самом большом затруднении, ибо в последнем твоем письме ты мне ничего не говоришь решительного, что мне делать: ехать ли в Петербург, продолжать ли мою поездку в Варшаву, или ждать дальнейших приказаний; посему я решился здесь ждать и посылаю тебе нарочного фельдегеря. Сделай милость, выведи меня скорее из сего неприятного недоразумения и будь уверен, что я готов исполнить все то, что ты думаешь.

Вчера в ночь приехал генерал-адъютант Толь. Я ему вручил твое письмо и, по приказанию твоему, растолковал ему все обстоятельства подробно. Он остается здесь со мною и будет ожидать дальнейших приказаний. Также вчера в ночь вернулся из Варшавы адъютант военного министра Сабуров; он мне сказывал, что брат, взяв у него пакеты и увидев адрес его императорскому величеству, не распечатав, отдал их ему назад, сказав: —«Э т о д о м е н я н е к а с а е т с я». Я пакеты у Сабурова отобрал, велел ему остаться здесь и присылаю пакеты тебе прямо с сим же фельдъегерем. Сделай милость, хорошо обдумай, что мне делать, и что на мой счет решишь, я повторяю тебе, что я на все готов. Прощай, мое почтение жене твоей.

Твой навеки

М и х а и л.

[1]) Дорогой уполномоченный.

[2]) Письмо даты не имеет, но время его написания устанавливается указаниями писем №№ 8 и 9.

8.

Николай Павлович—Михаилу Павловичу.

С.-Петербург. 11-го декабря 1825 г.
в ¾ 8-го часа утра.

Спасибо, любезный Михайло, за письмо твое и за все, что ты для меня, а потому и для брата, делаешь; наше положение тяжелое, но начав, надо докончить.

Я тебя прошу настоятельно—останься, где есть, ибо должно ожидать с минуты на минуту ответа от брата или его приезда, стало, или ты мне здесь в перьвом случае необходим будешь, или всегда успеешь выехать далее навстречу брата.

Ты весьма благоразумно сделал, что остановил Сабурова и прислал мне его пакеты. Равно и благодарю за сведения об том, что с ним происходило. Надо ждать ежеминутно развязки, между тем — сиди у моря и жди погоды. Ваша колония между тем, может, и еще прибавиться, et c'est ainsi que du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas! [1]). Вчера вечером писал я тебе по эстафете. Ежели узнаешь достоверно, что брат едет, ты поедешь, стало, к нему навстречу; а мне сейчас дай знать.

Твой курьер приехал ко мне в семь часов утра; так как матушка еще почивает, я не решил подымать тревоги, так я ей и жене твоей отдам письма, когда встанут, и я их увижу.

Ты мне — искренний друг, и мне это ныне показываешь твоим терпением. Верь моей искренней дружбе и благодарности.

Николай.

Дай бог, чтоб болезнь Куруты не была опасной; недоставало того только. Твоим в колонии мой поклон.

9.

Михаил Павлович—Николаю Павловичу.

12/24 декабря 1825 г.

Я получил вчера в обед по эстафете письмо твое, а другое через фельдъегеря вечером и за оба тебя благодарю весьма. Слава Богу, что все спокойно. Если я получу достоверные известия, что брат едет, то я сейчас пущусь ему навстречу, а покуда буду ждать здесь новых повелений. Сегодня в ночь получено повеление из Риги, от министра внутренних дел, чтобы заготовить на каждой почте по 110 лошадей. Впрочем, ничего нового нет. Жене твоей мое почтение. Генерал Толь здесь ждет; если я поеду навстречу к брату, то он полагает вернуться в Петербург. Прощай.

Твой навеки
Михаил.

Все мои сопутники у ног твоих и благодарят тебя за поклон.

[1]) Вот уж подлинно: от высокого до смешного — один шаг!

10.

Николай Павлович—Михаилу Павловичу.

12 декабря 1825 г. С.-Петербург.

Решительный ответ в самых милостивых выражениях, но, к нещастью, в том же смысле, как и то, что ты привез, прибыл к нам сейчас по Брестской дороге. Стало, дело кончено, а твой нещастный друг выдан на жертву; — но я не стану роптать, буди воля божия, и как подданный, я буду уметь быть послушным.

Надо тебе сейчас воротиться со всей твоей колонией и не терять время. Завтра ввечеру будет мной собран Совет, к которому и ты быть должен, как ч л е н и свидетель братней невозвратной воли. Покуда одному генералу Толю объяви содержание этого письма, и если ты ему не все обстоятельства подробно объяснил, то можешь теперь все договорить.

Письмо брата ко мне такое, какое от друга искреннего ожидать можно, и да благословит его за то бог. — Никитин едет обратно из Варшавы по твоему тракту; ты его не пропущай, а отбери в с е, что везет, даже пакет покойного государя из Сената, им везомый, и привези ко мне лично.

Здесь все тихо и спокойно; нового ничего нет. Лазарева, если застанешь в Иевве, возьми также с собой.—Вот несколько строк к тебе от матушки; жена твоя здорова; а мы тебя целуем сердечно.

Твой навеки верный друг и брат

Н.

Если Никитин до тебя не доедет до твоего отъезда, вели Д о л г о р у к о м у его дождаться и привезти его прямо ко мне, не прописывая на заставе.

11.

Николай I—Михаилу Павловичу.

С.-Петербург. 14 декабря 1825 г.
в 1/4 8-го часа утра.

Я тебя ждал, любезный Михайло, и с нетерпением ждал; но видно, богу угодно было отнять у меня и сие последнее утешение.

Я г о с у д а р ь!!! Брат должен быть доволен! Но, ради Бога, где ты, что с тобой делается? я начинаю бояться, что тебя верно река задержала в Ямбурге.

Вчера ночью ждал я тебя от 8 часов до 3/4 12-го. Тут решился я итти в Совет и выполнить волю брата. Все было в порядке; сегодня же в 7 часов были у меня все генералы наши, и им прочел я письмо брата. Они поехали исполнять долг свой.

— Вчера один офицер, но не наш, а адъютант—бог ему простит, а я в душе прощаю—пришел в казармы 1-го батальона Преображенского и вздумал говорить солдатам, что они напрасно присягать идут. Солдаты на него кинулись и привели к дежурному офицеру. Он сидит под арестом; я его увижу и так, как теперь прощаю, так и тогда прощу: пусть ему совесть будет наказанием.

Все мы здоровы, равно жена твоя, которая у нас пробыла до 1-го часа.

Бог с тобой.

Твой навеки верный брат и друг

Н.

ПИСЬМО НИКОЛАЯ I К СЕСТРЕ МАРИИ ПАВЛОВНЕ.[1])

С.-Петербург. 14 декабря 1825 г.

Молитесь за меня богу, дорогая и добрая Мария! Пожалейте несчастного брата — жертву воли божией и двух своих братьев!

Я удалял от себя эту чашу, пока мог, я молил о том провидение и я исполнил то, что мое сердце и мой долг мне повелевали.

Константин, мой государь, отверг присягу, которую я и вся Россия ему принесли. Я был его подданный: я должен был ему повиноваться.

Наш ангел должен быть доволен — воля его исполнена, как ни тяжела, как ни ужасна она для меня.

Молитесь, повторяю, богу за вашего несчастного брата; он нуждается в этом утешении — и пожалейте его!

Николай.

---

[1]) Письмо адресовано Марии Павловне, герцогине Саксен-Веймарской, писано утром 14 декабря. Оно напечатано в книге М. А. Корфа «Восшествие на престол имп. Николая I»; 3-е изд., стр. 119. Оригинал — на французском языке; здесь письмо дается в переводе.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ НИКОЛАЯ I И КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА.

(17 декабря 1825 г. — 21 июля 1826 г.)

В печатаемой здесь второй группе писем Николая I и Константина Павловича дана в выдержках переписка братьев за время следствия и суда над декабристами и их казни. Критическое отношение Константина ко многому, ч т о — а главным образом к а к — делалось в Петербурге во время следствия и особенно суда над декабристами, в частности несочувствие к личной позиции Николая в деле декабристов — выступают совершенно определенно в переписке. Письма из Варшавы содержали не мало колкостей, едкой остроты которых не уничтожала чрезмерная и напыщенная декламация Константина. Николай со своей стороны не оставался в долгу перед братом. Впрочем, Константин Павлович от петербургского следствия старался держаться возможно более в стороне, но начавшееся дело о польском обществе касалось уже его непосредственно, и пикировка и споры его с Николаем сосредоточиваются подъ конец преимущественно на вопросах о деятельности Варшавской Следственной Комиссии. Не без затаенного торжества Николай своими петербургскими данными вскрывает перед Константином наличие заговора в районе, подведомственном его наставительному советчику. Но ему явно хотелось бы видеть больше решительности в варшавских розысках и разведках и больше активности в этом отношении со стороны самого Константина; однако этот последний упрямо оставался в усвоенной им на этот раз либеральной позе конституционного правителя, верящего польскому обществу и убежденного во взаимной доверенности к себе и не желающего вмешиваться в з а к о н н ы й ход дела. Как известно, Николай со своим реализмом и со своим инстинктом власти в конце концов торжествовал в этом споре победу, когда следствие и суд над поляками закончились приговором, мягкость которого была неожиданной и для самого Константина. Но этот финал долгой полемики двух братьев приходится уже на 1829 год и лежит за пределами печатаемой здесь выборки из их переписки.

1.

Николай I — Константину Павловичу.

С.-Петербург, 17 декабря 1825 г.

Дорогой и добрый Константин, пишу вам несколько строк, только чтобы сообщить добрые вести отсюда. После ужасного 14-го, мы, по счастью,

вернулись к обычному порядку; остается только некоторая тревога в народе, она, я надеюсь, рассеется по мере установления спокойствия, которое будет очевидным доказательством отсутствия всякой опасности. Наши аресты проходят очень успешно, и у нас в руках все главные герои этого дня, кроме одного. Я назначил особую комиссию для расследования дела; она состоит из военного министра, Михаила, Кутузова, Левашова, Бенкендорфа и Александра Голицына. Пока—вот вам подробное описание всего дня: из него вы узнаете все с самой точной правдивостью, узнаете и имена арестованных. Впоследствии для суда я предполагаю отделить лиц, действовавших сознательно и предумышленно, от тех, кто действовал как бы в припадке безумия...

Моя жена шлет вам тысячу приветов, а я целую ручки моей дорогой невестки и прошу вас, дорогой Константин, сохранить вашу добрую дружбу к бедному малому, которого вы сами ввергли в тяжкие труды, от которых он очень бы хотел уклониться.

Ваш преданный и верный брат

Николай.

2.

Константин Павлович — Николаю I.

Варшава, 20 декабря 1825 г.

Дорогой и бесценный брат! Что вам сказать, какую весть подать вам после чтения вашего письма от 15-го сего месяца, которое я получил сегодня утром? Единственно, что я могу сделать, это поблагодарить вас от глубины сердца, за то, что вы подумали обо мне среди тех обстоятельств, в которых вы находитесь. На коленях и с горячими слезами благодарности я благодарил бога за то, что он сохранил вас от личного несчастия. Великий боже, что за события! Эта сволочь была недовольна, что имеет государем ангела, и составляла заговор против него! Чего же им нужно? Это чудовищно, ужасно, покрывает позором всех, хотя бы и совершенно невинных, даже и не помышлявших того, что произошло! Ваше поведение, дорогой брат, возвышенно, но, пожалуйста, обдумывайте его, и пусть ваше милосердие не увлечет вас слишком далеко.

Генерал Дибич сообщил мне все бумаги, и из них одна, которую я получил третьего дня, ужаснее всех других: это та, в которой — о том, как Волконский призывал приступить к смене правления. И этот заговор длится уже 10 лет! Как это случилось, что его не обнаружили тотчас или уже давно? Обратите внимание на Киев и Одессу; они не хороши, и в свое время я обращал на них внимание покойного нашего благодетеля; граф Аракчеев, кн. Волконский и Дибич знают это...

...Какое счастье среди этого горя, что меня не было в Петербурге в тот критический момент, когда эта сволочь подымала мятеж как бы во имя мое! Бог знает, какое несчастье могло бы случиться! и даже теперь я буду очень опасаться, как бы мое появление не вызвало вновь прискорбных сцен. Повидимому, во всем этом деле камнем преткновения служит мое имя. Бог, видящий глубину моего сердца, знает чистоту моих намерений, и я, конечно, — вне всякого упрека в потакании этой сволочи. Я не решусь приехать к вам, пока время не вернет все опять к спокойствию и тишине, чтобы снова не воспользовались моим именем как предлогом для

чего-нибудь подобного. К тому же, я думаю, здесь мое присутствие необходимо, чтобы, когда тут все узнается, не произошло чего-нибудь неподобающего. Впрочем, я жду ваших приказаний относительно всего этого; но во всяком случае, чтобы тронуться отсюда, я должен быть уверен в спокойствии по моему управлению.

Я искренно жалею доблестного графа Милорадовича, жертву своего усердия и преданности, и всех прочих. Но что можно поделать против воли божьей? Если это несчастное петербургское происшествие, как ни тяжко оно, может восстановить порядок в остальной империи, то это — жертва, которая принесет некоторую пользу; в противном случае сволочь увидит, что есть еще честные люди, умеющие жертвовать собою, и что не всё им сойдет с рук...

3.

Константин Павлович — Николаю I.

Варшава, 22 декабря 1825 г.

Дорогой, бесценный Николай, в ту минуту, когда я собирался писать вам, чтобы известить вас о нашей присяге, которую мы вчера принесли, согласно вашему манифесту, вам и вашему маленькому ангелу Александру, приехал фельдъегерь Гридякин с вашим милым письмом от 17/29 декабря. С признательностью повергаюсь к вашим стопам за вашу добрую память и за дружбу и доверие, которое вы благоволите мне оказывать. Будьте уверены, дорогой брат, что я надеюсь при всяких обстоятельствах доказать вам свое усердие и преданность, как я это всегда делал по отношению к нашему благодетелю и повелителю, который по своей доброте изволил быть этим доволен. Господь будет мне помощником, на него я всецело уповаю, как это было всегда.

Донесение о петербургских событиях, которое вам угодно было мне прислать, я прочел с живейшим интересом и с самым серьезным вниманием. Когда я перечитал его три раза, внимание мое остановилось на одном замечательном обстоятельстве, которое поразило мой ум: список арестованных содержит только имена лиц до того неизвестных, до того незначительных самих по себе и по тому влиянию, которое они могут иметь, что я вижу в них только передовых охотников и застрельщиков шайки, заправилы которой остались сокрытыми до времени, чтобы по этому событию судить о своей силе и о том, на что они могут рассчитывать. Они виноваты, в качестве застрельщиков-охотников, и по отношению к ним не может быть снисхождения, так как в подобных вещах нельзя даже допускать увлечения; но вместе с тем нужно разыскивать подстрекателей и руководителей и непременно найти их на основании признаний арестованных. Никаких остановок — пока не будет найдена исходная точка всех этих происков! вот мое мнение, каким оно приходит мне на ум; вот что́ сказал бы я покойному императору, как я ему и сказал в свое время, что это сам он внес заразу в армию, разослав в ее недра семеновцев, которые заразят все остальное.

Теперь сообщаю вам, что в Московском полку, по имеющимся у меня сведениям, есть унтер-офицер, или ефрейтор, по фамилии Прокофьев, брат фельдъегеря той же фамилии, служивший на почте; он может доставить довольно определенные данные относительно происков офицеров, которые будут пригодны; предоставляю вашей находчивости использовать это средство...

...У нас все спокойно; слухи о петербургских событиях начинают доходить сюда и передаются здесь различно. Я считаю нужным не только не скрывать их, но даже, наоборот, придавать им возможно больше огласки, так как тем или другим образом все будет известно...

4.

Николай I — Константину Павловичу.

С.-Петербург, 23 декабря 1825 г.

Дорогой Константин! Начинаю с заверения, что здесь с божьей помощью все вошло в обычный порядок; настроение умов прекрасное и станет еще лучше, когда вас увидят здесь.

Со времени моего последнего письма вернулся Комаровский, которого я посылал в Москву, и привез или, вернее, подтвердил все те добрые вести, которые я уже имел. Подобное же донесение пришло из Финляндии и Могилева; жду таковых же из 2-й армии. Наше следствие идет прекрасно, также как и аресты всех имеющихся под рукой участников этого ужасного, необычайного заговора; выписка о том, что происходит по этой части, вам посылается с этим курьером. Вы увидите в ней хорошо знакомые имена, и у меня весьма основательные подозрения, чтобы быть уверенными, что все это восходит до Государственного Совета, именно до Мордвинова; но я держусь правила налагать руку только на тех, которые изобличены или на которых падает слишком большое подозрение, чтобы им оставаться на свободе, поэтому я ничего не ускоряю.

Лунин определенно принадлежит к шайке, и что касается меня, то в этом я вижу разгадку его поступления на службу к вам и всего усердия, которое он выказывал; ясно, что ему было поручено создать себе там положение. Мое мнение, если смею иметь его, — не арестовывать его, но постараться захватить его на месте преступления, что не заставит себя ждать, и будет непременно.

Здесь все усердно помогают мне в этой ужасной работе; отцы приводят ко мне своих сыновей; все желают показать пример и, главное, хотят видеть свои семьи очищенными от подобных личностей и даже от подозрения этого рода.

Я жду Михаила Орлова и Лопухина, которые уже должны быть арестованы; арестованные во второй армии—самые важные главари. Это подтверждает Вадковский, доставленный вчера, а также и другие. Мне особенно важно иметь Пестеля и Сергея Волконского; жду также Муравьева и Чернышева. Вот какие у нас дела!

Я завален работой, вы это поймете; пожалейте меня и не взыщите с меня за беспорядочность этих строк; но голова у меня идет кругом, главное же, чтобы вы знали все...

5.

Константин Павлович — Николаю I.

Варшава, 25 декабря 1825 г.

...Слава богу, до сих пор среди этих отвратительных открытий не скомпрометировано имя никого из тех, которых мой покойный благодетель соизволил подчинить моему командованию; впрочем, все меры, которые

я считаю необходимым принять для общей безопасности, по моему разумению приняты, и я жду дальнейших донесений. Здесь все спокойно; все поражены и возмущены петербургскими ужасами. Чтобы предупредить всякие пересуды и толки относительно этих прискорбных событий, я счел нужным перевести буквально на польский язык статью из «Петербургских Ведомостей», которая сообщает о них, и напечатать ее в здешней газете... Пожалуйста, дорогой брат, не оставляйте меня без известий о вас и о дальнейших открытиях, так как каждая минута дорога...

6.

Николай I — Константину Павловичу.

С.-Петербург, 28 декабря 1825 г.

В том состоянии, в каком теперь моя голова и ум, я должен раз навсегда вас просить, дорогой и бесценный Константин, заранее извинить меня за бесконечную забывчивость и за всю беспорядочность того, что я вам пишу. Пишу вам, когда урываю секунду свободного времени, и то, что у меня на сердце; поэтому прошу милости и снисхождения за всё; пожалейте бедного малого — вашего брата [1]).

Ваш курьер 22 декабря/3 января прибыл вчера утром; Михаил был у меня, и вы можете себе представить, что заставило нас обоих почувствовать чтение вашего письма. Только бы мне быть достойным вас! вы знаете, я всегда этого просил у провидения. Можете себе представить, что происходит во мне в этот момент.

Здесь все, слава богу, благополучно, наше дело тоже подвигается, насколько то возможно, успешно. Я получил донесение Чернышева и Витгенштейна, что Пестель ими арестован, равно как кое-кто из других вожаков; а так как после здешнего происшествия я уже дал приказ об аресте последних и о присылке первого, то я и жду их каждую минуту. В 4-м, 5-м и 2-м корпусах все благополучно; я не получал официального рапорта из 3-го корпуса и из второй армии, но меня уверяют, что там тоже все благополучно. Здесь я велел арестовать обер-прокурора Сената Краснокутского, отставного семеновского полковника, а Михаил Орлов, который был, по моему распоряжению, арестован в Москве, только-что привезен ко мне. Я приказал написать Меттерниху, чтоб он распорядился арестовать и прислать Николая Тургенева, секретаря Государственного Совета, путешествующего с двумя братьями в Италии. Остальные замешанные лица или уже взяты, или с часу на час будут арестованы.

Я счастлив, что предугадал ваше намерение дать возможно большую гласность делу; я думаю, что это и долг, и хорошая и мудрая политика. Счастлив я также, что оказался одного с вами мнения, что все арестованные в первый день, кроме Трубецкого, только застрельщики. Факты не выяснены, но подозрение падает на Мордвинова из Совета, поведение которого в эти печальные дни было примечательно, а также на двух сенаторов — Баранова и Муравьева-Апостола; но это пока только подозрения, которые выясняются помощью и документов и справок, которые каждую минуту собираются у меня в руках.

[1]) Prenez pitié de votre pauvre diable de frère.

Посылаю вам показание подполковника Комарова, который несомненно очень правдив и, кажется, человек прямой и действительно почтенный; показание его даст вам ясное понятие о всем ходе заговора во 2-й армии.

Здесь все благополучно. Я очень недоволен здешней полицией, которая ничего не делает, ничего не знает и ничего не понимает. Шульгин начинает пить, и я не думаю, чтобы он мог оставаться с пользою на этом посту; еще не знаю, кем его заменить.

...Посылаю вам еще список масонской ложи в Дубно, найденный у кого-то из умерших тут; быть-может, эти бумаги и не имеют значения, но пожалуй лучше, чтобы вы знали имена этих личностей в настоящий момент. Посылаю также и польский перевод манифеста по поводу событий 14-го; думаю, что он у вас уже есть, но на всякий случай посылаю. Там вы найдете выражение чувств, которые одушевляют меня, и официальное провозглашение того образа действий, какого я предполагаю держаться в этом важном деле.

Я был очень счастлив, что мог сам исполнить поручение, касающееся Насакина и Мещерского [1]); это поручения, которыми позволено гордиться и которые неохотно уступаются другим. Они приняли это со слезами благодарности и счастия.

По известиям, дошедшим до меня сегодня, оказывается, что во вчерашней почте есть сообщение о приезде 84 иностранцев — французов, швейцарцев и немцев. Так как у нас достаточно нашей собственной сволочи, я полагаю, было бы полезно и сообразно с условиями настоящего времени отменить эту легкость въезда в страну; я думаю предложить Совету министров восстановить тот порядок вещей, который существовал до последнего разрешения свободного въезда.

29 декабря.

Вчера мне невозможно было кончить это письмо, так как копия показания Комарова не была готова, и я этому очень рад, потому что сейчас только получил ваше письмо через Евтушенку, дорогой и бесценный Константин, за которое нежно вас целую. Бога ради, если вы не хотите привести меня в отчаяние и лишить меня и той малой доли спокойствия, которую я еще сохраняю, — не обращайтесь ко мне с этими ужасными выражениями почтения, они меня оскорбляют и приводят в отчаяние; пожалейте меня и не усугубляйте трудности и ужаса моего положения вещами, которыми вам так легко меня не огорчать.

Сегодня утром я получил рапорт Дибича, который мне доносит о своем отъезде в Могилев, как это ему мною предложено сделать, и о том, что Шервуд отправлен сюда. Наши дела идут хорошо: показания прекрасны, и в нашей власти почти все главные лица. Нам недостает только Кюхельбекера, и я разослал губернаторам его приметы, чтобы его задержали.

Вот два письма Витгенштейна и Киселева к Дибичу, из них вы увидите их понятия о вещах до того, как они узнали о том, что происходило здесь...

---

[1]) Подпор. Насакин 14 декабря командовал караулом от Финляндского полка при Сенатской гауптвахте, соприкасавшимся непосредственно с мятежным каре и оставшимся верным Николаю. Кн. Мещерский, командир роты его величества л.-гв. Гренадерского полка, вернул ее к повиновению уговорами. Константин Павлович просил Николая передать им его благодарность.

7.

Константин Павлович — Николаю I.

Варшава, 30 декабря 1825 г.

Ваш шурин [1]), дорогой Николай, будет подателем этого письма; я не хотел отпустить его отсюда с пустыми руками. Ваш тесть [2]) простер свою благосклонность и доброту ко мне дальше, чем я мог когда-нибудь надеяться: он поручил вашему шурину передать мне на словах выражения сочувствия по поводу той жестокой утраты, которую мы только-что понесли, и написал мне более чем лестное письмо, в котором в полной мере высказана вся его привязанность к нашему усопшему. Я ему сейчас же ответил, от полноты сердца благодаря его особенно за выбор посланца. Я обязан ему признательностью на всю мою жизнь... У нас все спокойно. Поговорите с вашим шурином относительно моего приезда в Петербург и о мнении вашего тестя об этом; оно вполне совпадает с моим. Нельзя, чтобы я, через свое присутствие, вновь стал предметом или предлогом беспорядков, как это было в первый раз. Сначала оглядитесь хорошенько, оградите себя от всех смутьянов и упрочьтесь, так сказать, на вашем месте; а пока я ясно вижу, что происходит вокруг меня. Нужно время и спокойствие...

8.

Константин Павлович — Николаю I.

Варшава, 31 декабря 1825 г.

Дорогой и бесценный брат! Фельдъегерь Беляев третьего дня утром аккуратно вручил мне, по своем сюда приезде, ваше доброе дружеское письмо от 23 числа сего месяца, за которое я спешу повергнуть к вашим стопам выражения моей самой искренней и полной признательности. Будьте уверены, дорогой брат, что ваше доверие и ваша ко мне дружба составляют одну и единственную цель всего моего существования. Моя верность и преданность известны вам издавна и, смею сказать, заслужили мне дружбу общего нашего покойного благодетеля. Под этой-то покровительственной эгидой я себе позволю, до того времени, пока вы это будете находить уместным, излагать вам правду, как она мне представляется, со всей, вам известною, прямотой и без малейшего уклонения.

Ваше письмо меня совсем не удивило; лица, в нем поименованные, давно известны как враги всякого порядка. Я ссылаюсь на свидетельство князя Волконского, графа Аракчеева и генерала Дибича, что я в свое время говорил им об этом так же, как и нашему покойному благодетелю, обращая его августейшее внимание на Киев и Одессу как на очаги всех этих происков. Факты, к сожалению, слишком определенно доказали, что мое опасение было не без основания. Необходима величайшая бдительность так же, как и величайшая осмотрительность, чтобы вывести на свет весь этот заговор, и чтобы невинные не пострадали в этой ужасной истории из-за ненависти к ним замешанных; ведь легко может случиться, что эти смутьяны захотят для своего оправдания скомпрометировать тех, кого они не смогли завербовать к себе, постараются, навлекая подозрение на людей верных, внести

[1]) Принц Вильгельм прусский, который ехал в Петербург через Варшаву.
[2]) Король прусский Фридрих-Вильгельм III.

некоторую неуверенность в ход правления; возможно, что этим они попробуют также выиграть время.

Перехожу к Лунину. Все замешанные либо его родственники, либо старые товарищи по школе, либо друзья детства. Возможно, что он, слыша непристойные разговоры или речи, старался в свое время удалиться от их общества и найти прибежище в войсках, состоящих под моим командованием, они же из мести хотят его впутать. Я ему не покровительствую, еще менее хочу его оправдывать: факты и следствие докажут его виновность или невинность; к тому же, за ним здесь пристально следят. Что до него, — он занят только своей службой и охотой. За три дня до получения вашего письма от 23 числа, он испросил у меня частную аудиенцию, которую я ему дал, и в присутствии Опочинина и Жандра он изложил мне свое более чем трудное положение в виду того, что вся его родня замешана в заговоре. Я допытывался узнать от него самого, не было ли его возвращение на службу удалением, вынужденным обстоятельствами его прежних знакомств; на это он мне ответил в таком смысле, что это возможно было предположить. Я должен сказать в его пользу, что он не раз просил меня не щадить его и судить строжайшим образом, чтоб правда была обнаружена, и чтобы он был либо наказан, либо оправдан. Вот все, как оно есть.

Теперь я вам скажу о другом деле, мой официальный рапорт о котором вы получите, как только буду иметь все сведения, ожидаемые мною с минуты на минуту. 24 декабря Литовский пионерный батальон, собранный для принесения вам присяги, обнаружил колебания исполнить это. Тогда Обручев приказал ему итти в казармы и тотчас же уведомил меня устным донесением через капитана Малафеева, того же корпуса. Генерал д'Оврэ сейчас же послал туда генерала Вельяминова, который, собрав офицеров и объяснив им все соответствующие документы и статьи, приказал 26 декабря собрать вышеупомянутый батальон, который сейчас же присягнул, без малейшего сопротивления или колебания, которое повидимому происходило только от новизны самих фактов. Генерал Вельяминов сейчас же сделал смотр вышеупомянутому батальону и нашел его, как быть должно. Он все же приказал арестовать и посадить под строжайший арест штабс-капитана Игельстрома и поручика Вегелина, начальников 1-й и 3-й рот; Вот что я пока узнал официально от генерала д'Оврэ; он меня извещает, что генерал Вельяминов сам явится со всеми дальнейшими сведениями. Как только я узнаю все эти подробности, я не премину вам донести о них официально.

Я жду также донесений относительно принесения присяги из других военных частей и гражданских учреждений; некоторые мне уже доставлены, но другие за дальностью мест еще не могли прийти.

Из этого отчета вы видите, дорогой брат, что пока еще необходимо, чтобы каждый оставался на своем посту, и что я не могу еще думать о том, чтобы побывать у вас. Сверх того, позволю себе высказать вам еще и следующие соображения, которые приходят мне на ум по поводу моего приезда в Петербург. Могли бы вы уже поручиться за кажущееся спокойствие столицы? Уверены ли вы, что все соучастники заговора уже в ваших руках? Кто может поручиться, что при моем появлении не вспыхнет новый беспорядок! Быть может даже те, которые повидимому желают моего приезда, сами заинтересованы вызвать этот беспорядок под предлогом моего злополучного имени, уже и без того столь жестоко и столь злосчастно скомпрометированного. Ваш шурин, с которым я обо всем этом говорил, совершенно со мною согласен; он мне сказал, что то же думает его отец, король. Обсудите хорошенько сами ваше положение, не ускоряйте, не торопите ничего, упрочь-

тесь на вашем месте, прежде чем предпринимать что-либо другое. Вспомните, в своем письме вы сами говорите, что заговор восходит до Государственного Совета, и что подозрения падают даже на адмирала Мордвинова. Отсюда я могу быть вам более полезен, и наша живая и непрерывная переписка может разрушить все планы вожаков, хотя бы каждый и оставался на своем месте. Я остаюсь при прежнем моем мнении; я достаточно знаю моих людей, знаю довольно хорошо, как совершаются и двигаются дела. Безопасность не будет обеспечена до тех пор, дорогой брат, пока вы не будете располагать всеми преступниками, и они не будут наказаны. Будьте настороже к тем, кто вас уверяет, будто спокойствие восстановлено: быть-может, они — самые опасные...

...Благоволите, дорогой брат, уведомить меня, что это за князь Голицын, камер-юнкер, который заключен в крепость, как его имя и кто его родители. Затем в газетах говорили о 4 арестованных офицерах конной артиллерии, имена которых еще не известны...

9.

Николай I — Константину Павловичу.

С.-Петербург, 1 января 1826 г.

Пишу вам всего два слова, дорогой и бесценный Константин, чтобы выразить вам мои искренние пожелания к наступающему новому году. Да будет он для всех нас счастливее прошедшего! Курьер везет вам показания, данные вчера вечером; они такой важности, что я счел долгом не откладывать и переслать вам их тотчас же; вы сами убедитесь в этом. От Грабовского я узнал также, что недавно, по возвращении вашем из-за границы, также и до вас дошли какие-то слухи о чем-то в этом же роде. Быть-может, одно связано с другим; впрочем, смотрите и действуйте, как вам представится лучше. Досадно, что я не могу вам назвать никого кроме Лунина.

Дибич приехал сегодня утром и подтвердил мне хорошие известия из армии; впрочем, скажу всегда: на б о г а н а д е й с я, а с а м н е п л о ш а й. Здесь все, к а ж е т с я, спокойно, и я надеюсь, что, с божьей помощью, так будет и дальше...

10.

Константин Павлович — Николаю I.

Варшава, 4 января 1826 года.

Дорогой брат! Фельдъегерь Евтушенко, по своем приезде вчера в 10 часов утра, аккуратно вручил мне все письма, порученные ему вами. Спешу вас за них поблагодарить от глубины моего сердца, особенно за ваше письмо, дорогой брат, которое является отражением вашего сердца и того чувства дружбы, которое вы ко мне питаете; вы уверены в моих чувствах, дорогой брат Николай, и я надеюсь, что при нашем единении ничто никогда не сможет уничтожить и порвать нашу искреннюю дружбу.

Я собирался ответить на все пункты вашего милого и доброго письма, но мне помешал приезд курьера от волынского губернатора, который мне доносит о возмущении в 5 ротах Черниговского полка по подстрекательству подполковника Муравьева-Апостола в момент, когда его должны были арестовать. Кроме того губернатор докладывает, что он посылает генерала

Гогеля в Дубно, для принятия там мер. Я сейчас же отправил курьера обратно с приказом губернатору и генералу Гогелю действовать твердо, решительно и осторожно, чтобы положить предел беде и не допустить ее распространения. Вы получите мои форменные донесения, которые будут отправлены в 9 часов вечера. Генерал Гогель прислал мне с курьером донесение, в котором излагает все меры, какие он по предложению губернатора счел нужным принять при подобных обстоятельствах; я мог их только всецело одобрить, убедясь, что они основаны на осторожности и долге и подкреплены энергией. Все это я и посылаю вам с курьером, чтобы вы были предупреждены возможно скорее.

Возвращаю также вам два письма графа Витгенштейна и генерала Киселева; я их перечел несколько раз с самым напряженным вниманием и нахожу в них только массу фраз и много легкомыслия; они написаны до событий, которые вероятно откроют им глаза. Сверх того, отсылаю вам анонимное письмо, содержание которого показывает, что еще не все вожаки схвачены, и что, кроме того, эта сволочь все время рассчитывает на мой приезд, чтобы начать все наилучшим манером сызнова, в случае если им оставят для того средства и возможность. Необходимо, чтобы каждый оставался на своем посту, потому что отсутствие кого-нибудь на своем месте в такой критический момент могло бы быть вредно. Это письмо, как и предыдущее, я показывал генералу Куруте, и ему закралось подозрение, не в духе ли оно старого М о р д в и н о в а, который, говорите вы, держал себя так странно 14-го. Разберитесь в этом, дорогой брат, прежде, чем что-либо решать.

Что касается письма подполковника Комарова, дай бог, чтобы оно было искренно, хотя я, без желания его оскорбить, в этом сомневаюсь: слишком оно запоздало, слишком рассудительно, слишком натянуто, чтобы счесть его за добровольное чистосердечное признание. В моей жизни мне случалось видеть не мало подобных маневров, которые рассчитаны были только на то, чтобы отклонить от себя подозрение и, по возможности, ввести власть в заблуждение; раз подозрение отведено, работа возобновляется еще интенсивнее, и ее уже труднее разрушить и исправлять все при новом взрыве, предупредить который уже невозможно; вот мое убеждение.

Что касается приложенного акта, то перед богом, слышащим меня, и по совести и по душевному убеждению моему, я нахожу его вполне логичным и хорошо продуманным, исключая одного пункта, под которым я не могу подписаться, это того, где упоминается обо мне и написано карандашом вашей рукою. Раз отказавшись от всякого права на престол, я никоим образом не могу участвовать в подобных актах, не становясь тем самым в самое ложное положение: так дело принимало бы вид, будто я только для формы совершаю свое отречение, а в сущности управляю со стороны (au-dessous), или же вмешиваюсь в дела управления. Вот официальное выражение моих взглядов; что же касается частных отношений, то я вижу еще один поступок с вашей стороны, который я вполне оценил и за который очень благодарен; он мне доказывает вашу дружбу и вашу снисходительность. Да будет так!..

11.

Николай I — Константину Павловичу.

С.-Петербург, 4 января 1826 года.

Дорогой Константин!

Показания, которые только что дал Пестель, настолько важны, что я считаю долгом без промедления вас о них уведомить. Вы ясно увидите

из них, что дело становится все более и более серьезным вследствие своих разветвлений за границей и особенно потому, что все, здесь происходившее, повидимому только следствия или скорее плоды заграничных влияний. Вы лучше, чем я, решите, дорогой Константин, что нужно предпринять в Варшаве в настоящий момент относительно лиц, названных в показании, и я прошу вас: делайте только то, что вы найдете необходимым; следовательно: из лиц, которых у вас просят, вы пришлете сюда только тех, присутствие которых вам не нужно для раскрытия заговора у вас.

Я думаю покончить возможно скорее с теми из негодяев, которые не имеют никакого значения по признаниям, какие они могут сделать, но, будучи первыми, поднявшими руку на свое начальство, не могут быть помилованы. Это — Бестужев и Щепин Московского полка. Я думаю, что их нужно попросту судить, притом только за самый поступок, полковым судом в 24 часа и казнить через людей того же полка. Оболенский, уличенный в убийстве Милорадовича, или, по крайней мере, в нанесении ему штыковой раны, должен разделить ту же участь, но не так скоро в виду того, что необходимы его очные ставки со многими из этих презренных, так как он один из главарей партии или Думы, как они ее называют здесь.

Я бы во всех отношениях очень желал вашего приезда, как бы ни тяжела была наша встреча. Не скрою от вас, что в войсках наблюдается еще некоторое беспокойство, что не видят вас, и что ходят слухи, будто бы вы двигаетесь с корпусом на Петербург. Только ваше присутствие может окончательно установить спокойствие в этом отношении...

12.

Николай I — Константину Павловичу.

С.-Петербург, 5 января 1826 года.

Только-что полученное мною известие о возмущении Черниговского полка Муравьевым-Апостолом в момент, когда его должны были арестовать, заставляет меня, не откладывая, сообщить вам, дорогой Константин, что я отдал 3-й корпус под ваше командование, о чем я уже написал Сакену. Я уполномачиваю вас принимать все меры, которые вы найдете необходимыми, чтобы помешать развитию этого зародыша мятежа, вы можете, следовательно, двинуть все войска ваших двух корпусов, какие сочтете необходимым употребить в дело, уведомив главнокомандующего, дабы он, со своей стороны, мог урегулировать движение своей армии. Я желал бы избежать вступления польской армии в Россию, разве только это станет необходимым.[16]

Главнокомандующий принял нужные меры; я не могу сказать того же о Щербатове: он упустил драгоценное время, и я, принимая во внимание направление, взятое Муравьевым, не могу не опасаться, как бы Полтавский полк, командуемый Тизенгаузеном, который еще не арестован, а также Ахтырский гусарский и конная батарея, командиры которых тоже должны были быть арестованы, не присоединились к восставшим. Князь Волконский, который по близости, если он еще не арестован, вероятно присоединится к ним. Таким образом наберется от 6000 до 7000 человек, если не окажется честных людей, которые сумеют удержать порядок.

Жду дальнейших известий и, сообразуясь с ними, думаю дать делу необходимую гласность, чтобы предупредить ложные слухи.

Не могу ничего вам больше сказать, ни ответить на ваше милое, прекрасное письмо от 31 декабря, полученное сегодня утром, и письмо, присланное с Вильгельмом. Я больше не в силах. Да сохранит нас господь от новых несчастий! От всего сердца и души обнимаю вас. На всю жизнь остаюсь с самой искренней и неизменной преданностью. Повергните меня к стопам моей невестки и поцелуйте Павла.

Ваш преданный и верный брат и друг

Николай.

13.

Константин Павлович — Николаю I.

Варшава, 7 января 1826 года.

Дорогой и бесценный брат! Вчера вечером я имел счастье получить ваше доброе и любезное письмо от 1-го числа сего месяца, и спешу поблагодарить вас за него от глубины сердца, а также за вашу память и неизменную дружбу. Будьте уверены, что умея ее ценить, я сделаю все возможное, чтобы оказаться ее достойным и доказать вам, что служба вам, как и покойному нашему благодетелю, единственная цель моего существования...

...Относительно того, что вы мне сообщаете в вашем письме от 1-го сего месяца о тайном обществе, которое должно существовать здесь, то со всем этим было покончено еще при покойном императоре, и виновные понесли наказание. Несмотря на это, за лицами прикосновенными и за теми, которые возбуждают подозрение, установлен строжайший надзор, и нам уже удалось добыть кое-какие важные сведения, которые однако все имеют отношение исключительно к местным обстоятельствам, более или менее важным. Зло перешло к нам из Познани и, сообразуясь с приказанием покойного императора в подобных случаях, я сообщил об этом вашему тестю, королю, в собственные руки. До сих пор не обнаружено следов какой-либо связи или поддержки из России, и, повторяю, зло было исключительно местным и имело действительное значение только до 1822 года; с тех пор был суд и наказания, и все покончено покойным императором, и теперь мы только стараемся выяснить последствия. Армия одушевлена лучшим духом, и я имел случай в точности в этом убедиться, как со слов командиров, приезжавших сюда по случаю нового года, так и по своим специальным сведениям.

За Луниным неотступно следят, и, повторяю, я предполагаю, и не без некоторого основания, что, видя всех своих родственников более или менее замешанными, не зная, как отгородить себя от них, он искал убежища в войсках под моим командованием, не подозревая, что зло было столь велико. В отместку за это, вся эта родня старается теперь впутать его в дело. Впрочем, относительно этого, я ссылаюсь на свое последнее письмо.

Что касается показаний, посылаемых мне военным министром по вашему приказанию и данных полковником или поручиком Корниловичем, я их считаю всецело ни на чем неосновательным пустословием, как говорят,— «после ужина горчица». Признаюсь вам откровенно, дорогой брат, эти показания или признания после происшествия очень мало достоверны и даны только для самооправдания: ими старались запутать дело, замешав в него различные имена и личности и навлекая на них подозрения и сомнение; известно, что во всех делах такого рода все виновные держатся правила — чем больше замешанных, тем труднее будет наказать. Вот, как перед богом, что я об этом думаю.

Относительно дела пионеров, посылаю вам свое официальное донесение, которое ознакомит вас со всем; я отдал под суд всех замешанных, и о результате вы будете уведомлены в свое время. Генерал Вельяминов выказал энергию и осторожность и принял превосходные меры; он заслуживает вашего благоволения; офицеры Самогитского гренадерского полка его тоже заслужили.

Дело Черниговского полка закончено: все схвачены, судя по донесению, сделанному мне волынским губернатором; возблагодарим господа по этому случаю.

Соблаговолите, дорогой брат, прислать мне общий список всех задержанных и скомпрометированных; мне это необходимо в случаях, которые могут здесь представиться; тот, что у меня, настолько неточен, что те же фамилии повторяются несколько раз.

До сегодня у нас все, слава богу, спокойно, и я надеюсь, его милостью, так будет и впредь. Позвольте мне, однако, дорогой брат, сделать вам одно замечание по поводу всех показаний, которые вам даны. Мне кажется, что все эти презренные русские, показавшие себя недостойными этого имени, видя, что до сих пор не замешан ни один поляк, стараются, за неимением доказательств, навлечь на них хотя бы подозрения. Могу обратить ваше внимание на это, дабы те, которые осенены были покровительством покойного императора, не сделались жертвами интриги, подозрения и сомнения. Заметьте к тому же, что все показания намекают, что меня здесь задерживают, что я должен приехать в Петербург, и пр., и пр., и много тому подобного. Я повторяю вам, дорогой брат, по глубокой моей к вам привязанности, что мое присутствие з д е с ь производит гораздо большее впечатление как на русских, так и на поляков. Подумайте об этом, и вы увидите правильность того, что я высказываю...

14.

К о н с т а н т и н П а в л о в и ч — Н и к о л а ю I.

Варшава, 9 января 1826 года.

...Разрешите мне, дорогой брат, обратить ваше внимание на то, как мало удовлетворительны те показания, которые мне сообщают. Я оказываюсь в невозможности по ним действовать. Меня просят, например, арестовать какого-то М о ш и н с к о г о, не определяя, которого именно, а их несколько; мне говорят о Р а т к о в с к о м, с ним те же затруднения; что касается князя Я б л о н о в с к о г о, то только после справок, которые я должен был собрать здесь окольными путями, я узнал, что это должен быть А н т о н, жена которого здесь, а сам он уехал в Киев на контракты, где и должен сейчас быть. Что до доктора П л е с с е л я, то его здесь никто не знает, и во врачебном списке его нет, разве что это окажется доктор Л е с с е л ь. Непременно нужно выяснить точно имена и личности, без чего все дело превратится в хаос. Что касается генерала К н я ж е в и ч а, он был действительно скомпрометирован по делу Лукасинского, которое закончено еще в 1824 г. покойным императором, по суду под председательством генерала Гауке; между тем, в виду того, что в теперешнем деле замешаны лица, которые были оправданы по делу старому, мне ничего не остается более, как продолжать свой розыск, который не дает, однако, до сих пор никаких иных сведений, кроме тех, которые подтверждают то, что мы уже знали и раньше. Я собирался было

приказать арестовать писаку [1]) М о р а в с к о г о, проходившего уже раз десять через мои руки; но он имел ловкость ускользнуть в самый момент ареста в окрестностях Калиша и сумел найти приют в великом герцогстве Познанском, где все ему подобные находят покровительство, а прусское правительство в такого рода обстоятельствах, несмотря на все мои заявления, действует недобросовестно. Относительно К н я ж е в и ч а, который находится в Дрездене, я уверен, что почтенный король не откажет ни в его аресте, ни в захвате его бумаг, раз что он согласился на подобную меру по отношению профессора Кузена по заявлению французского короля. Мне это сказал министр Эйнзидель; он несколько раз повторил, что правительство постарается всегда сделать все возможное в подобных случаях, лишь бы ему были представлены доказательства виновности. Я уверен, дорогой брат, что одно ваше слово с курьером почтенному старому королю даст больший результат, чем все прочее...

...Что касается моего приезда в Петербург, чтобы положить конец толкам в войсках относительно якобы моего похода на столицу, который я совершаю с войсками, состоящими под моим командованием, то они столь нелепы, столь глупы, что я могу приписать их только желанию заново повторить безобразные сцены, но уже не только под прикрытием моего несчастного имени, но и в моем личном присутствии. Мое присутствие необходимо здесь, вдалеке от вас, так как и те сведения, которые вы имеете, указывают на разветвления заговора и в этом крае. Чтобы покончить все это, пришлите сюда под каким-нибудь предлогом, или в качестве курьера, одно или несколько лиц: вернувшись, они засвидетельствуют, что никто здесь никуда не двигается, и что все здесь в том же порядке, как было в царствование покойного императора. Это слишком грубая и сшитая белыми нитками интрига, чтобы не заметить ее сразу. Повторяю вам, упрочьтесь крепко на вашем месте и, как только все будет открыто и зачинщики схвачены, вы увидите, как эти слухи падут сами собою. Ради бога, дорогой брат, пожалуйста — не торопитесь и не слишком верьте признаниям и раскаяниям, после происшествия, которые обыкновенно делают только, чтоб затянуть дело и выиграть время, а также чтобы замешать других, набрасывая подозрение на людей верных и неспособных ни на какой бесчестный поступок. Остерегайтесь докладов и донесений, делаемых под личиною усердия, а также тех, которые через них рассчитывают сделаться необходимыми, между тем как в действительности они только самые вредные льстецы.

Вы просите у меня, дорогой брат, советов, я их вам и даю такими, как они приходят мне на ум и насколько кажутся мне полезными для вашей службы и для вашей безопасности, говорю вам с откровенностью, которую вы знаете и которая заслужила мне доверие покойного императора...

15.

К о н с т а н т и н П а в л о в и ч — Н и к о л а ю I.

Варшава, 10 января 1826 года.

Дорогой и бесценный брат! Сегодня после обеда я имел счастье получить ваше письмо от 5/17 числа этого месяца; спешу вам выразить всю мою признательность за него, так же, как и за то доверие, которое вы благоволили оказать мне, поручив мне командование 3-м корпусом, на случай

[1]) Ecrivailleur.

крайней необходимости при усмирении восстания Муравьева-Апостола. Но, по милости божьей, все кончено, а потому я и не считаю себя больше в праве вмешиваться в это дело, о чем я уведомляю также и графа Сакена.

Из всех бумаг, которые я уже переслал вам, вы усмотрите все распоряжения, какие я предпринял, равно как и генерал Гогель по войскам моего командования; я считаю их совершенно совпадающими с вашими намерениями, если судить по вашему письму от 5/17 и по приказам, которые я получил от генерала Дибича.

Однако, я считал бы необходимым, дорогой брат, чтобы вы обратили ваше внимание на одно важное обстоятельство, вот оно: в нашей армии у генералов, командующих различными частями, есть прискорбное обыкновение считать себя изолированными и предоставленными каждый сам себе. Так в только-что случившемся происшествии один лишь волынский губернатор известил генерала Гогеля о событии, потому что они оба состоят под моим началом; между тем генерал Рот, а за его отсутствием начальник его штаба, сейчас же должен был уведомить об этом своих соседей, чтобы они могли быть готовыми ко всяким событиям, так как, в случае неудачи или первого неуспеха, соседям уже было бы слишком поздно принимать меры предосторожности или обуздания; все пришлось бы делать торопливо, наспех, а это всегда влияет на настроение войска и отдельных лиц. Генерал Гогель, у которого, по моим приказаниям и с одобрения покойного императора, повсюду имеются агенты, получил сведения о происшествии даже еще ранее того, чем волынский губернатор уведомил его об этом, и имел время установить связь с генералом Ротом; но другой генерал, у которого бы не было агентов, и которому не разрешено было бы их иметь, оказался бы застигнутым врасплох среди полной безопасности.

Обратите внимание, как все эти нарушители общественного спокойствия держатся друг за друга; в этом отношении нужно им подражать. Если зло объединяется для действия, нужно, чтоб и добро в свою очередь делало то же самое для разрушения его замыслов. Существует способ заботиться о безопасности, который может привести меня в отчаяние — это заботиться только о себе; к несчастью, этим отличаются почти все мои соседи! Обратите внимание на тот окольный путь, который должно было проделать извещение, чтобы добраться до меня из Литвы: через Белую Церковь, на Киев, на Могилев, и оттуда уже сюда, тогда как из Литвы через Дубно сюда гораздо ближе. Повергаю на ваше усмотрение, дорогой брат, все эти соображения; благоволите подумать о них и обратить ваше внимание на вышесказанное...

16.

Николай I — Константину Павловичу.

С.-Петербург, 11 января 1826 года.

Не сердитесь на меня, дорогой и бесценный Константин, если я замедлил с ответом на ваши два добрых письма—одно к наступающему Новому году, другое, посланное с казачьим офицером, по поводу событий в Черниговском полку. Мой курьер и то, что он привез вам отсюда, докажет вам, что, при всей надежде на милость божью, я все же готовился к х у д ш е м у, и что меры, которые я счел долгом вам предложить, были в этом духе. Провидению угодно было, повидимому, при посредстве этого события, нам дать новое доказательство своего неисчерпаемого милосердия к нам, допустив событиям разразиться, когда они были уже предвидимы во всех их

ужасных последствиях, и позволив покончить с ними так же легко, как это было и здесь. Этим самым оно дало неверующим филантропам нашего века доказательство последствий, к которым приводят их принципы, а честным людям — неоспоримое подтверждение, что если существуют негодяи, то есть и честные люди, которые знают, как взяться за дело в подобных случаях.

Могу только просить вас засвидетельствовать, в каких вам угодно выражениях, Гогелю и Андржейковичу мое полное удовлетворение за принятые ими меры; благоволите только меня об этом уведомить, чтобы я мог это дословно поместить в приказе.

Наши аресты идут своим чередом: показания Вишневского довольно любопытны; для той же цели ко мне только-что привезли сегодня Фон-Визина, личность довольно значительную. Якубович только-что изобличен; он признался в намерении убить нашего ангела, и Орлов это знал!

В войсках все благополучно; в народе еще носятся слухи, что вы не приезжаете потому, что вы арестованы в Варшаве и тому подобные глупости...

...Я завален работой; меня тяготят недоимки, оставшиеся от июля и августа месяцев; впрочем, в скором времени, надеюсь, буду в состоянии приняться и за текущие дела; однако, я думаю, ссыльные в Нерчинске обременены, наверно, не больше, чем я: у меня нет ни часу отдыха, исключая немногих часов, когда сплю.

Михаил здоров и исполняет свое дело с усердием, которое вы в нем знаете; он мне большая помощь...

17.

Николай I — Константину Павловичу.

С.-Петербург, 16 января 1826 года.

Я собирался писать вам, дорогой Константин, чтобы ответить на ваши три последние письма, отправленные с курьером и полученные в течение двух дней, но в это время приехал Опочинин. Как я опишу вам то счастье, которое заставили меня пережить дружеские слова, переданные мне им от вашего имени! О, дорогой Константин, почему не можете вы читать в моем сердце, чтобы знать, что я испытываю в ответ на все ваши милости! Пусть вся моя жизнь всегда и везде будет вам доказательством, что нет на свете существа, стремящегося более, чем я, заслужить ваше одобрение, услышать от вас слово удовлетворения, доброты, дружбы! Ваше восхитительное письмо моей доброй жене заставило меня плакать горячими слезами; бог да воздаст вам за добро, оказанное мне этим письмом, и за чувство, вызванное у меня и моей доброй старухи выражениями вашей дружбы!

Но опять и раз навсегда не сердитесь на меня, если мое письмо окажется несвязным; по совести я едва могу связать в порядке две мысли. Дибич вероятно вам уже написал относительно Гогеля и Андржейковича; надеюсь, вы увидите в этом намерение предупредить ваши вполне справедливые желания относительно их. Ваши приказы относительно Вельяминова будут также в точности исполнены. Мне только хотелось бы знать, не желаете ли вы чего-нибудь в этом роде для офицеров гренадерского Самогитского полка. Во всяком случае, поступайте от моего имени, как вам угодно...

...Я в восторге, что мы сошлись в мысли относительно неправильного образа действий наших генералов, которые не обмениваются уведомлениями о том, что у них происходит. Об этом уже отдан приказ.

Здесь дело наше подвигается; вот точный список всех задержанных и скомпрометированных; за его точность я ручаюсь. Чтобы закончить дело, я жду Бестужева из Полтавского полка; он очень важен как посредник между Польской и Волынской партиями; без него наши сведения по этому пункту не могут быть полными.

Теперь мы разобрались во всем ходе заговора, начиная с 15 года вплоть до дня 14/26 декабря. Ужасно сказать, что было 3 заговора, из них два против нашего ангела, зачинщики которых приблизительно все одни и те же, как в этом признаются эти господа; и есть один, который в 1817 году должен был по собственному желанию стать убийцей! Он не скрывает этого, а вместе с тем всеми силами отрицает, чтобы у него были сообщники; это бывший семеновский офицер Якушкин. И не нашлось никого, кто бы его изобличил! Богу угодно было сохранить нашего ангела от козней, устрояемых со столь ужасным постоянством. Мы, его подданные, его братья, должны отомстить за Россию и за нашу национальную честь. Для таких — нет пощады!..

...Курьер, с которым я вам пишу, везет мое письмо к старику королю саксонскому с просьбой о выдаче Княжевича (вы познакомитесь с моим письмом по копии). Я считаю дело нетерпящим отлагательства, так как в подобных вещах нельзя, мне кажется, ограничиваться полумерами. Если он невинен, в чем я сомневаюсь, тем лучше для него: он будет оправдан перед лицом всего света. Я также просил о выдаче Тургеневых...

...Здесь все благополучно. Мои гости присутствуют на смотрах войск, что дает удобный случай и мне их посмотреть, и я могу сказать по совести и по правде, что они вполне хороши, и что если бы наш ангел их видел, он был бы ими доволен. Глупые слухи все еще держатся в городе, но раз войско хорошо и народ превосходен — остальное неважно...

...Забыл вам сказать: насколько я имел случай быть довольным Ротом, настолько Щербатов, мне кажется, держался как б а б а. Наш старый Сакен даже заболел от этого, тем более что Щербатов позволил себе писать более чем непочтительно, за что и призван к порядку. Пора бы этим скандалам прекратиться!..

18.

Константин Павлович — Николаю I.

Варшава, 17 января 1826 года.

... Что касается Якубовича, то ваше сообщение меня не удивляет; если что меня удивляет, так это — как могли позволить офицеру, исключенному из гвардии, приехать в отпуск как нарочно в Петербург, где он раньше вел себя недостойным образом. Что касается Орлова, то меня ничто в нем не удивляет, как и во всей шайке...

... У нас все совершенно спокойно и все идет, как при покойном императоре; повсюду надзор самый тщательный. История Черниговского полка вызвала всеобщее негодование, и суждений в другом смысле до меня не доходило. Разрешите мне, дорогой брат, обратить ваше внимание на поведение капитана Козлова, из этого полка, из гренадерской роты; он заслуживает примерного благоволения; сейчас удобный случай наградить его,

который может потом не представиться, равно как майора и адъютанта [1]). Как видите, я пользуюсь вашим разрешением — говорю все, что приходит мне на ум...

19.

Константин Павлович — Николаю I.

Варшава, 18 января 1826 года.

Писал вам вчера, дорогой и бесценный брат, а дела сложились так, что пишу опять, чтобы сообщить, что, согласно вашему приказанию, посылаю вам еврея, про которого Пестель говорит, что тот был у него фактором. Еврей утверждает, что никогда не был фактором, но что, будучи торговцем лошадьми, он имел сношения с полковником только по делам своей торговли; кроме того, он назвал мне другого еврея, который был личным фактором Пестеля; я уже послал его разыскивать.

Подольский губернатор доносит мне сегодня эстафетой, что в Линцах, в главной квартире Пестеля, живет доктор Плессель, очень известный и с большой практикой; я сейчас же написал киевскому губернатору, чтобы мне его захватили. По мнению генерала Гогеля, этот доктор должен быть в имении Ходкевича в Киевской губернии, а подольский губернатор указывает на Линцы, принадлежащие князю Евстафию Сангушко, как на место жительства доктора. Киевский губернатор должен выяснить, два ли это разных лица, или одно и то же.

Вы видите, дорогой брат, на этом примере, насколько необходимо определять имена и личности, без чего нельзя ничего делать и нельзя действовать уверенно и со знанием дела. Я это пишу в подтверждение одного из моих предшествовавших писем. Нет ничего хуже неопределенных данных в этого рода делах, где почти все зависит от первого момента...

20.

Константин Павлович — Николаю I.

Варшава, 20 января 1826 года.

Фельдъегерский поручик Блюменталь будет иметь честь вручить вам, дорогой и бесценный брат, это письмо так же, как мое официальное донесение, сопровождающее коллежского ассесора Кюхельбекера, который арестован вчера при входе его в предместье Прагу унтер-офицером Волынского гвардейского полка, по фамилии Григорьев; последний выказал при этом случае редкую сообразительность и присутствие духа, заслуживающие высшей похвалы. Все это изложено в моем рапорте. Я Кюхельбекера подверг допросу, который тоже посылаю; он интересен подробностями относительно дня 14 декабря.

Кюхельбекер рассчитывал здесь найти покровительство барона Моренгейма и генералов Альбрехта и Жандра, а также у своего старого товарища по лицею Есакова, который служил в артиллерии. Генерал Альбрехт и жена генерала Жандра — внуки старого доктора Кронна, состоявшего при нашем покойном отце, а Кюхельбекер тоже его внук. В случае неудачи

[1]) Речь идет о награждении оставшихся на стороне правительства при восстании Черниговского полка майора Трухина, капитана Козлова и адъютанта Павлова.

он надеялся спастись за границу. Согласно вашему приказанию, он—в железах, и я дал для его сопровождения двух казаков. Что касается унтер-офицера Григорьева, он заслуживает награды, и я бы предложил его к повышению, но, к несчастью, он не умеет ни читать, ни писать и к тому же стар, имея уже две нашивки. Если вы соблаговолите произвести его в подпоручики 14 гвардейской инвалидной роты, здесь находящейся, он был бы вполне вознагражден; эта рота выполняет иногда жандармскую службу, и честный Григорьев по своему прямому и верному характеру достоин этой службы...

21.

Константин Павлович — Николаю I.

Варшава, 22 января 1826 года.

Третьего дня ночью фельдъегерь Белоусов, по своем приезде, вручил мне аккуратно ваше письмо и другие пакеты, которые с ним были присланы и за которые прошу вас, дорогой и бесценный брат, принять мою чувствительнейшую, живейшую благодарность. Отчего я не могу прижать вас к моему сердцу, дорогой брат, отчего вам не дано прочесть, что в этом сердце происходит, и увидеть те чувства, которые внедряет в нем ваша дружба! Будьте уверены, дорогой, дражайший брат, что нет на свете другого существа, которое любило бы вас более верно, более преданно, чем ваш старый брат Константин. Моя жизнь, служба так же, как мои скромные сведения и мое слабое знание дел посвящены вам до последнего моего дыхания! Наше единение и единение всей нашей семьи — это союз, который в силах расстроить замыслы злодеев; это мое священное и непоколебимое убеждение. Вы меня достаточно знаете, как человека своего слова (un homme de parole), чтобы рассчитывать на меня и мое усердие. Да будет так!..

...Ваши приказания исполнены, и я послал генерала Фенш арестовать предводителя дворянства графа Мошинского и взять его бумаги; они будут посланы вам прямо в Петербург—и личность и документы. Что касается других лиц, относительно которых я испрашиваю ваших приказаний, с ними поступлено будет так же по мере их задержания.

Фельдъегерь Белоусов отправился сегодня днем в Дрезден, снабженный вашим пакетом, а также моим письмом Ханыкову, в котором я даю ему указания; на границе уже приняты меры в этом отношении; лишь бы эта личность туда явилась, я надеюсь, что ее препроводят достойным образом по дальнейшему назначению. Положитесь на меня в отношении осторожности. Затем не упускайте из виду князя Антона Яблоновского, о котором говорит генерал [1]) Пестель; если он не вернулся уже в Волынскую губернию, то должен быть в Киевской. Это — тонкая штука, и недурно бы во многих отношениях было иметь его в Петербурге.

После отсылки Кюхельбекера, я вчера получил донесение генерала Влодека из Слонима о том, что там был арестован его слуга и препровожден в Гродно, откуда губернатор мне докладывает сегодня утром о его прибытии, посылая мне 4 его показания. Я еще вчера послал нарочного, чтобы доставить его сюда, и как только я его подвергну вторично допросу, я вам его пришлю. Его показания проливают свет на некоторые обстоятельства 14 минувшего декабря.

---

[1]) Так в оригинале.

Я прилагаю свой приказ относительно унтер-офицера Волынского гвардейского полка Григорьева; если вы соблаговолите разрешить, я полагал бы не бесполезным опубликовать этот приказ повсюду, чтобы везде знали настроение войск моего командования, которое свидетельствует о духе, царящем среди них, и об их верности; это заставит также умолкнуть нелепые толки на наш счет, которые распространяются с умыслом. Эта мера вполне отвечала бы также выраженному вами благоволению к генералу Вельяминову и к офицерам гренадерского Самогитского полка.

...Что касается наград, которые вы желаете пожаловать моим генералам и офицерам, я не могу не видеть в этом вашей доброты и вашей готовности и желания сделать удовольствие мне, а также и им, и я благодарю вас от всего сердца. Но зная это, я тем более должен быть осмотрителен, чтобы вы не оказались в неловком положении. Мне кажется, что генерал-адъютанты и флигель-адъютанты были вами назначены только из генералов, полковников и т. п., участвовавших в деле 14 декабря, и что из тех, которые были вне города, не назначен ни один. Если теперь будут назначены на эти должности мои, не оскорбит ли это тех? Предоставляю вам судить об этом. Вы видите, я говорю с вами откровенно: хотя эти милости польстили бы моему самолюбию, но благоразумие прежде всего, особенно при настоящих обстоятельствах.

Что касается широких штанов и гетр снизу, то здесь все будет устроено, как только получу от Михаила образцы...

22.

Николай I — Константину Павловичу.

С.-Петербург, 22 января 1826 г.

Ваши письма я всегда получаю с чувством истинного счастья, дорогой и бесценный Константин, но редко что заставляет меня испытывать эту радость столь живо, как ваше письмо от 17/29. Предупредить, предугадать ваши намерения, дорогой Константин, узнать, что может вам доставить удовлетворение и заслужить ваше одобрение — вот, уверяю вас, моя всегдашняя цель и уверенность, что я достиг этого, доставляет мне счастье, награду, которую ценю выше всего, ибо с тех пор, как его нет, от кого же, как не от вас, дорогой Константин, ждать мне спасибо за ту печальную жизнь, которую я веду. Одно такое слово из ваших уст, или написанное вашей дорогой рукой — вот все, чего я еще могу желать здесь на земле, где все, что я называл счастьем, для меня кончено, где я живу только для других, где всякое воспоминание заставляет меня только постоянно чувствовать вечную потерю. Я утешаюсь только мыслью, что исполняю в а ш у в о л ю; как перед богом, вам я принадлежу п р е ж д е в с е г о, следовательно от вас только получаю и почерпаю силы, в остальном же я полагаюсь на бога. Он меня до сих пор поддерживал, может-быть поддержит и впредь.

Наше дело подвигается, и чем дальше оно идет вперед, тем больше ужасов открывается нашим глазам. Нужно самому все видеть и слышать из собственных уст этих чудовищ, чтобы поверить всем этим ужасам. Из показаний Б е с т у ж е в а - Р ю м и н а и его друга С е р г е я М у р а в ь е в а вы увидите еще некоторые сведения относительно поляков, с которыми те были в связи. К р ы ж а н о в с к и й из конно-егерского полка, по своему нахождению в рядах войск, заслуживает особен-

ного внимания; я полагаю, что его нужно выследить и арестовать, но только после того как его пребывание на воле даст вам достаточно сведений относительно других. В конце концов, наши данные доказывают, что польская партия если и держит документы в Варшаве, то только самые незначительные, что Хлопицкий и Козен, о которых я до сих пор никогда не слыхал, их главари, и что все документы в Дрездене у Княжевича. Впрочем, эти бумаги могут иметь только местный интерес и самое большее — по отношениям с другими европейскими пунктами; для наших же здешних целей достаточно и того, что мы имеем, чтобы изобличить этих презренных.

Из приложенных приказов Дибича вы увидите, что ваши предписания выполнены; Черниговская рота переведена в гвардию; Опочинин вам расскажет, как по счастливой случайности совпали наши мысли по этому поводу.

Здесь все, повидимому, благополучно, исключая тысячи слухов, один другого глупее, которые доказывают, что стараются смутить народ; я, впрочем, сомневаюсь, чтобы в этом имели успех, но нужно быть настороже...

23.

Константин Павлович — Николаю I.

Варшава, 28-го января 1826 г.

Начинаю свое письмо, прижимая вас к сердцу, дорогой брат, чтобы поблагодарить вас за ваше письмо от 22-го числа сего месяца, аккуратно врученное мне вчера фельдъегерем Блинковым, по его приезде сюда. Не сумею вам достаточно выразить счастье, которое испытал я при чтении вашего письма, видя дружбу и доверие, какие вы ко мне питаете. Надеюсь всегда быть их достойным, дорогой и бесценный Николай, и смею уверить вас, что доколе вы найдете то необходимым, истина, как она представляется моему сознанию, всегда будет к вашим услугам; будьте к тому же уверены, что ничто в мире не сможет изменить сердечной дружбы и преданности, которые я к вам питаю, равно как и моего усердия в службе вам. Если мое «спасибо» может вам быть приятно, то вы его вполне заслужили, судя по всему, что я слышу отовсюду. Господь вас защитит и поддержит, дорогой брат, я в этом твердо уверен.

Меня живо заинтересовало все, что вы мне сообщаете о ходе следствия, производимого вами, а бумаги, с которыми генерал Дибич меня познакомил, прелюбопытны. Судя по болтовне всех этих господ, нужно еще благословлять бога за несомненную несогласованность, заметную в каждом шаге принятого ими направления: одни держались одного, другие — другого.

Что касается Крыжановского из конно-гвардейских егерей польской гвардии, я за ним установлю строгий надзор; судя по делу, приговор по которому был утвержден покойным государем, его имя встречалось как имя человека, способного быть во главе одного из разветвлений; впрочем, в продолжение двенадцати лет, что он у меня под началом, я всегда был им совершенно доволен и не мог в нем заметить ничего, достойного порицания; скоро мы узнаем о нем больше. Я послал генерала Дьяконова на Волынь арестовать бывшего полковника Тарновского, а генералу Гогелю дал приказание сделать то же относительно бывшего генерала Ходкевича; оба под усиленной и надежной стражей будут препровождены к вам в Петербург. Последний большой негодяй и слывет за такового; здесь он был невыгодно замечен на сейме в 1820 г., а в 1819 г. — как кастелян; на последнем сейме

он подал в отставку; впрочем, я принял меры, чтобы он не приехал сюда; другой же — игрок и кутила, он служил хорошо во время войны, и его военная репутация хороша; он очень недолго служил под моим начальством, покинув службу почти вначале; я его не знаю даже в лицо...

24.

Николай I — Константину Павловичу.

С.-Петербург, 28-го января 1826 г.

Я собирался благодарить вас, дорогой Константин, за присылку Кюхельбекера и за ваши два письма, через Блюменталя и Радухина, но прибытие Антона Яблоновского заставило меня сделать это после его допроса.

Начинаю с благодарности вам за присылку лица, считавшегося умершим и воскресшего так хорошо, так кстати [1]), чтобы перед лицом всей армии доказать, каково чувство долга и исправность в войсках, состоящих под вашим командованием; в этом случае, как и во всем деле, я вижу десницу господа, пожелавшего в своих неисповедимых путях, чтобы именно в Праге, у вас и вами была арестована эта личность и прислана сюда. И не кажется ли опять-таки необыкновенным, что и я в это самое время мог отсюда письменными сообщениями и посылкою известных лиц дать вам в первый раз возможность узнать кое-что положительное относительно того, что замышлялось в Польше!

Прилагаю нечто в роде допроса, сделанного Антону Яблоновскому. По нему вы рассудите, не требует ли дело принятия строгих мер, особенно с точки зрения здешних отношений. Я же вот что сделал: во-первых, вот приказ, в котором я наделяю вас необходимыми полномочиями, не выходя из обычного хода дел, полагаясь всецело на ваше решение по этому поводу. Однако я считаю дело слишком ясным и не сомневаюсь, что местные сведения, которые вы соберете, и те, что получите из показаний Яблоновского, осветят его еще больше. Несомненно, необходимо проявить величайшую мягкость, чтобы не дать повода недовольным, но и медлить еще со строгостями, я думаю, было бы с нашей стороны преступной слабостью. Впрочем, опять-таки — даю вам полную свободу действовать, как вы найдете нужным.

Я сейчас же сообщил курьером прусскому королю известие, касающееся двух личностей в Познани, и просил его отослать их непосредственно к вам. Эрцгерцог [2]) же взял на себя осведомить императора, даже простер свою любезность до того, что хотел непосредственно написать галицийскому губернатору о задержании и препровождении в Варшаву тамошних; но я счел нужным отговорить его от этого, чтобы дать вам время удостовериться в том, что касается наших.

Следствие идет хорошо и в отношении наших близится к концу. Мне досадно, что не могу ускорить дела; но это значило бы все испортить.

Тут все спокойно и, кажется, так и останется.

Если успею, напишу вам завтра, сегодня больше не могу...

---

[1]) Речь идет об аресте и присылке В. К. Кюхельбекера.

[2]) Эрцгерцог австрийский находился в то время в Петербурге, прибыв для участия в предстоящем погребении Александра I.

25.

Николай I — Константину Павловичу.

С.-Петербург, 29-го января 1826 г.

Только-что я отправил Блюменталя, как сегодня утром я получил эстафетой ваше милое письмо, дорогой и бесценный Константин; оно только увеличило счастье, испытываемое мною от получения ваших писем, и я благодарю господа, что вы довольны бедным малым — вашим братом, который только и думает, как заслужить во всем ваше одобрение.

Блюменталь опередит Яблоновского всего на несколько часов, так как я надеюсь, что смогу отослать и этого последнего через 12 часов, как только он закончит ответы, недостающие в предварительном допросе. Я его поручаю Радухину. Мошинский привезен; признаваясь, что он был в близких отношениях с нашими мошенниками, он отрицает за собой какое бы то ни было знание об обществе и его намерениях. Возможно, что он лжет, так как все наши арестованные называют его членом; поэтому я обещал заковать его в оковы, если будет доказано, что он говорит неправду.

Эрцгерцог посылает в Варшаву своего курьера на случай, если вам удастся узнать от Яблоновского или же от тех, кого он назовет как своих сообщников, новые сведения или подробности о пребывании этих личностей в Галиции, — будьте добры тем же курьером известить обо всем губернатора этой провинции; это большая любезность; благоволите, дорогой и бесценный Константин, не отказать это выполнить. Предполагаю, что посылка и присутствие у вас Яблоновского, раз вы ему дали прозвище «тонкой штуки» (matois), будет иметь важное значение, чтобы узнать, чего нам держаться.

Здесь я хочу, и если богу будет угодно, доберусь до самого дна (j'irai au fond du lac), — будь, что будет!..

26.

Николай I — Константину Павловичу.

С.-Петербург, 30-го января 1826 г.

Хочу только сказать вам, что при очной ставке Мошинского с Яблоновским первый сознался наконец в своей принадлежности к польскому обществу и в том, что был принят Тарновским. Спешу сообщить вам это, чтобы вы могли действовать согласно этим данным. Думаю также, дорогой Константин, что нам выдадут Княжевича. Было бы полезнее оставить его у вас, где он будет более полезен, чем здесь, где его знают только по слухам.

27.

Константин Павлович — Николаю I.

Варшава, 9-го февраля 1826 г.

На протяжении нескольких часов я аккуратно получил, дорогой и бесценный брат, одно за другим ваши три письма с моими обратными курьерами; они от 28-го, 29-го и 30-го чисел прошедшего января. Благоволите принять за них мою признательность, а также за дружбу и доверие,

какие изволите попрежнему мне дарить. Будьте уверены, дорогой брат, что я не злоупотреблю вашим доверием: чем оно будет больше, тем больше я приложу усилий и стараний не обмануть его; пользоваться им и быть вам полезным, дорогой и бесценный брат, вот чего домогаюсь здесь, на земле; надеюсь, вы не сомневаетесь в моей преданности вам и в том, что можете рассчитывать на меня при всяком случае и обстоятельствах.

Все ваши приказания выполнены настолько точно, насколько я мог. Вы получите об этом мои официальные донесения. В этом случае я действовал так же, как поступал я и во времена покойного императора, и в согласии с приказаниями, которые им были мне даны, т.-е. во всех важных случаях поручал действовать самим полякам. Следственная комиссия составлена из всех наиболее значительных и влиятельных лиц края; такое доверие заставит умолкнуть шумиху, толки и тому подобные слухи, которые беспокоят умы; все поймут, в чем дело. Никто не был арестован иначе, как по требованию самого Комитета, и я, следовательно,— совершенно в стороне, и меня нельзя упрекнуть в произволе или пристрастии; я только исполняю постановления, а не раздаю сам приказаний. Все это крайне необходимо, чтобы подчеркнуть особую важность событий и чтобы придать вес всему происходящему. Я почти уверен, что эти господа будут еще более суровы и строги, чем были бы мы сами...

...У нас все до сих пор совершенно спокойно, и всевозможные меры предосторожности приняты. Льщу себя надеждой, что господь бог окажет мне покровительство и сохранит у нас этот порядок. Я не мог воспользоваться австрийским курьером, посланным эрцгерцогом Фердинандом в Вену, для сообщения туда подробностей и сведений, основанных на показаниях князя Яблоновского, так как допрос начался только сегодня — необходимо было время для переводов, выписок и пр., и пр...

28.

Николай I — Константину Павловичу.

С.-Петербург, 10-го февраля 1826 г.

Вот уже более восьми дней, как я тщетно собираюсь написать вам, дорогой и бесценный Константин, чтобы поблагодарить вас за ваше любезное и дружеское письмо от 28 января, но я не могу для этого найти буквально, как говорится, ни одной минуты. Вчера у меня была лихорадка, и я должен был весь день лежать; сегодня, хотя я сильно кашляю, но снова на ногах.

Со времени последнего моего письма нет ничего особенно интересного. Нессельроде вам передаст единственный любопытный документ из всей кучи найденного у Княжевича; остальное не имеет ни малейшего значения, исключая доказательств самой обширной переписки, даже с Англией, что подтверждается расписками английского консула в Лейпциге. Я нахожу, что саксонский король поступил совершенно правильно, не выдавая Княжевича до получения самых веских доказательств его виновности. Сегодня утром прибыли Ходкевич и Тарновский. Первый признался, что знал о существовании Русского Общества, но отрицает всякие сношения с поляками; это возможно, в виду того, что остальные отзываются о нем с презрением, как о личности, которой они не оказывали никакого доверия. Скоро начнутся очные ставки. Я делаю все возможное, чтобы ускорить окончание следствия, но очень трудно разделить

виновных одного общества от виновных другого, т.-е. от «славян», так как оба они сделались русскими, именно с Лещинских лагерей. Большинство славян даже без очных ставок признаются, что клялись убить нашего ангела; сегодняшние говорят, что клятву эту давали на иконе!

Никаких новых данных относительно руководителей и судя по их планам, кажется, эти безумцы действительно думали сами руководить делом: так, Сергей Муравьев должен был здесь командовать гвардией; Рюмин — 3-м корпусом, а Пестель—2-й армией!

Конечно, подобную нелепость трудно понять, если только не видеть в ней десницы божьей,—как и в малейших подробностях всего этого ужасного дела!

В Москве все сошло отлично, и надеюсь, с божьей помощью так же будет здесь. Настроение заметно улучшается; войско видимо довольно, и все идет хорошо; даже город принял свой прежний вид, на парадах бывает толпа, что я приписываю нашей иностранной свите [1])...

29.

Константин Павлович — Николаю I.

Варшава, 15-го февраля 1826 года.

Вчера вечером, дорогой и бесценный брат, имел я счастье получить ваше доброе и дружеское письмо, от 10 числа сего месяца; спешу вам засвидетельствовать живейшую признательность как за его содержание, так и за дружбу и доверие, которые вы мне в нем выражаете. Будьте уверены, дорогой и бесценный брат, что я постоянно буду делать все от меня зависящее, чтобы доказать вам мою преданность, усердие, рвение и счастье быть вам полезным. Будьте уверены, что моя жизнь принадлежит вам вполне, равно как и мои советы, и что до тех пор, пока вы мне не прикажете замолчать, я иначе поступать не буду.

Я был очень огорчен прочесть, что вы должны были пролежать сутки в постели вследствие простуды и что продолжаете кашлять, хотя вам и лучше; льщу себя надеждой и горячо желаю вашего скорейшего выздоровления.

Бумаги, найденные у генерала Княжевича, подтверждают то, что я вам, дорогой брат, постоянно говорил относительно обещаний, на которых поляки основывали свою надежду: это — копии с переписки генерала Костюшки; и кто может поручиться, что таких копий нет по рукам еще и у других поляков. Прочтите конец письма покойного императора, и в нем вы найдете разгадку всего Национального Общества. Что, по вашему, можно им сказать в противовес их взглядам и стремлениям, после столь положительных обещаний, на которых они основывали свои надежды? Посудите беспристрастно сами о положении вещей. Я уверен, что быть-может к концу царствования покойного государя было много вещей, от которых он бы и отказался, но было уже слишком поздно, и обещание, раз оно дано было, при наличии всех неоспоримых документов, не могло быть взято обратно. Более того, весь ход событий указывал положительным образом ту цель, которую покойный император поставил своей задачей,

[1]) В эти месяцы на смотрах постоянно присутствовало много высокопоставленных лиц, съехавшихся от иностранных дворов, для участия в предстоящих погребальных и коронационных торжествах.

и не далее как в свое последнее здесь пребывание он дважды положительно высказывал это нам — мне и моей жене, и те же суждения он повторил пред многолюдным собранием военных и гражданских лиц.

Наш следственный комитет работает своим чередом, скажу более, работает хорошо, усердно и энергично. Поляки в общем возмущены и глубоко огорчены тем, что среди их соотечественников нашлись лица, состоящие в прямых сношениях с вашими революционерами. Комитет делает возможное, чтобы открыть их всех, и общественное мнение высказывается в очень правильном смысле; здесь говорят, что если русский должен быть наказан раз, то поляк — само собой разумеется, десять раз, если только они вошли в связь с революционерами, чтобы все поставить вверх дном, или если они имели личные планы произвести подобные вещи повсюду. Нельзя требовать большего после обещаний, которые были даны им столь положительно. Уныние всеобщее, и все с огорчением видят, что события заставили и не без основания — действовать со строгостью относительно лиц их нации, тогда как они надеялись на обратное. Это свидетельствует о добром духе, их одушевляющем. Я делаю все возможное, чтобы успокоить их, и постоянно повторяю, что несколько паршивых овец не могут заразить остальных, и что раз они будут от него отделены, все стадо останется прекрасным, и что оно и в самом деле таково, каким должно быть...

30.

Николай I — Константину Павловичу.

С.-Петербург, 20-го февраля 1826 года.

Сегодня утром курьер привез мне ваше милое письмо от 15, за которое, дорогой и бесценный Константин, благоволите принять мою живейшую и искреннюю признательность, как и за все то, что вы так по-дружески мне говорите в нем. Знать, что вы мною довольны — это все, чего я желаю и чего добиваюсь, единственное, что меня поддерживает в том грустном ремесле, на которое я обречен.

Содержание вашего последнего письма доставило мне величайшее удовольствие теми известиями, какие вы мне сообщаете о настроении умов, царящем в Варшаве. Признаюсь, у меня никогда не было ни малейшего беспокойства на этот счет, ни сомнения в том впечатлении, какое должно было произвести на людей разумных, верных и любящих порядок известие о происках, направленных к его ниспровержению, под личиной чувства очень почтенного, но обмануться насчет которого могут, конечно, только немногие, ибо между тем, чтобы желать чего-либо п о ч т и о б е щ а н н о г о (une chose presque promise) и тем, ч т о б ы п р е д у п р е ж д а т ь (prevenir) правительство в его мероприятиях тайными и следовательно преступными способами — разница громадная. — Теперь, в установленных вами порядках, они могут видеть только полное доверие со стороны правительства, что должно льстить их национальному самолюбию, но в то же время и доказательство, что правительство не слабеет в виду опасности, но принимает меры для предупреждения и пресечения зла до его взрыва. Нужно быть сумасшедшим, чтобы не быть довольным этим, и уже конечно не м н е думать, что они на это способны! Прибавьте сюда чувство благодарности, которым они обязаны нашему ангелу!

Что касается тех, хотя и немногих, которые по необходимости будут без вины смешаны с настоящими виновниками, думаю, что в интересах

каждого порядочного человека желать, чтобы с него рано или поздно было снято всякое подозрение; знать же, что на тебе тяготеет подозрение и не быть в состоянии оправдаться, по-моему, невыносимое чувство. Мы арестуем не в поисках жертв, но чтобы дать оправдаться оклеветанным. Все, что вы сделали для следствия, прекрасно и может дать только наилучшие результаты.

Наше дело здесь близится к концу, если только новые показания или события не вызовут новых открытий.

От прусского короля я получил весть, что О... и Мельжинский арестованы в Торне, а бумаги их взяты. Я в восторге, что по крайней мере на этот раз, в виде исключения, дело нам удалось; я укрепляюсь в мысли, что мы всегда поступим правильно, обращаясь непосредственно к королю.

23-го.

Я отправил с эрцгерцогом [1]) Кавелина. Он сумеет сообщить вам подробности, могущие вас интересовать; так как он сам был членом первого общества, он сможет вам рассказать, под каким прикрытием все началось. Когда он вам будет более ненужен, благоволите отослать его ко мне обратно...

31.

Константин Павлович — Николаю I.

Варшава, 4-го марта 1826 года.

С курьером, которого отсылаю обратно к вам, я аккуратно получил, дорогой и бесценный брат, ваше доброе письмо от 20 и 23 чисел прошедшего февраля, за которое прошу вас принять мою самую сердечную благодарность, а также за все то доброе и дружеское, что высказано вами, и за доверие, выраженное мне. Будьте уверены, дорогой брат, что я им не злоупотреблю, но что приложу все силы, чтобы непрестанно вам доказывать свое усердие и всю свою преданность. Чем ваше доверие больше, тем чувствительнее возлагаемая им на меня задача достойно на него отвечать, излагая вам откровенно свои мысли, соображения и рассуждения. Впрочем, все, что я могу сказать, вы должны считать, дорогой брат, только результатом моих размышлений; я не претендую на то, чтобы они были безошибочны: я могу быть неправ, но предпочитаю, чтобы вы меня таковым считали, чем думать, что я могу решиться сказать вам не то, что у меня на уме. Перехожу к делу и отвечаю на ваше письмо по порядку его содержания.

Я очень счастлив, что вы остались довольны моими мероприятиями по учреждению здесь Следственного Комитета для обнаружения всех преступных происков тайных обществ. В этом случае я лишь действовал, сообразуясь с предписаниями и желаниями покойного императора, следовательно, заслуга здесь не моя; я только повиновался и следовал его предписаниям. Так поступал я во всех представлявшихся мне случаях в течение тех 12 лет, что я в этом крае.

Работа Комитета идет своим чередом; он работает ежедневно и старается отыскать нить всех этих происков. Как я вам сообщал уже в своих предыдущих письмах, они постоянно прикрываются своей национальностью и обещаниями, которые даны были слишком торжественно, чтобы кто-либо мог их теперь не признавать, и какое-нибудь одно слово этих обещаний они

[1]) Эрцгерцог направлялся за границу через Варшаву.

могут использовать себе в оправдание и, жадно ухватившись за него, действовать под его покровом, в совершенно иных видах. Розыски производятся с величайшею тщательностью, и все члены одушевлены лучшими намерениями и стараются работать в таком духе. Относительно всего хода работ Комитета ссылаюсь, сверх того, на мои еженедельные доклады...

32.

Николай I — Константину Павловичу.

С.-Петербург, 16-го марта 1826 года.

Примите мою самую искреннюю благодарность, дорогой и добрый Константин, за ваше доброе и дружеское письмо от 4, так же как и за все устные сообщения через Кавелина. Несмотря на все свое желание, не мог ответить вам раньше: грустные дни, предшествовавшие 13-му [1]), лишили меня почти всех физических и душевных сил; только со вчерашнего дня я немного дышу...

Я очень счастлив и доволен, что ваше следствие идет хорошо. Только бы вы смогли привести в полное спокойствие умы и были бы удовлетворены настроением нации! Признаюсь, меня это заботит; и я рассчитываю на вас и на вашу помощь, чтобы им доказать, что я только о их благе и думаю.

Здесь наше следствие подвигается хорошо; ускорить его невозможно — страшно потерять какую-нибудь нить. Тарновского и Мошинского вам пошлют...

33.

Николай I — Константину Павловичу.

С.-Петербург, 22-го марта 1826 года.

Всего несколько слов, дорогой Константин, чтобы с курьером, направляемым к Вильгельму [2]), поблагодарить вас за записку, полученную мною сегодня утром, через курьера, относительно самоубийства Сабинского [3]). Сам по себе это неприятный случай, но, судя по тому, что я о нем знаю, его показания, мне кажется, не могли быть особенно важны...

34.

Константин Павлович — Николаю I.

Варшава, 29-го марта 1826 года.

Примите, дорогой и бесценный брат, мою самую искреннюю благодарность за ваше доброе и милое письмо от 16 марта. Я прекрасно понимаю, дорогой брат, то состояние, в каком вы должны были находиться в продолжении времени, предшествовавшего тяжелому дню 13-го; из моего далека я его живо разделяю с вами. Мы должны вознести благодарение всевыш-

[1]) День погребения Александра I.
[2]) Оранскому, мужу в. кн. Анны Павловны.
[3]) Сабинский, арестованный по делу польского общества, покончил самоубийством в тюрьме.

нему за то, что вся наша семья перенесла это горе мужественно и покорно, и что останки нашего дорогого и бессмертного императора почивают с миром...

...Наше следствие двигается успешно, и все члены прилагают возможные усилия для раскрытия заговора и его разветвлений; впрочем, не нужно обманываться надеждой — дело вовсе не легко в виду его крайней запутанности

Мне хочется быть уверенным, что настроение в обществе у нас в общем хорошее; я осмеливаюсь повторить вам это в настоящем письме, основываясь на донесениях, доставляемых мне со всех сторон. Если кое-где и попадаются беспокойные и упорные умы, они не имеют никакого влияния на население в целом, и количество их совсем не велико. Будьте уверены, как был уверен наш покойный государь, что я употреблю все находящиеся в моем распоряжении средства, чтобы доказать этой нации, что ее благо близко вашему сердцу. Даю вам в том свое положительное заверение...

35.

Николай I — Константину Павловичу.

Царское Село, 27-го апреля 1826 года.

...Я вернулся сюда вчера вечером из Бронниц, куда заезжал из поселений, чтобы проститься с матушкой [1]). Как вы уже знаете, она поехала навстречу императрице, которая должна была выехать 22-го. Да поможет ей бог перенести это путешествие без последствий для нее; говорят, она слаба до невозможности, и, против своего обыкновения, она сама теперь упоминает об этом в своих письмах; недоставало бы еще этого нового несчастия!

Михаил уехал тоже, чтобы обогнать войска и собирается сюда вернуться к концу следствия, которое близится к окончанию. Вы должны уже знать, что Лунин наконец заговорил, хотя раньше отрицал все и, между прочим, признался, что перед своим отъездом отсюда предлагал убить императора по дороге в Царское Село, употребив для этого замаскированных лиц! В остальном ничего нового. По окончании следствия, мы, по установленному порядку, приступим к суду, отделив виновных и изобличенных в государственном преступлении от тех, которые не ведали, что творили, а также от тех, которые вышли из общества до 1821 года. Первые должны судиться полным составом Сената, Синода и т. д., остальные могут быть судимы в своих полках или другим судом. Во всяком случае, до окончания суда и его приговора, я не двинусь отсюда, когда же это может кончиться, честное слово, не могу себе представить.

Я очень рад тому, что вы мне сообщаете из ваших мест. Я еще не мог себе составить правильного представления о ваших открытиях: показания написаны по-польски, а мне еще не представили их сводки.

Австрийское правительство просит прислать ему сведения, какие удастся собрать относительно двух личностей, названных здесь Яблоновским, а также о тех, которые были им названы еще в Познани. Благоволите, дорогой Константин, приказать уведомить главнокомандующего Галиции обо всем, что вам удастся выяснить сверх первых неясных указаний Яблоновского...

[1]) Мария Федоровна выехала 25 апреля в Москву навстречу Елизавете Алексеевне.

36.

Константин Павлович — Николаю I.

Варшава, 7-го мая 1826 года.

...Известия, которые вы благоволите сообщать мне, относительно всего, что у вас происходит, меня очень живо заинтересовали, и я опомниться не могу от ужаса пред поведением Лунина. Никогда, никогда я не считал его способным на подобную жестокость, его, наделенного недюжинным умом, обладающего всем, чтобы сделаться выдающимся человеком! Очень обидно; мне жаль, что он оказался столь дурного направления. Вообще, мы живем в век, когда нельзя ничему удивляться и когда нужно быть готовым ко всему, исключая добра.

Я не знаю, почему австрийцы жалуются, что их оставляют в неведении относительно следствия, производимого здесь; могу засвидетельствовать, что им аккуратно посылается все, что их касается; впрочем, я повторил свои приказания на этот счет.

Наша Следственная Комиссия, насколько может, продвигает свою работу; но дело так запутано, что необходимо время, чтобы вывести все на свет, как следует. В остальном у нас решительно ничего нового; благодаря бога, все до сих пор спокойно; уповаю на то же в будущем; весь ход дел продолжает быть прежним.

Недавно послал вам, дорогой брат, или, вернее, генералу Кутузову, одного петербургского жителя, который представился мне и вручил самое странное письмо. Я уверен, что это какой-нибудь агент, и считал бы очень полезным основательно допросить его о причинах, побудивших его сюда приехать. Впрочем, у генерала Кутузова все бумаги, письма и допросы, которые касаются этого дела: я их ему переслал. Не пренебрегайте этими данными; я уверен, что вы обнаружите еще одно новое разветвление...

37.

Николай I — Константину Павловичу.

Царское Село, 12-го мая 1826 года.

...О нашем следствии могу вам сообщить только хорошие новости: оно совсем близится к концу; надеюсь, оно будет закончено не позже как через 10 дней. Этот же курьер вам доставит то лицо, которое вы требовали; его захватили по возвращении из Ревеля у его возлюбленной. Вот он сам и его бумаги — он очень важен...

38.

Николай I — Константину Павловичу.

Елагин Остров, 21-го мая 1826 года.

...У меня нет ничего нового сообщить вам отсюда. Наше следствие закончено, за исключением кое-каких дополнений. Теперь составляют сводку всего материала, и я предполагаю, что к концу будущей недели все будет в моих руках, и я смогу начать процесс.

Производится дознание относительно присланного ко мне вами субъекта. Пока все данные приводят к тому, что это честный крестьянин, у кото-

рого здесь всегда были очень хорошие аттестации от всех домов, где он служил. Уезжая, он оставил здесь письмо, с извещением о своем отъезде, о чем было заявлено в полицию. Сомнительно, чтобы тут что-нибудь скрывалось...

39.

Константин Павлович — Николаю I.

Варшава, 24-го мая 1826 года.

...Субъект, вытребованный мною и доставленный сюда с Евтушенкой, сильно запутан в наши разоблачения, но пока он отрицает все; это обычная тактика всех, ему подобных. Я приказал посадить его обдуматься: это дает иногда хорошие результаты, чему мы имеем недавние примеры.

...Совсем недавно я послал к военному губернатору что-то в роде купчика, приехавшего сюда из Петербурга. Благоволите не оставить меня в неведении относительно его показаний и цели его путешествия сюда, которая не могла же состоять просто в желании засвидетельствовать мне свое почтение; он должен быть или шпионом, или мошенником.

40.

Константин Павлович — Николаю I.

Варшава, 29-го мая 1826 года.

... Слава богу, все пока совершенно спокойно в здешнем крае; льщу себя надеждой, что господь сохранит нам это спокойствие. Наше следствие продолжается и подвигается большими шагами; очные ставки, однако, продолжатся еще некоторое время. Чтобы не привозить сюда массы людей, которых нам негде содержать, мы принуждены были послать вопросные пункты наименее замешанным лицам в Киевскую, Волынскую и Подольскую губернии. Больше нет ничего нового, все здесь попрежнему...

41.

Николай I — Константину Павловичу.

Елагин Остров, 6-го июня 1826 года.

...Вот наконец доклад Следственной Комиссии и список лиц, преданных Верховному Суду. Хотя все дело вам достаточно знакомо, я думаю, вы все же не без интереса прочтете заключение. Оно хорошо составлено, точно, но можно прибавить, по существу оно отвратительно (hideux). Нельзя достаточно благодарить бога за то, что он спас нас от всех этих ужасов, которые для нас готовились, и еще важнее—от всего ужаса покушения на нашего ангела!

Повидимому, господу угодно было допустить события зайти как раз настолько далеко, чтобы дать созреть всему этому сплетению ужасов и нелепостей и чтобы тем с большей очевидностью показать вечно неверящим, что порядок вещей, который господствует и который так трудно искоренить, должен был рано или поздно привести к подобному результату.

Если и после этого примера найдутся еще неисправимые, у нас, по крайней мере, будет право и преимущество доказывать остальным необходимость

быстрых и строгих мер против всякой разрушительной попытки, враждебной порядку, установленному и освященному веками славы.

Михаил вернулся сюда, чтобы подписать доклад. В прошлую среду он был доложен в Сенате, а в четверг начался суд, со всей подобающей торжественностью. Заседания идут без перерыва с 10 часов утра до 3 часов дня, и несмотря на это я еще не знаю, приблизительно к какому числу может кончиться. Затем последует казнь — ужасный день, о котором я не могу думать без содрогания. Предполагаю произвести ее на эспланаде крепости. Во временной Исаакиевской церкви будет отслужено очистительное богослужение за упокой душ тех, которые погибли 14-го, и молебствие в благодарность провидению, сохранившему нас от всех несчастий, которые едва не обрушились на нашу дорогую родину.

Я вам очень благодарен, дорогой и добрый Константин, за подробности, которые вы мне соблаговолили сообщить относительно ваших смотров; я в нетерпении снова полюбоваться ими и был бы очень счастлив, если бы мог снова очутиться в должности адъютанта при е. и. в. цесаревиче, на вороной С п е к у л я ц и и. Я отношу этот день к числу счастливейших в моей жизни.

Вы спрашиваете меня, дорогой Константин, когда я рассчитываю поехать в Москву: думаю, это будет 10 июля...

42.

К о н с т а н т и н П а в л о в и ч — Н и к о л а ю I.

Варшава, 14-го июня 1826 года.

Поручаю, дорогой и бесценный брат, Опочинину это письмо, которое начинаю благодарностью за ваше, написанное 6 числа сего месяца и полученное мной через фельдъегеря. Не умею вам достаточно выразить мою признательность за все, что вы мне говорите, и за оказываемое вами мне доверие. Будьте уверены, дорогой брат, что я им не злоупотреблю и постараюсь его заслужить всеми силами. Благодарю вас также за все присланные вами бумаги, относящиеся к следствию и преданию суду виновных. Нужно признаться, что доклад — это сплетение ужасов, с которыми ничто не сравнится и если когда-нибудь необходим пример, так это теперь.

Все ваши предположения и все, что вы благоволите мне заметить по этому поводу, совершенно согласуется с моим мнением. Но все-таки, неслыханно, чтобы подобное дело могло таиться так долго и не быть обнаружено! Одно меня удивляет, что и повергаю со всем доверием на ваше усмотрение, — это поведение Орлова и то, что он как-то вышел сух из воды и остался непреданным суду. Русская Правда Пестеля — настоящее шутовство (est une véritable bouffonade), если бы дело не было так серьезно. Я предполагал в нем более здравого смысла и ума, но он выказал себя только безумцем и обнаружил какой-то хаос крикливых, плохо понятых и плохо переваренных мыслей. Можно только пожать плечами. Да поможет вам бог, дорогой брат, в эти минуты суровости, к несчастию, столь необходимой!

У нас, слава богу, до сих пор все совершенно спокойно, все идет по-прежнему, в предуказанном направлении. Надеюсь, что господь в своем милосердии сохранит и в будущем это положение вещей.

Я вполне доволен войсками: они лучше, чем когда-либо, и выказывают удивительное старание, преданность и усердие, если только — в чем я сильно сомневаюсь — они не таят глубоко про себя каких-либо замыслов. Я позволяю себе вас заверить, что вы во всем и во всяком случае можете на них рассчитывать. Относительно подробностей, сошлюсь на Опочинина, который провел с нами целый месяц и был в полном смысле свидетелем всего здесь происходившего; благоволите его обо всем расспросить. Он вам везет от меня донесение, в котором я испрашиваю ваших приказаний, по поводу моих дальнейших действий после прекращения деятельности нашей Следственной Комиссии, работа которой близится к концу.

Матушка ставит меня в величайшее затруднение своими настояниями относительно моего приезда в Петербург. Она мне назначает три срока: 1) ваш день ангела, 2) день ангела нашей дорогой Александры и 3) ее собственный. Сверх того, она говорит, что собирается в Петербург ко дню вашего ангела; вы же мне сообщаете, что уезжаете в Москву 10 июля. Выведите меня из затруднения, назначив точно время. Мне очень хотелось бы, чтобы мы поскорее покончили с этим грустным делом, до окончания которого я не могу покинуть района своего командования, как и вы не выезжали далее окрестностей Петербурга. К этому присоединяется вдобавок дело литовских пионеров, которое, повидимому, является ответвлением большого дела и занесено ко мне из 2-й армии Игельстромом и Вегелиным из 6-го и 7-го батальонов. Судите сами о том, как все это важно...

43.

Николай I — Константину Павловичу.

Царское Село, 23-го июня 1826 года

Ваше милое письмо, переданное через Опочинина, дошло ко мне в понедельник утром, дорогой и бесценный Константин, в то время как я готовился отдать свой последний долг императрице Елизавете. Примите мою сердечную благодарность, дорогой Константин, за его дружеское содержание и за все, что было поручено Опочинину передать мне на словах. Надеюсь, вы не сомневаетесь в том счастьи, какое мне приносит каждый знак вашей дружбы и памяти.

...Я чрезвычайно доволен, что наши взгляды относительно русско-польских подданных совпали. Нет другого способа, как прислать их сюда для суда при 1-ом департаменте Сената. Что касается тех, кто находился на службе королевства, они должны быть судимы там, где служили, независимо от их происхождения. Итак, это решено; вам остается только приказать отправить их сюда прямо в крепость каким угодно способом, уведомив об этом меня, пока я здесь, а после моего отъезда — военного губернатора.

Теперь мне бесконечно важно знать, как вы собираетесь судить поляков, т.-е. какой род суда учредить. В виду того, что я не знаю, предусмотрен ли подобный случай конституцией, я бы очень хотел, чтобы вы сделали мне удовольствие обсудить это и прислать мне дело настолько разработанным, чтобы, основываясь на нем, я мог принять решение о форме суда и организовать исполнение самым законным способом. Я думаю, главное — проводить все с возможно точным соблюдением форм, обеспечивая за собою направление дела. Это — единственный способ закрыть рот всем партиям, не уступая ни одной.

... Письмо матушки вас осведомит, что своими просьбами я добился от нее не приезжать сюда на каких-нибудь три недели, чтобы затем вернуться в Москву; наконец, после многих усилий и большого противодействия, я взял над нею верх.

Сейчас же после суда и когда все кончится и войдет в порядок, я пускаюсь в путь и с божьей помощью 22 июля надеюсь быть в Москве. Вот вы и осведомлены о моих планах, не меньше моего. Не скрываю от вас, что буду очень счастлив вас видеть; если это невозможно, я подчиняюсь, так как, повидимому, такова будет воля бога.

Наш суд подвигается; сейчас виновные распределяются по степени их вины. Меня уверяют, что через восемь-десять дней кончат...

44.

Николай I — Константину Павловичу.

Елагин Остров, 14-го июля 1826 года.

Милосердый господь дал нам, дорогой и бесценный Константин, увидеть конец этого ужасного процесса. Вчера была казнь. Согласно решению Верховного Суда, пятеро наиболее виновных повешены, остальные лишены прав, разжалованы и присуждены к каторжным работам или на всю жизнь, или на более или менее долгие сроки. Да будет тысячу раз благословен господь, спасший нас! да избавит он нас и наших внуков от подобных сцен! Все прошло при величайшем спокойствии, порядке и при общем негодовании.

На том самом месте, где пал 14-го бедный Милорадович, мы сегодня отслужили молебен и панихиду по нем и погибшим в тот день. Гарнизон был под ружьем, и зрители все до одного были сильно взволнованы, начиная с вашего покорного слуги. Да будет господь благословен за это тысячу и тысячу раз! Не подумайте однако, что я считаю возможным успокоиться в эту минуту; совсем наоборот: я каждому проповедую удвоить внимание, чтоб избежать вспышек и покушений; нужно быть постоянно настороже.

Примите мою самую сердечную благодарность за ваше любезное и милое письмо от 25-го. Ваша дружба—всегда мне лучшая награда; все, чего я всегда желал — это, чтобы вы были довольны бедным вашим братом. Какое другое утешение может у меня быть?

Несколько дней тому назад уехали дети, я же с божьей помощью рассчитываю выехать с женою после завтра утром, чтобы 21-го вечером быть в Москве.

С нетерпением жду, что вы мне скажете о результате Комиссии Новосильцева [1]), чтобы порешить насчет моего путешествия к вам. Дай бог мне скорее узнать, что ваше следствие тоже кончено. Когда, приблизительно, вы предполагаете, что все может кончиться?..

... Прощайте, дорогой и бесценный Константин, сохраните благоволение и дружбу к вашему, преданному на всю жизнь сердцем и душой, верному брату и другу.

Николай.

[1]) Комиссия эта разрабатывала обряд коронации Николая в Варшаве в качестве «царя польского».

45.

Константин Павлович — Николаю I.

Варшава, 21-го июля 1826 года.

Ваши оба письма, дорогой и превосходный Николай, от 23 июня и 14 июля, мне аккуратно доставлены, первое во время моего объезда по смотрам, второе же фельдъегерем, которому вручаю свой ответ. Благоволите принять мою благодарность за эти два любезных и добрых письма, в которых вы мне выражаете столько доверия; конечно, я его постараюсь оправдать и доказать вам на деле, что достоин его. Прежде чем отвечать на то, о чем вы меня спрашиваете, позвольте мне от глубины сердца поблагодарить вас за первый пароль, какой вы соблаговолили дать в лагере: в нем все три слова были — Варшава, Константин, дружба. Будьте уверены, дорогой брат, что от глубины моего сердца я оценил ваше внимание и ваш любезный поступок.

В этом письме я вам не говорю о состоянии войск, которым делал смотр: мое официальное донесение достаточно ознакомит вас с ним; здесь же могу только прибавить, что давно уже не был так удовлетворен и доволен: в здешних войсках попрежнему то же усердие.

Теперь перехожу к вашему второму письму и от полноты сердца поздравляю вас с окончанием тяжелого следствия, суда и казни. Ваш заключительный манифест — совершенство в этом роде, и даже больше, по мысли, рассуждению и точности; он намечает путь для будущего. Бог да направит по нему всех демагогов, либералов и смутьянов, чтобы вернуть их к порядку и долгу, без чего не может быть ни спасения, ни безопасности!

Вы спрашиваете меня, дорогой брат, когда закончится следствие. Это вопрос, на который трудно ответить. Делают, что могут, работают ежедневно, добираясь до сути дела. Приходится опрашивать лиц отсутствующих, и не далее как вчера разослали по губерниям запросы; сверх того, пруссаки прислали с городским комиссаром К... трех своих арестованных и между прочим бывшего генерала Уминского. Происходят очные ставки, и они начинают признаваться в том, что, по существу, отвергали. Относительно суда, я дал приказ Новосильцеву составить на этот счет записку, которую вам пошлю сейчас же, как она будет готова, так как приходится соблюдать конституционные обычаи.

...Как только кончится наше следствие, все обвиняемые будут посланы для суда в Петербург. Здесь я оставлю только военных и уроженцев края. Отсылаемых направлю, в случае вашего отсутствия, к генералу Кутузову, если же вы будете в Петербурге, — к генералу Дибичу, как он мне приказывает...

ИЗ ПИСЕМ НИКОЛАЯ I К МАРИИ ФЕДОРОВНЕ.

(Декабрь 1825 — июль 1826 г.)

Письма и записки Николая I к матери хранятся в «Особом Отделе» «Архива Октябрьской Революции», среди бумаг бывшей «Библиотеки Зимнего Дворца» за № 1418. Собрание это охватывает письма с 3 января 1825 г. по 29 сентября 1828 г. В нем насчитывается 340 писем и небольших записочек: они наполняют шесть папок, вложенных в особый картон.

Письма Николая чрезвычайно интересны: они содержат те чуть не каждодневные отчеты о ходе важнейших дел внешней и внутренней политики, какие давал он обычно матери; но много места в них, разумеется, уделено и вопросам семейным и придворным. В дни, когда мать находилась там же, где был в данное время и Николай, он лично сообщал ей все текущие политические новости, как это отчасти видно из напечатанных выше записей Марии Федоровны в ее дневнике; в ее отсутствие письма заменяли устное осведомление. Иногда и находясь в одном и том же дворце, но не имея времени пройти лично к матери с какой-нибудь очень важной новостью, Николай посылал к ней коротенькую записку на маленьком листке бумаги, в роде той, какая напечатана ниже под № 1.

В настоящем сборнике из писем, которые Николай писал матери в дни пребывания ее в Москве весною и летом 1826 г., приведены лишь места, имеющие отношение к делу декабристов. Напечатанная первою записочка без даты относится к последним числам декабря 1825 года, когда было получено в Петербурге донесение из Тульчина об аресте Пестеля и других членов южного общества; это явствует и из сопоставления ее с письмом Николая к Константину Павловичу от 28 декабря 1825 г. (см. стр. 169).

Записочки и письма в оригинале писаны по-французски, здесь они даны в переводе. Некоторые из этих писем были напечатаны в. кн. Николаем Михайловичем в его статье «Казнь пяти декабристов и имп. Николай I» («Истор. Вест.», 1916 г. № 7,), но перевод их в этой публикации был дан неисправный.

1.

[С.-Петербург, посл. числа декабря 1825 г.]

...Наконец-то, дорогая матушка, могу я вздохнуть облегченно. Я только-что получил донесение, что бездельники (les coquins) из 2-й армии захвачены, и что все идет как нельзя лучше. Чернышев будет здесь через четыре дня. Благословим и возблагодарим милосердого господа!

2.

С.-Петербург, 28 апреля 1826 года.

...Здесь все совершенно спокойно. — Во время этой поездки [1]) многие сильно тревожились за меня, но теперь, кажется, успокоились, так как видят, что все обошлось тихо, без всякого шума и каких-либо осложнений.

Следствие подвигается быстро; надеюсь, что через две недели оно будет закончено. Рылеев открыл вчера весь свой план относительно 14-го и сознался, что он действительно намеревался всех нас убить и отдать город во власть народа и войска. Будучи написано и подписано manu propria им самим, это показание представляет из себя хорошенький документик для потомков, думаю, даже и для современников! [17]

Теперь я распоряжусь составлением манифеста о назначении суда; как только он будет закончен, я вышлю его вам, дорогая матушка, в связи с этим прошу вас направить ко мне через две недели Кушникова с тем, чтобы он был здесь ко времени суда.

3.

Царское Село, 3 мая 1826 г.

... Следствие наше идет очень хорошо. Из наших открытий важным является лишь достоверное установление факта, что смерть Милорадовича есть дело Каховского, который этим похвалялся. Из слов многих свидетелей представляется вероятным предположить, что он же убил и Стюрлера! Я очень доволен ходом нашей работы; вполне возможно, что мы закончим следствие к 15-му.

4.

С.-Петербург, 8 мая 1826 г.

... Письмо Константина по своему содержанию крайне неприятно, но оно меня не удивило, так как я знаю, что ему свойственен подобный образ мыслей. Ваш ответ превосходен, и, конечно, только таким способом можно от него чего-нибудь добиться. Опочинин, который уезжает сегодня вечером, скажет ему еще больше, так как он также убежден в необходимости его приезда. Невозможно, чтобы я приказал ему приехать; но Опочинин ему расскажет совершенно откровенно, что́ я думаю.

...Полагаю, что через несколько дней я смогу послать вам копию добытых следствием результатов; надеюсь, что следствие будет закончено между 15 и 18; на следующий же день мы начнем суд.

---

[1]) Во время поездки в военные поселения.

...Ничего нового, однако, некоторые подробности ужасны...

...Все совершенно спокойно, и я надеюсь, что бог сохранит нас от всех бедствий, какого бы рода они ни были...

5.

Петергоф, 17 мая 1826.

... Вот письмо Каховского, которое вас заинтересует, дорогая матушка; оно рисует этого человека и этих людей. [18]

В 8 часов вечера.

...Только-что прибыл Лоло [1]). Благословим тысячу раз господа за ниспосланное нам счастье! добро пожаловать m-lle Елизавета! Примите по этому поводу мое поздравление, милая и дорогая матушка. Замечательно, что в момент Елениных родов я был в конно-гвардейском соборе в качестве посаженного отца у Алексея Орлова, который венчался; и все это было 14-го, как раз пять месяцев спустя после знаменитого 14-го!

6.

Елагин Остров, 20 мая 1826 г.

... Вам угодно, дорогая матушка, иметь новые сведения о нашем следствии: после моего последнего сообщения со вложением письма Каховского не произошло ничего интересного. Вчера следствие закончилось, и теперь переписывается донесение.

7.

Елагин Остров, 24 мая 1826 г.

... Я занят приготовлениями к суду. Как только они будут закончены, я буду счастлив все вам представить. В этом деле столько неизбежных и ужасных подробностей, что, дорогая матушка, мне буквально делалось дурно.

8.

Царское Село, 28 мая 1826 г.

... Надеюсь, что в воскресенье донесение Следственной Комиссии будет у меня в руках. Для подписи Михаила будет оставлено свободное место. На чтение донесения, чтобы провести его должным образом, уйдет по крайней мере два дня. Манифест по этому поводу составляется; как только он будет закончен, я буду иметь честь препроводить его вам. Процесс может начаться к концу будущей недели; что касается длительности его, я ничего еще не могу об этом сказать, но я позабочусь о том, чтобы дело велось с достоинством, но без задержек. По окончании процесса и по исполнении приговора я прикажу отслужить по всей империи панихиду за упокой душ тех, которые в этот день

---

[1]) Алексей Павлович Ушаков, адъютант Михаила Павловича, привезший из Москвы известие о рождении у Михаила дочери Елизаветы.

погибли, спасая престол и государство, а также и молебен, чтобы возблагодарить провидение за то, что оно уберегло нашу империю от опасности, столь же грозной, как и опасность 12 года. Это богослужение будет происходить на Исаакиевской площади, которая подверглась осквернению и должна быть вновь освящена. Думаю, дорогая матушка, что вы одобрите этот проект. Я бы также хотел, чтобы вы соизволили присутствовать на торжественном богослужении в Успенском соборе. Торжество это должно быть возможно более импозантно. Здесь я прикажу совершать службу во временной церкви Исаакиевского собора, сооруженной около Адмиралтейства.

Об этом будет упомянуто в конце манифеста. Я велел ввести в него место, которое явится как бы обращением к нации с призывом видеть во всех этих событиях промысел божий, охраняющий Россию и допустивший подобные ужасы лишь для того, чтобы посредством их явственно доказать, сколь гибельным является отклоняться от честного и законного пути наших предков и предаваться обольщениям наших дней [1]). Там будет также упомянуто о родственниках и семьях этих негодяев! Им будет предложено утешиться тем, что в семье не без урода, и что один негодяй не может запятнать честь имени, которое покрыто славою в течение столетий и которое еще будет прославлено потомками. Вот мои новости, дорогая матушка.

9.

Царское Село, 31 мая 1826 г.

... Михаил приехал в назначенный срок. Вчера утром Комитет представил мне свое отвратительное (hideux) донесение. Михаил мог его подписать, и вот вам, дорогая матушка, манифест; донесение же, крайне объемистое, может быть переписано не ранее чем послезавтра. Манифест появится в среду, а в четверг состоится первое заседание Верховного Суда. В конце концов, по зрелом размышлении о возможной его длительности, принимая во внимание погребальную церемонию [2]) и дни наших праздников [3]), предполагают — и я боюсь, что не без основания, — что суд не может быть закончен ранее 5 или 6 июля. Это прискорбно, но лучше действовать с большею осторожностью, чем дать повод тем, кто захотел бы усмотреть в слишком поспешном ведении дела легкомыслие и так-сказать равнодушие к судьбе стольких несчастных. В виду всего этого я полагаю, что смогу приехать в Москву самое раннее к 22 июля, самое же позднее к 1 августа. Если бы въезд мог состояться 22, то коронация могла бы произойти 1 августа; а время следующего затем поста могло бы быть использовано для такого рода церемоний, которые допустимы постом, — как поздравления, аудиенции, посещение окрестных монастырей, смотры и маневры; после же 15 могли бы последовать увеселения. Это было бы для меня наиболее желательно по многим причинам: во-первых, в виду более близкого срока, во-вторых, потому что это более удобно для моей жены, которая была бы не в силах перенести все эти церемонии без перерыва; в-третьих, потому, что собранные в Москве войска должны были бы выступить на две недели ранее, нежели все приготовления были бы закончены.

---

[1]) Le danger de s'écarter de la marche honnête et loyale de nos ancêtres pour suivre les prestiges du jour.

[2]) При предстоявших похоронах Елизаветы Алексеевны.

[3]) День рождения Николая I—25 июня и Александры Федоровны—1 июля.

10.

Царское Село, 3 июня 1826 г.

...Наше большое дело началось, дорогая матушка; вот доклад Комитета, который не мог быть приготовлен ранее сегодняшнего утра; счастлив, что могу повергнуть его к вашим стопам. Первое заседание Верховного Суда состоялось сегодня в 10 часов утра; оно прошло наилучшим образом. Скопление народа на площади было огромно, и велико было нетерпение публики узнать результаты следствия. Я полагаю, дорогая матушка, что вы найдете, что оно велось правильно. Смею по крайней мере заверить вас, что оно велось с полной добросовестностью. Все совершенно спокойно, и я льщу себя надеждой, что все пройдет пристойным образом.

11.

Елагин Остров, 5 июня 1826 г.

... Письмо Константина, дорогая матушка, является несколько более подробным повторением того, что мы слышали в течение пяти месяцев. Ваша счастливая мысль — предложить ему приехать сюда с женой — превосходна; тем не менее, я сомневаюсь, чтобы он приехал: по полученным мною вчера сведениям, работа его идет, подвигается, но, как он сам сообщал вам, она становится все шире, все сложнее, и я боюсь, что она не закончится так скоро, и что вследствие этого он не пожелает уехать оттуда, пока все не будет доведено до конца. Ваше письмо я отправил с курьером.

Теперь позвольте мне, дорогая матушка, представить вам прискорбный список лиц, подлежащих Верховному Суду. Вы увидите в нем имя сына нашей милой старушки! [1]) — этот несчастный не может быть спасен. Что вы думаете предпринять по отношению матери? Возможно, что она приедет сюда, чтобы увидеть позор своего недостойного сына! Мысль об этом ужасна, тем более что я не могу ничего сделать, чтобы смягчить его наказание.

Это будет тяжелое время, но поскольку выяснились подробности их ужасных намерений, — здесь не может быть двух мнений! Работа Суда идет хорошо и быстрым темпом. Все происходит в наилучшем порядке и с большой представительностью. Два почетных караула — один внутренний, другой — конный, на площади еще более увеличивают торжественную обстановку, в которой ведется дело. Члены Суда присутствуют на заседании с 10 часов утра до трех часов пополудни, и так каждый день. У меня есть сведения относительно заключенных, что все они, кроме 7 или 8 неисправимых, находятся в состоянии полного раскаяния.

12.

Царское Село, 11 июня 1826 г.

Я счастлив, что могу вам сообщить лишь хорошие вести, добрая и дорогая матушка, относительно работы нашего Суда; все происходит в полней-

[1]) С. Г. Волконского, сына статс-дамы кн. А. Н. Волконской, находившейся в Москве при Марии Федоровне.

шем спокойствии. Ревизионные комиссии [1]) приступили к своей работе и закончили ее в течение двух дней; ни один из обвиняемых не имел ничего возразить и не мог ничего добавить в свое оправдание. Членами комиссии были Б а л а ш о в, граф Карл Ливен, Ламберт и Бороздин и сенаторы: Болгарский, Лавров, Б а р а н о в, граф Георгий Головкин и еще один, имени которого не могу вспомнить. Они были разбиты на три секции; секциям этим были приданы Чернышев, Левашов и Бенкендорф, — и таким образом эти три секции совершили расследование деятельности трех больших обществ. Они должны были сегодня представить свой доклад Суду; результата еще не знаю. Из состава суда будет назначена комиссия для распределения этих преступников по степени их виновности. Это будет наиболее трудной, но и наиболее важной работой из всего дела, после чего суд приступит к прениям и к вынесению приговора.

Настроение общества — напряженное, но хорошее, и я полагаю, что нет оснований ожидать его изменений; кажется, широкая гласность, которую мы соблюли относительно этого ужасного дела, привела к очень хорошим последствиям.

13.

Елагин Остров, 15 июня 1826 г.

... Перехожу к содержанию ваших двух писем, дорогая матушка. Я заранее представлял себе то ужасное и тягостное впечатление, которое произведет на вас чтение всего того, что относится к этому отвратительному делу; но чувство это должно смениться чувством благодарности ко всеблагому господу, который сохранил нас от несчастья и который, как я всегда буду утверждать, терпел так долго покрывавший все мрак лишь для того, чтобы тем сильнее поразить и обратить неверующих и безумных приверженцев н е о п р е д е л е н н о г о л у ч ш е г о, в котором и сами они ничего не смыслят.

Дело идет хорошо и без лишней потери времени. Ревизионная Комиссия в общем заседании сделала уже более половины работы, так как материалы были хорошо подготовлены и все находилось в совершеннейшем порядке.

...

14.

Елагин Остров, 20 июня 1826 г.

Несмотря на все мое желание, дорогая и добрая матушка, ответить ранее на благосклонное письмо ваше, пересланное через Новицкого, и на письмо от 15, я был лишен возможности это сделать, так как все эти дни я был сплошь занят. Зато, дорогая и добрая матушка, могу вам сообщить лишь хорошие вести.

Как вы добры, дорогая матушка, что в это тяжелое время думали обо мне! Ваше беспокойство обо мне служит лишним доказательством вашей бесценной любви; но, дорогая и добрая матушка, я надеюсь, что всеблагой господь охранит нас. Исполним наш долг, — в остальном же положимся на него: он спас нас 14-го, после этого нам позволительно надеяться, что он осенит нас своей защитой.

[1]) Комиссии эти просматривали следственный материал и предлагали его на ознакомление и подпись подсудимым. Дело было поставлено так, что подсудимые не имели возможности просмотреть сколько-нибудь обстоятельно материалы и не подозревали, что этим заканчивалась для них вся процедура суда.

Все меры человеческой предосторожности приняты, самый тщательный надзор не обнаружил ничего дурного. Кажется, все совершенно спокойно; войска в полном порядке и безупречно несут службу; враждебность общества по отношению к нашим гостям в крепости [1]) — достигла высшей точки.

... Комиссия продолжает свою работу, и я надеюсь, что сегодня или завтра она ее закончит; в остальном не будет задержки; как-только будет вынесен приговор, исполнение его последует.

15.

Елагин Остров, 21 июня 1826 г.

... Опочинин приехал сегодня утром из Варшавы; ему поручено отправить вам эстафетой ответ Константина. Кажется, он непоколебим в своих решениях; ничего другого не остается, как сказать себе, что, очевидно, такова воля божия.

16.

Царское Село, 24 июня 1826 г.

... Дело наше подвигается, но я не знаю еще точно, когда оно будет закончено. Разрядная Комиссия занята сейчас классификацией виновных; она это делает таким образом, чтобы в самом Суде не было больше обсуждений; это и лучше.

В остальном все тихо и спокойно, и я не имею никаких признаков противного; у нас повсюду агенты.

... Я буду ходатайствовать перед вами, дорогая матушка, об одной милости для Чернышева. Может-быть вы соблаговолите вспомнить, что он был послан из Таганрога в Тульчин для арестования Пестеля, что́ он и выполнил с большим достоинством. Если бы это не было во время сделано, то положение могло бы там принять еще худший оборот, нежели здесь и в Василькове. Затем в течение всего следствия он превосходно вел свое дело и вообще работал лучше и больше всех. Мне нечем его наградить; не откажите, дорогая матушка, пожаловать крест св. Екатерины его жене...

17.

Царское Село, 25 июня 1826 г.

... Что касается моего поведения, дорогая матушка, то компасом для меня служит моя совесть. Я слишком неопытен и слишком окружен всевозможными ловушками, чтобы не попадать в них при самых обычных даже обстоятельствах.

Я иду прямо своим путем — так, как я его понимаю; говорю открыто и хорошее и плохое, поскольку могу; в остальном же полагаюсь на бога. Провидение не раз благословляло меня в некоторых случаях жизни, помогая мне в самых запутанных по видимости делах достигать удачи единственно благодаря простоте моих жизненных правил, которые целиком в этих немногих словах — поступать, как велит совесть.

[1]) В подлиннике слово «гости» за исключением последней буквы написано французскими литерами: «gostu».

Я хорошо знаю, что и тогда, когда кажется, что следуешь велениям этого правила, можно все же ошибиться; но так как я видел, что, пренебрегая им, люди делали ошибки на каждом шагу, я предпочитаю заблуждаться честно, нежели как-нибудь иначе, и иметь совершенно спокойную совесть.

Да поможет мне бог; так как он захотел возложить на меня это ужасное бремя, то я буду нести его до тех пор, пока у меня хватит силы, покорно принимая горести и заботы, ибо таков, очевидно, мой жребий.

18.

Царское Село, 30 июня—1 июля 1826 г.

... Что касается нашей работы, то она идет очень хорошо, несмотря на глухоту князя Лопухина [1]) и глупость князя Лобанова [2]), которые немало способствуют замедлению дела и нарушают декорум.

19.

Красное Село, 8 июля 1826 г. вечером.

... Сегодня вечером я узнал, что завтра доклад Суда будет подписан и послезавтра будет мне представлен. Как-только я его получу, и как-только все решится, я буду иметь счастье отправить к вам курьера, чтобы осведомить вас о результате и о решительном дне. Это будет для меня ужасная минута, и я молю бога поддержать меня и призываю на себя все ваши благословения, дорогая и добрая матушка. Но возлагая все свое упование на всеблагого и милосердного господа, я спокоен и покорен его воле; я поступлю так, как я всегда старался поступать, — по велению моей совести!

20.

Царское Село, 10 июля 1826 г.

. . . Ужасный день наступил, дорогая матушка, и исполняя ваше приказание, я спешу сообщить вам о нем.

Я получил сегодня утром доклад Верховного Суда; он был хорошо составлен и дал мне возможность воспользоваться моим правом убавить немного степень наказания, за исключением п я т и лиц.

Я отстраняю от себя всякий смертный приговор, и участь этих пяти наиболее презренных предоставляю решению Суда; эти пятеро: Пестель, Рылеев, Каховский, Сергей Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин. 24 человека взамен смертной казни приговорены к пожизненным каторжным работам; в их числе: Трубецкой, Оболенский, Волконский, Щепин-Ростовский и им подобные.

Это был для меня тяжелый день и, проходя через комнаты нашего ангела, я сказал себе, что это я за него выполняю этот ужасный долг, и что господь в милосердии своем избавил его от этой пытки!

Да будет воля господня, и возблагодарим его от глубины нашего сердца за то, что он спас и нас и нашу дорогую родину!

[1]) Председатель Государственного Совета, председательствовавший в Верховном Уголовном Суде.

[2]) Кн. Дм. Ив. Лобанов-Ростовский — министр юстиции.

Решение мое будет объявлено Суду завтра, осужденным после-завтра, в понедельник. Во вторник утром состоится казнь, а 14, с божьей помощью, я объединю на площади обе церемонии. Как-только порядок их будет установлен, я буду иметь счастье, дорогая матушка, сообщить его вам, при чем буду вас просить распорядиться установлением и у вас, по возможности, такого же ритуала. Беру на себя смелость предложить вам начать процессию выходом из Чудова, богослужение же совершить на площади перед домом, в котором мы жили, если только Михаил найдет это место наиболее подходящим для расположения там наших молодцов, которым первым после бога принадлежит вся честь этого дня.

Михаилу, которого я не могу вознаградить иначе, я подарю те четыре пушки, которые решили нашу судьбу. Они будут увековечением услуг, которые он оказал своей родине в этот печальный и незабываемый день, и как память о том перейдут его потомству; по окончании церемонии они будут отвезены со всевозможными почестями в его дом и поставлены там.

Я предполагаю вернуться[1]) 13 вечером; 14-ое будет проведено, как уже сказано; 15-ое —в приготовлениях к отъезду, 16-го же, с божьей помощью, состоится наш отъезд...

21.

Царское Село, 12 июля 1826 г.

Дорогая и добрая матушка, приговор произнесен и объявлен виновным. Трудно передать то, что во мне происходит; у меня прямо какая-то лихорадка, которую я не могу в точности определить. К этому состоянию примешивается чувство какого-то крайнего ужаса и в то же время благодарности богу за то, что он помог нам довести этот отвратительный процесс до конца. У меня положительно голова идет кругом. Если к этому еще добавить, что меня бомбардируют письмами, из которых одни полны отчаяния, другие написаны в состоянии умопомешательства,—то уверяю вас, дорогая матушка, что одно лишь сознание ужаснейшего долга заставляет меня переносить подобную пытку.[19]

Дело это должно совершиться завтра в три часа утра; надеюсь, что вечером я смогу сообщить вам о его исходе. Все предосторожности нами приняты, и, полагаясь, как и всегда и во всяком деле, на милость божию, мы можем надеяться, что все пройдет спокойно...

22.

Царское Село, 13 июля 1826 г.

Два слова наспех, дорогая матушка, чтоб сообщить вам, что все прошло спокойно и в совершеннейшем порядке. Презренные и вели себя, как презренные—с величайшей низостью. Чернышев уезжает сегодня вечером и, как очевидец, сможет сообщить вам все подробности. Извините меня за краткость, но зная и разделяя ваше беспокойство, дорогая матушка, я хотел вам сообщить эти сведения, как только я их получил. Нежно целую ваши руки и прошу вашего благословения.

---

[1]) В Петербург из Царского Села.

23.

С.-Петербург, 13 июля 1826 г.

Мы вернулись сюда час тому назад. По имеющимся у меня сведениям все совершенно спокойно; величайшее негодование и общее удовлетворение тем, что все закончено.

Подробности относительно казни, как ни ужасна она была, убедили всех, что столь закоснелые существа и не заслуживали иной участи: почти никто из них не выказал раскаяния. Пятеро казненных смертью проявили значительно большее раскаяние, особенно Каховский. Последний перед смертью говорил, что молится за меня! Единственно его я жалею; да простит его господь и да упокоит он его душу!

Войска были превосходны, общий дух их прекрасен. Завтра утром мы отслужим на площади молебен; эстрада поставлена как раз на том месте, где погиб бедный Милорадович. Печально, но и торжественно будет воспоминание обо всем ужасе, который вышел на свет в этот день! Для меня же самым утешительным останется навсегда мысль о том, что наш ангел был избавлен от всего происшедшего, что наша национальная честь была спасена, и что господь явил новое доказательство своего милосердия в отношении нашей дорогой, славной, старой родины.

Мысли мои устремляются к вам, дорогая матушка. Я вспоминаю все, что вам угодно было для меня сделать, особенно в эту ужасную пору, и я благодарю бога за то, что, наконец, приближается та желанная минута, когда я смогу броситься к вашим ногам. Молю бога скорее даровать мне это счастье.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ НИКОЛАЯ I И МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА.

(9 мая — 16 июля 1826 г.)

1.

Николай I — Михаилу Павловичу.

С.-Петербург, 9 мая 1826 г.

Я получил сегодня после обеда твое письмо, любезный Михайло, и благодарю тебя весьма за оное, но не за «ваше величество»[1]). Я не понимаю, что тебе за охота д у р а ч и т ь с я; а еще менее понимаю, как можно в партикулярном письме, разве в шутку, себе позволить с братом выражение, которое походит на насмешку. Я прошу тебя серьезно перестать тон этот, который меж братий вовсе неприличен.

Оставайся в Москве, покуда матушке угодно или жене твоей нужно будет. Дай бог, чтоб ты всех скоро обрадовал доброй вестью.

Я здесь всеми пехотными отменно доволен.

Твой навеки друг и брат

Н.

2.

Михаил Павлович — Николаю I.

Москва, 14/26-го мая 1826 г.

С дозволения твоего, любезный Николай, я тебе пишу по-старому, и весьма рад, что первое письмо мое имеет предметом дать известие о счастливых родах жены моей дочери, которой дано имя Елизавета. Слава богу, все произошло благополучно, и жена моя начала страдать в 3 часа, родила в 7, и все дело кончено в 8 часов. Я осмеливаюсь рекомендовать ее тебе et à Madame Nicolas, qui me protège depuis longtemps[2]), и я уверен, что она узнает с удовольствием сию весть. Не забывай меня и будь уверен, что преданнее тебе нет слуги,

как твой верный

брат Михаил.

Прошу обнять твоих детей.

---

[1]) Михаил Павлович в своем письме назвал Николая «ваше величество».

[2]) Твоей жене, которая издавна мне покровительствует.

3.

Николай I—Михаилу Павловичу.

Петергоф, 17 мая 1826 г.

Поздравляю тебя от всей души, любезный Михайло, с счастливым разрешением жены твоей и с новой прибылью фамилии. Принимаю Елизавету Михайловну с совершенною милостию и надеюсь, что будет так же мила, как и старшая ее сестрица. Нам надо было иметь случай порадоваться после столько печальных случаев. Я передал madame Nicolas твои порученья, и она тебя очень уверяет в своих милостях.

Я тебе могу донести, что все здесь, богу благодаря, все в порядке. Сегодня утром учил я драгун и с особым удовольствием сказать могу, что я был отменно доволен. Офицеры весьма поправились в езде, можно даже сказать, что ездят хорошо и смело, а дело свое знают прекрасно: сметливы, живы, словом, прекрасно. Вечером хотел улан учить, но все шло столь непростительно дурно и даже ошибочно, что я уехал с ученья, оставя Чичерина их распекать; во всякое другое время я строго б взыскал за подобное неряшество и непростительное незнание дела, но на сей раз так оставил.

Видно у вас на наш счет такие же нелепости распущают, как у нас про вас; но я надеюсь, когда дело кончится с молодцами в крепости, так все придет в рассудок. А не мешало б очень добраться источников, или разглашателей; но трудно.

Про твой приезд скажу тебе, что ежели, с помощью божией, у тебя дома все хорошо будет, то не мешает тебе приехать на несколько дней— подписать доклад комитета и быть при начале, если не до самого конца суда; но все сие есть только «хорошо бы», а вовсе не необходимость.

От брата получил я вчера письмо; он, слава богу здоров и сестре лучше. Я еду завтра на рейд в Кронштадт видеть эскадру — 3 корабля и 9 фрегатов. Петергоф прелестен. Поцелуй ручки жене своей и обними Марию и Елизавету Михайловну от имени дяди с длинным носом. Прощай, бог с тобой.

Твой навеки

Н.

Нашим молодцам мой поклон.

4.

Николай I—Михаилу Павловичу.

Елагин Остров, 20 мая 1826.

По обещанию нашему, уведомляю тебя, любезный Михайло, что следствие кончено, и рапорт комиссии переписывается. Если положение жены твоей позволит тебе ехать, и матушка отпустит, теперь самое время тебе приехать подписать, быть здесь во время суда и воротиться в Москву к крестинам твоей маленькой. Но я повторяю, что это в том только случае, если ты можешь без опасения ехать.

Здесь все в порядке; спроси, Лоло тебе расскажет. Прощай, жене ручки поцелуй и обними твоих маленьких. Кланяйся всем нашим товарищам.

Твой навеки

Н.

5.

Михаил Павлович — Николаю I.

Москва. 21 мая/2 июня 1826-го года.

Вчера получил я твое письмо, любезный Николай, от 17/24-го, за которое весьма тебя благодарю. Смею просить быть восприемником новорожденной. Слава богу, жене моей весьма хорошо, и все идет как нельзя лучше, и надеюсь, что она скоро поправится. Теперь я совсем готов ехать и одного только ожидаю, именно: к которому числу должен я быть в Петербурге; получив сие, я так и пущусь. Прошу меня повергнуть к стопам madame Nicolas. Не забывай твоего верного

брата от души и сердца

Михаила.

6.

Михаил Павлович — Николаю I.

Москва. 22 июня/4 июля 1826 года.

От всего сердца поздравляю тебя, любезный Николай, с наступающим днем твоего рождения; дай бог тебе всех благ сей земли и полное и постоянное утешение во всем. А мне дай бог тебе служить верой и правдой, насколько сил моих есть и моего понятия. Слава богу, все у нас совершенно спокойно и истинно, и по совести могу сказать, что, кроме удовольствия, ничего не имею. Дай бог, чтобы всегда так продолжалось. Я у ног madame Nicolas, и обнимаю твоих детей. Не забывай твоего верного брата и друга

Михаила.

Если я тебе нужен в Петербурге по окончании суда, когда его решение будет приводиться в исполнение, верь, что я готов приехать. Покорно благодарю за подарок жене моей, который принимаю.

Нащет Кюхельбекера, то я покорно и всенижайше прошу ему пощады, как истинную и особенную милость мне.

7.

Николай I — Михаилу Павловичу.

Царское Село, 12-го июля 1826 г.

Любезный Михайло, сегодня объявлен Верховным Судом приговор его с изменениями, которые я почел возможными. Завтра утром в три часа приговор должен быть исполнен. Осуждены на смерть не мной, а по воле Верховного Суда, которому я предоставил их участь, пять человек: Рылеев, Каховский, Сергей Муравьев, Пестель и Бестужев-Рюмин; все прочие на каторгу, на 20, 15, 12, 8, 5 и 2 года, кроме Александра Муравьева, который за то, что от всего отстал, ссылается просто в Сибирь.

Итак — конец этому адскому делу! 14 числа — молебен с поминкой на самом месте бунта; все войска, бывшие в деле, — в ружье, а стоять будут случайно почти так, как в тот день.

Иван Иванович[1]) тебе официально пишет, что в Москве должна быть подобная же церемония. Матушка назначит день и час, а ты исполнишь, применяясь к предписанию Дибича. Во время молебна знамена и штандарты, за процессией следовавшие, должны быть при налое, а войско, т.-е. пехота, становиться на колени. После церемонии, если матушка дозволит, пройти колоннами, где и как можно. Все тебе предоставляю с Голицыным и Филаретом уладить по-своему.

Чем мне было тебе воздать за 14 число и за твое усердие и дружбу! Я придумал—и желаю, чтоб тебе столь же было приятно, как мне от души желательно — те четыре орудия, которыми все решилось, прошу тебя принять в память этого дня и в знак нашей старой ребячьей дружбы, с которой росли, с которой и умру. Твой верный

брат и истинный мученик

Н.

Жене твоей целую ручки и, как и тебя, благодарю за милые письма. Всем нашим четырнадцатым поклон от всего сердца.

6.

Михаил Павлович—Николаю I.

Москва. 16/28-го июля 1826-го года.

Вчера утром получил я твое милое и доброе письмо от 12/24 июля, за которое и за всю твою дружбу искренно и от всего сердца тебя благодарю. Пушки, которыми тебе благоугодно было меня вознаградить, я принимаю лишь за твое доказательство твоей ко мне дружбы, и они для меня будут о ней драгоценным памятником; ибо 14-го числа я старался исполнить долг честного человека, следовательно за святое исполнение моего долга я награды не заслуживаю.

Поздравляю тебя с окончанием сего ужасного дела. Слава всевышнему богу: сегодня матушка получила известие, что все кончено. Я постараюсь исполнить нащет церемонии в день молебна все, как можно будет лучше; не было... [2]) С нетерпением ждем мы тебя здесь, если было только, чтобы могли угодить. Я у ног жены твоей, и есть навеки

тебе преданнейший брат

Михаил.

Жена моя благодарит тебя за память.

---

[1]) Дибич, начальник Главного Штаба е. и. в.

[2]) Не разобрано несколько слов.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ НИКОЛАЯ I И КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА.

(1 сентября 1826 г. — 26 января 1827 г.)

Несколько отрывков из переписки Николая I и Константина Павловича за последние месяцы 1826 г. и первые 1827 г. помещаются здесь как естественное заключение всех предыдущих материалов. В этих письмах оба брата, бывшие главными действующими лицами в тех событиях, которые пережила за год царская семья, ретроспективно вспоминают о них и дают их оценку, каждый со своей точки зрения.

1.

Николай I — Константину Павловичу.

Москва, 15-го сентября 1826 года.

Примите мою искреннюю благодарность, дорогой и бесценный Константин, за ваше доброе и любезное письмо от 18-го, полученное мною три дня тому назад; ваша доброта и дружба, в них выраженные, преисполняют меня счастьем. Дай бог, чтобы вы были мною довольны — это все, чего я могу желать.

...Ваша записка относительно формы суда настолько важна в моих глазах, принимая во внимание статью, которой вы ее заканчиваете, что она даже меня беспокоит. Нельзя колебаться в выборе формы, раз опасность настолько очевидна; но я жалею и всегда буду жалеть, что обстоятельства таковы, что принуждают нас выбрать эту форму, которую я сам не могу признать совершенно законной, особенно после того как мы у себя в Р о с с и и дали пример процедуры чуть-что не с участием представителей[1]), показав этим самым перед всем миром, насколько наше дело было просто, ясно и священно. Между тем в Польше, стране конституционной, мне придется назначить для суждения государственных преступников почти некомпетентный суд, и это при первом случае, когда я мог оказать нации д о в е р и е, призвав ее самое быть судьей тех граждан, которые по неблагодарности к своему благодетелю осмелились опередить его намерения, присоединив и другие разрушительные и преступные виды и зная отчасти

[1]) L'exemple d'une procédure presque représentative.

то, что замышлялось против его священной особы в другой части его государства. Будет ли это более верным средством охранить страну от всяких волнений и закрыть рот тем, которые пожелали бы видеть несправедливость в каре, которую предстоит наложить на преступников? У меня нет ни знания местных условий, ни опыта, и я говорю поэтому совершенно на ветер и исключительно по долгу безусловного доверия к моему брату, моему лучшему другу. Итак, дорогой Константин, примите мои слова за то, чем они и являются — за исповедь сердца. В остальном, будьте уверены, я исполню то, что вы укажете мне как необходимое и неизбежное. С нетерпением жду доклада Комиссии, как резюме того дела, о котором я имею лишь общее и неясное представление.

2.

Константин Павлович — Николаю I.

Варшава, 12 октября 1826 года.

...Следствие, слава богу, почти закончено, и теперь заняты составлением доклада и записок о каждом из подсудимых. Это займет довольно времени и выйдет очень объемисто. Что касается суда и его состава, мне остается только преклониться перед тем, что вы по этому поводу говорите в вашем письме. Позволю себе однако представить вам, что учреждение суда, на подобие того как это было сделано у вас, не может иметь места здесь без нарушения всех конституционных начал, потому что чрезвычайные суды не допускаются, а петербургский суд был именно таким, так как, на ряду с Сенатом, в состав его введены были члены, назначенные специально для этого случая. Все конституционные страны уже отвергают компетентность и правосудность петербургского суда, называя его чем-то в роде военного суда (cour prévôtale); к тому же и самое судопроизводство представляется им незаконным, так как не было допущено гласной защиты и виновные, или точнее подсудимые, были осуждены, не будучи, так-сказать, выслушаны публично и не воспользовавшись правом публичной защиты. В конституционных странах суды должны быть постоянные, а процесс публичным. То же имело место и здесь со времени истории Лукасинского, правда, только в военном ведомстве. Впрочем, я приказал составить для вас по этому вопросу записку, которая, надеюсь, окажется вам полезной и даст вам ясное понятие о том, что можно предпринять, чтобы остаться по возможности на законной почве.

3.

Николай I — Константину Павловичу.

С.-Петербург, 27-го октября 1826 года.

...С нетерпением ожидаю записки, о которой вы мне говорите. Понятно, род суда, подобный здешнему, не может быть применен в Польше и был бы тем более бесполезен, что польский Сенат состоит из сенаторов, взятых из всех отраслей службы; притом я никогда не имел в виду чего-либо другого, как строго держаться в этом случае требований закона. Здесь же, где не существует ничего подобного, нужно было действовать, насколько возможно, законно и, следовательно, не изобретать ничего, а руководствоваться примерами прошлого.

4.

Константин Павлович — Николаю I.

Варшава, 5-го ноября 1826 года.

Со вчерашней эстафетой имел счастье получить ваше доброе и дружеское письмо от 27-го прошедшего октября, дорогой и бесценный брат. Спешу засвидетельствовать вам мою самую искреннюю, самую сердечную признательность. Будьте уверены, дорогой брат, что ничего на свете я не желаю больше, как знать, что вы довольны и удовлетворены и способствовать вам в этом; нет таких стараний, которых я не прилагал бы для этого, в моей преданности. Словом, вы можете постоянно и смело рассчитывать на вашего старого брата, «который не выдаст». Да будет так!..

...Наше следствие закончено; доклад будет прочитан, его обсудят и разделят подсудимых по категориям, после чего я буду иметь честь представить его на ваше усмотрение вместе с запиской, о которой шла речь.

У нас, слава богу, все совершенно спокойно, и, уповая на его милосердие, смею надеяться, что так будет и впредь. Рекрутский набор кончен; он был еще лучше, чем прежний; некоторые попали уже в строй, службу несут хорошо, и я ею доволен...

5.

Николай I — Константину Павловичу.

С.-Петербург, 25-го ноября 1826 года.

Уже давно я должен был бы поблагодарить вас, дорогой и бесценный Константин, за ваше доброе и милое письмо от 5; но мне нужно вам много сказать, а времени у меня не было, и я мой ответ все откладывал до удобного момента, когда я мог бы написать свободно.

Матушка в Павловске, куда она уехала на время этих грустных дней, чтоб избежать воспоминаний, связанных со здешними местами; у меня поэтому больше досуга, и вот я вам пишу.

В то время как я вам пишу, исполняется ровно год, как я получил через несчастного Милорадовича первую весть о явной опасности, грозящей нашему ангелу, как я молил бога поддержать меня в этом ужасном испытании и провел ночь в передней матушки в мучениях, которые могу сравнить только с предсмертными. Какая ночь, великий боже! И какой затем наступил день и какой ужасный был следующий! Я себя часто спрашиваю, как мы все это выдержали, и как господь, по своему милосердию, сохранил матушку!

Накануне дней, память о которых мне так же тягостна, хотя они и более торжественны для меня, я испрашиваю благословения у вас, как у того, кого в душе считаю — и да будет мне всегда позволено считать — своим повелителем, у того, кто замещает для меня обожаемого благодетеля, и кому посвятил я всю мою жизнь. Сохраните прежде всего вашу снисходительность ко мне, вашу доброту, доверие, дружбу, если я их достоин, и поймите, что вся моя жизнь посвящена оправданию вашего доверия перед богом, перед вами, перед людьми и передо мною самим. Да поможет мне в этом бог!

6.

Константин Павлович — Николаю I.

Варшава, 6-го декабря 1826 года.

С фельдъегерем Завитаевым аккуратно получил я ваше доброе и милое письмо от 25-го числа прошедшего месяца, дорогой и бесценный брат. Примите за него мою самую прочувствованную и самую искреннюю благодарность. Если бы я не любил вас, как люблю издавна, ваше письмо вызвало бы у меня это чувство; с первой и до последней строки его невозможно читать без волнения. Я благословил за него господа, возблагодарил его и просил, чтобы он ниспослал мне возможность еще послужить вам и быть полезным на склоне моей жизни, молодые годы которой в продолжение 31 года сряду были посвящены верной, усердной и преданной службе двум повелителям. Те же чувства от полноты сердца я отдаю вам, дорогой брат, только бы мои физические силы были те же, что и раньше, чтобы я мог вполне в том успеть. Рассчитывайте всегда на меня! Конечно, у меня нет никаких задних мыслей, никаких особенных стремлений, но уже мой личный интерес, если бы его можно было принять в расчет, и если бы я не был одушевлен высокими чувствами, заставил бы меня всегда поступать согласно долгу, сообразно верности, привязанности и искренней преданности, одушевлявших меня всегда в отношении моих повелителей, и которые будут одушевлять меня до конца моих дней. Да будет так!

7.

Константин Павлович — Николаю I.

Варшава, 31-го декабря 1826 года.

Благоволите разрешить мне, дорогой и бесценный брат, выразить вам мои самые горячие, самые искренние пожелания, равно как и поздравление по поводу наступления Нового Года. Пошли вам бог столько счастья, сколько я могу вам пожелать, и да не будет у вас ни в чем на свете недостатка во всех отношениях и со всевозможных точек зрения! Льщу себя надеждой, что среди пожеланий, предложенных вам по настоящему случаю со всех сторон, вы не оттолкнете мои, ибо они столь же правдивы, как и искренни, и прежде всего — бескорыстны. Да сохранит вас бог в добром здоровье, как и нашу дорогую и добрую Александру и ваших детей! да окажет он вам свою поддержку во всех ваших начинаниях, направляя вас всегда в добре и к добру! Сохраните ко мне вашу дружбу и доверие, которые я постараюсь заслужить своим всегдашним усердием и преданностью вашей службе и вашей особе. Моя былая служба двум моим покойным государям — вам порукой за меня на будущее. Да будет мое усердие вам приятно и верьте его искренности. В противном случае скажите мне прямо, и повторять вам не придется — вы избавитесь от моей особы тот же час.

Вспоминайте иногда брата, любящего вас сердцем и душою, который останется навсегда вашим верным и искренним другом.

Константин.

8.

Николай I — Константину Павловичу.

С.-Петербург, 8/20 января 1827 года.

Благоволите, дорогой и бесценный Константин, принять мои самые искренние пожелания к наступившему новому году. Да сохранит он всех,

кто нам дорог! Пусть я всегда буду заслуживать вашу доброту и снисходительность вашу и доверие! Таково было всегда мое самое заветное желание, таким оно останется на всю мою жизнь.

При окончании 1826 года позвольте мне засвидетельствовать вам выражение моей вечной признательности за все многочисленные доказательства вашей доброты и снисходительности. Ваше письмо от 6 декабря было мне еще новым доказательством этого. Это милое письмо тронуло меня больше, чем когда-либо, и я не в силах вам выразить это. Можно ли быть добрее и снисходительнее, чем вы ко мне! Бог мне свидетель, что мое единственное желание доказать вам, как я хочу заслужить это доверие!

Если вы припомните, быть-может, письмо, написанное вами мне в это же время, в прошлом году, вы вспомните указания, какие тогда мне дали и которые я постарался добросовестно исполнить.

Истекший год был одним из самых тяжелых, и бог благословил нас тем, что нам удалось сохранить все, что завещал нам наш ангел. Все идет и, быть может, сказал бы я, идет с большей энергией, чем вначале. Наши внешние дела идут хорошо, не взирая на трудность момента. К счастью, мы расположены так, что можем быть независимы в действиях и во мнениях. В этом отношении я старался держаться середины между молчанием и таким образом действий, когда твердо высказанное наше мнение могло бы оказать пользу, не ставя нас в неловкое положение. Благословение божие до сих пор было явно с нами; положимся же на него с доверием и твердостью.

Вчера вечером дошло до меня ваше письмо от 31-го. Примите мою благодарность за него, дорогой Константин. Не скрою однако от вас, что нашел в нем слова, меня огорчившие. Разве может встать между вами и мной вопрос о неудовольствии? Вы с вашей постоянной ко мне добротой, которая меня смущает и которую не знаю, чем достаточно заслужить! Неужели я с моей стороны подал вам чем-нибудь повод подумать нечто подобное? Это сделало бы меня очень несчастным. Если же это только, как я смею надеяться, выражение, вырвавшееся у вас из особо д р у ж е с к о г о н а м е р е н и я, то знайте, что оно меня очень огорчило, и что оно уничтожает иллюзию, которая одна только делает сносным мое положение, иллюзию, в которой я представляю себе, что вы и я мы оба служим еще н а ш е м у а н г е л у. В глазах остальных, пусть будет, как вы хотите, — но между нами не может и не должно быть иначе. Поэтому, ради бога, пощадите меня в другой раз, и если я буду иметь несчастие сделать что-нибудь, конечно без умысла, что вы могли бы дурно истолковать, пожалуйста, скажите мне совершенно откровенно; я вам отвечу на это с тою же откровенностью, к какой привык всегда в отношении к вам.

...Здесь все благополучно; нет больше ни слухов, ни каких-либо глупостей. Я очень доволен войсками, исключая некоторых пустяков. Михаил преуспевает и, без всякого сомнения, достигнет хороших результатов. Гражданские дела подвигаются; я ими теперь более доволен: работа идет ровнее и скорее, улучшения же придут потом, когда мы узнаем, что делать. Главное то, что вот уже год прошел и к а к о й г о д, и ничто не переменилось, даже лица, за исключением одного, которое настолько злоупотребило доверием нашего ангела, что напечатало его с о б с т в е н н о р у ч н ы е письма, для раздачи своим друзьям. При первой возможности вам будет вручен экземпляр его публикации.

9.

Константин Павлович — Николаю I.

Варшава, 14/26 января 1827 года.

Поручаю барону Моренгейму передать вам это письмо, дорогой брат, а также отвезти вам доклад Следственного Комитета, учрежденного здесь по вашему приказанию и окончившего свои труды. К докладу приложены подлинные акты, которые составляют, так-сказать, цѣлую библиотеку. Если здешнее следствие тянулось больше петербургского, причина не в недостатке усердия и преданности делу — члены комитета выказывали их постоянно в своих расследованиях фактов и лиц, — но в самом существе дела, потому что здесь нет явных преступных действий, которые дали бы возможность, отчасти или вполне, обнаружить виновных. Здесь следствие было предпринято лишь на основании слухов и подозрений. Я далек от того, чтобы преуменьшать факты или их извинять, но могу смело сказать, что от планов русских, которые начали уже отчасти приводиться в исполнение, далеко до планов поляков, которые, как они ни виновны и ни преступны, уже в своем положении всегда найдут извинение в глазах мыслящих людей всех веков.

Благоволите дать аудиенцию барону Моренгейму и выслушать то, что он будет иметь честь представить на ваше усмотрение:

1) относительно самого следствия,

2) относительно формы суда и его процедуры,

3) относительно церемонии коронации.

Теперь же я позволю себе заметить раз навсегда следующее:

1) Я не вмешивался в следствие: собрав Комитет, я в нем больше не появлялся, ибо противно всякой справедливости, всем понятиям для человека чести быть судьей и держать сторону в собственном деле; все же козни обвиняемых были направлены, как утверждали, прямо против императорской фамилии и меня, в частности — что, впрочем, не удалось доказать.

2) Я только следовал предположениям Комитета относительно освобождения, отпуска или пересылки обвиняемых, равно как их ареста и их разделения на разряды.

Вот отчет в моем поведении. В общем, если его рассмотреть и судить беспристрастно, я надеюсь, за мною будет признана и лойяльность, и прямота.

Не желая отнимать у вас времени больше, чем нужно для этого доклада, от занятий более важных, я кончаю свое письмо, прося вас верить в одушевляющие меня неизменную преданность и усердие к вашей службе и к вашей особе, с которыми не перестану быть вам вернейший брат и друг

Константин.

10.

Николай I — Константину Павловичу.

С.-Петербург, 26 января/7 февраля 1827 года.

Третьего дня утром Моренгейм передал мне ваше письмо, дорогой Константин, так же как и все бумаги, которые вы благоволили поручить ему для меня. Прежде всего благоволите принять мою благодарность за те слова, в которых вы мне сообщаете ваше понимание следствия, мною

вполне разделяемое. Когда станут известны все предосторожности и заботы, приложенные вами для освещения малейших сомнений и подозрений, всякий беспристрастный человек воздаст только полную справедливость тому поведению, какого вы держались. Я уверен, что наш дорогой ангел был бы удовлетворен вашим осторожным образом действий в этом деле.

Третьего дня и вчера у меня хватило времени закончить чтение одного только следствия; завтра я буду продолжать чтение других бумаг; я не могу подвигаться скорее в виду моей остальной работы. Моренгейм расскажет вам о моих немногих замечаниях, на которые он дал мне объяснения. Подсудимые начинают прибывать сюда; предполагаю, что некоторые будут необходимы для процесса поляков, и я поручил Моренгейму отметить тех, кого он сочтет нужным для очных ставок и которых придется на время отослать вам обратно.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЗ ПЕРЕПИСКИ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ С А. Н. ГОЛИЦЫНЫМ.

Князь А. Н. Голицын, близкий Александру I во вторую половину его царствования, занимал совершенно особое положение в дни междуцарствия. Он был посвящен во все обстоятельства отречения Константина: при его участии составлен был манифест 1823 г., изготовлены его копии и помещены на хранение в Государственный Совет, Сенат, Синод, а подлинник в Успенский собор; его, на ряду с Милорадовичем, привлек Николай 12 декабря 1825 г. к обсуждению донесения Дибича об открытом заговоре; он был членом Следственного Комитета. Для Марии Федоровны он прежде всего был собеседником и консультантом в вопросах религиозных; но в письмах, выдержки из которых печатаются ниже, она запрашивает его также о разных подробностях по делу декабристов, с которыми она не решалась обращаться прямо к Николаю, по их ли мелочности, или по их щекотливости. Между прочим, интересно отметить ее тревожные вопросы, точно ли все идет с п р а в е д л и в о и к а к д о л ж н о в суде над декабристами: очевидно и в том отборном окружении, каким являлся двор старой императрицы, толковали, что не все ладно в этом отношении. Не лишены значения и ее замечания, что А л е к с а н д р никогда бы не пролил крови. Впрочем, сама благочестивая императрица-мать как будто ничего не имела против казни наиболее тяжких «злодеев»; она только предпочла бы иную форму ее и затем очень озабочена была тем, чтобы их причастили перед смертью (это озабочивало и Николая). Надежды принца Евгения Виртембергского на доброту сердца его тетушки не оправдались.

Письма и записочки Марии Федоровны к А. Н. Голицыну за время от 8 мая 1826 г. по 15 октября 1828 г. в количестве 76 номеров хранятся в «Особом Отделе» «Архива Октябрьской Революции», среди бумаг бывшей «Библиотеки Зимнего Дворца», под № 660. К каждому из них приложена копия. В том же фонде того же архива под № 1439 хранится письмо А. Н. Голицына к Марии Федоровне о приговоре над декабристами. Здесь мы его воспроизводим по тесной связи с письмами Марии Федоровны. Письма Марии Федоровны, как и письмо Голицына, в подлиннике написанные по-французски, даны в переводе.

I.

Из писем Марии Федоровны к кн. А. Н. Голицыну.

1.

Москва, 25 мая 1826 г.

...Ваше следствие закончилось, и на этих днях должен начаться этот ужасный суд. Я содрогаюсь при мысли об этом; как мне жаль моего бедного сына; как мне жаль родственников. Да поможет им Господь!

2.

Москва, 2 июня 1826 г.

...Сколько печальных и тяжелых событий должно совершиться за эти десять или двенадцать дней, как они будут ужасны для моего сына, для вас и для всех семей этих несчастных! Мысль об этом крайне прискорбна для меня, и я так живо представляю себе все, что вам придется перенести, что я буду страдать от всего этого еще более, нежели вы сами. Великий боже! Как ужасны признания Каховского; нет, право же, большей жестокости нельзя себе и представить! Какая утонченность в преступлении! Если это вымышленно, я более склонна простить Рылеева; если же Рылеев действительно имел такие намерения, то он изверг; подобные мысли могли быть порождены лишь самим сатаной, и... [1]) Каховскому [2]). Не сделал ли он еще каких-либо признаний?

Я надеюсь, что совесть заговорит еще в этих несчастных и заставит их делать еще признания. Дай бог, чтобы нам удалось раскрыть всех авторов этого дьявольского заговора! Мне кажется, что в Варшаве следствие еще продолжается: каким же образом будет закончено дело в Петербурге, раз оно еще продолжается в Польше?

3.

Москва, 3 июня 1826 г.

Только-что получила письмо от Николая, в котором он пишет, что суд, по всей вероятности, не сможет быть закончен ранее 5 или 6 июля. Это нежелание спешить вполне, вполне основательно! ведь вопрос идет о самом священном: о жизни и о чести. Николай сообщает мне еще, что он думает приехать сюда к 22 июля, и в этот день совершит свой въезд. Каким образом это может быть? когда же он выедет из Петербурга? Он предполагает назначить коронацию на 1-ое августа. Но это же первый день поста, это пост успения пресвятой девы; как же это возможно? Ведь нельзя же провести день коронации, как подобает проводить дни поста, а в то же время нельзя же на этот день отменить постное! Сознаюсь, что я ничего не понимаю, и прошу вас, дорогой князь, все это мне разъяснить.

Что думают предпринять на то время, пока тело императрицы будет находиться в крепости? Опасались стечения там народа, а между тем ведь не должны и не могут воспрепятствовать обществу и простым людям приходить на поклонение ее гробу. Еще раз прошу разъяснить мне все это.

[1]) Не разобрано.

[2]) Речь, повидимому, идет о содержании письма Каховского, пересланного Марии Федоровне Николаем при письме его от 17 мая. (См. выше, стр. 202.)

4.

Москва, 21 июня 1826 г.

...Я вас прошу, я позволяю себе требовать от вас, чтобы вы попросили государя во имя всего святого сообщить мне о дне суда и о дне наказаний. Этот день должен быть проведен в полном уединении; это священный долг. Если же меня оставят в неведении, я могу прегрешить против него без вины со своей стороны и навлечь на себя жесточайшие упреки: выйти в этот день — было бы оскорблением общественной скорби. Ради бога, помогите мне избежать этой ошибки, которая уязвила бы всех, кто способен на чувство, на деликатность, и которая сделала бы меня очень, очень несчастной. Я рассчитываю на вас, так как вы поймете, какое это имеет большое значение, и как мне необходимо посвятить этот день уединению и молитве.

Я должна вас поблагодарить, дорогой князь, за два ваши письма: от 2 и 9 июня. Как ужасно было читать донесение, какая злоба, сколько жестокости у одних из этих несчастных! какое ослепление у других, и в то же время какие смешные проекты! Ум человеческий беспомощен, если он не обосновывает свои суждения на религии и на морали, которая есть следствие религии; он теряется и делается способным на все.

Поздравляю вас, дорогой князь, с принятием св. тайн: ваша душа не нуждалась в очищении, но оно было необходимо для ваших мыслей, которые, я бы сказала, были загрязнены соприкосновением с таким множеством преступлений. Что касается меня, то я надеюсь приобщаться на Петров день; прошу вас помолиться обо мне. Очень бы хотела вас повидать и поговорить с вами.

В эти решительные дни, когда приближается развязка, необходимы все предосторожности, вся предусмотрительность. Ради бога, внушите это Николаю, пусть он будет осторожен и осмотрителен; не надо предоставлять все воле случая, не надо полагаться на удачу. Да хранит его бог! Заклинаю вас писать мне теперь ежедневно, чтобы сообщать мне о нем и о ходе дела. Каково настроение общества?

5.

Москва, 22 июня 1826 г.

...Вы пишете, дорогой князь, что работа Верховного Суда подвигается к концу, что наступает время вынесения приговора. Я содрогаюсь! Великий боже, какая минута для Николая! Это очень, очень важный момент; ни одна мелочь не должна быть упущена; все меры предосторожности, предусмотрительности должны быть приняты! Малейший инцидент, малейшая случайность может повлечь за собой неисчислимые последствия! Ради бога, дорогой князь, внушайте настойчиво это Николаю; позаботьтесь, чтобы он принял все меры предосторожности, все, какие только возможно. Еще раз настаиваю, чтобы вы уведомили меня о дне суда и казни. По моему вчерашнему письму вы могли видеть, какое значение я придаю всему этому и почему: в этот грустный день нужно молиться и молиться горячее, чем когда-либо.

6.

Москва, 1 июля 1826 г.

... Перехожу к вашему письму от 27 июня. Итак, этот суд начался, — этот суд, который принесет столько слез несчастным родственникам, сокру-

шенным матерям и женам! Как ужасны будут эти дни, как мне жаль моего бедного Николая, как мне жаль вас! Решительная минута приближается; да сохранит господь моего сына и да ниспошлет он спокойствие империи! С каким нетерпением буду я ждать ваших писем, дорогой князь! Позаботьтесь о душах этих несчастных; пусть им дадут достаточно времени, чтобы они успели обратиться к всевышнему с молитвой о милосердии.

Говорят, суд продолжится несколько дней, таким образом вы успеете мне сообщить, на какое число будет назначен этот ужасный день. Какая участь ожидает сына моей бедной старушки, княгини Волконской? Какое тяжелое испытание выпало на ее долю! Все это так печально.

7.

Москва, 3 июля 1826 г.

Дорогой князь, благодарю вас за ваши последние письма, очень тронута вашей точностью. Подумайте только, с какой тревогой я всегда ожидаю наступления каждого следующего дня. Признаюсь вам, что напечатание классификации виновных и раздачу списков их членам суда, чтобы каждый мог прочесть его у себя дома, обдумать и затем по размышлении высказаться, я нахожу мерой разумной. Это поставит каждого из членов в необходимость обдумать свое суждение и объявить его спокойно и по совести; надеюсь, что члены суда именно так и понимают свои обязанности.

Состояние родителей должно быть ужасным; я это хорошо понимаю и сочувствую им от всего сердца; в числе их находится моя милая Дивова: ее племянник поименован в докладе. Дайте мне доказательство вашей дружбы, мой дорогой князь; каков бы ни был вынесенный ему приговор, пусть он будет сообщен ей с возможной осторожностью. Под большим секретом посылаю вам полученное от нее письмо, вы увидите в нем, что́ она переживает, и что она достойна всяческого уважения, заботы и хорошего к себе отношения. Поручаю ее вам, дорогой князь; зная вашу доброту, я уверена, что вы выполните мое поручение с удовольствием.

8.

Москва, 5 июля 1826 г.

...Вы пишете, дорогой князь, что Николай просит мне передать, что все идет хорошо, работа Верховного Суда подвигается, и что она делается с большой суровостью. Только бы она была с п р а в е д л и в а! Сыну моему дано счастливое право смягчить несчастье, и я уверена, что он это сделает, поскольку ему позволит это сделать серьезность положения. Здесь говорят, что наказание будет совершено 10-го, другие же утверждают, что 14-го. Я в страшной тревоге, и эта неуверенность относительно самого дня еще увеличивает мою тревогу. Постарайтесь, дорогой князь, сделать ее менее тягостной, сообщив мне дату этого несчастного дня: тогда по крайней мере все мои помыслы сосредоточатся на этом дне.

9

Москва, 7 июля 1826 г.

...Я полагаюсь на ваше слово, дорогой князь. Но ответьте мне откровенно, действительно ли дело ведется так, как оно должно вестись? Право же, я не хочу предаваться сомнениям, но иногда они невольно возникают у меня.

10.

Москва, 10 июля 1826 г.

Дорогой князь, я получила ваше письмо от 4 июля, в котором вы сообщаете мне о ходе нашего большого дела; Николай мне тоже пишет, что он ожидает представления ему доклада в среду вечером. Итак, вчера или сегодня государь должен решить судьбу этих несчастных, и в начале будущей недели приговор должен быть приведен в исполнение! Я день и ночь думаю об этом. Это приводит меня в ужасное состояние.

11.

Москва, 14 июля 1826 г.

Да, дорогой князь, вы были правы, говоря, что ваше письмо от 10-го ужасно: читая его, я цепенела от ужаса. Здесь уже знали, что казнь должна была совершиться вчера, таким образом я волновалась весь день накануне и весь день 13-го до прибытия вашей эстафеты и курьера государя двумя часами позже.

Признаюсь вам, что некоторое время я держала при себе ваше письмо, не вскрывая его; когда же я потом прочла его, у меня от волнения выступил холодный пот. Благословляю бога за то, что государю дано прекраснейшее право смягчить наказание этих несчастных; даже на смертном одре он почерпнет в этом утешение! Государь мне сообщает, что он пощадил жизнь 24-м из этих несчастных, в том числе Трубецкому, Оболенскому, Волконскому, Щепину-Ростовскому; он ни слова не пишет о Никите Муравьеве; какова его судьба?

...Какова судьба Александра Муравьева? Он возбуждает к себе интерес своим последовательным раскаянием в течение шести месяцев; жена его заслуживает уважения. Я не могла спать сегодня ночью, ни о чем не могла думать, кроме как об этих несчастных, расставшихся вчера с жизнью; я устремила все свои душевные помыслы к богу, молилась за них, прося о ниспослании им божественного милосердия. Причащались ли они? Выказали ли они раскаяние? Я думала, что ужасная казнь четвертованием упразднена; была ли она применена к ним? я хочу себя уверить, что нет, что ее заменили каким-нибудь иным видом смерти, менее ужасным. Вы писали, что жена Рылеева интересна; что теперь с этой несчастной? Думаю, что г-жи Муравьевы — мать и невестка — благословляют государя за то, что он пощадил жизнь Никите: это единственное смягчение, которого они так желали. Моя добрая старушка Дивова держится спокойно; она ничего не расспрашивает, и я избегаю всего, что может дать повод к этому.

Вы поймете, дорогой князь, что я в смертельной тревоге ожидаю известий от 13 и 14; до этой минуты душа моя не может успокоиться.

12.

Москва, 16 июля [1]), 1826 г.

Я получила письмо государя от 13-го. Слава богу — все прошло спокойно, все в порядке! Да помилует господь казненных, и да будет к ним милосерд вышний судья за понесенные ими телесные страдания! Я ничего не

[1]) Пометка перед текстом: «Наспех».

знаю еще; Николай пишет мне два слова, но и они были для меня благодеянием; я испытывала смертельную тревогу со вчерашнего вечера, когда я уже могла получить эти сведения, и всю ночь до десяти часов утра. Слава богу, наконец, все кончено! Я возблагодарила на коленях бога, я верю, что по милосердию божьему Николай будет отныне царствовать мирно и спокойно.

13

Москва, 17 июля 1826 г.

Только-что получила ваше письмо от 13, мой дорогой князь. Всей душой разделяю вашу скорбь, все, что вам пришлось пережить. Николай был милосерд и добр, господь вознаградит его за это! Конечно, необходимо позаботиться о вдовах, о детях, но не ужасно ли, что кровь должна была пролиться за ангела, который никогда не хотел проливать ее? Все же благословим господа бога за то, что все прошло спокойно и хорошо.

II.

Письмо князя А. Н. Голицына к Марии Федоровне.

Царское Село, 10 июля 1826 г.

Ваше величество!

Я только-что вернулся от государя; он возвратился из Красного Села, чтобы принять князя Лопухина и министра юстиции; они принесли ему доклад Верховного Суда.

Его величество сказал мне, что он задержит у себя эту бумагу не менее, чем на сутки, чтобы обдумать ее и принять решение, затем Верховный Суд должен будет собраться, чтобы выслушать решение государя и распорядиться исполнением приговора. В виду всего этого его величество полагает, что смертная казнь состоится лишь 13-го. По сведениям, которые у меня имеются о содержании доклада, Верховный Суд приговорил пять человек к четвертованию; это — Пестель, Сергей Муравьев-Апостол, Рылеев, Каховский и Бестужев-Рюмин. Категория в составе 31 человека приговорена к отсечению головы; вторая — положить голову на эшафот, но без отсечения ее, после чего лица этой категории будут отправлены на каторжные работы без срока; третья категория к каторжным работам на определенный срок, а затем на поселение в Сибири. Само собой разумеется, что все они будут разжалованы и лишены дворянства. Лица последней категории будут разжалованы в солдаты навсегда или на определенный срок.

Распространившийся по Москве слух об особом мнении князя Якова Лобанова — справедлив, и даже когда министр юстиции, найдя мнение это неправильным, захотел узнать, кем оно было подано, — пришлось ему сказать, что оно подано его отцом. Государь, рассказав мне об этом, поручил это сообщить вашему величеству и заметил, что ход этого дела и высказываемые при этом мнения выявили всех в их настоящем свете.

Вам было угодно, ваше величество, узнать о судьбе Волконского и Дивова; что касается первого, то я убежден, что он приговорен к отсечению головы; думаю, что такова же участь и второго, так как он в первой

категории. Пятеро приговоренных к четвертованию — вне категорий. Сегодняшнее утро ужасно для государя, но он имеет право смягчить наказание тем, для кого он найдет возможным это сделать, так как есть несколько человек, которые не могут быть спасены в интересах безопасности государства и должны послужить примером для других.

Государь мне также сообщил, что, получив решение государя, Верховный Суд тотчас же отправится в крепость, чтобы объявить приговор осужденным; после того те, кому надлежит умереть, будут причащены.

Ваше величество желаете иметь сведения о родственниках этих несчастных. Недавно я видел Муравьеву, жену Никиты и его мать; они в ужасном состоянии; горе жены беспредельно: сама она вся высохла, глаза же ее настоящие фонтаны слез. Княгиня Трубецкая принимает все с большею покорностью, нежели она.

Письмо, которое я пишу вам, ваше величество, — ужасно; отправляю его эстафетой; хотел бы, чтобы оно было вам доставлено ранее вторника.

Моля господа ниспослать вам душевный мир в те минуты, к которым вы уже давно подготовлены,

пребываю с глубочайшим уважением вашего императорского величества верноподданный

князь Александр Голицын.

P. S. Великий князь и великая княжна уезжают сегодня после обеда.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Тот же эпизод об объявлении Александром I Николаю Павловичу и его жене о наследовании Николая рассказан и в «Воспоминаниях» Александры Федоровны. Копия их, озаглавленная: «Mémoires de 1817 à 1820», хранится в «Особом Отделе» «Архива Октябрьской Революции» в Москве, среди бумаг быв. «Библиотеки Зимнего Дворца», под № 2363/5. На лл. 57-об. — 59-об. здесь читаем:

«В июне месяце бригада моего мужа, состоявшая из Измайловского и стрелкового полков, выступила в лагерь близ Красного Села; я сопровождала туда великого князя. Матушка, которой принадлежало великолепное имение Красное, предоставила мне маленький домик, который и она занимала когда-то в царствование императора Павла во время военных маневров. Этот маленький домик мне понравился, и я поселилась там на 3 недели, и эти три недели прошли слишком скоро для меня, так мне нравилась эта военная жизнь... Там, в Красном, однажды летом 1819 г., император Александр обедал у нас; он сидел между нами двумя, дружески беседуя; вдруг он переменил тон и, сделавшись очень серьезным, стал в следующих, приблизительно, выражениях говорить нам, что он остался доволен в это утро тем, как Николай провел свое командование, и что он вдвойне радовался видеть, что его брат хорошо исполняет свои обязанности, так как на него современем возложено будет большое бремя, потому что он смотрит на него как на своего преемника; что это случится скорее, чем можно предполагать, так как это будет еще при его жизни.

Мы сидели, как окаменелые, широко раскрыв глаза, не произнося ни слова. Государь продолжал:

— Вы, кажется, удивлены, так знайте же, что брат Константин, который никогда не стремился к трону, теперь более чем когда-нибудь решил формально от него отказаться, предоставляя правам своим перейти к брату Николаю и его потомству. Что же меня касается, я решил сложить с себя свои обязанности и удалиться от света. Европа более чем когда-либо нуждается в государях юных, полных энергии и сил; а я уже не тот, что был, и я считаю своим долгом удалиться во-время. Я думаю, что и король прусский поступит так же и уступит свое место Фрицу.

Видя, что мы едва сдерживаем рыдания, он принялся утешать нас и уверять, что все это случится не тотчас же, что может быть годы пройдут, прежде чем он приведет свой план в исполнение. Затем он оставил нас одних, и — можно себе представить — в каком состоянии.

Никогда и тени подобных мыслей не было у меня, даже во сне! Нас точно громом поразило, и будущее представлялось нам мрачным и недоступным счастью. Это был памятный момент в нашей жизни!»

2. Упоминаемое Николаем Павловичем «отношение» Лопухину — рескрипт Константина Павловича от 3 декабря 1825 г., напечатанный в книге М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I». Изд. 3-е, СПБ. 1857 г., стр. 207 — 210. В нем Константин отказывается принять принесенную ему присягу как незаконную при наличии известного Государственному Совету в момент принесения присяги манифеста Александра I от 16 августа 1823 г. Далее Константин Павлович резко выговаривает Лопухину и всему Совету, во-первых, за нарушение обязанности верноподданнического повиновения воле государя, исполнять которую они клялись, присягая в свое время на верность не только ему, но и наследнику, *который назначен будет*; во-вторых, за нарушение законных форм, согласно которым присяга может быть принесена только по манифесту за *императорским* подписанием. Незаконная присяга, завлекшая и других, подав пример к неисполнению верноподданнического долга, должна быть уничтожена и вместо оной принесена «новая» Николаю Павловичу. Сам Константин ему уже присягнул, считая присягой письмо свое на имя Николая как императорского величества.

3. «Поленная бомбардировка» произвела сильное впечатление на Николая I; именно она, ближайшим образом, побудила его перейти к активным действиям, сначала кавалерии, а затем и пушек. Эпизод этот, по высочайшему повелению, был расследован на следующий же день 15 декабря. Результат получился неопределенный: не отрицая самого факта, администрация постройки Исаакиевского собора отрицала только причастность к происшествию своих рабочих. (См. «Красный Архив» 1925 г., № 13.—Н. Ф. Лавров. «Исаакиевские рабочие 14 декабря 1825 г.»). В рукописях барона Корфа эпизод этот подвергся любопытной переработке и ретуши. В первоначальной редакции происшествие изложено было, согласно запискам Николая, в следующих выражениях: «Государь, прибыв на площадь (после объезда войск под командой Михаила Павловича на другом ее конце), желал осмотреть, не будет ли возможности совсем окружить толпу, чтобы принудить ее сдаться без сопротивления. На него сделали залп, и пули просвистели ему через голову; никто, к счастью, не был ранен, но рабочие при Исаакиевском соборе стали тоже кидать из-за забора поленами и каменьями. «Картечи бы им надобно», — закричал кто-то сзади»... При переработке текста для второго издания Корф, во-первых, отнес «бомбардировку» к выезду Николая на площадь по возвращении его от Зимнего Дворца, куда он ездил для обеспечения его охраны, и после встречи его с лейб-гренадерами под командой Панова, и во-вторых, изложил дело значительно неопределеннее и притом так, якобы поленьями швыряли не в царя, а в войско. Получилось следующее чтение: «Между тем дерзость бунтовщиков, подкрепленных лейб-гренадерами, еще более возросла. Они участили свою нестройную стрельбу, и пули нередко перелетали через государя и его свиту. И прежде уже чернь, всегда наклонная к буйству и легко увлекаемая примером безнаказанности, из-за заборов и углов кидала в войска поленьями и камнями; теперь некоторые из простонародья, подкупаемые деньгами и вином, стали явно перебегать к бунтовщикам». — Евгений Виртембергский в своих записках активное вмешательство толпы в события относит так же, как и Николай, ближе к сумеркам. (См. выше стр. 117.)

4. Соответствующее место в книге Корфа (изд. 3, стр. 159) составлено на основании этой заметки Николая I, а также следующего места из записок гр. А. Х. Бенкендорфа:

«Иностранные министры, собравшиеся из любопытства на бульваре, поручили старому ганноверскому посланнику Дернбергу испросить им у государя позволение стать в его свиту, как бы в новое доказательство перед народом законности его прав. Приняв милостиво вызов Дернберга, государь предоставил ему поблагодарить своих товарищей и сказать им: que cette scène était une affaire de famille, à laquelle l'Europe n'avait rien à démêler». Этот ответ очень полюбился стоявшим вокруг русским, а иностранным дипломатам дал первое понятие о характере нового монарха». («Архив Октябрьской Революции» — бумаги из «Библиот. Зимн. Дворца», № 2073, л. 23.)

На полях этой выписки Корфа из записок Бенкендорфа имеется заметка рукою вел. кн. Александра Николаевича: «Сам же Дернберг оставался все время в свите государя».

5. В записках Бенкендорфа этот эпизод изложен так:

«Когда государь приблизился к мятежной колонне, вокруг засвистали пули, так что даже лошадь под ним испугалась. Он пристально посмотрел на Бенкендорфа и, заметив, что последний выговаривал некоторым солдатам, наклонившим головы, спросил, в чем речь, а по ответу Бенкендорфа двинул свою лошадь вперед под самые пули. Между тем стоявший спереди и вокруг народ, оробев от выстрелов и убегая от опасности, почти совсем насел на государеву лошадь; тогда он громовым голосом закричал: «шапки долой» и пр. (как в нашем рассказе [1]). Место было немедленно очищено, и у выходов из улиц расставили пикеты, чтобы никого не пропускать на площадь». (Там же, л. 23-об.)

6. Одним из источников, по которым составил Корф это дополнение для второго издания, послужило следующее письмо к нему ген.-ад. Философова, хранящееся в бумагах «Библиотеки Зимнего Дворца» в портфеле № 2533, озаглавленном «Письма, записки и заметки по поводу работы гр. М. А. Корфа: «История жизни и царствования императора Николая I». (лл. 17 — 18):

« Ежели вы действительно желаете передать потомству подробное описание событий 14 декабря 1825 г., то поместите и следующую черту, ярко обрисовывающую образ мыслей и пылкий и решительный нрав покойного нашего товарища и друга Ильи Бакунина.

Когда заряды были привезены, орудия заряжены и о сем государю, стоявшему у угла забора Исаакиевской церкви, донесено, его величество послал Сухозанета объявить мятежникам, чтобы они покорились. Залп из ружей проводил генерала, который с сим ответом явился к государю без султана на шляпе. Выслушав его, государь, звонким своим голосом прокомандовал:

[1]) Замечание М. А. Корфа.

— Пальба орудиями по порядку; правый фланг, начинай! П е р в а я!..

Команда эта, повторяемая всеми начальниками, наконец, выговорена была и Бакуниным; но слово: «О т с т а в ь!», прокомандованное государем, остановило в ы с т р е л. Чрез несколько секунд государь опять прокомандовал пальбу, и опять «О т с т а в ь!» остановило оную. Наконец, в третий раз его величество, убежденный в необходимости этой жестокой меры, прокомандовал опять и, сказав слово: «П е р в а я!», поскакал ко дворцу.

Третий раз повторенная Бакуниным команда оставалась без исполнения. П а л ь н и к, два раза слышавший отказ, не спешил выполнить команду банника: «Пли!» — Бакунин заметил или ожидал это, но мгновенно соскочил с лошади, бросился к пальнику и сказал:

— Что ты не стреляешь?

Ответ в полголоса: — Свои, ваше благородие.

— Е ж е л и б ы я с т о я л п е р е д д у л о м, т о и т о г д а н е д о л ж е н б ы т ы б ы л о с т а н а в л и в а т ь с я! — закричал ему Бакунин.

Выстрел тотчас последовал, за ним второй, третий, так поспешно один за другим, что едва на седьмом выстреле канониры наши расслушали д р о б ь, для прекращения пальбы, с третьего выстрела уже раздававшуюся, и то тогда, когда мы все офицеры, на батарее бывшие, бросились их останавливать.

Я вспомнил все эти обстоятельства, когда вы уже вышли от меня, любезный Модест Андреевич. Извините мою старую память: ведь это дела давно минувших лет, предание старины глубокой.

Весь ваш душою А. Философов.»

Ген.-ад. Алексей Иларионович Философов в 1825 г. был, в чине поручика, бригадным адъютантом 1-й артиллерийской бригады и принимал участие в действиях артиллерии против мятежников 14 декабря. (См. книгу Корфа, 3-е изд., стр. 171.)

7. Подметное письмо, о котором идет речь в записи Марии Федоровны от 8 марта 1826 г., надо полагать, то самое, которое сохранилось в бумагах Дибича, в составе дела № 470 «Государственный Архив. Разряд I. В», ныне хранящегося, вместе с другими делами о декабристах, в «Особом Отделе» «Архива Октябрьской Революции», лл. 111—112. Пересылая это письмо Дибичу, Николай писал:

«Письмо это найдено распечатанное на Комендантской лестнице и поднято человеком одной из камер-юнгфер матушки и ей вручено. Не мешает велеть справиться, кто такой тот, про кого пишет».

Письмо, написанное чрезвычайно безграмотно, было следующего содержания (печатаем его в исправленной орфографии):

«Ваше императорское величество, великий государь Николай Павлович!

Объявление.

По истинной правде и необлыжно свидетельствую и доказую истинную справедливость на некоторых извергов, который главный всему делу есть подрядчик печник Иван Федоров сын Семаков — живет в Апраксине переулке, в доме Конькова — с его родным зятем и с прочими. Во время происшествия в 14 день бунту Семаков рабочих печников множество напоил пьяных и послал на площадь бунтовать и бунтовщикам давал своих лошадей ездить в полки. И сам два раза ездил к лейб-гренадерам и [в] экипаж гвардии известия о заговоре переносил. А после за город бунтовщиков вывозил в глиняных и песочных коробах под рогожками и раздавал мужикам деньги, неизвестно чьи и какие, во время бунта; о чем я прошу ваше императорское величество и приказать их двух взять на испытание, ибо окажутся виновным, сей зловредный народ. Зятя его надобно у него спросить, где живет. И не отложите вдаль, прикажите в скорости взять».

На конверте надпись: «Ее императорскому величеству» и следы сургучной печати с каким-то неясным оттиском.

8. Речь идет о мещанине Василии Ивановиче Сухачеве. При обыске у него были обнаружены кинжал, пара пистолетов, ружье, сабля, «злодейское клятвенное обещание», конспиративный алфавит и несколько писем, «писанных буквами сего алфавита». Все это заставило заподозреть в нем участника «заговора» декабристов; однако, скоро выяснилось, что Сухачев никакого отношения к тайному обществу не имеет, и следствие по его делу из Петербургского Комитета было передано новороссийскому генерал-губернатору гр. М. С. Воронцову. Было установлено, что Сухачев был организатором «Общества Независимых», функционировавшего в Одессе между 1820 и 1824 гг. и объединявшего несколько человек из местных торговцев и чиновников. Общество не было признано особенно зловредным, и Сухачев был освобожден 21 июня 1826 г. (См. Ю. Г. Оксман. «Письмо В. И. Сухачева к гр. Воронцову». Сборник «Декабристы». Изд. О-ва Полит. каторжан. М. 1925 г., стр. 75 и сл.).

9. Имеется в виду ответ А. В. Поджио на вопросы Комитета от 16 февраля 1826 г.; они читаны были в Комитете 19 февраля и Николаю сообщены 20 февраля утром в очередной докладной записке Татищева. В пункте 3-м этих вопросов Комитет спрашивал Поджио о разговоре, происходившем 23 декабря 1825 г. у В. Л. Давыдова, во время которого Поджио предлагал свои обе руки для устранения Николая, на что получил возражение Давыдова, что тут нужно не две, а шесть рук. А. В. Поджио в ответе на этот пункт подтвердил, что эпизод этот действительно имел место. (См. «Дело А. Поджио — «Арх. Окт. Рев.» в Москве, «Особый Отдел», «Госуд. Архив» I, В, № 402, л. 29.)

10. Запись Марии Федоровны весьма неточна. Ростовцев был подпоручиком лейб-гвардии Егерского полка и состоял адъютантом при ген. Бистроме. О том же эпизоде рассказывает сам Я. И. Ростовцев в своих воспоминаниях. (См. «Русский Архив» 1873 г., № 1, стр. 459 и сл. «Отрывок из моей жизни 1825 и 1826 гг.».) Его избили прикладами солдаты Московского полка, когда он, по поручению Бистрома, шел через Сенатскую площадь в Финляндский полк и вздумал уговаривать мятежных московцев. Кто-то из офицеров, повидимому Оболенский, отправил его на извощике на квартиру его братьев. 19 декабря за больным Ростовцевым приехал Адлерберг и повез его во дворец к Николаю. Николай, находя, что жизнь Ростовцева в опасности, предлагал ему переехать во дворец. Ростовцев отклонил предложение и был отпущен домой. Вскоре Ростовцев, по причине осложнений с Бистромом, должен был уйти из его адъютантов в полк, однако, в виду своего заикания, он не мог служить и в строевой службе. Он обратился к Николаю I с письмом о своих затруднениях, и тот 28 января 1826 г. прикомандировал его в распоряжение Михаила Павловича.

11. Речь, надо полагать, идет об ответах Ф. Ф. Вадковского на вопросы, предложенные ему Комитетом 23 февраля 1826 г.; ответы эти были читаны в Комитете 24 февраля, и Николаю, следовательно, доложены 25 февраля. В пп. 1 и 2 вопросов Комитет спрашивал Вадковского, подлинно ли он говорил графу Булгари, что он был «в числе тех, которые должны были истребить всю царствующую фамилию и первый удар нанести государю во дворце на бале», а равно, заявлял ли он и при других некоторых случаях о готовности на цареубийство. Вадковский отрицал заявления, которые приписывал ему Булгари, допуская лишь, что «может быть, дабы лучше родить в нем (т.-е. в Булгари) покорность к законам общества, говорил ему, что готов бы для общества поднять руку на мою мать, на всех ближних мне и на самого государя», и что «если б благо общества того потребовало, надобно быть готову ко всему, отречься от друзей, от связей, от родителей даже»... (См. «Дело» Ф. Ф. Вадковского в «Особом Отделе» «Архива Октябрьской Революции». — «Госуд. Архив» I, В, № 405, лл. 27 — 31.)

12. Имеется в виду показание Каховского на вопросы Комитета от 14 марта 1826 г. Оно было читано в заседании Комитета 16 марта, и 17 марта утром Николай читал о нем в очередной докладной записке председателя Комитета Татищева. Это показание Каховского и в Комитете было отмечено как «преважное». (См. Дело Каховского в издании Центрархива РСФСР. «Восстание декабристов. Материалы», т. I, стр. 345 — 348.)

13. В редакции, опубликованной Т. Шиманом, соображения принца Евгения о поведении Николая изложены несколько иначе. Они могут отражать не его только мысли, и потому могут представлять интерес.

«Для меня все же оставалось неясным, как великий князь, если его уже поставили в известность об отказе старшего брата в его пользу, позволил увлечь себя чувству и принял так поспешно решение, последствий которого ему нельзя было избежать. В самом деле, в том весьма вероятном случае, что Константин будет упорствовать в своем, заявленном уже однажды, намерении, должно было получиться некоторое противоречие и благодаря ему последовать новая присяга. Для выполнения только формальности, или, лучше сказать, д л я к о м е д и и дело казалось мне слишком серьезным; к тому же это не отвечало прямому, открытому характеру великого князя. Если бы даже допустить, что он ничего не знал об имевшемся соглашении, то о нем была осведомлена императрица-мать, которая сама 22 февраля 1822 г. дала согласие на желание Константина, и ее долгом было поставить об этом в известность великого князя Николая.

Как бы то ни было, но во всяком случае мне представляется большою ошибкою со стороны покойного императора, что он не сообщил тотчас же во всеобщее сведение об обстоятельствах престолонаследия. С наследованием государей не поступают так, как с частным завещанием, и предоставить произволу живущего государя устанавливать порядок законного престолонаследия — это является смешным проявлением ультрароялистических понятий. Что же касается тех тонких возражений против предустановленного наследования, которые можно было бы мне привести, они не могли бы поколебать моего убеждения, что каждое такое мелочное соображение должно быть подчинено общим интересам государства.

Но не говоря об этой однажды допущенной ошибке, поведение Николая я объясняю единственно побуждением его благородного сердца; он только тогда увидал опрометчивость своего поступка, когда он уже был совершен, и исправить его уже было нельзя.

Возможно, что своею поспешностью он настолько поразил и без того удрученную горем мать, что не дал ей возможности удержать себя какими-нибудь доводами. При спокойном размышлении линия поведения должна бы была быть совершенно проста: Государственный Совет предъявляет великому князю Николаю акт отречения Константина, и Николай принимает власть с условием повторного обращения к законному наследнику престола и с просьбою, чтобы он отказался от своего прежнего решения и занял принадлежащее ему по праву место. До решения этого вопроса великий князь Николай председательствует в Государственном Совете и принимает меры к поддержанию спокойствия и к полному опубликованию имеющих отношение к вопросу о престолонаследии актов.

О том, какие важные побочные соображения заставили хранить то полное молчание, которое мы наблюдали, я не могу судить. Я не могу решить, насколько это было правильно, но только позволю себе заметить: даже для меня, близкого, находящегося здесь, родственника, на верность и преданность которого можно было рассчитывать больше, чем относительно кого-либо другого, даже для меня делали строгую тайну из всего хода дела; и только поэтому во мне зародилось подозрение относительно правильности этой процедуры; и еще в большей степени должно было разделять со мною это подозрение все общество». (Ф. Ф. Шиман. Убиение Павла I и восшествие на престол Николая I. Берлин, 1902, стр. 121—122.)

14. Рассказ Евгения Виртембергского о планах Марии Федоровны захватить власть в редакции, напечатанной Ф. Шиманом, передан подробнее:

«Немногие говорили со мною доверчиво, но под строгою тайной; им казалось, что они угадывают план императрицы-матери захватить управление государством. При одной этой мысли меня охватил сильнейший ужас, и я воскликнул:

— Это — невозможно!

— А если бы это случилось, — ответил на мои слова один из собеседников, — что бы вы стали делать?

— Итти против своей собственной благодетельницы, как этого требует долг! — был мой немедленный ответ. — По моему убеждению, было бы несчастьем, если бы теперь Константин стал у власти, но всякая интрига против того, кто имеет на то неоспоримое право, есть и остается преступлением и никогда и ни в коем случае не может быть одобрена мною.

— Однако, бывают обстоятельства, — продолжал он, — которые то, что кажется неправым, могут сделать правым и справедливым. Если бы великий князь Константин продолжал настаивать на своем отречении, а оба молодых князя отреклись бы временно в пользу матери, разве не было бы в порядке вещей ее вступление на престол? Русские любят правление женщин.

То, что мне сообщили, как предположение и в порядке строгой тайны, при той настороженности, какую императрица проявляла в отношениях со мною, показалось мне правдоподобным. Вскоре мой дядя, герцог Александр Виртембергский, передал мне это как вполне достоверную, по его мнению, вещь. Я был весьма поражен, и на следующее утро, когда меня посетила императрица, я попробовал открыть ее замыслы, задав ей вопрос:

— Не следует ли опасаться, что моя тетушка может погубить себя?

— Как так? — возразила императрица.

— Я думаю так, — сказал я, — только потому, что вы держите передо мною завесу, благодаря которой я ничего на свете не разбираю.

— Мы еще далеки от конца, мой друг, — сказала ласково императрица; — ты скоро все узнаешь. (Ф. Шиман. Назв. соч., стр. 123—124.)

15. В тексте воспоминаний, напечатанном Ф. Шиманом, по окончании рассказа о событиях в Петербурге, дан еще отрывок с подзаголовком «Несколько замечаний о заговоре во 2-й армии». Приводим его:

«Юшневский, глава заговорщиков, находился в главной квартире 2-й армии, в Тульчине. У него часто бывали собрания, где он с большим искусством развивал идеи о лучшем образе правления, которые нравились слушателям. Особенно поддерживали его Пестель и Аврамов. На одном из этих собраний все согласились с Юшневским, что ради счастья родины безусловно необходимо изменение образа правления; но оно может иметь место только вместе с падением трона, изгнанием или искоренением царствующей фамилии. Пестель решительно высказался за умерщвление всей правящей фамилии, и, после долгого выяснения причин, почему это необходимо, это было принято и решено. Князь Барятинский вызвался лишить жизни государя. В случае удачи Пестель должен был провозгласить себя диктатором или первым консулом, а Юшневский должен был стать первым министром. Между тем эти заговорщики установили связь с северными и ревностно продолжали обмениваться планами и идеями. На одном собрании полковник Артамон Муравьев вызвался в самом скором времени лишить императора жизни. Немедленно после этого он выехал в Таганрог и явился к графу Дибичу,

заявляя, что он приехал попросить у государя 10 тыс. руб., которые ему крайне необходимы.[1])

Дибич ответил на это, что император болен, лежит в постели и не может никого принять, но что он передаст просьбу. В тот же день император исполнил просьбу Муравьева, и граф Дибич уплатил ему деньги. Муравьев однако настаивал на том, чтобы ему лично поблагодарить государя за оказанную милость, но получил ответ: — «Состояние здоровья императора со вчерашнего дня значительно ухудшилось, и у врачей больше нет надежды». Муравьев поехал обратно в Бердичев, где он стоял гарнизоном, и распространил известие о смерти (императора) на 48 часов раньше, чем она действительно свершилась.

В то самое время, когда Муравьев был в Таганроге, произошло следующее. Майборода, капитан Вятского полка, которым командовал Пестель, был вовлечен Пестелем в заговор. По одному служебному делу у него произошло столкновение с Пестелем, и он решил предать все дело. Пестель мог предположить это и тщательно наблюдал за ним. Но когда однажды Пестель выехал из Махновки в Тульчин, капитан воспользовался его отсутствием, поехал ночью в Житомир к генералу Роту и передал ему письмо к императору, сказав, что только быстрая и надежная доставка письма может спасти государство и государя от большой опасности. Генерал Рот тотчас же отослал письмо, а капитан незаметно вернулся к себе на квартиру.

Граф Дибич получил это письмо вскоре после отъезда Муравьева, и тотчас же — другое письмо из С.-Петербурга от Аракчеева, который пересылал ему подобный же донос одного уланского юнкера, Шервуда, из Вознесенска. Названное письмо капитана говорило только о заговоре и не заключало никакого обозначения имен заговорщиков. Император был уже безнадежен; с часу на час ждали его кончины. Граф Дибич поступил весьма умно и решительно. По поручению императора он написал графу Витгенштейну и Чернышеву и потребовал от первого немедленного ареста капитана и, по его указаниям, прочих заговорщиков: капитана же он приказал немедленно отправить в Петербург. Или упомянутый капитан не посмел назвать имен многих, так как большею частью то были лица близкие графу Витгенштейну и его любимцы, или же придали мало веры его доносу, но, коротко сказать, больше никто не был арестован, и только князь Барятинский под предлогом службы был отправлен в Тирасполь, где был задержан и должен был оставаться под бдительным надзором.

Между тем император Александр умер, и был получен приказ принести присягу на верность Константину, как императору. За это время капитан прибыл в Петербург, и, по его указаниям, все названные в его списке лица были привезены в Петербург. Юшневский до конца отрицал свое участие, и граф Витгенштейн поэтому обратился к императору с просьбою за него, но получил в ответ собственноручное признание Юшневского со всеми подробностями». (Ф. Шиман, назв. соч., стр. 145 — 147.)

16. Мотивы, побудившие Николая поставить Константина Павловича во главе подавления восстания на юге, видны из резолюции его на следующей записке Дибича. Дибич писал: — «Я полагаю, что сего числа в Комитете непременно должно объявить о полученном из Киева известии, на что испрашиваю высочайшего соизволения вашего императорского величества. — Генваря 6-го дня 1826-го года».

Николай отвечал: «Да; и прибавить, что я щитаю нужным объявить в приказе, что я К о н с т а н т и н у П а в л о в и ч у поручил все распоряжения по укрощению начала сего возмущения. — Этим каждый увидит, что, хотя бунтовщики действуют его именем, я е м у с а м о м у предоставляю все меры против сих злодеев». («Арх. Окт. Револ.», «Особ. Отд.», фонд XXI, № 468. Бумаги Дибича. Л. 103. Ср. «Рус. Старина» 1882 г., № 7, стр. 205.)

17. Речь идет об ответах Рылеева на вопросы, предложенные ему Комитетом 24 апреля 1826 г. (См. «Дело Рылеева» «Архив Октябр. Революции», «Особый Отдел», «Госуд. Архив», I, В. № 334, лл. 22 — 59-об. — Напечатано в издании Центрархива «Восстание декабристов. Материалы», т. I, стр. 167 и сл.) Следует отметить, что Николай неточно передает показание Рылеева: Рылеев определенно говорил, что он отказался от приходившей ему в голову мысли об истреблении в с е й царской семьи, что такого плана у него не было; равным образом он не предлагал «отдавать город во власть народа и войска»; Якубович «говорил, что надо разбить кабаки и позволить солдатам и черни грабеж»; но его предложение единодушно было отвергнуто всеми, в том числе и Рылеевым. (См. «Восстание Декабристов», т. I, стр. 188.)

---

[1]) Муравьев был адъютантом Барклая, и его сестра, по смерти их матери, жила в доме Барклая, откуда и вышла замуж за графа Канкрина. Дибич был в то время у Барклая начальником штаба; поэтому он покровительствовал всем, кто окружал Барклая. Этим объясняется то, что Муравьев направился к Дибичу под указанным предлогом. (Примечание автора записок.)

18. Речь идет, видимо, о письме Каховского ген.-ад. Левашову от 11 мая 1826 г. (См. «Архив Октябрьской Революции», «Особый Отдел», «Госуд. Архив», I, В. № 337 «Дело Каховского», л. 54а.) На письме этом имеется помета Дибича: «Н у ж н о, прошу вас приказать списать копию и перевесть на французский». В деле № 281 того же фонда, в числе других копий («списков») имеется и перевод письма Каховского от 11 мая на французский язык. Из отношения дежурного генерала, открывающего это дело, и из пометы на нем явствует, что «все бумаги», содержащиеся в деле, «были представлены от Комитета Николаю и ныне возвращаются». Можно предположить, что имеющаяся в деле французская копия письма Каховского изготовлялась для чтения во дворце и для посылки Марии Федоровне. На подлинном письме Каховского имеется стертая карандашом надпись Николая: «Voilà que...; rendez-moi cette lettre demain; il faut lui permettre d'écrire à ses parents». [1]) В конце письма Каховский, как милости, просил разрешения писать своим родным.

19. Говоря о письмах, «написанных в состоянии умопомешательства», Николай, вероятно, имел в виду прошение Екатерины Ивановны Бибиковой, урожденной Муравьевой-Апостол, переданное ему Дибичем как раз 12 июля 1826 г. Екатерина Ивановна просила о свидании с осужденным на смерть братом Сергеем Ивановичем. Прошение это хранится в бумагах Дибича. («Архив Октябрьской Революции», «Особый Отдел», «Госуд. Архив» I, В, № 468, л. 129.) Здесь же имеется ряд записочек Николая и начальника его штаба, занятых в эти дни детальной разработкой обряда казни декабристов. Даже и в записках, которыми они обменялись по поводу просьбы Бибиковой, они к с т а т и разрешили один вопрос, пришедший на ум Дибичу: как быть, если кто-либо из казнимых вздумает дать пред лицом смерти какие-нибудь новые показания относительно заговора. Николай указал: пусть Чернышев примет показание, а казнь не приостанавливать. (См. эти записочки, равно и прошение Бибиковой «Красный Архив», 1926 г., № 17.)

---

[1]) Вот,..; дайте мне завтра это письмо; ему надо разрешить писать родным.

УКАЗАТЕЛЬ [1]).

Аврамов, Пав. Вас., полк., команд. Казанского полка, декабрист 237.

Адлерберг, Влад. Фед., полк. л.-гв. Московского полка, адъютант Николая Павловича 4, 23, 25, 38, 65—68, 70—73, 75, 76, 78, 96, 113, 236.

Алединский, Александр Павлов., ген.-м., гофмейстер Михаила Павловича 12, 73, 74.

Александр Николаевич, в. кн. 10, 11, 15, 21, 28, 32, 36, 43, 55, 57, 64, 65, 67, 73, 75, 92, 93, 96, 167, 234.

Александр Павлович, имп. 11—16, 18—21, 29, 33, 37—41, 50—53, 55, 59, 64—71, 74—78, 81—83, 87, 88, 92, 94, 97—99, 101, 103—107, 111, 120, 121, 127—130, 133 — 139, 141, 143 — 145, 147, 149, 150—154, 156, 163, 164, 166—168, 171, 177, 178, 185, 189, 192, 193, 208, 218, 223, 233, 238.

Александра Николаевна, в. кн. 66, 67, 113.

Александра Федоровна, имп. 3, 13 — 15, 20—22, 25, 41, 43, 48, 64—93, 95, 96, 98, 100, 101, 107, 112, 113, 116, 117, 125, 129, 130, 144, 162, 197, 203, 210—213, 217, 233.

Альбедиль, бар., Петр Роман., гофмаршал, управл. гоф-интендантской конторой 66, 67, 69.

Альбрехт, Александр Ив., ген.-лейт. польской службы 182.

Андржейкович (Бутов-Андржейкович), Мих. Фад., волынский гражд. губернатор 180.

Анна Павлавна, в. кн. 12, 66, 69, 101, 192.

Апраксин, гр., Степ. Федор., полк., командир Кавалергардского полка, фл.-адъютант 22.

Аракчеев, гр., Алексей Андреев. 71, 75, 77, 82, 116, 131, 143, 166, 171, 238.

Арбузов, Алексей Фед., полк., командир Павловского полка 65.

Арсеньев, Никол. Ив., полковн., фл.-адъютант 12.

Багреев — см. **Фролов-Багреев.**

Бакунин, Илья Модест., подпоруч. 1 пеш. батареи 27, 47, 117, 234, 235.

Балашов, Александр Дм., ген.-адъютант, член Гос. Совета 205.

Балугьянский, Мих. Андр., член Комиссии составления законов 72.

Баранов, Дм. Осип., сенатор 169, 205

Баранова, Юл. Федор., наставница дочерей Николая Павловича 65, 66.

Бариков, Фед. Васил., корнет Конной гвардии 92.

Барклай-де-Толли, кн., Мих. Богд., фельдмаршал 238.

Барятинский, кн., Александр Петр., шт.-ротм., адъютант главнокомандующего 1 армией 237, 238.

Башуцкий, Пав. Яковл., ген.-лейт., комендант Петербурга 23, 44, 45, 69—75, 77, 78, 112, 116, 130.

Бедряга, офицер 41.

Безродный, Вас. Кирил., сенатор 65.

Белокуров, фельдъегерь 155.

Белосельская-Белозерская, кн., Анна Григорьевна 29.

Белоусов, фельдъегерь 18, 20, 183.

Беляев, фельдъегерь 173.

Бенкендорф, Александр Христоф., ген.-адъют., дивизион. начальник 1 кирасирской дивизии 4, 24, 28, 42, 61, 68, 70—79, 81, 91, 101, 113, 114, 117, 166, 205, 234.

Бестужев, Александр Александр., шт.-кап. л.-гв. Драгунского полка, адъют. принца Александра Виртембергского, декабрист 32, 61, 120, 145, 146.

Бестужев, Мих. Александр., шт.-капит. л.-гв. Московского полка, декабрист 29, 120, 175.

Бестужев-Рюмин, Мих. Павл., подпоруч. Полтавского полка, декабрист 93, 102, 181, 184, 189, 207, 212, 228.

Бибиков, Илар. Мих., полк., фл.-адъютант, директор канцелярии начальника Главного штаба е. и. в. 24, 65.

Бибикова, Екат. Ив., сестра С. И. Муравьева-Апостола 239.

Бистром, Карл Ив., ген.-лейт., командир 4 бригады, 2-й пехотн. гвард. дивизии

[1]) Титулы, чины и должности современников декабрьских событий указаны применительно к 1825 году.

16, 31, 58, 71, 72, 74, 75, 77—79, 100, 116, 120, 121, 236.
Блинков, фельдъегерь 185.
Блок, Александр Ив., управляющий придворной конторой Николая Павловича 70, 73, 75, 77, 78.
Блудов, гр., Дм. Ник., д. ст. сов., прикоманд. к министерству ин. дел, составитель донесения Следственн. комиссии о тайных обществах 65.
Блюменталь, поруч., фельдъегерь 182, 186, 187.
Бобринская, гр., Соф. Александр., (урожд. **Самойлова**) 78.
Болгарский, Вас. Ив., сенатор 205.
Бороздин, Ник. Мих., ген.-адъютант 205.
Брун, Ник. Давыд., бухгалтер придворной конторы Николая Павловича 64, 66, 67.
Булатов, Александр Мих., полковн., командир 12 егерского полка, декабрист 120, 121.
Булгаков, Конст. Яковл., петербургский почт-директор 97.
Булгари, гр., Як. Ник., д. ст. сов., декабрист 236.
Буссе, придв. доктор 66.
Бутов, Влад. Дм., адъютант Николая Павловича 65.
Бутурлин, Мих. Павл., полковн., фл.-адъютант Александра I 64.

Вадковский, Фед. Фед., прапорщ. нежинского Конно-егерского полка, декабрист 19, 101, 168, 236.
Васильева, Ек. Александр., научн. сотрудница Центрархива 5.
Васильчиков, Илар. Вас., ген.-адъютант 15, 27, 28, 41, 47, 70, 74, 109, 115, 118, 119.
Вегелин, Александр Ив., поруч. Литовского пионерного батальона, декабрист 197.
Велио, бар., Осип Осип., ротмистр Конной гвардии 27, 115.
Вельяминов, Никол. Степ., ген.-м., нач. штаба Литовского отдельн. корпуса 172, 177, 180, 184.
Веригин, отст. офицер 41.
Вешняков, Ив. Петр., полков. л.-гв. Гренадерского полка, адъют. в. кн. Михаила Павловича 53, 57.
Вилламов, Гр. Ив., секретарь имп. Марии Федоровны 37, 64, 67, 71, 72, 78, 97, 129.
Вильгельм, принц прусский 171, 176.
Вильгельм III Оранский 14, 69, 82, 101, 102, 192.
Виллие, Як. Вас., баронет, лейб-медик 66, 97—99, 106.
Виллие, Як. Вас., 2-й, надв. сов., доктор в. кн. Елены Павловны 54.
Виртембергский, герц., Александр, 43, 61, 70—72, 75, 77, 79, 120, 237.
Виртембергский, принц, Александр Александрович, корнет Кавалергардского полка 72.
Виртембергский, принц, Евген. Александр. 72.
Виртембергский, принц, Евгений 64—73, 77, 79, 89, 95, 96, 101, 104—121, 223, 234, 236, 237.
Витгенштейн, гр., Петр Хр., ген.-от-кав., главнокомандующий 2 армией 19, 145, 169, 170, 174, 238.
Вишневский, Фед. Гавр., лейтен. Гвард. экипажа, декабрист 180.
Влодек, генерал польской службы 183.
Воинов, Ал. Львов., ген.-от-кав., командир гвардейского корпуса 20—22, 24, 58, 67, 69—77, 79, 81, 98, 117, 129, 130.
Волконская, кн., Алекс. Петр., дочь Петра Мих. Волконского 67, 204, 226.
Волконская, кн., Соф. Григ., жена Петра Мих. Волконского 67, 71, 72.
Волконский, кн., Петр Мих., ген.-адъютант 4, 67, 71—74, 79, 97, 100, 126, 127, 137, 142, 153, 156, 166, 171.
Волконский, кн., Серг. Григ., ген.-м., декабрист 19, 33, 34, 102, 166, 168, 175, 204, 207, 226—228.
Воробьев, камердинер Александра I 132.
Воронцов, гр., Мих. Семен., новорос. ген.-губернатор 235.
Воропанов, Ник. Фадд., ген.-м., командир Финляндского полка 77, 112.

Гартонг, Пав. Вас., полковн., командир л.-гв. Егерского полка 65.
Гауке, Маврикий Фед., воен. министр Царства Польского 177.
Гейсмар, бар., Фед. Клемент., ген.-майор 120.
Гелльдорф, ген.-м., адъют. пр. Евгения Виртембергского, издатель его мемуаров 104.
Геруа, Алекс. Клавд., полк., командир л.-гв. Саперного батальона, адъютант в. кн. Николая Павловича 66, 75, 79.
Гинц, начальник канцелярии в. кн. Константина Павловича 52.
Гогель, Фед. Григ., ген.-лейт., начальник 25 пех. дивизии 174, 179, 180, 182, 185.
Голенищев-Кутузов, Пав. Вас., ген.-адъютант 22, 23, 39, 69, 75, 93, 130, 145, 166, 194, 199.
Голицын, кн., Александр Ник., главноуправляющий почтовым департаментом 4, 5, 19, 38, 39, 69, 70, 72—79, 82, 85, 87, 95, 100, 101, 166, 213, 223—229.
Голицын, кн., Ал. Ф., состоял при начальнике канцелярии Константина Павловича 52.
Голицын, кн., Андр. Мих., флиг.-адъютант Генер. штаба 23, 29, 45, 46.
Голицын, кн., Дм. Влад., ген. от кав., московский военный ген.-губернатор 34, 131, 132.
Голицын, кн., Валер. Мих., кам.-юнкер, декабрист 173.
Головин, Евг. Александр., ген.-ад., командир 4 бригады 2 гвард. пех. дивизии 70—72, 77, 115.

Головкин, Георг. Александр., гр., сенатор 205.
Граббе-Горский, Осип-Юл. Викент., отст. ст. сов., декабрист 46, 47, 119, 145.
Грабовский, Степ. Фом., министр ст.-секретарь Царства Польского 70, 75, 78, 86, 173.
Греч, Павел Иван., поруч. Финляндск. полка, позднее ген.-м., комендант С.-Петербурга 44.
Григорьев, унт.-оф. Волынского полка 182—184.
Гридякин, фельдъегерь 167.
Гримм, камерд. имп. Марии Федоровны 38, 68.
Гурьев, гр., Алекс. Дм., председ. департамента экономии Гос. Совета 65.

Давыдов, Александр Львов., отст. генерал 100.
Давыдов, Вас. Львов., отст. полковн., декабрист 100, 236.
Давыдова (урожд. Грамон), жена А. Л. Давыдова 100.
Делингсгаузен, бар., Ив. Федор., полковн., адъютант в. кн. Николая Павловича 65, 66, 70, 71, 75, 77, 113.
Демидов, Ник. Иван., ген.-адъютант 89, 96.
Дернберг, ганноверский посланник 42.
Джаноттн, Ник. Павл., полковн., преподаватель инжен. наук 12.
Дибич, бар., Ив. Ив., начальник Главн. штаба 19, 37, 41, 66, 67, 68, 79, 88, 91, 93, 95, 96, 109, 127, 129, 137, 145, 166, 170, 171, 173, 179, 180, 185, 199, 213, 223, 235, 237—239.
Дивов, Ник. Адриан., шталмейстер в. кн. Михаила Павловича 72—74, 226, 228.
Дивова, Алекс. Гаврил., фрейлина 226, 227.
Долгорукий, кн., поруч. Кирасирского полка 112.
Долгоруков, кн., адъютант в. кн. Михаила Павловича 54, 163.
Долгоруков, кн., Вас. Вас., шталмейстер 25, 76.
Дорофеев, матрос 60.
Дурасов 66.
Дурново, Ник. Дмитр., полковн., флиг.-адъютант 23.
Дьяков, Петр Ник., ген.-м., состоящий при в. кн. Константине Павловиче 185.

Евтушенко, фельдъегерь 170, 173, 195.
Екатерина II, Алексеевна, императрица 14, 51.
Екатерина Павловна, в. княгиня 97, 104.
Елена Павловна, в. княгиня 55, 61, 66, 67, 69—79, 85, 90, 101, 159, 160, 163, 202, 210, 211, 213.
Елизавета Алексеевна, императрица 12, 13, 14, 38, 68, 71—74, 76, 84, 98, 101, 107, 130, 142, 153, 193, 197, 203.
Елизавета Михайловна, в. княгиня 202, 210, 211.

Есаков, Сем. Сем., капитан конно-артил. легк. батареи № 3, 182.

Жандр, Александр Андреев., ген.-м., состоящий при в. кн. Константине Павловиче 172, 182.
Жерве 78.
Жуковский, Вас. Андр., поэт 66.

Завитаев, фельдъегерь 217.
Зайончек, кн., Иос., наместник Царства Польского 70.
Закревский, гр., Арсен. Андреев., ген.-лейт., финляндск. ген.-губернатор, командир финляндского отдельн. корпуса 132.
Засс, бар., Корнил. Корнил., полк., командир л.-гв. Конно-пионерного батальона 47, 113.
Зауервейд, Александр Ив., художник, составитель издания «Рисунки обмундирования русск. войск» 77.

Ивелич, гр., Конст. Марк., поруч. Саперного батальона, адъютант в. кн. Николая Павловича 65, 67, 68, 70—72, 77—79.
Игельстром, Конст. Густав., поруч. Литовского пионерного батальона, декабрист 197.
Игнатьев, Пав. Никол., капит. Преображенского полка 24, 59, 115.
Ильин, Вас. Ив., пом. правителя канцелярии ген.-фельдцейхмейстера 55.
Искрицкий, Дем. Александр., поруч. гвард. Ген. штаба, декабрист 88.
Исленьев, Ник. Александр., полк., командир Преображенского полка 23, 24, 44.

Кавелин, Ал. Ал., полковн., адъютант в. кн. Николая Павловича 23, 63, 67, 69, 71, 73—78, 113, 191, 192.
Карамзин, Ник. Мих., историк 42, 70—72, 74, 77—79, 81, 82, 87, 96.
Каховский, Петр Григ., отст. поручик, декабрист 33, 73, 101, 102, 120, 201, 202, 207, 210, 212, 224, 228, 236, 239.
Керн, рижский комендант 54.
Кирила 75.
Киселев, Пав. Дм., ген.-адъют., начальн. штаба 2 армии 170, 174.
Клейнмихель, гр., Петр Андр., ген.-м., флиг.-адъютант 10, 13, 131.
Княжевич, ген.-м. польской службы, член польск. тайн. о-ва 177, 178, 181, 185, 187—189.
Кобеко, Дм. Фом., историк 140.
Козен 185.
Козлов, капит. Черниговского полка 181, 182.
Комаров, Никол., подполк., декабрист 170, 171.
Комаровский, гр., Евгр. Федот., ген.-адъютант 170.
Коновницын, гр., Ив. Петр., прапорщ. Конной артиллерии 57.

Коновницын, гр., Петр. Петр., ген.-адъютант 13.
Константин Павлович, в. князь 4, 5, 9, 10, 12—14, 17, 18, 20—22, 24—26, 29, 37—40, 43, 46, 49—57, 60, 69—79, 81, 82, 84—91, 97, 105, 106, 108—110, 112, 115—119, 125—136, 140—145, 147—159, 161—199, 201, 202, 206, 214—220, 223, 233, 236—238.
Корнилович, Александр Осип., шт.-капитан гвард. Ген. штаба, декабрист 176.
Корф, гр., Мод. Андр., статс-секретарь 3, 10, 36, 37, 41—45, 47, 49, 58, 60, 61, 125—127, 140, 141, 160, 164, 233, 235.
Косцюшко, Фадд. 189.
Кочетова, Екат. Ник., фрейлина 65.
Краснокутский, Сем. Григ., об.-прокурор Сената, декабрист 169.
Крейтон, лейб-медик 66—72, 74, 75, 76, 78, 79.
Кривцов, Александр Иван., дежурн. генерал гл. штаба в. кн. Константина Павловича 76.
Криницкий, Пав. Вас., придворный духовник 38.
Кристи, Анна Алекс., англич. при дочерях Николая Павловича 65—67, 71.
Кронн, придв. доктор 182.
Крыжановский, подполк. л.-гв. польск. конно-егерского полка, чл. «Патриотич. союза» 184, 185.
Кузен, философ 178.
Куракин, кн., Алексей Борис., сенат., председатель департ. экономии Гос. Совета 70.
Куроптев, матрос 60.
Курута, Дм. Дмитр., ген.-лейт., гофмейстер в. кн. Константина Павловича 162, 174, 199.
Кушников 201.
Кюхельбекер, Вильг. Карл., колл. ассес., декабрист 26, 60, 121, 170, 182, 183, 186, 212.

Лаваль, гр., Ив. Степ., камергер 146.
Лавров, Ник. Федор., историк 234.
Лавров, сенатор 205.
Лазарев, Алексей Петр., шт.-кап. Измайловского полка, адъютант в. кн. Николая Павловича 56, 66, 67, 69, 73, 76, 81, 82, 113, 131, 141, 142, 152, 159, 163.
Ламберт, гр., Карл Осип., ген.-от-инф., сенатор 205.
Ламсдорф, гр., Матв. Иван., ген.-от-инф., воспитатель в. кн. Николая Павловича 11, 12.
Ланской, Вас. Серг., мин-р вн. дел 75, 77.
Лебцельтерн, гр., Людвиг, австр. посол 29, 119.
Лебцельтерн, Зинаида Ив. (ур. **Лаваль**), жена австр. посла 29.
Левашов, Вас. Вас., ген.-адъютант 25, 26, 32, 33, 35, 59, 112, 113, 115, 118, 119, 166, 205, 238.
Лейтон, Як. Ив., лейб-медик 73.
Ливен, гр., Карл Андр., куратор Дерптского уч. округа 69, 70, 72—74, 78, 201.
Ливен, гр., Пав. Христ., камер-юнкер 70.
Ливен, гр., Шарл. Карл., статс-дама 65—79, 88, 97.
Литта, гр., Юл. Помп., об.-гофмейстер 40.
Лобанов-Ростовский, кн., Дм. Ив., мин-р юстиции 24—26, 46, 69, 95, 207, 228.
Лович, княгиня, Иоан. Ант. 52, 53, 127, 144, 150, 153, 156, 157, 176, 204.
Лондырь, рейткнехт Конной гвардии 24.
Лопухин, кн., Пав. Петр., ген.-м., декабрист 168.
Лопухин, кн., Петр Вас., председатель Госуд. Совета 18, 20, 21, 40, 65, 76, 82, 86, 87, 98, 129, 138, 139, 151, 156, 159, 160, 207, 228, 233.
Луиза, в. герцог. Саксен-Веймарская 69.
Лукасинский, Валерьян, майор 4 пех. полка, член польского тайного о-ва 177, 215.
Лунин, Мих. Серг., подполк. Гродненского гус. полка, декабрист 168, 172, 173, 176, 193, 194.
Лунина, Авд. Мих., фрейлина 74.

Магницкий, Мих. Леонт., попечитель Казанского уч. округа 72.
Майборода, Арк. Иван., капитан Вятск. полка 19, 20, 238.
Малафеев, капит. Литовского пионерного батальона 172.
Мантейфель, гр., Григ. Андр., шт.-ротм., адъютант Милорадовича 20.
Мария Николаевна, в. княгиня 13, 66, 75, 113.
Мария Михайловна, в. княгиня 211.
Мария Павловна, герцогиня Саксен-Веймарская 4, 12, 50, 51, 69, 101, 135, 149, 164.
Мария Федоровна, императрица 3, 4, 5, 14, 15, 17, 18, 20—22, 25, 37—41, 43, 50, 51, 54—57, 61, 64—79, 81—89, 91, 94—104, 106—113, 116, 118, 121, 125, 127—131, 134, 136, 137, 139, 141—143, 148—160, 163, 193, 197, 198, 200—211, 213, 216, 223—229, 233, 235—239.
Мартынов, Пав. Петр., ген.-м., бриг. командир 3 бригады 2 гвард. дивизии 26, 65—67, 70—72, 76—78.
Матвей, лакей Марии Федоровны 99.
Мельжинский, член польского тайного о-ва 191.
Менелас, Адам. Ад., архитектор 65, 66.
Меттерних, кн., австр. канцлер 169.
Мещерский, кн., Петр Ив., шт.-кап., адъютант воен. мин-ра Татищева 69.
Мещерский, кн., Серг. Ив., капит. л.-гв. Гренадерского полка 25, 31, 170.
Микулин, Вас. Як., полк., бат. командир Преображенского полка 23, 44, 46.
Милорадович, гр., Мих. Андр., петерб. воен. губернатор 4, 15—17, 19—21, 23, 37—40, 44—46, 54, 67—77, 79, 82, 85—92, 95, 97—100, 107, 108, 110—113, 119, 120, 129—132, 145, 146, 167, 175, 198, 201, 210, 216, 223.
Михаил Павлович, в. князь 3, 4, 10—12, 14, 17, 18, 20—22, 24—28, 31, 36, 37,

41, 43, 47, 49—62, 68—70, 72—76, 78, 79, 81—83, 85—88, 90, 95, 96, 100, 101, 110, 111, 113, 114, 120, 137, 141, 142, 146, 150—153, 158—163, 166, 169, 180, 184, 193, 196, 202, 203, 208, 210—213, 218, 234, 236.
Моллер, фон, Александр Федор., полковн. Финляндского полка 30.
Молоствов, Влад. Порфир., полковн., позже попечитель Казанского уч. округа 105, 106, 111, 112.
Мольтке, бар., Пав. Адольф., секретарь посольства в Турине 65.
Моравский, польский писатель 178.
Мордвинов, гр., Ник. Сем., адмирал, член Госуд. Совета 21, 28, 30, 168, 169, 173, 174.
Моренгейм, бар., Пав. Осип., камергер 182, 218, 219.
Мошинский, гр., Петр. Игнат., волынск. губ. маршал 177, 183, 187, 192.
Музовский, Ник. Вас., протоиерей, духовник в. кн. Николая Павловича 71.
Муравьев, Александр Ник., отст. полк., декабрист 212, 227.
Муравьев, Арт. Зах., полк., командир Ахтырского гус. полка, декабрист 33, 237, 238.
Муравьев, Никита Мих., капит. гвард. Ген. штаба, декабрист 20, 33, 78, 79, 100, 227, 229.
Муравьева, Алекс. Григор., жена Н. М. Муравьева 227, 229.
Муравьева, Екат. Федор., мать Н. М. Муравьева 227, 229.
Муравьев-Апостол, Ив. Матв., сенатор 169.
Муравьев-Апостол, Матв. Иван., отст. подполк., декабрист 33, 34.
Муравьев-Апостол, Серг. Ив., подполк. Черниговского полка, декабрист 33, 34, 93, 102, 120, 168, 173, 175, 179, 184, 189, 207, 212, 228, 239.
Муханов, Серг. Ил., об.-шталмейстер 75.

Назимов, Мих. Александр., шт.-кап. конно-пионерн. эскадрона, декабрист 30.
Наполеон I, император 13, 89.
Нарышкин, Кирилл Александр., управл. придв. конторой 72.
Насакин, Як. Густав., подпор. Финляндского полка 170.
Нейдгардт, Александр Ив., ген.-м., начальник штаба гвард. корпуса 22, 65, 70, 72, 74, 75, 118, 130.
Нелидова, Екат. Ив., камер-фрейлина 101.
Нессельроде, гр., Карл Вас., мин-р иностр. дел 29, 70, 74—77, 79, 97, 144, 188.
Никитин, колл. сов., чиновник Сената 163.
Николаев, Степ. Степ., полковн. л.-гв. Казачьего полка 19.
Николай Павлович, император 3—5, 9—21, 24—50, 53—59, 61—79, 81—93, 95—103, 106—115, 117—121, 125—147, 151—153, 156—229, 233—239.
Николай Михайлович, в. князь 200.
Новицкий 205.
Новосильцев, адъютант московск. воен. губернатора Голицына 132.
Новосильцев, Ник. Петр., секретарь имп. Марии Федоровны 64, 65, 99, 100.
Новосильцов, Ник. Ник., сенат., попечит. Виленского уч. округа, член Главн. сов. училищ 52, 53, 198, 199.

Оболенский, кн., Евг. Петр., поруч. л.-гв. Финляндского полка, декабрист 16, 17, 24, 26, 31, 32, 100, 120, 146, 175, 207, 227, 236.
Обресков, Александр Мих., советник посольства в Вене 65.
Обручев, Александр Афан., подполк., командир Литовского пион. батальона 172.
д'Оврэ, генерал Литовского корпуса 172.
Одоевский, кн., Александр Ив., корнет л.-гв. Конного полка, декабрист 21, 88.
Ожаровский, гр., Ад. Петр., ген.-адъютант 75, 82, 86.
Оксман, Юл. Григ., историк 235.
Оленин, Алексей Ник., ст.-секретарь 40, 70, 71, 138.
Опочинин, Фед. Петр., адъютант в. кн. Константина Павловича 54, 69, 70, 72, 73, 81, 87, 125, 160, 172, 180, 185, 196, 197, 201, 206.
Орлов, Алексей Фед., ген.-адъют., командир Конной гвардии 21, 24, 28, 70, 72, 75, 78, 88, 91, 113, 115, 202.
Орлов, Мих. Фед., ген.-майор, декабрист 33—35, 101, 168, 169, 180, 181, 196.
Остен-Сакен, гр., Фаб. Вильг., ген.-от-инф., главнокомандующий 1 армией 56, 76, 145, 175, 179, 181.
Остерман, гр. 116.

Павел, апост., 86.
Павел Петрович, императ. 4, 51, 68, 77, 82, 104, 128, 129, 150, 233, 237.
Павел Константинович, в. князь 176, 199.
Павлов, Евгр. Федор., поруч., адъютант Черниговского полка 182.
Пален, гр., Петр Алексеев., петерб. воен. губернатор 121.
Панов, Ник. Алексеев., поруч. л.-гв. Гренадерского полка, декабрист 25, 120, 234.
Паскевич, Ив. Фед., ген.-адъютант 53, 54.
Перовский, Вас. Алексеев., полк. Измайл. полка, адъютант Николая Павловича 23, 57, 68—74, 76—79, 82, 160.
Пестель, Пав. Ив., полк., командир Вятского полка, декабрист 20, 33, 93, 100—112, 168, 169, 174, 182, 183, 189, 196, 206, 207, 212, 228, 237, 238.
Плессель, доктор в имении Давыдова «Линцы» 177, 182.
Поджио, Александр Виктор., отст. подполковник, декабрист 100, 101, 236.
Потапов, Алексей Ник., ген.-м., дежурн. генерал штаба е. и. в. 39, 66, 71—76, 78, 79, 97, 98, 129, 130.
Прасковья Семеновна, горничная императрицы 99.

Прибытков, Ник. Александр., шт.-капит. Финляндского полка 22.
Прокофьев, унт.-офицер Московского полка 167.

Радухин 186, 187.
Раевский, Ник. Ник., ген.-от-кавалерии 34.
Ратковский 177.
Ребиндер, Роберт Ив., мин-р секретарь в. княж. Финляндского 70, 74, 75.
Репинский, К. Г. 43, 46.
Розен, бар., Андр. Евген., поруч. л.-гв. Финляндского полка, декабрист 59.
Ростовцев, Як. Ив., подпоруч. л.-гв. Егерского полка 20, 79, 100, 236.
Рот, Лог. Осип., ген.-лейт., командир 3 пех. корпуса 20, 179, 181, 200, 238.
Рылеев, Кондр. Фед., отст. подпоручик, декабрист 17, 30, 93, 101, 102, 120, 145, 146, 201, 207, 212, 224, 227, 228, 238.
Рюль, Ив. Фед., лейб-медик 38, 66—73, 75—77, 83, 97, 129, 130.

Сабинский, член польского тайн. о-ва 192.
Сабуров, Андр. Ив., шт.-ротм., адъютант воен. мин-ра 56, 78, 83, 162.
Саврасов, Ив. Федор., ст. сов., позже — сенатор 12.
Сазонов, Ник. Гавр., ген.-м., начальник инжен. гвард. корпуса 64, 65, 67, 71, 72, 74, 77, 78.
Салтыков, Серг. Ник., член Госуд. Совета, шталмейстер 77.
Самарин, Фед. Вас., шталмейстер 116.
Сангушко, Евст., князь 182.
Свистунов, Петр Ник., корнет Кавалергардского полка, декабрист 20.
Седжер, Карл Ив., библиотекарь Николая и Михаила Павловичей 65, 66, 71, 77.
Семаков, Ив. Федор., печник 235.
Серафим, митроп. петербургский 20, 26, 89—91.
Сиверс, гр., Егор Карл., инж., ген.-лейт., начальник Гл. Инженерного училища 96.
Скотт, Вальтер, писатель 116.
Сперанский, Мих. Мих., член Госуд. Совета 20, 30, 43, 77—79, 82, 87, 126.
Стойкович, Живко-Миленко, поруч. л.-гв. Егерского полка 31.
Стоффреген, Кондр. Кондр., лейб-медик 72.
Стрекалов, Степ. Степ., ген.-м., состоящий при в. кн. Николае Павловиче 22, 23, 41, 67—69, 71, 74, 75, 78, 132.
Строганова, гр., Соф. Влад. 72.
Стюрлер, Ник. Карл., полк., командир л.-гв. Гренадерского полка 25, 116, 120, 145, 146, 201.
Сукин, Ал. Як., ген.-ад., комендант Петропавловской крепости 33, 76.
Сумароков, Пав. Ив., сенатор 30.
Сутгоф, Ник. Март., лейб-медик 159.
Сухачев, Вас. Ив., мещанин 235.
Сухозанет, Ив. Андр., ген.-м., начальник артиллерии гвард. корпуса 22, 27, 48, 57, 117, 234.

Тарновский, Март. Ив., отст. полк. польской службы 185, 187, 188, 192.
Татищев, Александр Ив., ген.-от-инф., воен. мин-р 71, 72, 76, 78, 130, 236.
Тизенгаузен, бар., Вас. Карл., полковн., командир Полтавского полка, декабрист 175.
Титов, Ник. Александр., полковн. Преображенского полка 24.
Толстой, гр., 65.
Толь, Карл. Фед., ген.-адъют., начальник штаба 1 армии 29, 30, 32, 47, 56, 76, 78, 83, 117, 118, 160, 161, 163.
Трубецкая, кн., Ек. Ив., жена С. П. Трубецкого 29, 229.
Трубецкой, кн., Вас. Серг., ген.-адъютант 39, 89, 96, 109, 111, 112, 115.
Трубецкой, кн., Серг. Петр., полк., декабрист 23, 29, 30, 46, 62, 119, 144, 169, 207, 227.
Трухин, Серг. Степ., майор Черниговского полка 182.
Тулубьев, Александр Никит., полковн. Финляндского полка 44.
Тургенев, Ник. Ив., секретарь Госуд. Совета, декабрист 169, 181.

Уманский, отст. генерал, член польск. тайн. об-ва 199.
Ушаков, Алексей Павл., шт.-кап., адъютант Михаила Павловича 11, 12, 73, 89, 202, 211.
Ушакова, Варв. Павл., фрейл. имп. Александры Федоровны 65, 92.

Федоров, матрос 60.
Фенш, Гр. Андреев., ген.-лейт., сенатор, состоящий при в. кн. Константине Павловиче 183.
Фердинанд, эрцгерцог австрийский 186—188, 191.
Филарет, митрополит 213.
Философов, Алекс. Илар., ген.-адъютант 234, 235.
Фонвизин, Мих. Александр., отст. ген.-майор, декабрист 180.
Франц I, имп. австрийский 186.
Фредерикс, бар., Ал. Ал., полковн. Измайловского полка 19, 41, 79, 87, 88, 96.
Фредерикс, бар., Петр. Андр., ген.-м., командир Московского полка 22, 31, 58, 66, 89, 112, 119, 145.
Фредерикс, бар., Цецил. Владисл. 66, 70, 71, 77, 78.
Фридрих-Август, король саксонский 102.
Фридрих-Вильгельм III, король прусский 69, 171, 186, 191, 233.
Фридрих, принц прусский 233.
Фролов-Багреев, Алекс. Алексеев., член совета мин-ва финансов 65.
Фролов-Багреев, Виктор Алексеев., полковник, адъютант гр. Воронцова 65.

Ханыков, Вас. Вас., посланник в Дрездене 183.
Хвощинский, Пав. Кесар., полковн. Московского полка 27.
Хилков, кн., Дм. Алекс., секретарь имп. Марии Федоровны 64, 66.
Хилкова, Праск. Александр., фрейлина 66.
Хлопицкий 185.
Хованский, кн., Ник. Ник., ген.-губернатор смоленский, витебский и могилевский 89.
Ходкевич, гр., Александр, отст. ген.-майор польской службы 182, 185, 188.

Цезарь, Гай Юлий 119.
Чевкин, Александр Владим., адъютант смоленского губернатора Хованского 88.
Чернышев, гр., Александр Ив., ген.-адъютант, член Следств. комиссии 19, 102, 145, 169, 201, 205, 206, 208, 238, 239.
Чернышев, Зах. Григ., ротмистр Кавалергардского полка, декабрист 20, 168.
Чичерин, Петр Александр., ген.-майор, командир 1 бриг. легк. гвард. кавал. дивизии 64, 67, 147, 211.
Чулков, Н. П., историк 64.

Шарлотта, принц. прусская 12.
Шаховской, кн. 64.
Шеншин, Вас. Никан., ген.-ад., командир 1 бриг. 1 гвард. пех. дивизии 22, 31, 58, 87, 112, 119, 145.
Шервуд-Верный, Ив. Вас., унт.-офицер 3 Украинского уланского полка 19, 170, 238.
Шереметев, ген. 101.
Шильдер, Ник. Карл. историк 3, 10, 65, 126, 140—142, 158.
Шиман, Т., историк 104, 236—238.
Шипов, Серг. Павл., полк., командир Семеновского полка 26, 65.
Шишков, Александр Семен., адмирал, мин-р нар. просвещения 39.
Шторх, Александр Андреев., поруч. лейб-Гренадерского полка, декабрист 119.
Шульгин, Александр Сергеев., ген.-м., петерб. об.-полицмейстер 68, 108, 170.

Щеголев, Пав. Елис., историк 10.
Щепин-Ростовский, кн., Дмитр. Александр., шт.-капит. Московского полка, декабрист 27, 28, 58, 89, 118, 175, 207, 227.
Щербатов, кн., Алексей Григ., ген. адъют., командир 4 пех. корпуса 175, 181.
Щербинин, Александр Андреев., д. ст. сов., позднее гофмаршал 64.

Эйнзидель, гр., саксонский мин-р 178.
Эйхен, Фед. Яковл., ген.-м., управляющий Ораниенб. дворц. правлением 64.
Эйхен, Як. Як., ген.-м., управляющий Петергофск. дворц. правлением 64.
Эльмпт, гр., Анна Ив., гофмейстерина в. кн. Елены Павловны 67, 71, 72.

Юшневский, Алексей Петр., ген.-интенд. 2 армии, декабрист 237, 238.

Яблоновский, кн. Ант. Станисл., камергер 177, 183, 186—188, 193.
Якубович, Александр Ив., капит. Нижегородского драгунск. полка, декабрист 17, 24, 30, 96, 113, 120, 180, 181, 238.
Якушкин, Ив. Дмит., отст. капитан, декабрист 41, 181.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

Предисловие 3

I. Записки и дневники.

Записки Николая I о вступлении на престол 9
Заметки Николая I на полях рукописи М. А. Корфа 36
Воспоминания Михаила Павловича о событиях 14 декабря 1825 г. . . . 49
Из дневников Николая Павловича 63
Из дневников Александры Федоровны 80
Из дневников Марии Федоровны 94
Из воспоминаний принца Евгения Виртемберского 104

II. Письма.

Из официальной переписки членов царской семьи 125
Из переписки Николая I и Константина Павловича (26/xi — 16/xii 1825) 140
Из переписки Константина Павловича и Марии Федоровны 148
Из переписки Николая I и Михаила Павловича (27/xi — 14/xii 1825) . . 158
Письмо Николая I к сестре Марии Павловне 167
Из переписки Николая I и Константина Павловича (17/xii 1825 — 21/vii 1826) 165
Из писем Николая I к Марии Федоровне 200
Из переписки Николая I и Михаила Павловича (9/v — 16/vii 1826 г.) . . 210
Из переписки Николая I и Константина Павловича (1/ix 1826 — 26/i 1827) 214

Приложение.

Из переписки Марии Федоровны с А. Н. Голицыным 223

Примечания 233

Указатель 240

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
Инв №